ЦЕЛОСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ АЛЕКСАНДРА ПИНТА

Александр Пинт

КАК ОТКРЫТЬ СЕРДЦЕ

www.pint.ru

Аннотация

Семинар «Тюмень – Темень – Тьма – Мать – Матка – Матрица» (2006 год) – это семинар–отчет основателя Школы Целостной психологии Александра Александровича Пинта о завершении многолетнего исследования принципов взаимодействия людей друг с другом, основанных на разделенном восприятии. Материал этой книги, в основу которой вошли диалоги ведущего семинара с участниками, это полноценный учебник по устройству восприятия человеком самого себя и технологиям само-исследования.

Как часто мы задумываемся, почему видим только то, что мы видим и почему именно так? Наше видение связано с настройкой нашего восприятия. То, как настроено наше восприятие, определяет нашу жизнь со всеми ее переживаниями, горестями, радостями, со всем тем, что здесь называется судьбой. На чём же она основана?

Рассматривая эту тему, автор предлагает подробное рассмотрение механизма, являющегося основой нашего восприятия. Этот механизм называется *дуальность*. То есть всё, что происходит здесь, дуально. При этом одна часть двойственного восприятия находится на сознании, а другая – в подсознании. Человек воспринимает самого себя половинчато и фрагментарно, как он воспринимает и то, что находится вокруг него.

Разделяющее восприятие человека не позволяет видеть в себе свои недостатки и достоинства одновременно, скрывая половину себя в подсознании. Как же можно познакомиться с самим собой, с той позицией своего восприятия, которая спрятана в тени подсознания?

Автор книги предлагает посмотреть на внешнее окружение как на зеркала, отражающие наше подсознательное восприятие. Казалось бы, рецепт прост. Но, несмотря на простоту, видеть и изучать себя в зеркалах крайне трудно. Материал книги подробно раскрывает, почему это так. Читатель на примерах диалогов может увидеть, что для личности нет ничего более пугающего, чем увидеть себя в целостности.

Что такое Целостность? Почему в разделенном восприятии мы не видим себя целостно? Как следствие, мы не видим мир целостным, поэтому находимся постоянно в состоянии боли, раздражения, обиды, вины, осуждения и, в конечном счете, в состоянии страха.

Читатель откроет для себя новое восприятие человека как «аккумулятора», вырабатывающего энергию для решения проблем, которые он сам и создает. Как была внедрена в нас привычка бороться? И кто побеждает в этой борьбе?

Книга также познакомит с детальным разбором личностных программ участников, раскрывая парадоксы восприятия: «делая зло, совершаешь добро», «хочешь сделать другому хорошо – становись плохим» и предложит рассмотреть жалость как величайшую иллюзию, подкрепляющую представление о том, что мир может поступать с тобой несправедливо.

Автор книги последовательными этапами на примерах диалогов с участниками показывает все шаги работы с подсознательным восприятием, внимательно разбирая все проявления сопротивления структуры человека непривычному восприятию. Опираясь на опыт участников семинара, автор предлагает читателю пройти этот путь вместе, где ясное видение двух противоположных сторон откроет дверь в мир создания внутренней гармонии.

Автором предлагаются четкие критерии для оценки успешности работы по познанию своих теневых сторон. Это – наши отношения с людьми. Человек по сути и есть эти отношения, поэтому об изменении восприятия можно судить по изменениям этих взаимоотношений.

Автор не только даёт полное описание парадоксального устройства личности человека, но и делится как теоретическим материалом - инструкциями и ключами к проведению исследования, так и примерами их практического применения через актуальные и яркие рассмотрения типовых механизмов, заложенных в личностные программы многих из нас.

Эта книга – уникальный подарок самому себе. Это – навигатор, который поможет в дороге к себе Целостному, где туман разделенного восприятия сменяется на ясное видение, а раздражение, боль, обиды и страх преображаются в благодарность к получаемому Опыту.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. Принципы целостности 6

Опыт разделенного восприятия..... 6
Вина и осуждение — две полярности страха 8
Механизм под названием «Человек»..... 10
Принцип холистичности, то есть целостности..... 12
Из чего исходит проявление любой части личности? 17
Парадоксальное устройство человека — основа понимания самого себя. 19
На что указывает раздражение 22
Как найти, не зная, кто ищет и кого ищет? 24
Принцип гармонизации дуальных сторон..... 27
Почему происходит фиксация восприятия на следствии? 29
Состояние «быть» и состояние «иметь» 34
Осознание — основной элемент нового качества игры 38
Что есть путь к вспоминанию себя?..... 41
С чего начинается исследование самого себя?..... 43
К чему подводит видение собственного спектакля?..... 47
Технология выведения внутреннего конфликта на сознание..... 53
Роль демпфера как глушителя напряжения в системе
«мать — отец — ребенок»..... 65
Для чего необходимо напряжение? 71

Глава 2. Шаги к открытию сердца 74

Когда исчезает страх?..... 74
Зацикленность: причины возникновения..... 83
Переход от интереса ребенка к долгу взрослого 88
Расстаться с иллюзиями, чтобы видеть 92
Дуальность как клетка, в которой мечется человек..... 96
Как открыть сердце..... 102
Взгляд на жалость 106

Глава 3. Дисгармония как основная проблема человечества 120

На что указывает раздражение? 120
При любом выборе мы всегда получаем то, что нужно 128
Состояние дисгармонии: что оно дает?..... 135
Шаг к Новой реальности 138
Движение на двух ногах..... 144
Уравновешивание противоположных частей..... 151
От работы со следствием к работе с причиной..... 154

Глава 4. Эго — есть способ фиксации взгляда для получения опыта 160

Что за собой влечет переход на противоположную точку зрения 160
Смерть как часть жизни, о которой не хочется знать 165
Следствием чего являются болезни физического тела? 168
Суть предательства, заключенного в человеке 176
Запрет как один из способов возбуждения 179
Ясное видение как средство создания внутренней гармонии 182
Как проявляется интерес Души к определенному опыту? 185
Путь ума и путь сердца 195
Проявить запретное, чтобы увидеть 203

Глава 5. Осознание конфликта противоположных сторон 213

Ревность как часть игры, создающая возбуждение 213
Обозначение конфликта двух частей 218
Раскрытие игры «Посади на вину — получи то, что хочешь» 222
Что является основой воспитания в данной реальности? 233
Как создается возможность выхода из программы? 246
Хождение по кругу презрения и страдания 253

Глава 6. Интерес к познанию программы есть интерес к познанию себя 257

Программа есть отсутствие выбора, выбор — в видении программы 257
Механизм поддержания стабильности образа 269
Как повторяются события детства во взрослой жизни 272
В чем суть работы консультанта? 279
К чему ведет смена точки зрения? 284
Как познать другую часть себя 287
Какие образы живут внутри человека? 290
Сложность принятия противоположности в самом себе или то, что мы видим в другом, есть в нас 296
Кайф спящего 307
Какой интерес живет в дуальной части? 313
Как происходит усвоение программой интересов матери 325

Глава 1. Принципы целостности

Опыт разделенного восприятия

— У нас этот семинар своеобразный. Во-первых, он первый в этом году. Во-вторых, этот год был очень непростой. Тем не менее, в чем была его специфика? В конце прошлого года мои исследования были закончены по факту. Об этом факте было сообщено Истоками. Это было в Алма-Ате. Там есть одна женщина, Айгуль, она имеет контактную связь с Истоками. Причем это Истоки нечеловеческой цивилизации, это Истоки всего Сущего. Они сообщили мне, что я вышел из матрицы. Хотя в тот момент я этого не осознавал. Но я сделал нечто, в результате чего это произошло. Причем сказать, что это сделал Пинт, нельзя. Потому что Пинт это делал и не понимал, что это связано с выходом из матрицы. Но ими это было сообщено. Потом ими было сообщено еще многое другое. На тот момент я не очень понимал, о чём они говорили. Но сейчас я понимаю очень многое из того, что они говорили. В частности, они говорили так: «Всё перевернется. Ты свободен. Что будет теперь, решаешь ты». Когда я спросил: «А что?» — они ответили: «Ты ждешь от нас ответа? Ответа не будет. Ты решаешь сам». Такие у них были слова.

И вот этот год, собственно, и был этим процессом переворачивания. В чём это выражалось? Вся работа по самоисследованию велась мной по методу зеркал. Это основной принцип, реализуемый в этой матрице, в этой реальности или в этом мире. Он заключается в следующем. «Спящий» человек находится в определенной настройке восприятия. Эта настройка восприятия, как я ее называю, есть разделенное восприятие. По сути наша жизнь, наш опыт здесь, в этой реальности, заключается в опыте разделенного восприятия. Вот это основные вещи. Это самое основное. Опыт, который мы получаем здесь, воплотившись в определенном теле, потом получив определенную личность, что это такое? Это опыт разделенного восприятия.

На самом деле самое основное, с чем стоит работать, на что стоит обращать внимание, о чём стоит думать, чувствовать, осознавать — это восприятие. Вот почему я сразу концентрирую ваше внимание на восприятии. Вы, наверное, не раз слышали такие вещи. Когда говорят о том, что на самом деле этот мир бесконечен и огромен, что есть масса всяких миров, то человек обычно спрашивает: «А где эти миры?» Он смотрит на солнце, на небо и думает: «Может быть, они там?» Нет, они здесь, в параллельном измерении. Мир — это голограмма, и в определенной точке содержится всё. Вот поэтому они не где-то, просто наше физическое восприятие связано с восприятием какого-то места и времени. А на самом деле нет ни места,

ни времени. Всё происходит одновременно. Тогда почему мы видим только то, что мы видим? И как мы видим то, что мы видим? Это связано с восприятием, с настройкой нашего восприятия.

То есть если мы изменяем настройку нашего восприятия, то мы начинаем видеть очень много другого, чего раньше мы не видели. И для этого нам не надо ехать куда-то, не надо лететь на ракете, ехать на машине, куда-то перемещаться. Для этого нужно поменять настройку восприятия. Поэтому основной момент, связанный с тем, что мы здесь называем жизнью со всеми ее переживаниями, горестями и радостями, с тем, что мы называем своей судьбой, которая состоялась или не состоялась, со всеми удачами и неудачами — это есть результат настройки нашего восприятия.

Какую же настройку восприятия мы получаем здесь? Эта настройка восприятия является разделяющей. В чём это конкретно выражается? Это выражается в определенном механизме. Он дуален. То есть всё, что происходит здесь, дуально. И дуально по той причине, что наше восприятие дуально. Что это значит? Это значит, что одна часть двойственности, парадокса нами сознается, а другая часть дуальности не сознается. То есть одна часть нас находится на сознании, а другая — в подсознании. Но и та, и другая находится внутри нас.

Когда мы смотрим на ситуацию и говорим, что нас обидели, оскорбили или мы добились победы или мы потерпели поражение, то это говорит лишь о том, что мы не видим ситуацию целостно. Мы видим только половину ситуации. Если мы считаем, что мы победили, то не видим поражения. Если мы считаем, что мы проиграли, то не видим выигрыша. Смотрите, это важная особенность человека, находящегося в состоянии «сна» или в состоянии разделенного восприятия. То есть человек, находясь в таком состоянии, не видит целостно. Почему он не видит то, что происходит, целостно? Потому что он не воспринимает самого себя целостно. Человек воспринимает самого себя также половинчато и фрагментарно, как он воспринимает и то, что вокруг него. Вот это основы, которые необходимы для того, чтобы нам начинать разбираться в собственной жизни в связи с тем, что мы подразумеваем под этим.

Так что же такое Целостность? И почему то, что проходит через меня, называется холистической психологией? Что такое ХОЛО? Холо — это целое. Психология — это наука о Душе. Сейчас существует много разных направлений психологии. Если мы возьмем суть самого названия, то это «наука о Душе». И есть добавление — целостная наука о Душе. Так вот что же это такое целостное и почему в разделенном восприятии мы не видим себя целостно? А как следствие не видим мир целостным и поэтому находимся постоянно в состоянии боли, раздражения, обиды, вины, осуждения и, в конечном счете, в состоянии страха.

Вина и осуждение — две полярности страха

То есть обида и осуждение — это есть страх, как я это называю. Это две полярности страха. Или мы осуждаем кого-то, или мы испытываем вину. Эти состояния на самом деле происходят в каждом человеке одновременно. Но он их не осознаёт одновременно. Более того, он не очень-то осознаёт, что он обижается, он не очень-то осознаёт, что он осуждает. Он вообще практически ничего не осознаёт. Вот совершенно замечательное состояние человеческого существа.

Посмотрите, я это сейчас говорю не в плане осуждения. Я говорю о том, что оно есть так, как оно есть. Но когда говорится о том, что оно есть так, как оно есть, восприятие того, что говорится, будет преломляться у вас через осуждение или вину. Вы можете начать осуждать меня за какие-то вещи, причем каждый по-разному. Либо вы начнете испытывать вину по поводу того, что я говорю, а вы, например, не понимаете. Вот осознаёте ли вы, что сейчас происходит у вас? Как преломляется то, о чём я говорю, в вашем восприятии? Потому что на самом деле то, что я говорю, является половиной. Другая половина — у вас. Я что-то говорю, но каждый человек будет воспринимать это по-своему. Вот что самое интересное.

Если я, например, считаю, что говорю четко, ясно и понятно, как это мне кажется, то такое же четкое, ясное понимание должно быть и у вас. Но это не так. Потому что всё преломляется через ваше восприятие. А так как восприятие людей половинчато и очень сильно искажено, то предполагать, что именно то, о чём я говорю, будет понятно, было бы большим заблуждением. Но я этого заблуждения не имею. Поэтому я спрашиваю: «А как у вас преломляется это? Осознаёте ли вы, как воспринимаете то, о чём я говорю или нет?» В обычном процессе восприятия жизни практически не происходит никакого осознания того, как я воспринимаю то, что слышу, вижу, чувствую и так далее. Я просто участвую в этом, но не осознаю этого. Вот основной парадокс жизни здесь, и вот основная сложность передачи неких знаний людям, у которых настроено восприятие разделяющее. Можете ли вы сейчас рассказать, как происходит процесс восприятия того, что я говорю? Причем он будет различным у разных людей. Пожалуйста, кто хотел бы поделиться этим?

— Я соглашаюсь или не соглашаюсь с какими-то вещами. Что-то переживал, думал по этому поводу или чувствовал.

— И говорю, что это так.

— Да, я прямо говорю, что это так. Мне прямо хочется кивать головой.

— А с какими-то моментами я не соглашаюсь.

— *Да, с какими-то моментами не соглашаюсь, потому что это или новое для меня или слишком много слов или я не успеваю. Я в напряжении, и тогда я сомневаюсь. Я не говорю «нет», я пожимаю плечами, но внутренне.*

— Смотрите, это четко показывает на дуальность восприятия человека. То есть либо он говорит «да», либо он говорит «нет». Вот допустим, вы стоите у реки и видите, что река течет. И вы говорите какой-то части реки: «Да, ты река. Ты течешь». А какой-то части реки говорите: «Ты не река, и ты не течешь». И что будет тогда с этой рекой, если один метр ее течет, а другой ее метр — камень? Это река или что-то совершенно иное? Вот представьте себе реку, которой вы говорите таким образом: «Да, я соглашаюсь, что вот здесь ты течешь. Но вот здесь ты — камень». Будет ли тогда всё это вместе рекой? Не будет. Точно также происходит и с тем, что я передаю вам. Передается это не из этого мира, а из мира Целостности. Но очень трудно передавать из мира Целостности в мир фрагментарный. И мой пример с рекой показывает, что в этом случае практически ничего не происходит. Потому что вы не видите реку, вы ее разделяете на части и тогда это уже не река. Это особенность нашего процесса и основная сложность передачи.

— *Должна быть какая-то сложность передачи. И все такие понимающие сидят.*

— Не надо сильно радоваться или расстраиваться, что все такие понимающие. Все понимающие, но понимающие только то, что понимают. Вот что на данный момент вы понимаете?

— *То, что ты сказал.*

— Ой, ли? Ведь я показал совсем иное. Но ум вам говорит: «Да, я это понял». Что именно понял, непонятно, но понял. Главное, что всё хорошо, всё нормально. У нас всё замечательно, я всё понимаю. Я разрезал реку на части, создал из реки непонятно чего. Да, я понимаю. И это правильно, любой человек понимает. Только вопрос: «А что он понимает?»

— *Две части: течет и не течет. Причем совершенно всё интересно. Я вся такая целостная, сижу, слушаю, всё понимаю. Потом замечаю, что выключилась и не помню, о чём там говорили. В общем, просто вырубает. А потом опять вся такая целостная.*

— Вот еще одна интересная особенность человека. У него происходит провал в памяти. Он вообще не помнит себя. Он даже не помнит, что было в момент рождения здесь. У него есть куски жизни, которые он вообще не помнит. Или помнит совсем не так, как это происходило. Если он кивает головой, то это совершенно не значит, что он слышит то, о чём ты говоришь. Он галлюцинирует на

какие-то свои ассоциации. И он с ними или соглашается, или не соглашается. Это мир иллюзий, мир галлюцинаций. Ум порождает галлюцинации и живет ими. Фактически каждый человек в этом мире является механизмом, который вырабатывает определенного рода галлюцинации, принимает их за реальное и переживает то, что он переживает в связи с этим. Это сон.

Механизм под названием «Человек»

— *Как понять, что играешь с умом или наоборот, что ты осознаёшь?*

— Кто это ты, который играется умом и кто это ты, который осознаёт?

— *По-моему, ум играется. Я чувствую, что сижу и играюсь с умом.*

— Хорошо, ум твой. Но тогда кто ты, у которого есть ум? И почему ты позволяешь ему играться тобой? Если есть ты и есть ум, то кто это ты, который позволяет, по твоим словам, играться с собой или не позволяет играться с собой.

— *Значит, кроме ума есть что-то еще. Получается, что я разделяю себя.*

— Помимо ума есть еще что-то. По крайне мере есть тело и есть переживания, то есть эмоциональный центр. Еще есть интеллектуальный центр. Но смотрите, как хитро устроен механизм человека. У него есть ум, порождающий галлюцинации, принимаемые умом за реальность. Вот когда вы засыпаете, то нечто, переживаемое во сне, очень же реально. Вы можете бояться, нападать или бежать и так далее. Ведь это всё реально, не так ли?

— *Чувства тоже включаются.*

— Конечно, включаются. Это точно также реально. Например, когда вы вдруг видите какого-то человека и пугаетесь его, а потом оказывается, что это не тот человек, которого вы испугались. И масса подобных случаев разного рода. Кто-то хотел вас поцеловать, а вы перепугались так, что с вами случился удар. И разве это не каждый день, не каждый час, не каждую минуту происходят такие вещи, когда один что-то делает, а другой реагирует непонятным ему образом? Как вообще люди могут взаимодействовать в таком интересном состоянии индивидуального галлюцинирования?

Смотрите, на самом деле это — сумасшедший дом. Но в официально признанном сумасшедшем доме находятся далеко не все люди. Их мало. А остальные находятся в так называемой цивилизации, в которой, как они утверждают, эволюционируют, ссылаясь на научно-технический прогресс и тому

подобное. Но велика ли разница между сумасшедшим в сумасшедшем доме и сумасшедшим не в сумасшедшем доме? Давайте посмотрим, как общаются сумасшедшие и общаются ли они вообще. Например, какой-то там «Наполеон» начинает собирать армию, потому что ему сегодня нужно устроить битву. Он может привлекать санитаров, еще кого-то. Но ему совершенно всё равно, как они реагируют. Он живет в замкнутом мире и его не удивляет, что кто-то и что-то говорит. Он интерпретирует это по-своему. У него настолько замкнутый мир, что он не имеет никакой связи с другими людьми. И установить эту связь очень непросто. Это задача психиатра.

Теперь давайте посмотрим на так называемых «нормальных» людей. Как они общаются? Почему имея столь различные миры, люди делают что-то вместе и даже достаточно успешно? Почему так? И почему тогда человек становится сумасшедшим и теряет эту способность? И что это такое, в результате чего люди взаимодействуют?

— *Есть индивидуальные и общественные взгляды. Например, общество, семья. То есть какие-то общие понятия, которые объединяют людей.*

— Есть определенные соглашения. И несмотря на то, что мир каждого человека различен, люди каким-то образом могут взаимодействовать. А взаимодействуют они за счет того, что принимают некие соглашения. То есть они считают, что принимают некие соглашения. Они считают, что разделяют одну и ту же точку зрения относительно чего-то. Например, относительно Иисуса-спасителя люди объединяются в определенное религиозное сообщество.

На какие соглашения вы идете при взаимодействии с другими людьми? То есть вы согласны воспринимать что-то так, как это воспринимают все остальные люди, с которыми вы общаетесь. Если они воспринимают иначе, вы не можете с ними общаться. А разве язык не является соглашением? А законы — это разве не соглашение? И законы же меняются, заметьте. Сам факт этого соглашения дает возможность взаимодействовать. Но это совсем не значит принимать других. А на самом деле, это не значит понимать себя.

Вот посмотрите, как устроены приборы. Например, автомобиль. Это совокупность частей, которые функционируют во взаимодействии друг с другом определенным образом. Причем они созданы именно для этого взаимодействия, даже задумываться им для этого не надо. Не является ли человек такой же системой, работающим в большом аппарате и выполняющим определенные функции? Именно выполнение этих функций, то есть соглашений, является для него основным способом взаимодействия с другими.

Так вот у «спящего», если он с этим согласен, не возникает вопросов по поводу того, кто он, что и зачем ему делать. Он уже ориентирован на выполнение определенных задач. И всё вокруг подстегивает его на это, и он так и крутится. Я называю это выживанием. Но каких-то людей это не устраивает по какой-то причине. Именно эти люди здесь собрались. Но что именно вас не устраивает? Это вопрос. И что именно вы предполагаете в результате нашего взаимодействия? Это тоже вопрос.

Так вот смотрите, жизнь в состоянии разделяющего восприятия имеет место быть. И все мы в ней находимся. И в ней есть какие-то вопросы, какие-то ответы, есть какие-то проблемы, какие-то способы их решения. Есть какие-то воодушевления, потом охлаждения. Всё это есть, и всё это называется — жизнь. Но почему-то вас притянуло что-то иное. Ведь то, о чём я говорю, это иное. Оно не отрицает этого, но оно идет значительно дальше. Оно говорит о том, что есть так, как оно есть. Но имеете ли вы намерение видеть так, как оно есть? Это вопрос, и это очень важно.

Принцип холистичности, то есть целостности

— Сам принцип холистичности и принцип того, что предлагается, можно описать очень просто следующим образом. Всем известно, что у человека есть недостатки и есть продолжение — достоинства. А достоинства есть продолжение недостатков. Вот как вы к этому относитесь? Или вы видите как-то иначе? Вот назовите любое свое достоинство, пожалуйста.

— *Настойчивость.*

— Настойчивость. Вы относите к качеству своих достоинств настойчивость. А есть ли у вас *не настойчивость?* Как это еще можно назвать?

— *Нерешительность.*

— Смотрите, мы вторгаемся в сферу галлюцинаций ума, которые выражаются понятиями. И если мы начинаем конкретно и подробно рассматривать, что такое понятие, то мы видим, что это некие пузыри. Что на самом деле два человека, произносящие одно и то же слово или понятие, вкладывают разные смыслы. Таким образом, язык является очень приблизительной системой обозначения. Я не говорю о техническом языке, который более или менее конкретен. И люди техники понимают, что они имеют в виду, когда они говорят. Но если мы берем психологию и качества человека, то мы начинаем видеть некие

указатели. Давайте разбираться в том, как работают эти указатели. Что это такое? Ведь опираясь именно на них, мы оцениваем самих себя. И важность этого крайне большая для личности. Так вот, настойчивость. Это качество вашей личности, качество вас. Есть ли какое-то другое продолжение этого качества?

— *Продолжение в эту сторону или противоположную?*

— Продолжение в эту сторону — это еще б**о**льшая настойчивость. И это можно продолжать до бесконечности. Это похоже на градусник, у которого есть температура плюсовая, есть минусовая. Плюс пять и минус пять. Вот у вас есть, например, плюс пять настойчивости. Вы можете определить свою настойчивость на плюс двадцать. Можете сказать даже плюс сорок, всё равно это будет плюс. А вот теперь из минуса о том же самом.

— *Страшно там.*

— Страшно?

— *Да.*

— Страшно. Смотрите, совершенно верная реакция. Нам страшно видеть себя в целостности. Вот почему просветленные так редко появляются в этом мире. Потому что если это было бы легко, то это был бы уже инкубатор. Просветление шло бы по областям, по странам. Но нет, не так всё происходит. Почему? Потому что, оказывается, нам страшно уразуметь, что наши достоинства имеют недостатки, которые являются тоже нашими.

При разделенном восприятии то, что мы не хотим видеть в самом себе, мы начинаем проецировать на экраны, которыми являются люди. И это близкие люди, это экран, на который мы устойчиво проецируем нечто, что не принимаем в себе. Видите, как интересно! Я начал говорить о системе зеркал, потом сделал такой круг. И мы подошли сейчас к этому. Здесь невозможно говорить что-то в лоб, здесь всё время идет вот так. Хорошо. Значит, вам страшно признать, как вы говорите, что есть нечто противоположное вашему достоинству. Кто еще может назвать свое достоинство?

— *У меня получается немного по-другому. Каждому моему достоинству и не достоинству есть такая же вторая часть. В этой реальности я обязательно их проявляю: только что я была такая, теперь я вот такая. Я не считаю, что плохо то или это.*

— Так, пошла галлюцинация. Посмотрите, как непросто разговаривать. Смотрите, как непроста моя работа, потому что каждый хочет проговаривать свою галлюцинацию. Обратите внимание, я не предложил тему для сочинения, а задал очень конкретный вопрос. Я спросил: «Какие у вас есть достоинства?» А вы мне начали излагать сочинение на вольную тему. Какие у вас есть достоинства или

какие у вас есть недостатки? Человек может фиксироваться сознательно на достоинствах или на недостатках. Он может быть хорошим мальчиком или девочкой или плохим мальчиком или девочкой. Если он плохой, то он будет говорить о своих недостатках с таким же воодушевлением, как хороший говорит о своих достоинствах. Но им будет трудно видеть свои оборотные стороны. Так о чём мы говорили с воодушевлением?

— *Так того или другого?*

— Извините, того или другого чего?

— *О достоинствах или недостатках?*

— Так почему бы не назвать хотя бы одно? Посмотрите, еще одна особенность «спящего». Это целый путь, а мы только начинаем. То есть можно говорить много всякого, но конкретно ничего. Я конкретно спрашиваю: «Ты какая?» Получаю в ответ: «У меня и того много, и сего много». Это чего «того» и чего «сего»?

— *Я понимаю, что если есть у меня какие-то конкретные достоинства, то есть и противоположные.*

— Так обрадуйте нас своим примером.

— *В принципе, получаются уже не достоинства.*

— Не философским разговором нас надо радовать, а радуйте конкретным названием качества.

— *Хорошо. Пусть будет, пусть будет…*

— Пусть будет отныне и во веки веков! Или пусть не будет отныне и во веки веков. Посмотрите, как непросто подойти за две минуты…

— *Я оказываюсь с другой стороны дурой, если я скажу, что я дура…*

— А почему не сказать так: достоинство мое — ум, а противоположное моему уму — глупость. Почему это так трудно? Ведь в конечном итоге не ты это говоришь, а почему-то я это говорю. Но здесь нет осуждения, я никого не пытаюсь прижучить. Я пытаюсь вам передать то, целостное. Как видите, это очень непросто. Поэтому я предлагаю нам всем вместе проводить исследование. Я показываю, как мы можем начать это исследование. Значит, и тебе и всем кто здесь, нужна исследовательская часть, которая будет рассматривать личность отстраненно. Потому что сама личность о себе, как мы видим, рассказывать не может и не хочет. Она не помнит, боится и так далее. Так получается?

— *Вспомнила. Трусость.*

— Вот. Замечательно! А почему так трудно было вспомнить?

— *Ну, наверное, это самый яркий пример.*

— Почему так трудно было вспомнить и назвать? И что ты испытываешь, когда ты это произносишь прилюдно?

— *Что-то личностное, наверное. Поэтому и трудно.*

— Потому что не надо нам трогать интимные вещи. Правильно? Так это или не так? Посмотрите, вот основные трудности, связанные с этим. Сама идея проста как веник. Но реализация идеи неимоверна сложна. И эта неимоверная сложность заключается в том, что личность идентифицирует себя только по одной стороне, но ни в коем случае не хочет произносить нечто о второй стороне самой себя. Так или не так? Я сейчас обращаюсь к вашим исследователям, то есть к вашим Высшим Аспектам. Как хотите, так и называйте. При этом я совершенно не отрицаю личность. Я ее люблю и в том проявлении, и в ином проявлении. Потому что личность — это опыт, это есть возможность получения опыта. Я ее очень уважаю. И свою личность уважаю, и вашу личность уважаю.

— *Я могу сказать, почему тяжело вообще сказать что-либо. Потому что принять это и сказать это — разные вещи. Я могу сказать и то, и другое, а принять трудно.*

— А какую именно сторону тебе трудно принять?

— *Трусость.*

— Смотрите, вот основная сложность в исследовании себя. Личность не хочет показывать то, что она считает плохим, зазорным, за что ее могут перестать уважать в конечном счете, уважать или любить.

— *Получается, что сам в себе он признаёт, осознаёт, но ему страшно озвучить это в обществе. Страшно, что изменится мнение окружающих.*

— Вот основной и самый сложный момент. Вот почему исследование является сложным процессом не в смысле сложности понимания того, о чём идет речь, а в смысле сложности признания того в себе, признания себя целым. А целым ты можешь быть, только соединяя в самом себе и плюс и минус.

Представьте себе аккумулятор, который очень стесняется своего минуса. Уж так он стесняется, что никому его не показывает. Он минус глубоко прячет и только плюс выпячивает. Так может ли этот аккумулятор вообще что-либо полезного сделать? Ведь аккумулятор может сделать что-то только при замыкании двух клемм. Если он одну скрывает, то он не даст ток, не зажжет лампочку.

А что делают люди? Вот что такое «гордыня», с которой всё время все пытаются бороться? Но только я не знаю ни одного, кто поборол бы свою гордыню. И борьба только укрепляется. Гордыня — это превознесение одной своей

части и низвержение другой, противоположной своей же части. Но только это проделывается людьми очень интересным образом. Они восхваляют нечто в себе, а унижают нечто в другом. Так или не так? Если мы боимся признаться в трусости, то мы будем унижать это качество в людях, с которыми имеем дело, при этом не понимая, что унижая это качество в других людях, мы унижаем его в самом себе. Вот в чём хитрость сна. Мы производим постоянную, ежесекундную борьбу с самим собой до бесконечности, до смерти, а говорим о каких-то победах, о каких-то поражениях. Но может ли быть победа в борьбе с самим собой? Может это быть или нет?

— *Ну, если избавляешься от какой-то дурной привычки.*

— Вы избавляетесь от дурной привычки. Таким образом, вы одерживаете победу над самим собой. Смотрите, это четко говорит о том, что рекомендуют психологи и всякие разные адепты. «Надо бороться с самим с собой. У нас есть хорошие привычки, а есть плохие, например, алкоголь. Надо избавляться от этого, избавляться от курения. Надо бегать, обливаться холодной водой, поститься. Надо бороться с тем, что нам мешает это делать». Так ведь рассматривается, это самый привычный взгляд. Именно этот взгляд гарантирует большую аудиторию. Но я выхожу с совершенно иным. Давайте разберемся. Итак, вы говорите, что избавление от плохой привычки является победой над самим собой.

— *Да, это я себе так описал.*

— Тогда я задам вопрос. А почему эта плохая привычка у вас имеет место быть? Кто создал эту привычку? На что направлены действия, которые мы назвали этой привычкой? Понимаете ли вы сам механизм того, с чем вы боретесь? Все борются с чем-то в самом себе. Пожалуйста, Ира, вот с чем ты борешься?

— *Я борюсь с нищетой.*

— Замечательно! Ира борется с нищетой. Все борются. Днем и ночью, с утра до вечера, падая в изнеможении, опять вставая и продолжая. Так, пожалуйста.

— *Я тоже самое хотел сказать.*

— *Я борюсь с ленью.*

— *Я с застенчивостью, так же с нищетой борюсь.*

— Борюсь по всем фронтам!

— *Достоинства, которых я придерживаюсь, это ответственность и серьезность.*

— Я борюсь со своей безответственностью и шутливостью. Ты с чем борешься?

— *С ленью и детскостью.*

— Вы уже боретесь, наверное, не первый год. Вы, наверное, испробовали много всяких способов. И как? Как у вас на фронте?

— *Без перемен.*

— На фронте без перемен. Или кто-то победил? А если кто-то победил, то кто кого победил?

Из чего исходит проявление любой части личности?

— *У меня одна из немногих побед. Я ограничил курение в таком плане: стал курить только тогда, когда мне этого очень хочется. И я получаю от этого еще больше удовольствия.*

— А как возникла привычка курения? Почему?

— *Сначала хотелось казаться взрослым мужчиной, хотелось быстрее повзрослеть. Потом за компанию. Потом в армии те, кто курили, были на перекуре, а те, кто не курили, просто долбили лед. Потом как-то втянулся, это стало привычкой, и я курил даже тогда, когда не хотел курить.*

— А как это: «Я курил даже тогда, когда не хотел»? Смотрите, это парадокс. Кто это хотел, когда другой не хотел? Ведь любое действие, которое совершает человек, было инициировано, начато, продолжено и получило развитие в связи с выполнением чего-то. То есть это какая-то часть вас решала какую-то задачу. Вот с этим вы согласны?

— *Конечно. Когда я это понял, тогда я и ограничил курение.*

— А что с этой частью? Она решала какие-то задачи, когда вы ограничили курение. Это практически перерезать или наступить на горло собственной песне. Собственной заметьте, а не чьей-то. Так вот вы наступили на горло собственной песне. И что с тем, который пел?

— *Никто не умер.*

— Никто не умер. Перестал курить, тебе стало хорошо.

— *Нет, я же курю. Я вот захочу и закурю. Может быть через неделю, а может через полчаса.*

— Вы начинаете показывать, дескать, вы можете курить, а можете не курить. А я вот курю и очень интенсивно. И очень интенсивно занимаюсь спортом на протяжении всей жизни. И ведь это совершенно противоположные вещи.

— *Нет, это не противоположные вещи.*

— Как это не противоположные вещи? А почему вы, собственно, считаете, что надо бороться с курением? Я вот хотел вас пригласить в клуб курильщиков. Теперь чувствую, что не могу, а у меня была на это большая надежда.

— *Нет, я буду курить, но не так интенсивно.*

— Почему?

— *И не всё подряд.*

— В клубе курильщиков курят очень интенсивно, докуриваемся до обмороков.

— *А можно я свой пример приведу?*

— Пожалуйста.

— *Я в тринадцать лет начал курить, чтобы среди друзей казаться им подобным. Я делал так, потому что они делали это.*

— Смотрите, это действие началось, чтобы повысить свой статус. Это не просто надышаться никотином и умереть, а повысить свой статус. То есть это действие начато с целью повышения статуса. Так ведь и вы говорили об аналогичной вещи.

— *Да, конечно.*

— Есть часть, которая хочет повысить свой статус. Когда вы перекрываете горло этой части, не давая ей возможности проявлять то, что ей нужно проявлять, то вы начинаете проявлять некие другие действия, направленные на ту же цель. И делаете вы это, не видя этого. Я утверждаю, что в каждом человеке есть части, которые он просто не понимает. Но у каждого они есть, и они преследует свою цель. Если вам важно выглядеть крутым или иметь какой-то статус в какой-то группе, то вы будете проводить ряд мер, чтобы этого добиться. Курение может быть одним из них.

— *И поведение тоже.*

— Конечно! Так если вы перекроете этой части кислород, что называется, то вам будет хорошо?

— *А может быть так: я удовлетворен и мне не нужно уже повышать статус с помощью курения? Может, поэтому я перестал курить?*

— Возможно, но вы продолжаете повышать статус с помощью чего-то другого.

— *Пить начали.*

— Может быть, вы начали пить, может быть, вы начали драться, может быть, вы начали зарабатывать деньги. Я не знаю. Но я просто говорю вам о том, что ни один человек никогда не произведет никаких действий, которые ему не нужны. И тогда у меня возникает вопрос: а с какой стати вы прекращаете действия, которые вам на самом деле нужны? Понимаете ли вы, зачем вам нужны эти действия? Если вы прекращаете эти действия, то какие действия вы начинаете взамен тех? Можете ли вы ответить на этот вопрос?

Парадоксальное устройство человека — основа понимания самого себя

Посмотрите, к чему я сейчас подвожу. Я подвожу к тому, что в целостном человеке есть противоречивые тенденции. Особенностью человека являются два противоречия. Парадоксальность в том, что он имеет части, имеющие противоположно направленные цели. Это основа холистической психологии, это основа понимания самого себя.

— *Я начал курить, потому что чувствовал себя слабым. Бросил я курить, потому что сказал: «Я — сильный». Типа, подтвердил свою личность, показал, что я индивидуальность. То есть отрицая слабость, сказал, что я сильный.*

— Смотри, насколько обтекаемы понятия силы. Например, личность хочет быть сильной. И ведь как парадоксально: чтобы доказать свою силу, она начинает курить. Хотя на самом деле она снижает свою физическую силу, как минимум. Разбираетесь ли вы с этими вопросами или нет? Скорее всего, нет.

Так вот посмотрите, человек является парадоксальной структурой, имеющей внутри себя противоположные части, каждая из которых преследует свои цели. И цели эти противоположны. То есть часть, которая хочет казаться сильной, не может даже понять свою силу без опоры на чего? На противоположность. Само понятие силы связано с понятием слабости. Не будет слабости, не будет и силы. Не будет силы, не будет и слабости. Смотрите, как интересно устроен этот иллюзорный мир. Каждое понятие опирается на противоположное ему. Вот откуда вы знаете, что такое красота. Откуда?

— *Сравнивая с безобразием.*

— Да, сравнивая с безобразием. Откуда вы знаете, что чего-то у вас много?

— *Когда чего-то мало.*

— Сравнивая с малым. И это касается любого качества, относящегося к личности. Посмотрите, как интересно! В мире разделенного восприятия акцент идет только на одну часть, а другой как бы и нет. У меня ее нет, она есть у других. Смотря на других, я начинаю понимать, насколько у меня это качество велико. Например, у вас есть сто тысяч рублей. Когда вы смотрите на нищего, вы чувствуете себя богатым. Но чтобы почувствовать себя богатым, вам надо посмотреть и увидеть того, кто менее вас в этом. Так? Иначе откуда вы узнаете, богаты вы или бедны?

— *Это всё относительно. Относительно одного ты будешь богатым, относительно другого ты будешь нищим.*

— Совершенно верно. Но мы сейчас рассматриваем принцип восприятия. Все этим принципом пользуются, и во всех аспектах своей жизни. Но ясно ли вы видите этот принцип? Вот вы смотрите на бедного и видите, что он бедный, вы жалеете нищего и думаете: «Я вовсе не такой нищий, я даже богатый!» Но когда вы смотрите на нищего, то вы смотрите на кого? На себя. Понимаете ли вы это? Это очень большой вопрос. А когда вы смотрите на богатого и чувствуете себя по отношению к нему нищим, то понимаете ли вы, что вы смотрите на самого себя? Я ведь и дальше продолжу. Я ведь скажу, что кроме самого себя вы не видите никого, и не можете видеть. Вот это самое интересное! Когда вы завидуете кому-то, то вы завидуете себе. Когда вы презираете кого-то, то презираете себя. Когда вы интересуетесь кем-то, то вы интересуетесь собой.

— *Это после того, что мы как бы отрицаем свою часть.*

— Потому что в мире разделенного восприятия возникает иллюзия, что есть другие. Я всё время сравниваю себя с другими, либо радуясь, либо расстраиваясь.

— *В общем, это очевидно. И так просто!*

— Тогда бы все были просветленными и был бы иной мир. Но этот мир такой, какой он есть. Мы воспринимаем его таким, какой он есть. Почему этот вопрос основной? Потому что мое восприятие разделенное, и я не могу так воспринимать. Я могу согласиться, например, с произнесенными словами. Вы можете согласиться, что это так. Но значит ли это, что вы будете так воспринимать? Большой вопрос. Это будет ваше временное соглашение: согласие с тем, что я говорю или несогласие с тем, что я говорю. Но ни то, ни другое не меняет вашего восприятия. Вот что самое интересное! Если бы разделенное восприятие так легко можно было бы переместить в целостное, то мы давно жили

бы иной жизнью. Но мы живем той жизнью, которой живем. Именно с этой жизнью мы сейчас разбираемся. Вот в чём дело.

И сейчас я хочу подчеркнуть, что только от факта вашего согласия или несогласия с тем, что я говорю, практически ничего не изменится. Хотя вам может казаться, что изменилось. Вы начнете галлюцинировать: «А я вот приобщился к целостному восприятию, я уже целостный!» И вы будете смотреть на других свысока, типа, они-то «спящие», фрагментарные, а я — целостный! И всё продолжается, ведь само разделенное восприятие не меняется, оно перескакивает на разных коней. Как услышит об этом, прыгает на лошадь и орет: «Мы целостные, а они все разделенные». Вот она, гордыня. Иллюзия, что у меня всё целостно.

— В этом же и есть свой прикол. Я сижу здесь, мне классно. Я такой гордый, например. Мне хорошо, и я спокоен.

— Я спокоен, пока не стал беспокойным. А это произойдет очень быстро. И тогда я буду опять пытаться, так сказать, «распальцовкой» заниматься. Этот пять пальцев строит, а я восемь могу. Я круче тебя. Он восемь, а я ему десять. Он мне двенадцать, а я ему тринадцать. Он вырубился, но потом пришли его братки и вырубили меня. Вот жизнь, она только продолжается! Так что это всё устойчивое, разделенное восприятие. И оно воспринимает всё, о чём говорится, именно в разделенном виде. Так вот видеть то, что есть, — это и есть переход к Целостности. Вы можете перейти к Целостности, только видя собственную разделенность, видя то, как воспринимаете разделенным всё, что вы воспринимаете. В частности всё, что я говорю.

Если вы видите разделенное восприятие, то это показатель наличия у вас целостного восприятия. А если не видите разделенного восприятия, то это показатель отсутствия целостного восприятия. Смотрите, парадокс, я всё время говорю парадоксами. Это парадоксальное мышление. Вы видите это парадоксальное мышление, это восприятие дуальности, то есть разделенности того, о чём я говорю? Тогда вы видите разделенность в самом себе. И это говорит о том, что вы видите целостно. А если вы не видите разделенность в самом себе, то вы даже не приближаетесь к Целостности.

— Так что же получается? Мы сами разделяем и сами соединяем, что ли?

— Мы просто находимся в разделенности и считаем, что это единственный способ восприятия. Мы даже об этом не думаем, мы в этом находимся и всё.

— А если мы где-то видим разделенность, а где-то не видим?

— Где-то, значит, в самом себе. Вот это и есть самоисследование. Это исследование собственной разделенности. Что такое самоисследование? Мы к этому прикоснулись, и вы увидели реагирование личности на видение ее

разделенности. При этом вы, возможно, обратили внимание на то, что я сказал. А я ориентируюсь на вашего исследователя, то есть на то, что вне личности. Только он может видеть личность, сама личность не будет видеть. У самой личности есть такие вещи, и они сразу вскрылись: «Я не могу говорить о себе плохо! Я боюсь, что другие перестанут меня ценить и любить». Так ведь? Это же основное! Есть страх, что если вы сейчас признаетесь в том, в чём не принято здесь признаваться, то вы можете потерять уважение, любовь, признание и все другие иллюзии. Так это или не так? Выясняется, что личности есть что терять. И потеря эта, между прочим, велика. Очень велика.

На что указывает раздражение

— Личность настаивает на своей авторитарности. Я сегодня занималась с отстающим студентом, который просто не умеет говорить. И увидела, что я тоже боюсь, просто я никогда не обращала на это внимание. Он что-то понял, но сформулировать и высказать не может, у него ступор. И я делаю тоже самое, но боюсь в этом признаться.

— Хорошо. Если я преподаватель, то должен очень хорошо говорить. Это профессионализм. Иначе преподаватель будет плохим, и его не будут уважать как преподавателя.

— Мне было очень непросто, всё как-то крутилось. Я поняла, что никогда не обращала на это внимание. Есть группы, в которых занятия проходят блестяще. Студенты этих групп эту сторону тебе показывают. А в какую-то группу даже не хочется идти, потому что там показывают противоположное.

— Я не хочу идти туда, где мне показывают о себе то, чего я не хочу ни знать, ни видеть, ни слышать.

— Они это проявляют явно.

— Так смотрите, что такое просветление, что такое целостность? Это когда вас ничего уже не раздражает.

— Здесь признать себя разным сложно. Наташа правильно говорит, что какие-то двойственности мы видим. У меня, допустим, лентяй и трудоголик. На работе я трудоголик, а дома у меня нет сил, и я всецело выражаю лень. Так видеть — это одно…

— Сложно разбираться в самом себе без других людей. Особенность нахождения в этом мире связана с самоидентификацией, с ответом на вопрос: «Кто я такой?» Самоидентификация связана с отношениями. Мы узнаём себя в отношениях с другими людьми. Единственное, как вы можете увидеть, принимаете ли вы в себе нечто или не принимаете — это по изменению отношения к людям, по отношению к тому, что вас раздражает. Это я мягко говорю, раздражает.

— *Хочется убить.*

— Да, хочется убить. Но даже признать сам факт, что вы хотите убить, это ужас. Тогда говорится так: «Мне не очень нравится этот человек». Вы даже не скажете, что хотите убить, хотя ночью только и мечтаете об этом, потому что сразу упадет ваш рейтинг. Особенно, если вы в среде благочестивых христиан, которым вообще об этом говорить нельзя.

— *Есть ситуация, которую ты увидел, и она начинает раздражать. Тебя колотит. Ты понимаешь, что человек отражает тебе самого себя.*

— Да, его хочется просто изощренно убить. Не просто выстрелить, а нанести, например, сорок ножевых ранений.

— *Получается, это не его убить, а себя.*

— Нет, подождите, давайте по-простому, по-человечески. Вот как вы можете наблюдать реальные изменения в самом себе? Только через других людей! Через уровень раздражения, ненависти, неприязни, неблагожелательности, ревности, зависти — всех этих атрибутов человеческих отношений. Вот когда это начинает уменьшаться, снижаться и тает как снежная баба в лучах весеннего солнца, тогда вы можете говорить: «Да, изменения есть». Но смотрите, как непросто выйти даже на сознание ненависти! А это основной критерий, это основной показатель. Не видеть его — это не видеть себя.

Смотрите, каждый шаг крайне затруднителен, и для каждого человека по-своему. Кого-то хоть к стенке поставь, а он всё равно будет утверждать, что всех любит. «Всех люблю, хоть убей, всех люблю!» Он даже признаться в ненависти не может. А кто-то говорит: «Да, я ненавижу того и этого, третьего и десятого. Ненавижу и всё!» Пожалуйста, разные могут быть вещи. Но мы сейчас говорим о первом шаге, о том, чтобы видеть вспышки своей собственной ненависти.

Второе — надо знать, что это относится к вам. А дальше начинать с этим разбираться и работать, то есть интегрировать эту часть в себе. И дальше наблюдать снижение интенсивности этих негативных состояний по отношению к другим людям. Вот он принцип, вот он метод зеркал. Мы видим себя в зеркалах других.

На самом деле, кроме нас никого нет. Мир каждого человека — это отдельный мир. Умирает человек, умирает мир. Человек и есть этот мир. Люди очень разные, и каждый мир своеобразен, но человек видит во всех только самого себя. Он не может видеть ничего другого, он может видеть только самого себя. Поэтому любое ваше восприятие кого угодно, чего угодно и когда угодно — это есть только ваше восприятие самого себя. Так каково же ваше восприятие самого себя, и каков ваш мир? И почему вы приехали сюда? Вот вопрос. Значит, в вашем мире что-то не так. Как в Датском королевстве: «Быть или не быть?» Или выживать или жить. Может, вы не ставите еще так вопрос, а может, ставите. Но что-то не видно.

Как найти, не зная, кто ищет и кого ищет?

— *Всё вроде бы хорошо, но всё-таки не всё хорошо.*

— Теперь вопрос заключается в следующем: кто это вам не создает «всё хорошо»? И кто это вам создает «всё нехорошо»? И что я имею в виду, когда говорю, что всё хорошо? И что я имею в виду, когда говорю, что мне нехорошо? И на кого я возлагаю ответственность, что у меня всё время нехорошо? Когда я говорю, что в моем мире всё нехорошо, то кто это создал?

— *Государство, система.*

— А кто создал в моем мире «всё хорошо»? Ну, это я, конечно, это понятно без сомнения. А кто же создал в моем мире «всё нехорошо»? Это не я, это козлы всякие. Они создали это всё, и я не могу ничего с этим сделать. Да, я пытаюсь как-то свою жизнь выправить, чтобы у меня всё было хорошо, чтобы перед смертью сказать, что жизнь удалась. Но как-то не получается. А вы как считаете, кто ответственный за всё это «нехорошо» в вашем мире?

— *Ну, какая-то часть «я».*

— Может да, а может нет. Может, это президент? Может, это затраханная Россия? Слава тебе господи, что в России может быть хорошо. Так это часть вас, как я понял. Значит, она какая-то нехорошая, она вредит.

— *Это кто-то за спиной козью морду строит.*

— Дьявол. Наверняка это дьявол или сглаз или порча. А кто это на вас порчу навел?

— *Ну, это понятно, что я сама.*

— Если вам всё понятно, что же вы тогда не сделаете плохое хорошим?

— *Теоретически понимаем.*

— Теоретически всё плохо в вашей жизни, и это дело рук ваших.

— *Не без моего участия.*

— А как вы это делаете, вы не понимаете.

— *Ну, я не вижу, скажем так, даже зрение теряю.*

— Ну, мы видим, глазки-то у нас вперед смотрят?

— *Да.*

— У нас же нет глаз, которые назад смотрят?

— *Пока нет.*

— Даже задницу собственную не видим.

— *Только через зеркало.*

— Так если у нас глаза направлены только в одну сторону и эта сторона «хорошо», то расскажите, как вы создаете в своей жизни «хорошо». Хоть что-то вы можете рассказать о том, как вы создаете что-то в своей жизни? Тут была заявка такая: «Мы создаем «плохо» и «хорошо» в своей жизни. Как создаем «плохо», мы не видим, а как «хорошо» — видим».

— *Да, своей настойчивостью, устремленностью создаем.*

— Да, благодаря своей настойчивости, устремленности у меня в жизни кое-что хорошо.

— *Ну, не так хорошо, как хотелось бы.*

— Кому хотелось бы, чтобы было всё хорошо? Еще лучше, чем хорошо.

— *Ответ идет — душе.*

— Говорят, что чужая душа — потемки. А я вам скажу, что своя душа — потемки. Что же это такое — душа? А то все используют, а я не понимаю, что это такое. Говорят, что «от души» — это хорошо. А плохо тогда от чего? Когда я от души делаю, то всё хорошо, а когда я плохо делаю, то от чего я это делаю?

— *Может быть, на самом деле получается ощущение целостности? Когда что-то делается, когда нет разделения.*

— Когда удовлетворенный, да?

— *У меня запрос. Всё уже достало, хочу чтобы у меня денежный поток соединился с творчеством.*

— И слился с божественным.

— *А то оно как-то всё в разные стороны.*

— Надоело в раскоряку. А кому это мне хочется, чтобы я совместился с тем потоком? И почему это он не совмещается, позвольте спросить, если признались в ответственности за свою жизнь? И кто это вас сегодня сюда привел, чтобы этот поток соединился с другим? Почему-то у меня по факту не соединяется. И кто это соединяет? То есть один хочет соединить, другой хочет разъединить. Это кто у нас сейчас говорит?

— *Все сразу притихли.*

— Все притихли. А кто наблюдает и говорит, что все притихли?

— *Ну, я наблюдаю.*

— А те, которые притихли, это не вы?

— *Они за спиной стоят.*

— За спиной кого? Вас?

— *Да.*

— А вы кто? У вас есть спина и перед, оказывается. И там кто-то притих.

— *Ну, вообще-то нас куча.*

— Целый легион. Смотрите, какая интересная картина. И мы ее объясняем. Можно ли с таким уразумением что-то объяснить?

— *Наверное, сложно. Как это делается, сама удивляюсь.*

— Значит, это делается не вами. Это делается с вами. Есть разница между «делается мною» и «делается со мною»?

— *Да.*

— Есть. Так вот не мы управляем своей жизнью, а жизнь несет нас как поток или трамвай, который идет по маршруту. Так о какой ответственности мы можем говорить? Нет, мы не несем ответственность за свою жизнь! И в этом кайф, между прочим, потому что тогда можно всех поносить. А тебе не кайф всех поносить?

— *Нет.*

— А в чём тогда кайф?

— *Кайф — это когда, наконец-то, найдешь того, с кем можно поговорить.*

— Кто кого найдет? Это же серьезный вопрос, который вы ставите. Кто кого хочет найти и как его найти, не зная, кто ищет и кого ищет. Это же риторика! По сути все заявления о собственной жизни чистой воды риторика.

Принцип гармонизации дуальных сторон

— Ну, так что? Кто хочет поделиться своими впечатлениями?

— *Я сегодня поскользнулась, а меня поддержали. Я увидела дуальность «успех — неуспех». Я успешно не упала и неуспешно упала. Супер! Для того, чтобы почувствовать неуспех, мне надо упасть.*

— Надо просто увидеть. А когда ты это не понимаешь, ты просто падаешь. Причем, очень мощно будешь падать: головой, ушами, ногами. Весь вопрос в видении. Мы сами себе хотим всё время указать на нашу целостность, но при этом мы не хотим видеть этого. И тогда другая часть очень сильно акцентирует на этом внимание. Если ребенку скажешь: «Не надо этого делать!» — и он не делает, то всё нормально. А если он продолжает это делать, то его наказывают, потом сильно наказывают. Если ты увидел другую сторону, то начинается выравнивание. Вот это и есть гармонизация.

Вчера мы говорили, что этот мир является миром дисгармонии. При этом я не вкладываю в понятие гармонии «хорошо», а в понятие дисгармонии — «плохо». И то и другое необходимо, и то и другое есть две стороны нас. Дисгармония как средство накопления опыта и получения уроков автоматически закладывается. В принципе, об этом думать и не надо. Почему механическая жизнь протекает без осознания? Осознание — это роскошь, оно и не нужно. То есть я всё равно буду совершать то, что совершаю и получать этот опыт. Потом умру. Но сам процесс получения этого опыта всё время сопряжен с неприятностями: с несчастными случаями, ошибками, авариями и так далее, которые ум объясняет как злой умысел других людей или свою ошибку или еще как-то. Он ищет виноватых всё время. Хотя, на самом деле, это производит он сам. Но не понимая, что производит сам, он начинает это на кого-то сбрасывать. И отсюда все неприятности, раздражения и волнения. Если мы начинаем видеть, что производим сами как одно, так и другое, то мы можем сгармонизироваться. Тогда не нужно падать головой и расшибать ее для того, чтобы знать и видеть в себе обе части. То есть как только ты что-то видишь, ты можешь это контролировать.

— *Иногда я не вижу причинно-следственную связь. То есть я вижу следствие, но причину не могу найти.*

— Причинно-следственную связь в состоянии «сна» увидеть вообще невозможно.

— Я понимаю, что ситуация случилась потому, что я это сделал. Ситуацию я вижу как факт, но когда я начинаю анализировать, откуда она появилась, я не вижу.

— Смотрите, все теории причинно-следственных связей, всё, что здесь называется здравым смыслом, связано с односторонним восприятием. Если мы возьмем, к примеру, встречу с гаишником, который может оштрафовать, забрать автомобиль и так далее, то вырабатываются различные способы защиты от этого неприятного события. Здесь всё вырабатывается как способы защиты от неких неприятных событий. Но нет ничего, что может быть вам навязано, а не вами создано. Возьмите какую-либо область, и вы это увидите.

Возьмите, к примеру, эзотерику, где ставятся всякого рода защиты. Почему же нам надо всё время защищаться от самого себя? Я это спрашиваю как человек, который смотрит с того уровня сознания. Мне это кажется крайне странным. Или, например, водитель, называя правую сторону правильной, а левую сторону — неправильной, защищает сам себя от поворота руля влево.

То есть сами эти концепции и принципы, которые положены в основу разбора причинно-следственных связей, однобоки. Независимо от того, насколько интеллектуальный человек создавал эти концепции, они будут однобоки. При полном видении отпадает необходимость во всех родах защиты. И защита, на которую требуется в государстве огромное количество денег (армия), становится ненужной и бессмысленной. Но выходить с этим заявлением на широкую публику достаточно проблематично. Потому что те, которые работают в этой системе, получают деньги и отказываться от этого не будут. Все системы общественной безопасности строятся на определенной причинно-следственной связи. Но эти взгляды являются односторонними, как и само восприятие человека. Поэтому она порождает множество защитных устройств, которые не нужны человеку, потому что он может контролировать как поворот вправо, так и поворот влево. И таким образом корректировать курс.

Возьмите, например, движение на лыжах елочкой. Одна лыжа двигается вправо, а другая влево. Мы совершаем движение вправо и влево, а при этом всё время двигаемся вперед. Так вот, если мы отслеживаем движение вправо и влево, то мы можем двигаться прямо очень устойчиво. Если мы не умеем стоять на левой ноге, то у нас движение будет дурацкое. Так вот человек по своей жизни двигается очень странно: он всё время двигается на одной ноге. При этом, когда вам нужно движение правой лыжей, вы отталкиваетесь левой. Так вот личность точно также говорит, что она умная, но при этом отталкивается от глупой. Когда она говорит, что она успешная, она отталкивается от второй стороны себя — неуспешной. Таким образом ты всё время отталкиваешься от отрицаемой стороны, но этого не

видишь. То есть лыжник, если ему сказать, что он использует обе ноги, согласится. Но никакая личность, если ей сказать, что у нее есть негатив, не согласится с этим, хотя именно от него она и отталкивается в определении собственного позитива. Вот вам парадокс-то основной.

Что предлагаю я? Я предлагаю начинать видеть обе «лыжи», обе стороны своей личности, так как в движении по жизни мы используем их обе. Но этот способ видения вызывает очень сильное сопротивление у тех, кому это предлагается. И у каждого, кто оказывает это сопротивление, есть обоснование. Вы имеете это обоснование, и оно звучит так: «Меня не будут уважать, любить, бояться и так далее. Если я выложу свою вторую сторону, то потеряю уважение в обществе».

Почему происходит фиксация восприятия на следствии?

— Александр Александрович, можно объяснить ситуацию с водой? Мы сегодня разговаривали и в пример приводили воду. Жажда выпить воды возникает у нас, но мы не понимаем почему. Я могу это объяснить как потребность организма, но иногда эта потребность возникает непонятно почему.

— Это очень интересный момент, я сейчас поясню тем, кто не присутствовал сегодня при этом разговоре. Значит, Олег говорит: «Вот стакан воды, как это я не могу его выпить? Я тяну руку, беру стакан и выпиваю. Как это я не контролирую? Я контролирую». А я его спрашиваю: «Почему ты начал совершать это действие? Почему ты взял стакан?» Причина этого действия в другом. Вы почувствовали жажду и начали искать, вы видите стакан с водой и выпиваете ее. Это движение по захвату стакана и потреблению воды является следствием, а не причиной. И тогда у меня возникает вопрос: «Видишь ли ты причину и можешь ли ее контролировать?» И тут произошло озарение: оказывается, жажду мы не контролируем.

— Об этом мы и не задумываемся.

— Это является основополагающим. И этот пример можно распространить на всю жизнь: люди живут не причиной, а следствием. Основное заблуждение людей в том, что они принимают следствие за причину.

— Ну, нам же кажется это реальным! Ответ найден и всё нормально.

— Само восприятие направлено так, что оно принимает следствие за причину, пытается что-то делать с причиной, при этом порождает еще массу иллюзий и поэтому всё контролирует. Но при этом истинная причина не видна. То

есть само видение этого является практически недоступным и невозможным для «спящего». Возьмите, к примеру, психологию. От чего отталкивается психолог? Он рассматривает инстинкты, то есть потребности. Например, потребность в социальном уважении. Далее они доходят до маразма, то есть каждое действие называют потребностью. Они начинают вырабатывать какие-то рекомендации по удовлетворению этой потребности. И по сути никто не занимается выяснением вопроса: откуда берутся потребности? Потому что ответ на вопрос и есть источник этого, а потребность в чём-то является следствием.

— *Все говорят об инстинктах, о генах. И этим объясняют.*

— И эти объяснения всех устраивают, потому что никто дальше думать не хочет, а доверяется в этих вопросах психологам.

— *По телевизору есть такая заставка: «Психологи говорят». И дальше идет какая-то неоспоримая фраза, которая не должна подвергаться сомнению.*

— Таких фишек много, и никто на это не обращает никакого внимания. В этом дурдоме люди не думают, а принимают на веру многие вещи. Потом что-то с ними происходит, они орут, кричат, потом опять что-то принимают на веру. При этом есть иллюзия, что всё хорошо, всё стабильно, государство движется к расцвету. Тут есть еще очень интересный момент насчет причины и следствия. Смотрите, чем озабочен человек в своей жизни? Как он оценивает свой успех или неудачу? На что он тратит свое время и силы? По поводу чего он переживает? Пожалуйста, вот как вы считаете?

— *В первую очередь, он старается успешно выглядеть в глазах других.*

— Причем, это понятие успеха различно в различных группах. Например, бомж не может выглядеть хорошо, если он оденет фрак. Он должен выглядеть как бомж, иначе его не будут уважать другие бомжи. А если вы придете на какое-то награждение в затрапезном костюме, то вас туда даже не пустят. То есть надо выглядеть хорошо, чтобы тебя уважали. Так, еще что?

— *Есть свой какой-то круг, где есть какие-то понятия. И чтобы тебя уважали, надо выглядеть соответственно. Если это очень высокий круг, то у тебя должен быть коттедж, собака, красавица-жена, ребенок, машина, а лучше две машины.*

— Смотрите, чтобы иметь коттедж, машину, нужно стремиться к чему-либо. А для того, чтобы стремиться к чему-либо, нужно иметь цель. Эта цель может быть различной для разных групп, но у каждого человека, который входит в какую-либо группу, есть своя цель.

— *Ну, деньги и власть.*

— У кого-то целью может быть отсутствие денег и отсутствие власти.

— Для меня, например, цель — обезопасить свою жизнь всеми возможными способами, потому что мир враждебен. Обезопасить себя от тех людей, которые мне кажутся врагами…

— А мне кажутся врагами все…

— В той или иной степени.

— Поэтому мне всё время надо нарабатывать разные способы защиты. А так как эти люди разные, то они неожиданно появляются. Кто-то ночью может появиться из-за куста и это нужно предусмотреть, кто-то может спуститься с парашюта и застрелить меня в лоб.

— Ну, когда делаешь что-то, надо делать это лучше, чем другие.

— Как мы видим, единым является цель. Например, пописать или зубы почистить или на работу пойти.

— Есть те, которым нужно быть на работе пофигистами, чтобы много работы не давали.

— Не иметь много работы — это тоже работа и не менее трудная, заметьте. И там тоже есть цель. То есть я сейчас о чём говорю? Что у всех есть цель, и движение к цели является так называемой полезной работой, которую совершает некое существо, имеющее тот или иной запас энергии. Если мы возьмем автомобиль, то он тоже совершает некую работу и расчеты его КПД являются для инженеров неким фактором, который определяет стоимость изготавливаемого продукта. То есть нужна цель и энергия для достижения этой цели. Так? Наличие цели и энергии для достижения цели — это то, что здесь называют жизнью, само появление человека здесь и формирование его личности в дисгармонии.

Вспоминаем принцип зарядки аккумулятора. Для этого требуется разведение плюса и минуса, при котором он набирает определенную емкость напряжения, которое потом будет разряжено в полезную работу. И чем более аккумулятор способен набрать напряжения, тем больше он может совершить потом полезной работы. Теперь берем человека, и мы увидим тоже самое. Фактически, человека можно сравнить с аккумулятором различного объема емкости. Так? Есть такие вялые, им руку поднять сложно. А есть такие, которые ставят сложные цели и совершают много разных действий для их достижения. Одному нужно просто добраться от постели до сортира, и это уже много для него. А другому нужно стать президентом какой-то компании. И у одного и у другого есть какая-то цель и разное количество энергии для достижения этой цели. Поэтому и говорят: «Ставь цель, которую ты можешь достигнуть». Что при этом имеется в виду? То есть не ставь цели, на выполнение которой у тебя не хватит энергии. Я подхожу к этому

как инженер-механик. Это правильный подход, по крайней мере, он четко показывает то, что происходит.

Теперь возьмем основной момент в связи с тем, что я говорил о следствии и причине. Что это за цели такие? По сути вся жизнь человека посвящена реализации этих целей или желаний. Желания — очень интересная штуковина. Это как бензин в автомобиле. У вас может быть очень мощный двигатель, но отсутствие бензина не позволит автомобилю двигаться. Точно также у вас может быть очень мощная цель, но при этом отсутствовать энергия, которая есть желание. И ее отсутствие не позволит достичь цели. Значит, что требуется? Требуется цель, и требуется желание. Теперь о цели. На что ориентированы все эти цели?

— *На получение опыта.*

— Да, но опыта в разделенном восприятии. Именно разделенное восприятие порождает все те сложности собственной жизни, которые присутствуют в «спящем» состоянии. Я сейчас с точки зрения пробужденного состояния рассматриваю то, что происходит в непробужденном состоянии. Основным в непробужденном состоянии сознания являются цели. А как ставятся цели? Чего вы пытаетесь достичь?

— *Иметь.*

— Мы хотим нечто иметь. Вот смотрите, это парадокс: человек хотел чего-то, а когда он достиг этой цели, то расхотел. Вы не можете желать то, что вы имеете. Вы можете желать только то, чего у вас нет. Причем сила желания будет пропорциональна тому, насколько вы оцениваете отсутствие у вас того, чего вы хотите получить. То есть для того, чтобы вам очень хотеть чего-то, вам нужно находиться в ситуации, противоположной той, которую вы хотите. Посмотрите на этот момент, это очень важно. То есть если вы хотите быть очень сильным, то по какой причине вы очень этого хотите?

— *Потому что слабы.*

— По той причине, что вы слабы. Вы имеете ситуацию, а на самом деле создаете ее, в которой всё время демонстрируете свою слабость, а при этом хотите быть сильным. Сама игра в этой реальности получения опыта связана с тем, что я называю «желание желать». То есть люди здесь желают желать. Но когда мы получаем желаемое, с нами что происходит? Мы перестаем это желать. Вот он, парадокс. Человек может затратить всю жизнь и огромное количество энергии на достижение какой-то цели. И когда он ее добивается, то кажется, что должен быть пик радости. Но он чувствует себя опустошенным. Так это или не так?

— *Подготовка к празднику намного интереснее, чем сам процесс празднования. В подготовке больше возбуждения.*

— Совершенно верно, подготовка намного интереснее, чем получение этого. Поэтому есть масса «духовно-ищущих» и так мало «просветленных». Интереснее искать, да еще и не там, где потерял, ведь тогда ты будешь очень долго искать и никак не сможешь найти. И тогда ты реализуешь то, что является принципом данной реальности, то есть хотение хотеть. Так что же такое те цели, которым люди посвящают свою жизнь? Из чего они исходят, когда они хотят достигнуть этих целей? Любая цель — это желание иметь что-то: автомобиль, дачу, жену, ребенка, статус, звание…

— *Власть*.

— Хорошо, что такое власть? У вас есть власть?

— *Есть. Над какими-то ситуациями.*

— Есть такая пословица: «Я начальник, ты — дурак, ты начальник, я — дурак». Все хотят быть начальником и иметь власть, никто не хочет быть дураком. Но это должно быть зафиксировано, то есть ты должен иметь атрибуты власти. Возьмите королей, у них есть атрибуты власти. Короля коронуют. Так что эти люди, которые хотят власти, очень сильно озабочены этими атрибутами. Пока у вас нет атрибутов власти, вы не имеете власти, кроме как над собственными тапочками.

— *Ну, у меня нет атрибутов, но есть иллюзия власти.*

— У каждого человека есть какая-то власть. Он может не иметь власти над страной, но может иметь власть над мухами. Вот дети, к примеру, любят отрывать лапки у насекомых.

— *«Захочу — казню, а захочу — помилую».*

— Да, а что вы смеетесь? Это может быть проявлением власти над этим существом. Король, например, может повесить человека. А за муху нет никакой ответственности. Хотя, это просто кажется, что нет. В этом мире ничего нельзя сделать просто так и потом не попасть в аналогичную ситуацию. Так вот, само движение к цели есть движение к атрибутам этой цели, выраженное физически. Даже такая эфемерная вещь как статус — это слова, но если вы этого хотите, то вы будете это конкретизировать. В какой области и по каким критериям вы будете оценивать это как свое достижение? А критерии будут физические. Если вы хотите быть кандидатом наук, то вы должны пройти очень сложную процедуру, затем совет даст вам «корочку», и только потом вы сможете говорить, что вы кандидат. До этого вы просто аспирант, хотя это тоже статус по сравнению с другими, которые не являются аспирантами.

Любая цель в этой реальности должна быть подкреплена физическими атрибутами. На самом деле любой атрибут этой реальности является иллюзией.

Таким образом, любая наша цель иллюзорна. Любая цель, поскольку она есть следствие, но не есть причина. Но так как человек апеллирует следствием как причиной, то настоящей причины он не видит. А что является причиной и чего все люди на самом деле хотят? В данном случае это касается любого человека. Если мы будем рассматривать по целям, которые ставятся, то люди в этом различны. Они двигаются в каких-то определенных направлениях. Кто-то говорит: «Я спортсмен!» Причем спортсмены делятся на категории: бегун, прыгун, пловец. Они собираются в группу, устраивают соревнования и выясняют, кто из них круче. Но пловец не соревнуется с бегуном. У них разные группы. Так вот все эти цели различны, все эти формы соревнований тоже различны. Но при этом я утверждаю, что все люди хотят одного, независимо от того, в каких иллюзорных гонках они участвуют.

— *Состояния бытия.*

— О! Совершенно верно, состояния бытия.

Состояние «быть» и состояние «иметь»

— *Непонятно. Что значит «состояние бытия»?*

— Понятно, что непонятно. Если бы это было понятно, то тогда вся жизнь была бы здесь иной. Но даже произнесение этой фразы совсем не гарантирует того, что вы это понимаете. Это и есть самый большой секрет. Это секрет секретов — состояние бытия. Потому что все люди, находящиеся во сне, находятся в состоянии иметь, а не быть.

— *Правильно ли я говорю о состоянии бытия, что это как в латинской пословице: горю сам и освещаю путь другому?*

— А важно ли вам передать огонь любви другому? Кажется, человек говорит благородно, что нужно возгореться самому и передать огонь любви другому! Все впитывают это. Именно в духовной сфере так представляется герой. Но на самом деле, всё совершенно иначе и не так восторженно. И даже вообще не восторженно. Я имею в виду восторг других людей по поводу заявлений кого-либо. Более того, это даже не вызывает состояния восторга.

Вот просветленному просто хорошо. И не потому, что кому-то хорошо или плохо или кто-то эволюционирует, а кто-то деградирует. Ему просто хорошо. Вот это вообще непонятно «спящему». Если он начнет объяснять, что такое хорошо и что такое плохо, то это будет объяснением. Если какой-то человек говорит: «Я —

Мессия, я пришел вас спасти! У меня глобальная цель!» — и вырывает свою печенку, всем показывая ее с лозунгами о том, что мы все перейдем в пятое измерение, то у людей возникает восторг. А если он просто говорит, что ему хорошо и при этом кто-то может плакать, а кто-то смеяться, а ему всё равно хорошо, то другими это воспринимается как форма сумасшествия.

— *Как может быть всё хорошо?*

— В лучшем случае ему не поверят, а в худшем объявят сумасшедшим.

— *Или обвинят в бесчувствии.*

— *Скажут, что врет он всё, придумал он это!*

— Вас это, в общем-то, не касается. Ему хорошо, а вам плохо. В конечном счете вы вообще к нему больше приходить не будете, а со временем потеряете интерес. Вы будете иметь к нему интерес в том случае, если он вас заманит какой-то иллюзией, типа, что мы все перейдем в пятое измерение, и вы будете сидеть по правую руку от Бога в царствии Божьем. Тогда вас это заинтересует. Вот какое интересное состояние бытия.

— *Получается, хочешь быть этим? Будь!*

— А здесь это воспринимается как? Хочешь быть счастливым — будь! Спасение утопающих — дело рук самих утопающих. Я тоже самое могу вам сказать: «Спасение вас — есть дело вас самих!» И многим это крайне не нравится. Если человек выходит и говорит: «Мое дело и моя миссия — спасти вас убогих, несчастных и сирых», — то все ему будут рукоплескать и, стоя на коленях, руки целовать.

— *Я могу сказать ему: «Ты сначала спаси себя, а мы посмотрим».*

— А как это он должен себя спасти?

— *Есть много доброжелателей, которые хотят кого-то спасти.*

— Это понятно, что реакции людей могут быть разными в зависимости от их типа. Я просто показываю, что люди интересуются тем, что, как им кажется, касается их. Но если состояние бытия человека их не касается, то они просто потеряют интерес к этому. Так вот я говорю, что состояние бытия — это состояние непреходящего счастья. А все цели — это преходящие цели, они приходят и уходят. Поэтому человек проживает свою жизнь циклически, как волна: то он поднимается вверх, то опускается вниз. Вот и вся его жизнь, а потом смерть. Но у него нет опоры, отсюда его постоянная тревожность и страх. Только ему покажется, что он поднимается вверх, как он снова падает как кочка на болоте, которая опускается. И тогда человек визжит, кричит и бежит к следующей кочке и стоит там, пока она стоит. А потом она опускается, и он опять визжит и кричит.

Так вот бытие — это есть то, на что вы можете опереться, что есть вы. На самом деле вы есть и преходяще-уходящее и то, что вечно. И узнать себя не от мира сего — это значит найти опору в Вечном. Но это Вечное было вечным и будет вечным, и ничто никогда не может ему угрожать. Вот в чём дело. Но для человека, находящегося в реальности угрозы, которая здесь является единственно признанной реальностью, это непонятно. Я сейчас делаю упор на том, что мы есть: любой человек, любое животное, любой камень, всё, что мы видим — есть Божественное.

На самом деле всё есть Бог, так как нет ничего кроме Бога и быть не может. То, что мы называем Богом, есть всё и есть Вечность: любовь, истина, бесконечность, свобода. Находящемуся во сне человеку такие разговоры приятны, но никак не полезны. Я вспоминаю одну даму с семинара. Она говорит: «А что, и счастье будет?» Я говорю: «Да, мы обречены на счастье». Она сидела, сидела, а потом как воскликнет: «А дальше-то что? Больше не к чему стремиться!» Когда человек получает то, к чему стремился, ему это становится неинтересным. А когда у него это есть, то это становится ненужным. Но тогда нужно что-то следующее. И это вечно. Так если вы задумаетесь об этом, то вам будет страшно, потому что это перечеркивает всю жизнь как стремление к чему-то и все обоснования, связанные с этой жизнью. Вот как интересно.

— Если будет всё хорошо, то это даже неинтересно будет. Как я могу почувствовать себя хорошо, если мне не будет плохо?

— Совершенно верно. О чём говорит Уолт Нил в книге «Диалоги с Богом»? Там есть вечный кайф. Если в этой плотности человек принял наркотик, а потом у него ломки, то там всё время хорошо и всё время безусловная любовь. Именно по этой причине мы приходим сюда, потому что хочется чего-то другого. Когда есть «плохо» и есть «хорошо», мы можем сравнить их между собой. Самое большое «хорошо» — это когда проходит «плохо». Например, вы болеете и вам сказали, что вы умрете завтра. А потом вдруг позвонили и сказали, что ошиблись, что перепутали больничные карты и что у вас всё нормально, вы выздоравливаете. И вы переживаете состояние счастья, но именно на сравнении с тем несчастьем, которое у вас было. Или у вас болит зуб и вы боитесь идти к стоматологу. Но потом всё-таки вы пошли, вылечили зуб и вам так хорошо первые десять минут! Потом вы забылись в своих делах и чтобы вам прожить еще раз «хорошо», то надо, чтобы снова было «плохо».

— Получается, когда мы находимся в Вечном, мы сами принимаем решение спуститься сюда?

— Да, в это преходящее для получения опыта сравнения. Мы забываем то, что есть Там, теряем самого себя, становясь совершенно невменяемыми оттого, что

забыли, кто же мы есть Там. Поэтому я повторяю всё время: мы есть и То и Это. То есть я не отрицаю ни того, ни другого. Я не говорю, что мы только То, потому что Это нам осточертело.

— *Мы приходим сюда, чтобы в этом мире осознать себя чем-то Божественным?*

— На самом деле мы приходим сюда, чтобы играть. Это как компьютерная игра. Представьте, есть компьютер и вам интересна эта игра, в которой есть ряд персонажей. Вы выбираете определенный персонаж, отождествляетесь с ним и начинаете играть. Вы начинаете действовать согласно той программе, которая заложена в персонаж. Он ограничен этой программой и вы, отождествившись с ним, имеете те же ограничения, что и он. Но когда вы помните, что вы просто играете этим персонажем, это одно. А когда вы становитесь этим персонажем, забыв того, кто сел играть в эту игру, это другое. Так вот мы являемся теми, кто вошел в эту игру, выбрав определенный персонаж. Но мы так отождествились с этим, что забыли Того, кто сел играть в эту игру. Тот Я, который есть не от мира сего, и есть Тот, который сел играть в эту игру. Он получил целый набор ограничений и рассматривает их как само собой разумеющееся, потому что игра запрограммирована. Так смотрите, что делаю я? Я раскрываю ограничения этой игры.

— *Если компьютерному игроку надоело, он может встать и уйти.*

— Он может встать, если помнит, что он сел за игру. А если не помнит, то встать и уйти он никуда не может. Он полностью находится в тех ограничениях, которые заложены в его персонаж.

— *Но у каждого есть эта божественная связь.*

— Хорошо, я буду вам говорить: «У вас должна быть божественная связь, выходите на эту связь, у вас есть память о Мире ином…» И что? Вы сразу же вспомните об этом? Как видите, совсем непросто вспомнить себя, потому как игроки так заигрались, что совершенно забыли самих себя, как севших за игру. А напоминать им, как видите, невозможно. Надо подводить их к этому, что я и делаю. Но само появление игрока, рассказывающего об условиях игры, говорит о том, что программист этой игры готов к ее трансформации. Зачем посылать сюда игроков, которые не просто играют, а еще и рассказывают о том, как устроена эта игра остальным игрокам? Ведь это начинает производить действие на всю игру.

— *Игра начинает переходить на другой уровень.*

— Совершенно верно. Речь идет не о разрушении Земли, не об Апокалипсисе. Речь идет о переходе на другое качество игры. Старая матрица являлась Игрой Спящих, имеющих свой кайф. Я совершенно не отрицаю интерес

Опыта, связанного с этой игрой. Но исчерпав его, мне интересна другая игра. Именно другую игру я и предлагаю.

И сам факт появления игрока, который предлагает другую игру, говорит о том, что это делается с согласия Программиста этой Игры. Потому как ничего не делается без согласия Программиста Игры. Кто является Создателем этой Игры? Я называю это условно: Разум Солнца. Мы находимся в солнечной системе, и это не просто набор физических объектов. Это Разум. Каждая планета — определенный Разум, имеющий определенную физическую форму, которая соединяется по определенным правилам. И человеку, находящемуся во сне сознания, это понять невозможно. Но это — игра, и здесь действуют игроки очень разного рода.

Кто создает Галактики? Высший Разум. Это разум нечеловеческого масштаба создает игру, потом входит в нее и забывает, что сам ее и создал. Потом появляется некто и говорит о том, о чём я сейчас говорю. И всё это говорит о трансформации этой игры. Мы можем играть на Земле, но уже в другую игру, Осознанную Игру. Именно это я и предлагаю. Если вы наигрались и получили весь необходимый опыт неосознанного существования, то можно переходить к следующему опыту — опыту осознанного существования. А для перехода в осознанную жизнь необходимо переживание Бытия. Переход в осознанную жизнь связан с переживанием себя как Бытия: как от мира сего, так и не от Мира сего.

Осознание — основной элемент нового качества игры

— Смотрите, элемент, который я вношу как основу нового качества игры, — это осознание себя, вспоминание себя не от Мира сего. И я очень четко могу изложить все те изменения, которые будут вызваны этим вспоминанием. Еще раз повторю то, о чём я говорил вчера.

Этот мир или «мир спящих» фактически основан на принципе дисгармонии. И мы его подробно рассматривали. Что такое дисгармония? Это получение энергии для выполнения работы или жизни за счет разведения плюса и минуса как в аккумуляторе. Сама личность является таким аккумулятором. Каким образом мы получаем эту психическую энергию? Именно за счет разведения положительных и отрицательных качеств. При этом, смотрите, как хитро устроена эта игра: плюс не должен видеть минус, они вообще не должны знать о наличии друг друга в одной личности. И это подобно знаку близнецов. Это единственный знак зодиака, имеющий четкий символ: два человека, сидящие друг к другу спинами и

смотрящие в противоположные стороны. Они опираются друг на друга, но не видят друг друга. Посмотрите, та же самая ситуация происходит в личности.

— *Один говорит: «Нет!» Другой говорит: «Да!»*

— Совершенно верно. Это показывает на наличие в личности психической энергии, без которой мы не можем здесь осуществлять то, что называем жизнью и не можем реализовать свою судьбу, не можем получить опыт. Часть «сила» опирается на часть «слабость», но не хочет видеть этого и признаваться в этом тоже не хочет.

— *Они борются друг с другом.*

— Совершенно верно. Жизнь здесь — это борьба противоположностей. Таким образом, кайф от жизни мы получаем через борьбу. Обратите внимание, именно через борьбу. Выбор арены для борьбы и выбор оружия различен. И разные программы представляют разные возможности. Но идентичным для всех является борьба. Сам процесс борьбы является тем, что идентично для всех людей. И этот процесс, вынесенный наружу в войнах, конфликтах, находится внутри самого человека. Это важный момент, на это я постоянно указываю. Все конфликты, все внешние проблемы, которые человек хочет решить, приходя на семинар, на самом деле лежат в его собственной личности.

Посмотрите, что есть личность? Ее можно сравнить с автомобилем. Автомобиль сам по себе не будет двигаться. Нужна цель, и ее задает водитель. Но в «автомобиле» личности находятся, на самом деле, два водителя, а не один. Один из них рулит вправо, а другой рулит влево. При такой ситуации вы можете двигаться прямо, как я показывал на примере движения на лыжах. Правая лыжа двигается вправо, а левая двигается влево. Но правая двигается вправо только потому, что отталкивается левая, а левая потому, что двигается правая. При этом мы переносим центр тяжести на правую ногу и двигаемся на одной ноге до тех пор, пока не подсоединяем левую. Потом совершаем толчок правой и уже двигаемся на левой ноге.

Так вот в человеке происходит тоже самое. Но особенность этого процесса в личности в том, что когда мы переходим на левую сторону, мы не помним правую, а когда переходим на правую сторону, то не помним левую. Поэтому разговаривать со спящим человеком в манере целостности невозможно, так как он не помнит самого себя. У него выскакивает какая-то часть и он заявляет: «Это я!» Потом эта часть уходит, появляется другая и снова мы слышим: «Это я!» То есть человек искренне говорит: «Я тебя ненавижу!» И он действительно ненавидит. А ум его обеспечивает объяснениями, почему он любит и почему он ненавидит. Вот он, парадокс жизни «во сне».

Так что такое целостный взгляд? Это взгляд не из этого мира, который позволяет не осуждать, наблюдая за собой в дуальности. Тогда для вас и хорошее и плохое видится как равноценные части. Смотрите, это совершенно необычный взгляд. То есть увидеть себя в целостности вы можете только не из этого мира, вспомнив другую часть себя в Другом Мире. В ином случае вы не можете этого сделать. При этом вы будете использовать слова, которые я произношу, имитируя то, о чём я говорю, но не понимая этого. Вот это получило здесь название — «осознаючесть». Не осознание, а «осознаючесть». Именно этой «осознаючестью» человек начинает «долбать» других людей, не имеющих этой «осознаючести», тем самым продолжая делать то, что он делал всегда, то есть бороться. Сменяется только вид оружия, но сам принцип борьбы остается.

— А если оттуда смотреть, то целостный взгляд предполагает восприятие других как самого себя.

— Совершенно верно. Но основной вопрос заключается в том, как же нам вспомнить самого себя, находясь в состоянии полного отождествления с игроком игры в разделенное восприятие. Именно это я здесь и предлагаю.

Каковы мои заключения по этому вопросу? Во-первых, по методам просветления. Люди очень любят опираться на старину, на давние традиции. К примеру, буддизм. Люди уверенно говорят о чудесах медитации. Для обычного западного человека медитация — это род галлюцинаций. Он какие-то мантры повторяет и это всё равно, что повторять: «Пепси-Кола, пепси-кола, три восемьдесят, три восемьдесят!» Вот вам и вся мантра. Но они ответят: «Нет, они же на индийском языке!» Так вот я утверждаю, что это не работает. Если вы всё время будете повторять: «Пепси-кола, пепси-кола», — то кажется, что вы уже не будете думать о проблемах, связанных с разбитой вами машиной. Часто и это не помогает, ведь автомобиль стоит разбитый, а вам надо его починить. Таким образом можно себя временно успокоить, но это не есть способ просветления.

Очень много ранее выработанных методов просветления не действуют теперь. А не действуют они по какой причине? По причине изменения условий. Если вы читали Крайона, то там упоминается некая сущность, которая установила контакт с неким человеком, и он написал ряд книг. Так что говорит эта сущность? Она говорит, что она из Отдела Магнитной Службы. И она приходит сюда для того, чтобы менять электромагнитную решетку Земли. На самом деле каждое существо на Земле, в том числе и человек, это электромагнитное существо. И электромагнитная площадка Земли является базовой площадкой для того спектакля, который получают люди. Апокалипсис был на Земле несколько раз, когда менялась полярность. Таким образом происходила полная потеря памяти, и всё начиналось сначала.

Так вот сейчас происходит другое, а именно: коррекция электромагнитного поля Земли. То есть переориентация, перенаправление этой площадки на получение Нового Опыта. Это то, о чём я здесь вам и говорил в смысле появления нового игрока, который рассказывает вам об условиях Новой Игры. И это имеет основание Оттуда. То есть магнитная решетка Земли меняется, в связи с этим меняются и все условия просветления. До сих пор только единицы людей выходили в это состояние, причем используя какие-то методы, суть которых не понимали. Например, тот же самый Будда прошел всех известных учителей и ничего не смог получить. Затем он сел около дерева, в изнеможении отпустил всё и вдруг просветлел. И теперь все рекомендуют найти это дерево. Именно так обстоят дела у «спящих». Это всё есть просто подражание, оно не дает ничего. Если появляется какой-то просветленный, с которым происходит это самое просветление, то оно связано с контекстом его жизни. А дальше все остальные начинают просто подражать, ничего не получая.

Что есть путь к вспоминанию себя?

— Путь, который предлагаю я, совершенно иной. Здесь есть мост. Мой переход с этой стороны на ту сторону, то есть к вспоминанию самого себя, сопровождался очень детальным исследованием всей этой матрицы. По сути сама задача была — исследовать эту матрицу. И она исследована очень детально. И сам язык подачи очень четкий. Заметьте, мое базовое образование — инженер-механик. Когда вы занимаетесь инженерией, то там не допускается использование поэтического языка, описание карбюратора поэтическими метафорами. Может быть, получатся неплохие стихи, но никто не поймет, что делать с этим автомобилем. Возможно, люди и восхитятся вашей поэзией, но это не продвинет их в устранении неисправностей автомобиля. Поэтому мой подход здесь инженерный. Я вам рассказываю это настолько, насколько могу четко и ясно рассказывать.

Сам момент сложностей перехода и всех его тонкостей мне известен. И я вам могу сказать, что эти знания сейчас очень важны, потому что изменение электромагнитного поля Земли приводит к изменениям в самом процессе просветления людей. Основным является работа с импринтом, который накладывается на человека и не позволяет ему видеть ничего, кроме того, что задано в этом импринте.

— *Что такое «импринт»?*

— Это некая настройка восприятия. Отпечаток. Человеческое существо, попадая сюда, получает определенную настройку восприятия физического мира как единственно реального. Нельзя сказать, что это единственная реальность, потому что есть мысли и есть чувства. Но такой четкости, как в описании физического мира, в отношении описания мыслей и чувств в языке нет. Если это стул, то это стул. И разновидности стула можно описывать, так как он материален. А чувства — это область поэзии, и описывать чувства очень сложно. Психологи тоже пытаются описывать чувства, но уровень их точности весьма сомнителен. Поэтому те вещи, которые здесь физически не выражены, не могут быть четко определены. И необходимо выработать некую систему видения, позволяющую исследовать импринты разного типа людей.

Так что такое «импринт»? Это настройка восприятия или, как говорит Кастанеда, «точка сборки восприятия». Точка сборки восприятия человека направлена на восприятие именно физического мира. То есть то, что я могу пощупать, оно есть, а то, чего не могу пощупать, его нет. Фома Неверующий — это просто настройка восприятия. Импринт и ответственен за это. Поэтому если у вас настройка восприятия очень четко зафиксирована, то ничего сделать с этим невозможно.

Само изменение магнитной решетки Земли указывает на то, что сейчас появляется возможность изменения этих настроек восприятия. Потому что в ином случае то, что я делаю, обречено на провал. Тем не менее, я чувствую и знаю, что это возможно. Как реализовать эту возможность? Каким образом человек узнает самого себя? То есть что мы здесь делаем? Мы исследуем самого себя. Я постоянно использую термин самоисследование. Как вы можете исследовать самого себя? Как вы вообще узнаете самого себя? Как вы выносите какие-то суждения в отношении самого себя?

— *Через других.*

— Человек познает самого себя через отношения с другими людьми. Фактически, человек и есть совокупность его отношений с другими. Изменения этих отношений и есть изменение человека. Вот что есть основное. Таким образом, вы не можете изменять самого себя, не изменяя отношения с другими людьми. Вам надо не менять других людей, вам надо менять отношения с другими людьми. Вы не можете менять других людей, но вы можете менять самого себя, то есть отношения с другими людьми. Например, у каждого из вас есть в близком окружении человек, который вас раздражает больше всего. Пожалуйста, говорите, чем вас раздражают эти люди? Будете таиться, ничего не получится.

— Я сегодня осознал, что я отрицаю в себе через свою мать. Она настойчива в своей настойчивости. Теперь я увидел, что я сам такой же. Настойчивость есть атрибутика моего ума, и я это вижу в другом человеке.

— Смотри, ты не можешь изменить это качество в другом, но ты можешь увидеть это качество в самом себе. То есть через раздражение к другому человеку в тех или иных его проявлениях я могу начинать видеть это качество в самом себе. В спящем состоянии этого не происходит, я всё время только борюсь с этим. Борюсь и борюсь, борюсь и борюсь. И буду бороться до смерти. В состоянии перехода к осознанию вы начинаете улавливать некие знания. Если у вас их нет, вы будете искать не там, где потеряли. И искать будете вечно. Значит, вам надо увидеть то, что есть хотя бы на уровне знаний.

Я сейчас детально буду описывать то, как этот процесс происходит у нас. Вам нужно почувствовать, что эти знания действительно описывают то, что есть так, как оно есть. Если вы начинаете это чувствовать, то процесс пойдет. Если нет, то вас будет просто мотать по разным направлениям, психологическим течениям. Я не говорю, что это плохо. Значит, вы не добрали какой-то опыт, и вы будете его добирать. Вы в любом случае будете его добирать, даже находясь здесь. Но первое, что очень важно с точки зрения того способа, который я вам предлагаю, это — отношение к знаниям, которые я вам передаю. Если вы чувствуете важность этих знаний, если вы чувствуете то, что есть так, как оно есть, то это первый шаг.

Теперь вы начинаете слушать это, и вам надо улавливать хотя бы на уровне знаний. Вот почему очень важно читать книги, слушать семинары и смотреть фильмы. И делать это всё постоянно. Вы не можете уловить сразу всё. Вы будете улавливать это порционно. Сначала то, что нужно вам именно сейчас. Но это вы будете делать только в том случае, если вы понимаете важность этого. В ином случае вы этим просто поинтересуетесь, а потом вас унесет в другие течения. Если вы начнете исследовать самого себя, то вы поймете, что эти знания позволяют увидеть то, что есть так, как оно есть.

С чего начинается исследование самого себя?

Исследование самого себя начинается с того момента, что вам надо увидеть в себе то, что вы не видели в себе, то есть другую сторону. Либо минус, либо плюс. В любом случае, вы не видите этого. Как вы можете начинать видеть? Через других людей. Вы начинаете обращать внимание на тех, кто вас раздражает. При этом не

пытаясь переделать его, а пытаясь выяснить, что же он вам отражает, начиная это замечать в самом себе. Поэтому вам нужно быть всё время во взаимодействии с другими людьми. Это будут близкие вам люди. Именно близкие приносят самое большое раздражение в силу того, что вы на них проецируете. И отделаться от них невозможно именно потому, что они находятся в близком окружении. Но говорить с ними будет очень сложно. Многие из них вообще не будут этого признавать и будут кричать: «Это секта, ты сумасшедшая совсем! Что ты там делаешь? Ты еще и деньги туда носишь?» Но если вы будете продолжать это делать, то вам понадобится группа людей, в которой вы сможете говорить искренне. В группе вы сможете начать обсуждение того, чего с близкими людьми обсуждать невозможно, поскольку оно вызывает инфаркты, крики и так далее.

Дальше у вас начнется преобразование вашего близкого окружения. В вашем близком окружении как минимум появится один близкий человек, с которым вы это сможете рассматривать. И это будет близкий человек. И контакт с этим человеком не будет легким. Вы можете начать конфликтовать с ним, проецируя на него мать или отца. Но проиграв этот конфликт, вы сможете снова погрузиться в это знание для его осознания. Редко вы сможете осознавать сразу. А когда будете прикасаться к очень сложным моментам, то будут взрывы. Совершив взрывы, вы начнете их разбирать и осознавать. При этом вам необходима группа, в которой вы это будете делать. И вам необходимы те, которые постоянно будут указывать на эти вещи. Вот она, система.

Вы можете уйти после этого семинара, получив то, на что готовы сейчас. Значит, именно это вам и нужно. И насиловать вас, в смысле, говорить: «Давайте, оставайтесь!» — я не буду. Это бессмысленно. Но если у вас это серьезно и вы готовы к этому как к основной работе своей жизни, то вам это будет нужно. И вы в этом будете всё время. Поэтому забота о группе, о том, чтобы эти семинары состоялись, является для вас крайне важным в продвижении по этому Пути, если вы идете к этому целенаправленно, а не разово. Вот.

— У меня пример такой. Я попытался поговорить об этом с мамой. Я ей говорю: «Мама, ты понимаешь, что в тебе есть не только святая, но и проститутка?» Она сначала была в шоке, а потом начала кричать: «Ты как вообще с матерью разговариваешь?» Я ей в ответ: «Мама, если я тебе скажу, что ты святая, ты же не будешь обижаться?» — «Нет». — «А почему ты обижаешься, что ты — проститутка?»

— Ты меня как нагуляла?

— Ну, она обиделась на меня. Через некоторое время я попытался еще раз поговорить об этом, у нее такой реакции уже не было. Она восприняла это по-другому.

— Ну, это круто! Вот смотрите, для кого-то матери сказать такое вообще невозможно, а кто-то с этого начинает. Но он будет бояться чего-то другого, о чём вы, например, будете говорить: «Это же элементарно! Мать — проститутка? Это же просто!» А вот сказать ей, предположим: «Ты мне суп сегодня не вари», — так этого я не могу.

— Она меня приучила говорить обо всем, о чём я думаю. Однажды я ей сказал что-то, так она обиделась. Теперь боится спрашивать, о чём я думаю. Просит о страшном не говорить.

— Да, я хочу завершить тот момент о целях иллюзорных и бытие. Так вот основное, что нужно человеческому существу, это состояние счастья. Но что он делает по факту? Он постоянно стремится к цели, при этом состояния у него хреновые. Так ведь? То есть вы ставите целью достижение того, чего вы хотите, при этом состояния у вас ужасные. Таким образом, у вас цель является основным, а состояния — второстепенным. При этом большинство людей вообще не понимают своего состояния. Им нужно, чтобы было совсем плохо, тогда они говорят: «Что-то мне совсем плохо». А когда такая муть идет, то они этого даже не замечают. Главное — это цель. Цель оправдывает средства. А средства — это состояния. И чтобы достичь цели, нужно в такие состояния входить, что просто ужас. Так вот смотрите, всё перевернуто. Просветленный воспринимает каждое мгновение как счастье, потому что он следит за своими состояниями. Цель — иллюзия, состояния — главное. Он никогда не поменяет состояния на фикцию достижения цели. Пока, возможно, это не очень понятно.

— Можно я скажу? Я долго занималась духовными практиками, целью которых было достижение единства со своим Божественным «Я». Я пыталась этого достичь разными способами. Куда бы я ни ходила, состояния всегда были хреновые. И когда я чувствовала, что мне это не подходит, я начинала хватать новую книгу. И снова состояние было хреновым.

— Теперь давай рассмотрим, почему состояния у тебя хреновые? Потому что ты ориентирована на цель. Тебе нужно соединиться с Богом, а какой ценой и с каким состоянием, не имеет значения. Так делаются революции, так завоевываются первые места на соревнованиях. Состояния не имеют значения, важнее всего — добиться цели. Так вот с Богом так не получится, его за грудки-то не возьмешь. Он везде и нигде. И ты сама натыкаешься на то, что порождаешь. А порождаешь ты борьбу, потому что достижение цели есть борьба. А просветление и бытие — не борьба. Это состояние.

Когда ты хочешь достигать цели, ты всегда будешь в борьбе. А когда ты отпускаешь все цели, тогда наступает бытие. Но тебя в этом случае не соблазнит ни одна фикция, потому что ты обретаешь основу. Это не значит, что ты

становишься бездельником, ничего не можешь делать. Ничего подобного! Просто ты понимаешь иллюзорность всего этого, и ты никогда не поменяешь никакую иллюзию цели на единственный факт — состояние счастья внутри. Либо борьба, либо бытие. Как только ты входишь в борьбу, ты теряешь состояние бытия. А так как все находятся в борьбе и ничего кроме борьбы не знают, но при этом ее не осознают, то бытие кажется чем-то нереальным. Вот как «спящий» к этому подходит: «С Богом соединиться? Всё, вперед! Мерседес купить? Всё, вперед! Первое место занять? Вперед!» И пошла борьба. И не важно, какая цель ставится, главное — борьба.

Цель может быть любая, но сделать целью Бога невозможно. С самим Собой не из этого мира вы можете соединиться только при выходе из состояния борьбы. Но состояние борьбы — это опыт, и он здесь необходим. Если этот опыт не добран, не понят и не начата его интеграция, то вы будете продолжать эту борьбу. При этом вы будете апеллировать этими словами. Самые воинствующие — это богоугодники. Вспомните крестовые походы и тому подобное. Именно в связи с Богом пролито больше всего крови, между прочим.

— А это как раз на опыте достигается.

— Когда вы до невозможности испотрошите себя этой борьбой, когда вы переломаете себе все пальцы, когда выбьете себе глаза, пробьете голову… Тогда вы обопретесь о холодильник, который в этот момент издаст последний вздох, и поймете, что в вашей жизни что-то не так.

— Самое интересное, что осознание приходит через боль.

— Через боль и страдание. За что мы еще не боролись в этом мире? И хоть условия меняются и тенденции появляются, реальность борьбы остается пока еще притягательной. Пока человек не устанет от своей борьбы, ничего у него не начинается.

Поэтому я сейчас стал консультантом, а до этого был играющим тренером. И я не мог этого не делать, потому что изучал самого себя и очень экстремально. Но теперь, слава богу, из играющего тренера я перехожу в неиграющего тренера. Теперь я консультант. И если вы хотите в своем мире что-то менять, мы заключаем с вами контракт. А если не хотите, то мне этого не надо. Мне просто интересно это делать.

К чему подводит видение собственного спектакля?

— Александр Александрович, вчера интересная история приключилась. Мне Татьяна из Уфы написала: «Как у вас там всё происходит?» Я ей отвечаю: «Очень интересно. Александр Александрович у нас единственный консультант». Она меня спрашивает: «А кто же теперь ведет семинар?»

— Ведет семинар тот, кто в мире сем. Тот, кто не в мире сем, наслаждается. И этот тоже наслаждается.

— Сами будем вести.

— Ведите, я же не отказываюсь. Но только больше меня включать в свои спектакли вам не удастся.

— Сам напрашивался и позволял.

— Я понимаю, что это было нужно. Но только не мне, а тебе. Я тебе приведу очень интересную аналогию взаимодействия меня с группой. На самом деле это взаимоотношение взрослого и ребенка. Что нужно ребенку? Ребенку от взрослого нужно внимание. Правильно?

— И любовь.

— Понимаете, никто не знает, что такое любовь. Но внимание, так сказать, это нужно. Ему на самом деле здесь нужно признание того, что он существует. Почему люди так озабочены вниманием, причем вниманием даже негативного плана? Вот звёзды эстрады, например. Сначала их хвалят. А когда популярность кончается, они начинают чем заниматься?

— Чёрным пиаром.

— То драка, то ещё чего-то в этом роде. Понимаете? Нужно продлить хоть немножечко внимание к себе, потому как если к тебе внимания нет, то ты не существуешь. А это ужас! Но так как эго является иллюзорным образованием, то ему нужно всё время подкрепление, что оно существует. И если нет подкрепления тире внимания, то его и нет. Понимаете? Вот он, ужас одиночества. Он связан с тем, что вам кажется, что вас нет. А так как вы забыли себя не в мире сем, а здесь вам кажется, что вами никто не интересуется, то вообще кранты.

Так что делает ребенок, чтобы привлекать внимание? Причем, он делает это очень хорошо, он вырабатывает свои способы. Например, как привлечь внимание отца, который не смотрит, потому что у него работа или он напился или еще чего-нибудь. Ребенок возьмет и стащит у этого отца бутылку водки и побежит с ней. Отец честно бежит за ним: «Куда! Отдай водку!» Уже внимание. То есть смотрите,

чтобы привлечь внимание к себе, надо украсть, например, что-нибудь такое, что нужно этому человеку для того, чтобы он за тобой бегал. Вот это и было взаимоотношение меня и группы.

— *Отдайте водку!*

— Да. Чаще всего на меня проецируется отец, хотя могут быть и другие вещи. Но механизм тот же самый. Значит, надо привлечь внимание отца. А как идет привлечение внимания отца? А так, как вы это делали в своем детстве. Вспомните и увидите. Взрослый отличается от ребенка только тем, что он объясняет свои поступки в так называемой взрослой манере, но при этом делает те же самые детские вещи.

Например, ребенок не получает внимания. Что он может начать делать? Он может начать устраивать истерику. Этим он точно привлечет внимание, да? Он может заболеть. Так? Тоже привлечет внимание. Всё это в зависимости от того, на что реагируют родители. Он их как бы прощупывает: на что они реагируют?

— *И на что самая большая реакция.*

— Да. На что они реагируют больше всего? Вот то, на что ваши родители реагировали больше всего, вы и взяли как основной способ привлечения внимания. При этом привлечение внимания мужчины и женщины, то есть отца и матери, может быть различным. Поэтому вы можете применять разные средства для привлечения внимания мужчин или женщин. Но все они — это ваши детские способы. Как вы это делали тогда, так вы делаете это и сейчас. При этом вы совершенно забыли своего ребенка. Вам кажется, что вы уже взрослые. А ни хрена — ребенок всегда в вас! И именно то, что вы делаете, это и есть действия ребенка, но объясняемые взрослыми по-своему, по-взрослому. Вот смотрите, я приведу пример. Какой-нибудь маньяк-убийца находит полицейского, которому начинает сообщать о совершаемых им убийствах. Смотрели такие фильмы?

— *Да.*

— То есть он его вовлекает в эту игру. Тот начинает вовлекаться, бегать и так далее. В конечном счете чего хочет этот маньяк? Он хочет, чтобы его убили. И чтобы именно этот его и убил. Это я вам просто крутые игры показываю, да?

— *Достойные детективы.*

— Возьмите любой сценарий, возьмите свою жизнь и вы увидите, что все ваши действия есть действия вашего ребенка. Вашего ребенка. И привлечение внимания к этому ребенку происходит теми же способами, которые были выработаны как способы привлечения внимания своих родителей.

И если вы отождествляете меня с одним из ваших родителей, то вы будете использовать те же самые приемы привлечения моего внимания, относясь ко мне точно так же, как относились, например, к отцу.

Смотрите, я просто передаю знания. Эти знания показывают то, что есть так, как оно есть. Но дальше эти знания вам нужно прочувствовать. Вам нужно убедиться в этом, осознать это в себе. Тогда это становится вашим знанием. А пока это просто подарок. Если вы цените этот подарок, вы его будете получать. Но только через осознание в самом себе.

— Это действительно так, я про себя могу сказать. Например, внимание мамы я брала истерикой, криком. И когда мне плохо, я звоню своей подруге и плачу: «А-а-а, мне очень плохо…» Мужчин я привлекаю по-другому, в основном интеллектуально. Папа занимался со мной, ему было интересно играть со мной в шахматы, читать книги, то есть привлечение внимания на интеллектуальном уровне было.

— А как на интеллектуальном уровне? Смотри, тут дальше и дальше можно двигаться. Как именно ты это делаешь? То есть ты можешь, например, строить из себя дурочку. Вот мужчина идет, а ты ему говоришь: «Мужик, а мужик, я не могу тут переставить шахматы, помоги мне». Или, например, автомобиль заглох, и тут приезжает какой-то мужик и сразу: «Дамочка, что у вас тут?»

— Бывает и так.

— Я это привел как пример, но может быть и совершенно иначе. Можно, например, сказать: «Мужик, ты козел, ты даже не знаешь, как шахматы нужно передвигать». Да?

— Нет, в основном начинаешь какую-то интересную беседу и показываешь, что он умный такой. Потом переключаешь в игру его как-то интеллектуально.

— Да, но в этой интеллектуальной игре кто-то умнее, а кто-то глупее. Там масса вопросов. Ты же можешь быть умнее, и тогда ты это показываешь. Мужик, например, остановился, а у тебя из машины пар идет. Ты начинаешь говорить: «Ничего не понимаю». Потом подходишь к нему, поворачиваешься и произносишь: «Козел». Разворачиваешься и уезжаешь. Пожалуйста, игр может быть очень много, разнообразие их безгранично. Но разобраться в том, в какую игру играешь именно ты, — вот что интересно.

— Мне кажется, что с разными людьми по-разному, хотя механизм, наверное, один всё-таки.

— Так смотри, в нашей группе есть мужчины и женщины. У нас двадцать четыре часа в сутках, и это время вы чему-то здесь посвящаете. А посвящаете вы его разворачиванию этих сценариев. Вы можете это делать неосознанно, но тогда

вы будете это делать до смерти. Либо вы начинаете осознавать. Именно здесь самая лучшая возможность для осознания. То есть какие-то люди вам нравятся, с кем-то вы начинаете какие-то отношения. Причем с кем-то больше, а с кем-то меньше. И так далее. Так обговаривайте эти моменты: почему вы притянулись, что за сценарий вы разыгрываете. Разыгрывайте и осознавайте. Интересно же! Используйте всё здесь на полную катушку.

— Можно сказать? Меня сегодня, например, в очередной раз на три буквы послали. Самое интересное, что вчера именно этого человека я просто видеть не могла. То есть я смотреть даже на него не могла.

— Ты уже понимала, куда он тебя пошлет.

— Да, видимо понимала. Хотя нет, я не понимала.

— Но предчувствовала.

— Да, видимо чувствовала. И в результате так оно и случилось. И что я поняла из этого? Вот вы как раз о матери заговорили, о том, что это отражение отношений с матерью. Мать не хочет ни понимать, ни слышать, ни замечать. Вот, пожалуйста.

— Да. Но программа матери передана тебе, и ты ничего не можешь здесь сделать. То, что мы предчувствуем, то и происходит. Вот что самое интересное. Мы заказываем ситуацию, при этом не понимаем этого. Вот ты говоришь: «Я предчувствовала, что он меня пошлет, он меня и послал». Так поэтому он и послал, что ты предчувствовала.

— Да.

— Вот Салия предчувствовала, что я буду смеяться над тем, что она говорит, я и смеялся. Но она же не понимает, что это ее спектакль, потому что она не видит этого спектакля. Так что я предлагаю? Я вам предлагаю видеть ваш собственный спектакль. Только тогда вы начинаете выходить из него. А так у вас это всё будет делаться автоматически. Я предчувствую, что меня пошлют на три буквы, и меня посылают. И я кричу теперь и плачу в углу одна, потому что предчувствую, что я это буду делать, поскольку ничего другого я делать не могу — у меня программа такая. А программу я не знаю. И повторяя всё в тысячный раз, я не понимаю, что делаю одно и то же. И только когда я увижу эту программу, тогда у меня появится возможность сделать это иначе. А так у меня этой возможности нет. И я всё время буду это предчувствовать и получать. И делать опять то же в тысячный раз.

— Я смотрю, что в основном привлекаю противоположный пол тем, что я как бы сочувствую, понимаю. Хотя иногда мне и не надо этого. Но я играю этим, я постоянно играю.

— Я не играю, это программа такая. Я не могу иначе. Значит, тогда появится женщина, которая будет жаловаться: «Ой, мне плохо, помоги мне! Помоги мне вот в этом, и вот в этом помоги». А ты не можешь этого не делать.

— В этом-то всё и заключается.

— Конечно, ты автоматически это будешь делать. А она это чувствует.

— Если я даже понимаю, что это мне не надо, я всё равно продолжаю это делать.

— Как ты можешь понимать, что тебе надо, а что тебе не надо, если ты не понимаешь, кто ты?

— Ну, не сейчас, например.

— Смотрите, как язык хорошо устроен. Да? Я понимаю, что мне это не надо, но я это делаю.

— А вдруг я пойму?

— А кто я? Кто? А я есть программа, которая запрограммирована на это. И она не может этого не делать. Так нравится тебе или не нравится, какая разница? Ты будешь это делать независимо от этого. Вот это и есть существование в неосознанном состоянии. То есть ты будешь кричать: «Вот очередная сто первая дама меня обманула!» А потом появится сто вторая и сделает то же самое. И ты будешь кричать опять: «Сто вторая баба меня наколола», — и тут же появится сто третья. Так на что ты попадаешься? Что это за типы женщин, которые у тебя всё время появляются? Понимаешь, это одно и то же. Но это одно и то же надо видеть. В состоянии сна видеть невозможно, поэтому там идет просто повторение. В состоянии осознания мы можем это видеть, а видя, мы можем это менять. Но только в состоянии осознания.

Так смотрите, вот что такое осознание. Это — гармония. Гармония возможна тогда, когда ты видишь обе части самого себя, то есть обе части своей личности. От самого видения конфликт между ними уменьшается. Сначала их можно представить как две противоположные стороны, которые просто орут друг на друга. Они сидят спинами друг к другу и кричат: «Ты дурак!» — «А ты умник!» — «Пошел ты на хрен!» — «Сам пошел на хрен!» Вот и всё, что они делают. При осознании начинается очень интересный процесс: они начинают разворачиваться друг к другу. Это происходит сначала потихонечку, ведь если их сразу развернуть и показать друг другу, у них пробки вышибет. Вот что и происходит здесь, когда вдруг разворачивает и человек становится невменяем. Он забывает, что было тут, потому что это невозможное напряжение разрядилось.

— Оля, у твоей мамы пробки вышибло.

— Да. Человек — существо очень интересное, он же забывает всё время. У него вышибло всё, и он ничего не помнит. «А что было вчера?» — «А я не знаю. Слава богу, свет горит». То есть смотрите, этот процесс постепенный. По мере увеличения вашего осознания вы всё более и более видите это. В конечном счете, это приведет к тому, что обе части полностью развернутся друг к другу и пожмут друг другу руки. Это и есть партнерство. До этого между ними только борьба и больше ничего. При этом борьба такая, что одну часть вы сознаете, а другую — нет. И она вам вредит, если вы считаете себя той, которой вредят. А та считает, что ей другая часть вредит. Но при осознании вы начинаете видеть обе эти части, признавая их как равноправных партнеров в любой ситуации.

Вот водитель признает равноправную необходимость поворота руля вправо и влево. Так ведь? Водитель же не говорит, что вправо лучше или влево лучше. Всё зависимости от условий. Но в нашей психике устроено иначе — мы давим только в одну сторону, мы гребем одним веслом, поэтому крутимся по кругу. Так вот осознание даст полное видение обоих партнеров и использование их в любой ситуации. Необходимы и тот и другой — вот что самое интересное. Если взять лыжника, то с точки зрения лыжи, которая едет вправо, туда и надо ехать. А с точки зрения лыжи, которая едет влево, туда надо ехать. И попробуйте их совместить. Но сам лыжник понимает, что ехать надо прямо и использует и то и другое. Но вы не можете использовать и то и другое, потому что вы едете или только на правой лыже или только на левой лыже. И только когда вы падаете, вы кричите: «О, ужас!» А так вы уже больше не будете падать, так вы будете просто красиво двигаться. Это и есть мастерство движения по жизни. Именно у сознающего себя, то есть узнавшего себя с помощью себя, есть красивое движение по жизни.

Понимаете, если вы потом посмотрите на свой узор, оставленный вами на лыжне этой реальности, то можете ужаснуться. Но если вы стали осознанным, то ваш путь будет прекрасен. Просто красив. Поэтому гармонизация и осознание — это и есть то, что нужно внести в эту реальность, чтобы ваше движение стало красивым. И это сопровождается состоянием, внутренним состоянием радости. Поэтому всё, что вы делаете, радостно. Это и есть самое важное — внутренняя радость.

Технология выведения внутреннего конфликта на сознание

— Хорошо. Я предлагаю сейчас посвятить остаток нашего времени разбору ваших внутренних частей. Я предлагаю вам сесть на один из этих стульев и определить некий внутренний конфликт. Причем этот конфликт будет выражен внешне через определенного человека, с которым у вас сейчас проблема, возможно нерешаемая, как вам кажется. То есть у вас постоянно идет конфликт.

— Ну, я хотела бы разобрать дуальность «победа — поражение». Но это не касается конкретного человека. Вот таким образом это можно сделать?

— Нет. Для того, чтобы у нас работа была более ясная и четкая, нам нужно сейчас начать с конфликта. То есть все ваши внутренние конфликты обязательно проявляются внешне, нет ни одного внутреннего конфликта, не проявленного внешне. Проявление же внешнего конфликта обязательно предполагает наличие человека. Даже не просто ситуации, а человека. Человека, с которым вы имеете войну, с которым вы постоянно воюете. Это называется конфликт. То есть он придерживается одной точки зрения, вы придерживаетесь противоположной точки зрения. Но этот внешний человек является отражением вашей внутренней, неосознанной вами части. Поэтому я предлагаю найти сейчас такого человека.

— Тогда другое можно разобрать, у меня…

— Не пытайтесь определять сейчас двойственность, я предлагаю определить сейчас именно человека.

— Да, человек. У меня осенью как раз очень ярко проявилось отношение с моей сестрой, Татьяной. Жадность у нее лезет, и сколько бы я ей не помогала, она неблагодарна. Я ей и деньгами помогала и вещами. Чтобы я не делала, как бы не помогала, она говорит, что это нормально, что я и обязана это всё делать. Вот. По факту она потом утверждала, что денег я ей якобы и не давала, то есть она даже не помнит.

— Надо брать сейчас определенную конфликтную ситуацию, по поводу которой у вас есть разногласия мнений. Именно конкретную конфликтную ситуацию, причем она должна быть существенной, жизненно важной для вас. Если она не существенная для вас, ее не надо брать.

— Я до конца это всё-таки не прожила и не отработала.

— Вот смотрите, на самом деле еще пока готовности нет.

— Да.

— Я предлагаю вам пересесть обратно и предлагаю сесть сюда человеку, у которого есть уже готовность к такой работе. Пожалуйста.

— Этот человек — это моя жена. Разногласий, конечно, много, но есть определенная ситуация последняя. Ее нужно описать?

— Да. Нужно описать ту ситуацию, в которой у вас есть совершенно разные точки зрения, и вы никак не можете решить это. Она говорит одно, то есть она смотрит на юг, а вы смотрите на север. И ситуация остается нерешенной.

— Ситуация остается, она не решена. Жена моя не противодействует прямо. Она заняла выжидательную позицию, но я чувствую ее.

— Вы не выработали вместе чего-то, с чем вы оба согласны в этой ситуации.

— Да. Это да.

— Хорошо. Тогда, пожалуйста, вы сейчас предъявляете претензии, сидя на этом стуле. Потом садитесь на белый стул, который будет «она», то есть ваша противоположная часть и говорите за нее. На самом деле нет никакой жены. Есть ваша внутренняя часть, которую вы проецируете на жену, и она высказывает мнение другой вашей части. Это может быть осуждение, может быть всё, что угодно. Может будет вообще только осуждение, может быть что-то, так сказать, аргументированное. Потом вы опять пересаживаетесь и отвечаете ей. Но выдвигаете ей опять свои недовольства. Потом снова пересаживаетесь и отвечаете на них. Вы сейчас увидите, что происходит в вашем внутреннем мире.

— Моя мать занималась продажей нашей квартиры при переезде, и она продала ее дороже, чем мы предполагали. Она получила больше денег с продажи, чем было заранее обговорено с нами. Я считаю, что часть этой суммы мы должны подарить матери. Они с отцом пенсионеры, они нуждаются, у них не так много денег. Хотя, конечно, хлеб с маслом есть. Мы с братом предлагаем отправить маму с отцом ненадолго в санаторий. Почему бы так не сделать?

— Пожалуйста, теперь садитесь на тот стул. Теперь вы становитесь вашей женой и отвечаете по этому поводу.

— Ну и что? Ты же сын ей, она и должна помогать. Что тут такого? В общем-то, никакой большой ее заслуги нет в том, что она продала квартиру дороже. Ты ей тоже помогаешь, и раньше помогал. По первому зову матери ты всегда соскакивал и мчался независимо оттого, нужно ли что-то жене твоей в это время или не нужно. Ты пахал огороды, возил ее куда-то. Так что, у тебя с сыновним долгом всё нормально...

— Тут надо очень четко говорить. Жена подразумевает, что она хочет получить эти деньги сама. Да? То есть она не хочет отдавать эти деньги, так? Потому что иначе конфликт не определен.

— Я понял. «Эти деньги могут и должны остаться в семье, так как мы переехали на новое место, у нас ничего нет, практически голые стены. Эти деньги нужны на ремонт. И у меня даже нет шубы никакой».

— «Я хочу купить на эти деньги шубу себе».

— Ну, может быть, не шубу. На шубу этих денег не хватит всё равно. «Но мы можем потратить эти деньги на семью». То есть как бы разговор не идет такой, что она говорит: «Это только мне и больше никому». Нет. Мы всегда как бы вместе.

— Но она может и не говорить что-то. А вот сейчас находясь на этом стуле и понимая, что это твоя часть, ты можешь говорить совершенно искренне. Потому что там могут какие-то вещи не говориться. Подразумевается, что мы потратим на семью, а на самом деле: «Я хочу потратить на то-то и то-то для себя».

— Да. Ну, тогда так: «Да, мне нужна шуба. Мне уже довольно много лет. И я хочу шубу, вот и всё».

— Всё. Пожалуйста, снова пересаживайтесь.

— «Я уже не один раз говорил о бессмысленности убийства большого количества маленьких зверьков. Смех смехом, но я к этому серьезно отношусь. Мы можем потратить часть этой суммы на несколько нарядов. И еще останется достаточно денег, чтобы по-человечески отблагодарить мать».

— Да. Переходим на другой стул. Смотрите, как непросто брать проблему за рога, что называется.

— Непросто.

— Сейчас вижу вот что: «Не надо убивать никаких зверьков». Что я хочу сказать? Не надо мать сейчас привлекать. Конфликт начался с матери, но он между вами. То есть говорится о том, что не надо зверьков убивать, а подразумевается, что шуба не нужна.

— «Ну, в любом случае, пусть даже не шуба, денег всё равно в семье недостаточно. И вообще я больше зарабатываю. Ну и что, что это мать твоя заработала. Вот и внеси деньги, пожалуйста, в семью».

— Так. В семью на что? На что эта часть хочет тратить деньги?

— На что?

— Шуба, значит, не принципиальна. Нам надо найти основной конфликт, основное разногласие. Видишь, как он завуалирован? Хитро очень завуалирован, до него докопаться непросто. То есть она не настаивает на шубе. Но тогда на чём настаивает?

— Этот вопрос появляется время от времени. Мы так поговорим, и потом это уходит.

— Так нужна ли ей шуба или нет? На что она хочет тратить тогда? На семью? Что такое «тратить на семью»? Горшок купить? Или что?

— Машину еще одну.

— Машину купить. Так. Надо четко определить, что человек на самом деле хочет, но не проговаривает. А уж когда об этом речь зайдет, то он не уступит. Вот пока я не вижу, в чём основное разногласие.

— Я тоже этого не вижу.

— Да, но это же твои части. Твои. Ты не даешь возможности себе проявить в полную силу желания и той части и этой части. Пока разговор идет такой.

— Я чувствую, что разговор обтекаемый. Но я не вижу. Я представляю эту ситуацию, наши споры. Я не вижу. Там такая сложная игра.

— Если посмотреть на жену как на девочку, то она ревнует к матери и борется за твое внимание. Ты в огороды бежишь по первому зову матери. На любую ее просьбу ты сразу тут как тут.

— Да. То есть для нее то, что я даю матери, значит, что я изменяю ей?

— Да. Ревность у нее очень сильная и борьба за внимание. За твое внимание. Это две женщины. И попробуй сейчас понять ее с позиции как женщины.

— Это есть действительно. То есть ей важнее всего просто не дать.

— Да, чтобы внимание тире деньги не ушли другой женщине, а остались у неё. Чтобы ты уделял внимание ей.

— Тогда разговор должен идти так: «Мне осточертела твоя мать». Это я сейчас беру крайние позиции. «Мне надоело, что ты бегаешь всё время к ней, а меня как будто нет». Вот сейчас она начинает говорить такой текст.

— «То есть всё, что мама попросит, ты исполняешь. А то, что я прошу, ты игнорируешь». Вот это ведь у нее?

— В конечном счете, это сведется к ее вопросу, что для тебя важнее — она или мать.

— Да, да, да.

— «Ну, ты как всегда. Для тебя мать важнее, чем твоя жена, с которой ты собираешься завести детей вообще-то. Нужно квартиру обставлять, ремонтировать. Не похоже, чтоб ты к этому стремился. Так что тебе дороже? Мать твоя или я?»

— Да. Вот это уже установка.

— «Ты, разумеется, важнее. Я не раз тебе говорил, что ты для меня самый близкий человек. Я поэтому уехал очень далеко, чтобы быть с тобой вдвоем. Больше никого нет, только ты и я. И если мы небольшую часть денег отдадим, то это будет маленькой благодарностью человеку за то, что он сделал большое дело для нас с тобой, для нашей с тобой семьи и для нашего будущего. Почему бы не отблагодарить?»

— Так. Пожалуйста, садитесь на тот стул. И высказывайте все претензии, которые у нее есть не только касательно этого факта, а вообще всего по жизни, что можно сейчас собрать. Некая истерика, которая показывает, что ни хрена ты ей не давал того внимания, которое нужно. Вот сейчас у нее взрыв идет. Всё, она наберет сейчас.

— То есть давал, но не достаточно. Она недовольна.

— Она недовольна. Это хроническое неудовольствие не выражалось. А вот сейчас она готова это выразить по полной программе и вспоминает всё, вообще всё.

— Да. Вот сейчас нужно всё выкладывать, всё валить в кучу.

— Мне трудно сейчас так, я же привык защищаться.

— Это трудно. Это очень непросто, ведь это — внутренняя собственная часть. Но и нельзя сказать, что я не знаю этого. Просто я этого не хочу видеть.

— Я не хочу этого видеть.

— Но я это знаю. Процесс очень непрост. Прикасаться к этому сейчас, это фактически прикасаться к своему теневому аспекту. У этого теневого аспекта истерика. Он кричит. И такая же истерика у другого аспекта, который не знает, что в этом случае делать. Но ты готов сейчас это проявить. И твоей жены нет сейчас, этот конфликт не выходит за рамки тебя самого. Ты очень четко понимаешь, что это всё только ты.

— Да. Да.

— Вот что ты готов вспомнить как женская часть, которая не удовлетворена вниманием мужской части? Просто говори то, что готов сейчас проговорить.

— «Ты не был моим, даже когда женился на мне. Ты был сыном своей матери, и я никогда не чувствовала твою защиту, не чувствовала, что ты готов на какие-то действия ради меня. Ради меня, а не ради каких-то своих целей и представлений. И ты цветы мне ужасно редко дарил, всего несколько раз. Я могу просто посчитать. А это очень важный знак внимания. И я уже даже соглашаюсь иногда с этим «зачем просто так деньги тратить». Поцеловал утром и ушел на работу — этого мало. Это не доказательство любви. Я не верю, не чувствую, что ты меня любишь. Ты любишь свою мать, это я вижу и знаю. И ты это проявляешь всё время, каждый день. А то, что ты любишь меня, я этого никак не чувствую. И поэтому я тебе не доверяю, и поэтому у нас до сих пор нет детей».

— Так, пожалуйста, на тот стул. Теперь говорит другая часть. Надо дать возможность выйти эмоциям, это очень непростой момент. Если будет хотеться плакать, то надо плакать. Может быть захочется кричать, тогда надо кричать. Никакой угрозы здесь нет. Это нереальный конфликт в том смысле, что жены рядом нет. Наоборот, это решение данной проблемы, которая на самом деле глобальная. Она многогранна.

— «Ты могла бы сказать и раньше, что ты так чувствуешь. Я не знал. Я чувствую вину свою. Наверное, это так и выглядит. Я достаточно умен, чтобы понять это. Если бы ты сказала раньше или каким-то образом показала… Мне тоже кажется, что дело не в цветах. Я не знал, что ты так не уверена во мне, и что тебе нужно почувствовать эту уверенность. Я про себя всегда знаю, что ты у меня единственная и главная забота в жизни. Мать я люблю и стараюсь ей помогать, иногда даже больше, чем это кажется благоразумным. Но ей трудно. И не так уж много времени я провожу с ней».

— Так. Сейчас она. У нее сейчас будет осуждение. Она будет осуждать.

— «Ну, я не знаю, как ты не видел этого. Я кричала, била посуду. Мы ссорились бесконечно, когда жили у твоей матери дома. Это было просто невозможно, невыносимо. Тебе было всё хорошо. А у меня не было даже своего уголка, я не знала, куда положить свои какие-то вещи. Ты этого не видел…»

— Сейчас ей надо высказать, насколько ей плохо. И у нее есть масса всяких фактов, событий из вашей жизни, где она переживала это «плохо». Она не говорила, а сейчас она может это сказать, выложить просто факты какие-то. Например, что-то происходило, и оно для нее было очень болезненным и обидным, потому что ты не смотрел в ее сторону, не обращал внимания, не поддерживал и так далее. У нее много этого и ей нужно сейчас это проговорить.

— «А самое обидное во всей этой истории, что когда мы покупали вместе первую квартиру, то как будто бы деньги давала твоя мать. Но мы вместе работали на это, и я тоже вносила туда свой вклад. А потом твоя мать оформила дарственную на тебя. Значит, если б вдруг что-то произошло, то я бы из этого не получила ничего. Это очень обидно. Я считала, что мы вместе, что мы семья, а оказалось, нет.

— «Вы с матерью — коалиция, и я постоянно должна бороться за соблюдение моих собственных прав, которые вы всё время унижаете». Это я сейчас проговариваю за нее.

— Я понял. «И как ты этого не видишь, я не знаю. Ты больше матери доверяешь. И я несколько раз слышала, как ты обсуждал с ней какие-то вещи, о которых не говорил мне. Что это такое? Так не должно быть, так не бывает. Что за секреты, что вы обсуждаете? Я знаю, что она меня не любит, она хочет, чтобы мы развелись. Я это знаю, и я не доверяю ей».

— Отлично. Теперь, пожалуйста, сюда пересаживайся. У тебя, как у мужчины, на самом деле есть недоверие к жене. Мать тебе ближе. Можешь ей это высказать, что на самом деле ты ей не очень-то и доверяешь. Что мать — это мать, и она-то тебя не предаст, а жена — неизвестно еще. И наверняка есть на то факты.

— «Мне кажется, не трудно догадаться, что кровное родство и связь матери с сыном — это неразрывная связь. И хотел бы я или не хотел, но в каком бы настроении или состоянии своего здоровья не был, я буду откликаться на зов матери. Но…» Я не знаю даже, как ей это выразить.

— Ты можешь сказать, что мать тебе важнее. Ведь на самом деле она ставит этот вопрос так: «или я или она». И на самом деле она считает, что важнее для тебя мать. Так вот ты можешь ей это сказать. Потому что это и есть ее основная форма борьбы. Она тебя распинает между собой и матерью. И она хочет, чтобы ты перебрался к ней и сказал: «Да, ты важнее». Но мать не устранишь. И это всегда будет как тень. Даже если она умрет, то всё равно это останется. Это получит даже еще большее развитие, если ее не будет. Вот эта часть хочет, чтобы произошел выбор. Она стимулирует, чтобы ты сказал то, что на самом деле и показываешь.

— «Знаешь, в нашей жизни были разные моменты, когда ты показывала всем своим поведением, что на сто процентов я не могу тебе доверять. Ты знаешь, о чём я говорю. А вот мать не предаст меня, я это знаю точно. Это просто невозможно. С этой точки зрения мне кажутся бессмысленными споры о том, кто важнее. Я живу с тобой, ты моя женщина и я хочу, чтобы ты была матерью моих детей. Вот и всё. А мать будет всегда. И если ей понадобится помощь, я брошу всё и пойду к ней на помощь. Вот так обстоят дела».

— «Если я предам мать, то я и тебя предам. Вот это ты понимаешь? Ты говоришь о рождении детей. Если родятся дети, то ты станешь матерью. И ты меня сейчас стимулируешь к предательству собственной матери. Но тогда я предам и тебя как мать». Понимает ли она это?

— *«Ты понимаешь, что если я пойду против матери, если я откажусь от нее ради тебя, чего ты и хочешь, это будет просто преступлением. Это немыслимо. От этого тебе не будет хорошо, от этого мне будет ужасно плохо. И если мы рядом, то тебе будет так же плохо, как и мне. А может быть еще хуже. Потому что винить в этом я буду не только себя, но и тебя тоже. А разорвав отношения с матерью или ухудшив их, я не смогу сохранить наши отношения».*

— «Так хочешь ли ты доказать, что ты важнее, чем мать, и выиграть эту битву с матерью? Или тебе важен я? Да, я между вами и мне плохо, потому что вы никак не можете найти взаимодействие. Вы не хотите друг друга видеть. Но это проходит через меня. Тебе важен я или тебе важен выигрыш в этой временной победе над матерью? Что тебе важно?» Что она ответит на это?

— *«Ну, конечно, мне важен и нужен ты. Но я не чувствую, что ты со мной. Я не чувствую уверенности в наших отношениях, пока ты выбираешь ее так часто и таким образом».*

— Так. Что она делает? Она продолжает тебя подводить к тому, чтобы выбор произошел в ее сторону. И совершенно неизвестно, что будет тогда, когда этот выбор будет сделан. Но этот выбор будет очень болезненным для тебя. Она это понимает или не понимает?

— *По-моему, нет.*

— Есть такая притча. К Соломону пришли две женщины с ребенком и каждая начала утверждать, что это ее ребенок. Он сказал: «Давайте разрубим его пополам, и каждой из вас достанется по половине». И одна женщина сказала: «Нет. Пусть она забирает». И Соломон сказал: «Вот ты и есть мать».

— *Она не понимает в этой ситуации, что мне будет настолько плохо.*

— Смотрите, что здесь ясно видно? Что есть мужская часть и есть женская часть. Женская часть хочет победы над другой женщиной. Но она не хочет никакого компромисса. И на самом деле, она не любит мужчину.

— *Ей не важно, плохо тебе будет или хорошо. Ей важно победить.*

— Ей важно выиграть. Для нее важно победить в борьбе с женщинами и неважно состояние мужчины. Вот они две внутренние части. Мы сейчас обозначили хроническую боль.

— А если тебе как бы из роли мужчины начать рассказывать своей жене о своей любви к матери и дать ей понять, что это за любовь, а потом рассказать о своей любви к ней, к жене. Это совсем другая любовь. Так ведь?

— Ну, да.

— Ведь это совершенно две разные женщины. И отношения, и любовь к матери и к жене тоже разные. Так ведь? Она сейчас претендует на то, чтобы уничтожить любовь к матери. Но при этом она сама матерью и не хочет быть.

— Вот конфликт, вот почему нет детей. Она борется с матерью и поэтому не хочет сама стать матерью.

— Она не знает, что такое чувства матери.

— Она борется с этим, с этой ролью.

— Если эту проблему не решить, то у нее могут быть и выкидыши. Она может не забеременеть. Может быть всё, что угодно.

— Да. Могут быть очень тяжелые дети.

— Материнство может быть очень тяжелым.

— Она борется с матерью, убивая в себе мать.

— Я не понимаю, какая связь между ней и моей матерью, в смысле, между борьбой жены с матерью и между тем, что она не хочет стать матерью.

— Смотри, вот свет солнца. Когда солнце светит, оно светит всем. Это и есть проявление любви солнца. Да? Оно светит негодяю, оно светит святому, оно светит убийце. Оно светит всем. Вот это любовь солнца, которая не делает различий между теми, кому оно светит. Солнце не говорит: «Я буду светить только святым, а негодяям не буду светить». Так вот любовь — это и есть свет солнца и его нельзя разделить. Женская же часть пытается разделить. Она хочет убить любовь, твою любовь к матери, не понимая, что тем самым она убьет вообще любовь в тебе. Понимаешь? Если не будет этой любви, то ничего не будет, даже этих разговоров с ней не будет. Будет просто пустота и мрак. Понимает ли она это? То, что ты любишь мать, это и есть очень важное и для нее самое ценное — любовь. Сама способность любить и есть это. Но она же может убить эту способность.

— Я это понимаю. Да. Я и не хочу отказываться. Просто это суть.

— Да. Но ты можешь ей это изложить? Ты пока не можешь убедительно ей это сказать. Ты оправдываешься, сам стесняясь этого. Ты считаешь, что то, что она говорит, правильно. Но я тебе сейчас показываю, что она хочет убить сам свет, не понимая этого. Можешь ли ты ей объяснить, что твое чувство любви к матери и твое чувство любви к ней идентично и что в этом нет конфликта? Просто его нет.

Если она убьет сейчас это, она убьет всё. И тогда она тебе будет бессмысленна, будет не нужна, ты будешь ее просто ненавидеть.

— Да. Я тоже это чувствую.

— Тогда можешь ли ты ей показать, что на самом деле твоя любовь к матери есть залог твоей любви к ней? Если это будет уничтожено, она будет просто у разбитого корыта. Но это надо ей объяснить, а не оправдываться.

— Ты ей сможешь объяснить, когда расскажешь о самых сложных моментах, которые переживал с мамой. Можешь только о чувствах рассказать, а женщина сможет эти чувства услышать. Расскажи ей про это.

— Женщина ориентирована на чувства, но при эгоистическом своем представлении ее раздражает наличие любви в тебе к другой женщине. Она не понимает того, что сама любовь является светом солнца, который светит всем. И если это убить, то убьешь всё. Вот это надо объяснить. И тогда она будет любить и тебя и мать и вообще всё. Нельзя любовь канализировать во что-то одно.

Вот оно, эгоистическое внимание, когда эго хочет любви только к себе, не понимая, что это невозможно. Что это приведет к убийству этого состояния и полному краху всего вообще.

— Здесь может быть такой вариант. Она не мать и ей это сложно понять. Но как бы она относилась к своему сыну, который перестал ее любить?

— Нет, дело не в этом. На самом деле у них в отношениях есть две матери и сын. Понимаете, две матери борются, а сыну плохо.

— Она борется не как мать. Она не хочет быть матерью и рожать детей. Она хочет сохранить себя в роли дочери. Фактически, ты являешься отцом для нее, она хочет сохраниться в роли дочери. А конфликт у нее — это внутренний конфликт со своей матерью в борьбе за мужчину, за отца.

— За отца, совершенно верно.

— Она не хочет рожать детей, ей очень удобна роль дочери. И ты для нее папочка, который будет заботиться о ней.

— Да.

— И твоя мать для нее — соперница. Вы с мамой обсуждаете какие-то вопросы, про которые ей даже и не рассказываете. Правильно, вы же взрослые, а она — дочь, ребенок. Она и знать не знает ни о чём, она обижается. Именно она и говорит о своей собственной роли, которую играет. Это детская роль. А готова ли она проявлять материнскую заботу? Как выясняется, нет. Она не хочет детей. Она не хочет проявлять материнскую заботу. А твоя мама как раз это делает замечательно.

— Да, я это чувствую. Я не знаю, как до нее донести. У нее действительно со своим отцом были чрезвычайно сложные отношения, пока он не умер.

— Она не доверяет своему отцу.

— Она не доверяет отцу. Да.

— Но она и тебе не доверяет, потому что проецирует на тебя своего отца.

— Я только сейчас это понял. Да, она жутко на него обижена, потому что он бросил ее в детстве.

— Вот она этого и боится.

— Она боится, что ты ее бросишь и, как следствие, стимулирует тебя к этому. Вот парадокс этой реальности. Мы реализуем то, чего боимся. И когда человек боится чего-то, он начинает это совершать. То есть пока она не осознает этот страх, она фактически будет делать всё, чтобы ты ушел.

— Она воспроизводит конфликт с отцом, проецируя отца на тебя. Тот внутренний конфликт никуда не исчез. А ты ничего понять не можешь.

— Что тогда делать?

— Делать можно только одно — осознавать. То есть нужно осознать всю расстановку этих ролей. Тогда ситуация начинает изменяться.

— Сейчас нужно осознать, что ты для нее фактически отец и начать с ней разговаривать о ее отношениях с отцом, прежде всего. Чтобы что-то менять, у тебя должна быть готовность начать разговор. Но это будет разговор совсем на другую тему: не про твою мать, а про ее отца. И вот тут-то она говорить вообще не захочет.

— Ты меня спрашивал, зачем нужен просмотр с Леной. Вот сейчас стало ясно зачем, потому что мы это вскрыли.

— Я об этом подумал сейчас. Да.

— Мы сейчас это вскрыли, но нужна сама работа по уяснению и осознанию этого.

— Я теперь не сомневаюсь в том, что просмотр нужен. Я уже записался, этот шаг сделан. Сейчас здесь можно еще что-то сделать?

— Мы сейчас сделали это. Пока нет смысла дальше разбираться. Тебе сейчас надо осознать то, что мы уже вскрыли. Мы вскрыли нарыв. Да?

— Да.

— А дальше работа с ним будет непростой. Вот почему я всё время повторяю, что просмотр является столь же важной частью работы, как и семинар.

Это очень важно. Очень. И сейчас на твоем примере это становится очевидным. Заниматься одним человеком в группе практически невозможно. Моя задача — как можно больше дать это знание, а потом вскрыть нечто. Но дальше уже идет работа по выяснению того, что вскрыто.

Возможно у вас какой-то резонанс сейчас пошел на то, что происходило. Пожалуйста, можете высказаться.

— Когда Антон из женской части говорил, то у меня просто слезы пошли. Резонировало очень сильно, но пока непонятно. Надо разбираться, что там.

— А я могу сказать, что там. Это характерно для любой женщины. То, что сейчас было представлено, является типичным случаем, который никто практически обойти не может. Сейчас вышло нечто женское на уровне эго, требующее внимание только к самой себе. Женское состояние, не враждующее со всеми вокруг за внимание, является очень сложным состоянием. Так вот надо выйти из этой настройки восприятия и увидеть любовь как единое состояние. И не долбать мужика за то, что он любит мать как минимум. Понимаете? Если вы его лишите этого, убьете это в нём, то вы окажетесь у разбитого корыта. Вот как в «Сказке о рыбаке и рыбке» старуха всё время требовала да требовала. В конечном счете это кончилось тем, что она осталась у разбитого корыта.

— Важно оценить то, что если мужчина относится к матери с любовью и уважением, то и к жене он как к женщине относится так же.

— Да. Но понимает ли это женщина? Вот вопрос.

— Нет. Всё дело в том, что у нее своя конфликтная ситуация с отцом. Поэтому она кроме этого ничего не видит. Она и не может ничего видеть.

— Не может видеть, да. И тут мы выходим на ребенка, на девочку. Это сейчас не осуждение, ни в коем случае не рассматривайте это как осуждение женщины и тому подобное. Я просто обозначаю ту особенность проблем, которые формируются у детей — девочек или мальчиков. Мы сейчас видим, что в основе всех конфликтов нашей жизни лежит конфликт в семье. То есть конфликт ребенка — в отношениях с родителями и в отношениях родителей между собой. Потому что сам ребенок является тем самым демпфером, через который проходит энергия борьбы родителей. При этом он не понимает этого, но далее занимает одну из позиций — или позицию матери или позицию отца как победителя. И начинает делать тоже самое, что делал тот человек, модель которого он взял. То есть чего бы мы не трогали, мы всегда придем к истоку. А истоком жизни человека является сам факт его появления и закладки программы в детстве.

Роль демпфера как глушителя напряжения в системе «мать — отец — ребенок»

— Когда мне было семь лет, отец ушел из семьи. Получается, поэтому я сейчас создаю так, чтобы в моей жизни не было мужчины, тогда он точно не уйдет.

— Отец ушел, и сам факт ухода отца тире мужчины провоцирует такую ситуацию, чтобы в жизни не было мужчин. Ты как ребенок пережила ситуацию ухода мужчины. Она зафиксировалась и дальше просто воспроизводится.

— И если мужчина, несмотря на мое сопротивление, всё-таки появляется, то я всё равно сделаю так, чтобы он ушел.

— Совершенно верно, потому что воспроизводится тот сценарий, который произошел в детстве.

— Я среагировал на слова Александра Александровича. Снова переживал очень сильно ситуацию, когда родители решили развестись и меня поставили перед выбором: с кем я остаюсь. Вот это раздирание, бессилие и непонимание того, что ты можешь сделать, проявилось на просмотре Елены. Тем не менее, я сейчас снова очень интенсивно переживал.

— Но тогда, скорее всего, ты занял позицию отца. И поэтому ты устраняешь женщину из своей жизни. Даже при наличии жены фактически ты с ней не общаешься.

— Ты внутренне выбрал отца.

— Да.

— А вынужден был жить как бы с матерью.

— Да. И тогда у тебя и получилась такая ситуация.

— Ты живешь с женщиной, но к ней относишься так…

— Как будто ее и нет. То есть ты вынужденно живешь с ней. Но это воспроизводство детской программы. Смотрите, вся наша судьба заложена ситуациями жизни детства. И пока мы их не разберем, мы не понимаем, что с нами происходит сейчас. А происходит тоже самое.

— А я очень рада, что есть такие мужчины, которые любят свою мать. Я очень рада за Антона, который любит свою маму, хоть у него такая сложная ситуация.

— У нас были конфликтные ситуации с мужем. Он уже несколько лет не работает. Раньше я вынуждена была как-то терпеть этот факт, потому что сын больной и кому-то надо было с ним находиться всё время. Но уже скоро год будет, как с сыном мы определились. И я даже вынуждена была сделать мужу прописку, потому что он всё время говорил: «Я не работаю, потому что у меня прописки нет, я не могу устроиться туда, куда хочу». Казалось бы, он ищет работу: приходит с газетой, звонит по телефону... Вначале у него был запрос на то, что он хочет быть менеджером. Ему понравилось, он работал в фирме до этого. Но он как бы этого не ценил, и я ему всё время говорила: «Ты раз работаешь, так держи себя в рамках, не выпивай. Сейчас тяжело с работой, держись за эту работу. Но…»

— Давай, давай, сейчас найдем то, что связано с недовольством. То есть надо выражать сейчас недовольство своим мужем. Не рассказывать нам просто о ситуации, а представить, что он прямо здесь сидит и это всё ему говорится прямым текстом. Прямым! Это сложно, потому что мы всё время подбираем выражения, когда что-то произносим. Нужно сказать совершенно прямым текстом, изложить суть проблемы.

— «Ты не работаешь! Почему ты не работаешь столько времени? Сколько я могу одна тянуть всё на себе? Понимаешь ли ты, до какой степени мне тяжело? У меня маленькая зарплата». Теперь его сторона, да?

— Причем, опять говоришь без каких-либо выкрутасов, прямо и по сути: «Я не хочу работать». Это ваша часть, так что вы всё про нее знаете. «Я вообще не хочу работать. Меня устраивает то, что ты работаешь».

— Он говорит: «Я же ищу работу, ты разве не видишь? Но ничего не получается, так складываются обстоятельства».

— Значит, давайте говорить прямо. Что эта часть хочет? Она не хочет найти работу, она ее просто ищет и искать будет вечно. На самом деле: «Я не хочу работать». Вот давай, эта часть говорит то, что есть. По делу, так сказать, а не оправдываясь. Да? «Я не хочу работать».

— «Я не хочу работать, мне интересна работа менеджера, но я не могу ее в данный момент найти».

— «Да мне вообще неинтересно работать! На хрен эту работу». Давайте говорить вот так, потому что эти обе части — ваши. И если одна часть хочет работать, то другая не хочет. И у каждой есть свои обоснования.

— Так он же так и говорит, он же обоснования дает.

— А не надо на него ориентироваться. Вот здесь интересно то, что мы видим сейчас, что это в нас.

— *Если бы он на самом деле хотел…*

— Сейчас я вытаскиваю свою собственную часть, а не его. Бог с ним. Он дал нам просто возможность начать этот разговор. Значит, «я не хочу работать». Это ваша часть. Вот и говорите за свою часть, которая не хочет работать.

— *«Я не хочу работать».*

— Да.

— *«Хочу отдыхать. Я устала».*

— «Да, и я это всё имитирую. Я как будто ищу работу менеджера, но не найду, потому что мне это не нужно. Я просто перед тобой оправдываюсь, типа, что-то делаю». Вот всё это, все эти слова — в вас. Давайте, давайте! Монолог части, не желающей работать.

— *«Я не хочу работать».*

— Да.

— *«Вот ищу пока, имитирую, чтобы ты не приставала ко мне».*

— *Смотрите, собственно говоря, а чего ему работать-то? Вы зарабатываете, вы его кормите, поите. Он может лежать на вашем диване, читать газеты, смотреть телевизор…*

— «А наше общее тело? Кто о нём позаботится?» Это же две части там. Пересаживайся и продолжай. «А наше общее тело? Его же надо кормить продуктами, а они нынче дорого стоят. Если наше тело пропадет, то ни ты, ни я здесь не смогут существовать».

— *«Да. Как мы будем питаться? У меня заработок маленький. Что ты думаешь?»*

— «Как мы будем питать наше тело?»

— *«Как мы будем питать наше общее тело?»*

— Вот давайте пересаживайтесь, посмотрим, что эта часть скажет. Эта часть выполняет какую-то свою роль. Понимаете? Она важная. Надо выяснить.

— *«Да чего ты переживаешь? Нам хватит, каша есть, хлеб есть. Проживем как-нибудь, твоей зарплаты на кашу хватит».*

— Так, а какую функцию эта часть выполняет? Она же тоже несет на себе какую-то полезную функцию. Эта кормит тело, пока мы так определим навскидку, тем самым оправдывает свое существование. А та что делает в этом теле?

— *Муж обычно лежит и медитирует на диване около телевизора.*

— Медитирует или что делает?

— Ну, это он так говорит, что медитирует, а на самом деле спит.

— А для общего существования что важного делает эта часть? Она ведь что-то важное делает, между прочим, просто пока мы это не видим. Что-то очень важное делает, но этого не признаёт.

— Удовольствие получает.

— Ну, он так говорит, что…

— Нет. Он — это ты. Это часть твоя. Вот давай найди, что она делает. Она полезна, она важна в чём-то. Но не в работе, а в чём-то другом. Она какую-то другую работу совершает.

— Какую-то духовную, видимо. Она играет…

— Видимо, какую-то духовную. Сейчас ваше тело сдохнет.

— Если я материальную функцию выполняю, то он какую-то духовную должен на себе нести.

— Духовную, да. Постольку, поскольку он может это выполнять на том уровне. И это тоже надо для нашего существования здесь. А что эта часть может сказать…

— В оправдание?

— Да, а то получается, что она просто ничего не делает. Так дело не пойдет. Я-то знаю, что она делает что-то. А что?

— Эта часть выводит на конфликт, ты начинаешь двигаться. Ты вообще человек неконфликтный, всегда молчишь. Но он достал настолько тебя, что ты начинаешь на него кидаться и предъявлять ему что-то.

— Вот смотрите, у нее есть сын, инвалид. Во-первых, такой ребенок очень тяжелый. Так? И всё недовольство, которое у нее скопилось от этих трудностей в связи с ребенком, она ребенку-то выдать не может. Значит, надо иметь какого-то другого ребенка тире мужа, на которого это всё можно слить.

— О! Значит, он демпфер. Эта часть — демпфер. Та часть перегружается и ей на кого-то нужно скинуть напряжение, нужно выдохнуть. Да? Она всё вдыхает, а выдыхать-то надо!

— А на ребенка-инвалида не скинешь, ему и так по жизни боли достаточно. Да и не понимает он. А здесь-то очень даже удобно.

— И на ребенка скидывать — это быть плохой матерью.

— Да.

— А плохой женой лучше быть, чем плохой матерью. Поэтому лучше мы будем плохой женой и будем орать на мужа, чем мы будем плохой матерью. Так? Значит, это очень важная роль. Смотри, это очень важная роль. Иначе не на кого скидывать напряжение от недовольства, и тогда вообще кранты.

— Тебя вообще взорвет.

— Да, муж и есть этот громоотвод, поэтому и нужно такое положение дел. То есть ему так же тяжело. Он получил порцию, а потом лежит, переваривает. Попробуй столько выдержи, да? А он выдерживает.

— Вот он же и чувствовал, что нужен. А сейчас твой ребенок в интернате живет и у тебя нет такого перенапряжения. Поэтому тебе муж как бы и не особо нужен.

— Да, он как балласт просто уже.

— Вот. Заведите свинью. Раненую свинью с тяжелыми осложнениями.

— Тогда всё наладится.

— Да. Смотрите, я вам постоянно повторяю, что семья — это система. Как только в семье что-то меняется, мгновенно система должна перестраиваться. Вот ребенок ушел и муж вроде теперь не нужен. А до этого он был нужен. Теперь надо наладить систему. Значит, тогда… нужна свинья. Свинья с хронической болезнью.

— Или ей нужно лечь тоже рядом…

— Нет.

— Она наоборот сейчас освободилась от перегруза, связанного с ребенком.

— У нее был перегруз, и надо было на мужа часто орать. Сейчас на него уже столько орать не надо.

— Не при делах он теперь остался.

— Дальше можно его вообще убрать, но тогда система трансформируется очень сильно. И неизвестны последствия этого, между прочим. Вот смотрите, всякая трансформация системы приводит к неизвестным последствиям.

— На самом деле он живет как ребенок. Но на настоящего ребенка нельзя сливать напряжение, а на этого можно. Ты к нему и относилась как к ребенку. А теперь, когда того ребенка нет в доме, ты к этому можешь относиться не как к больному.

— Нет, по идее он должен стать больным ребенком. Но тогда у тебя должен быть другой громоотвод. Значит, ты в систему введёшь еще какого-то человека, на которого будешь всё это сваливать. А он займет место того ребенка, который пока в интернате. Но когда придет тот, который в интернате, опять вся система

нарушается. Значит, надо будет опять отказаться от того, который был громоотводом, мужа перевести в это состояние, а ребенок будет тем, кем был. Смотрите, именно так надо мыслить. Это системный подход.

— А без него нельзя обойтись, что ли?

— Балласт-то скинуть нельзя.

— Хорошо, скиньте. Но у вас налаженное взаимоотношение в системе. Посмотрите, я сейчас показываю, что семья — это система. Близкие люди — это система. Вот почему так тяжело, если кто-то умирает? Это не потому, что он перешел в лучший мир. Ему-то лучше стало, между прочим. И если бы вы это понимали, то вы бы радовались. Но вы не радуетесь, потому что у вас система начинает колебаться, и вам надо с этой системой что-то делать. А уход близкого человека — это нарушение системы, то есть привычных взаимоотношений. И вы не можете менять эти взаимоотношения, потому что вы их не поняли. И тогда вы можете только страдать.

— Скажем, отъезд ребенка — это как раз и есть лишение привычного. Тебе и надо сейчас перенастроиться. Фактически, ты уже по-старому жить не можешь.

— Чтобы вернуть всё в более-менее прежнее русло, надо вернуть ребенка на прежнее место. Но ты чувствуешь, что по-старому у тебя уже не получится…

— Теперь смотри, если ты хочешь создавать новую систему, то нужно понимать, какую систему ты будешь создавать. А иначе будет только: «Заморочили совсем! Зачем я сюда приехала? Просто бы выгнала его и всё. А тут еще какая-то система, осознание…»

— Так она его и выгнать-то не может. Она его выгоняет…

— А он не выгоняется!

— И он приходит в качестве ребенка, жалуется ей. И она его как ребенка опять принимает. Она его жалеет как ребенка, а выгоняет как мужчину.

— При этом еще испытывает вину, потому что того ребенка нет сейчас. Вина перед этим «ребенком» тоже существует. А кто-то должен, так сказать, проявлять эту вину, поэтому вина идет в связи с ним. А вина-то за того ребенка.

— За того. Да.

— Смотри, всё это — система. И не понимая, кто ты, в какой системе находишься и какие у тебя отношения с каждым из членов этой системы, ты никак не можешь понять, что же происходит. Ты его и не можешь выгнать, потому что у тебя вина перед ним, как перед ребенком, но перед тем ребенком, который пока в

интернате. И вина-то у тебя. Эту вину ты испытываешь по отношению к нему, и ты не можешь его выгнать. Так?

— *Да.*

— Смотри, знание о системе показывает и дает возможность разбираться в том, что происходит. То есть даже если бы ты захотела выгнать его, как ты говоришь, ты не можешь этого сделать. У тебя вина настолько увеличится, что ты бросишься к тому ребенку. Понимаешь? А отношения у вас уже налажены для тройки, а так получится только двойка. И вообще непонятно тогда что делать. И это не есть выход из положения, он не принесет облегчения.

Так вот смотрите в ракурсе того, о чём я говорю. Здесь дисгармония. И мы сейчас видим, в какой степени эта дисгармония. Когда мы какой-то элемент системы убираем, то дисгармония только усиливается. У нас нет гармонии. Почему я всё время и говорю: «Осознавай, смотри, как работает система». Само осознание и есть гармонизация, осознание и есть действие. И когда мы совершаем это действие, мы начинаем гармонизировать систему. То есть преобразование системы либо приведет к еще большей дисгармонии и боли, либо при наличии осознания может не приводить к этому. Но требуется обязательно осознание. Если мы это делаем неосознанно, то мы только усиливаем свою боль, то есть дисгармонию.

Я понимаю, что на самом деле слышать это неприятно. Хочется, чтобы кто-то просто сказал: «Да хрен с ними, выгоню его и всё. И легче будет». А я произношу не очень приятные вещи, мягко говоря. Я не говорю, что будет лучше. Я говорю то, что есть. Вот если бы я выполнял функцию успокающего, то я бы сказал: «Да, выгони его! Ты еще молодая женщина, найдешь себе хорошего, настоящего мужика и всё будет хорошо». Вот именно так говорят. Но не та у меня роль. И уж если попали сюда, так слушайте вот это. Но это толкает вас к осознанию. Только так происходит выход к осознанию.

Для чего необходимо напряжение?

В моем случае я дошел до ситуации жизни и смерти, то есть осознание для меня было вопросом жизни и смерти. Понимаете? Только так идет выпихивание. Причем это было двадцать лет жизни в кошмаре и именно это меня выпихнуло. И уж так выпихнуло, что остановиться я не мог. А дальше эти проведения семинаров и так далее… Представляете, какой это уровень напряжения колоссальнейший? А я не могу остановиться. Всё. Я уже как пробка из бутылки вылетел и понесся. Но

чтобы это произошло, нужно было колоссальное напряжение. Так в этом мире дисгармонии надо создать такую дисгармонию, такую энергию, чтобы ее хватило на выполнение этой цели. И чем больше цель, тем б**о**льшая энергия должна ее обеспечить. Так что, выбирайте. Либо вы заснете и будете иметь иллюзии, которые помогают жить спящему, ведь это единственное, что помогает. Вы будете считать, что можно это сделать, вы забудете всё, что я говорил. И это хорошо, если вы выберете сон. Либо вы выбираете осознание. Но тогда напряжение хорошо. Тогда это будет очень мощный толчок. А он и должен быть очень мощным, потому что ваше сознание сейчас сумеречно. Сумеречно. Пока есть выбор: либо упасть обратно туда и этими иллюзиями каким-то образом себя охмурять, либо двигаться к осознанию. Вот я думаю, что у вас сейчас именно этот момент. Если вы пойдете в иллюзию, то вы забудете всё, что я говорил. И меня забудете. И слава тебе, Господи! Но у вас появится своя иллюзия. И это не плохо и не хорошо. Я не знаю, что вы выберете. Это ваш выбор. Это ваш мир.

— Если у вас есть этот импульс, который привел вас на семинар, то вот то, что мы сегодня записывали на просмотре, вы просто прослушивайте. Вы не поняли сегодня или поняли очень маленькую часть из всего, что происходило, но есть возможность переслушивать и вникать в это. И это только так, только через себя. Надо понять простую вещь, что всякий, кто рядом с вами, находится на совершенно разных уровнях сознания, каждый пришел за своим опытом. И если вы готовы к тому, чтобы выйти из этого состояния страдания, то это совсем не значит, что ваш ребенок или ваш муж так же к этому вместе с вами готовы. Если вы соединились, то опыт страдания вы получаете в этой тройке. Это как дерево, на котором одно яблоко более зрелое, а в теневой части этого же дерева яблоко более зеленое. Возможно, вы к чему-то уже готовы, и осуждать себя за то, что ваш ребенок сейчас страдает и может быть до конца жизни он так и будет страдать, это подписать себя…

— На эту систему.

— Да, на эту систему. И вы будете до конца в этой вине. Но тогда это ваш опыт.

— И тогда это ваш выбор. Сейчас у вас очень интересная ситуация: либо вы начнете видеть всю степень дисгармонии, в которой вы находитесь, и это даст вам очень большую энергию, необходимую для выхода в осознание, либо вы забудетесь. Но тогда вы будете кормиться иллюзиями. Так большинство людей и живет. Тогда вы будете создавать некие иллюзии, с помощью которых сможете проживать ту тяжелую ситуацию, в которой находитесь. Вот сейчас для вас так. Я принимаю и то, и другое. И преобразование в собственном мире может совершать

только царь этого мира. Вы царь своего мира. Как вы решите, так и будет. Но сейчас для вас момент вот такой.

Ну что ж, мы движемся к завершению. Кто хотел бы что-то высказать, чем-то поделиться?

— Я бы хотела сказать по поводу иллюзий, как-то у меня идет именно в эту сторону. Вчера разговор у нас с Ириной был. Для того, чтобы выжить со своим мужем рядом и выдержать его прессинг, я постоянно себе начинала говорить, когда уже совсем становилось невыносимо: «Зато он не курит, не пьет, ко мне хорошо относится и вообще…» То есть я набирала, набирала столько, что у меня вообще муж лучше, чем у всех остальных.

— Это иллюзия, помогающая вам выживать с ним вместе.

— Я выживала. То есть именно благодаря этому я выживала.

— Фактом является то, что по вашей программе вы должны убрать мужа. Убрать мужчину, который с вами рядом. Для этого, очевидно, он должен довести вас до белого каления. И когда это произойдет, а это произойдет, вы его уберете.

— Ну, это уже…

— Вы должны пытаться, пытаться, пытаться, а потом сказать: «Ну, всё. Это уже невозможно». Допустим, он почистил зубы не той пастой, здесь уже что угодно может быть. Вот примерно так: «Я приняла всех твоих любовниц, все твои венерические заболевания, все твои долги и даже то, что ты киллер. Но то, что ты вот этой пастой почистил зубы… Уходи!»

— «Не могу!»

— Да, вот так. Ну что же, спасибо за участие в этом богоугодном процессе.

Глава 2. Шаги к открытию сердца

Когда исчезает страх?

— Так, пожалуйста, кто хочет начать?

— Давайте я начну.

— Начинай.

— Вчера, когда я сидела со своими проблемами, у меня внутри что-то среагировало. Непонятно было, что это такое, но сегодня к утру это всё сложилось. У нас с Игорем идет такой перехлест: сначала он сильно был увлечен рыбалкой и все выходные пропадал там, а потом появилась машина и он уже не только в выходные дома не бывал, но и на неделе. То есть получается так, что я всё время дома одна. Я начала с ним говорить, что я не против его рыбалки, но хотелось бы больше времени проводить вместе. Поначалу возникали какие-то маленькие конфликты, а потом началось нечто. В памяти всплывает фраза, которую я ему сказала: «Слушай, я начинаю просто-напросто ненавидеть эту машину, которая куплена. Когда машины не было, мы больше времени проводили вместе, мы много говорили и обсуждали что-то, жить было интереснее. А сейчас какое-то однообразие…» Чуть что, я злилась на эту машину. Но было вообще ничего непонятно. Дошло до того, что перед самым Новым годом он заявил, что тридцать первого декабря поедет на рыбалку. Это было последней каплей, меня здесь просто уже заклинило. Я не знаю, как я это сделала, но…

— Новый год в проруби, что ли?

— Нет, не в проруби. Он сказал, что он…

— С удочкой.

— С удочкой с утра поедет на рыбалку.

— Есть Оля, а другая сторона — удочка. Понимаешь? У некоторых есть мама, а здесь удочка.

— Которую нужно забросить кое-куда.

— Короче, он говорит: «Я утром уеду, а вечером приеду и мы вместе…» В общем, это меня уже достало всё. И когда он мне это сказал, из меня в сердцах что-то вылетело. Я не знаю, как я это сделала, но было такое ощущение, что вылетела пробка какая-то. Стоянка находится рядом с домом, и я знаю, что нечто вылетевшее, полетело туда. Он идет на стоянку, а машина не заводится. Я

знала, что она сломается. При этом непонятно, что в машине не работает. Мастера смотрели, а ничего непонятно. И тут еще морозы. А раз машина не заводится, ее нельзя никуда отбуксировать. Ну, в общем всё, крышка. Он весь в переживаниях, что машина не работает. Когда я немножко успокоилась, там как-то всё сложилось и машину отремонтировали. Потом я начала раскручивать, чтобы понять, в чём здесь дело, почему я взъелась на машину. Я вспоминаю, что у меня здесь детские такие вещи.

Мне шестнадцать лет едва исполнилось, как отец погиб. Он ушел из этой реальности. Отец был очень увлечен охотой, и когда он поехал на охоту, то погиб в автокатастрофе. Вот такая интересная штука. И еще я помню, что в десятом классе у меня была мечта поступить в медицинский институт. Я очень хорошо помню, что моим близким подругам сделать это было легко и просто. У нас тогда родители были примерно в одном статусе и знания у нас были примерно одинаковые, подготовка одинаковая. Но они поступили сразу с первого раза без проблем. Они даже знали свои отметки заранее, хотя результаты еще не были вывешены. Я поступила в ВУЗ только с третьего раза. То есть я знаю, что у меня была какая-то детская обида на ту ситуацию, что делать здесь приходится всё самой. В детстве с отцом у меня были в общем-то близкие отношения. Я могла, даже проснувшись на своей кроватке, прибежать к нему и под одеяло залезть. Он меня обнимал, то есть у нас доверительные отношения были. Я могла с отцом о многих вещах поговорить. И в тот момент, когда шло формирование девочки, которая вот-вот станет женщиной, мне отца очень не хватало. А на Игоря как на отца я всё это дело выкатывала. Вот такая картина вдруг сложилась. Спасибо большое еще раз Антону. Спасибо большое всем.

— И смотрите, ничего же непонятно.

— То есть я понимаю, что дело не в Игоре. Он делает то, что он должен делать. И вот еще что. Я очень хорошо помню, что мне говорили, что я уже взрослая. Когда брат с сестрой появились, мне было, наверное, года три. И просто кадр выплывает из памяти: на кухне сидят взрослые, а меня посылают в комнату, где находятся малыши. Я должна стоять и качать коляску, где лежат эти малютки. То есть я взрослая, я должна их качать. Видимо, у меня тогда возникло некое состояние. Я потом поняла, что маленьких детей просто-напросто боюсь. Это был какой-то такой момент, что я просто их боюсь, потому что они там лежат, а я такая кроха и не знаю, что с ними делать. А мне сказали: «Родители разговаривают, а ты иди за ними присматривай». И я хорошо помню еще свои детские фотографии, на них я очень редко улыбаюсь. То есть на фотографиях взрослый такой ребенок с широко раскрытыми глазами. Вот почему-то такое выплыло вдруг.

— А хочешь на стульчике посидеть и поговорить как взрослый и ребенок?

— Не знаю, вспомнится что-либо или не вспомнится. А почему бы и нет? Здесь сидит взрослый?

— Здесь взрослый, да.

— Хорошо.

— А там ребенок. Может быть, у ребенка есть вопросы к взрослому?

— Ты говоришь, что ребенок почему-то не улыбается. Да?

— Да.

— То есть вопрос: «Почему ребенок не улыбается?» — сейчас у тебя задает взрослый. Может быть, он чем-то озабочен или озадачен?

— Я просто смотрю, допустим, на Игоря. Во-первых, это какая-то претензия, как бы перенос ее на Игоря как на отца. И он-то что делает? Он играет. Я понимаю, он делает то, что должен делать. И он всё делает правильно, но он очень любит играть. Вот этот фанатизм, это увлечение рыбалкой — это своего рода игра большого мальчика. И таких игр много. У меня папа был охотой увлечен. И еще Игорь очень любит компьютерные игры, стратегии. Вот он сел, приклеился и всё. Причем, стратегии не простые, там развивать всё время что-то надо, покупать, строить. Это такая игра, где надо продумывать стратегию развития армии, города, добывать какие-то полезные ископаемые, чего-то еще… Он играет в это самозабвенно. Если он присел к компьютеру, то всё, он весь там. Такое впечатление, что я, видимо, мало играла или играла не в те игры, в которые хотелось бы играть.

— Хорошо. Вот ты сейчас сознаёшь себя как взрослую или как ребенка? Что больше на сознании — взрослый или ребенок?

— Вот сейчас просто какая-то каша.

— Но мне кажется, что взрослый.

— Взрослый.

— Она говорит как взрослый.

— Да. Поэтому основной интерес этого диалога — вспомнить ребенка, так как взрослый забыл уже ребенка. Да? Но ребенок-то помнит взрослого, потому что находится вместе с ним в одном теле. Может быть, тогда надо сесть на место ребенка и войти в это состояние. У ребенка есть масса вопросов к взрослому. У всякого ребенка огромное количество вопросов.

— Почему ветер дует, да?

— Да. Вопросов к взрослому много, но не абстрактных, типа: «почему ветер дует?» А вот таких: «Почему ты всё время такой серьезный? Вчера, например, мне хотелось мороженое купить, а ты убежал на работу и даже не посмотрел на мороженое». Ну, что-нибудь в этом роде.

— У меня какой-то затык идет.

— А если начать с того вопроса, который ты задала еще сидя на стуле в кругу. Ты сказала, что не знаешь, почему она не улыбается. Да? То есть у маленькой девочки что-то происходит. Ей невесело, она очень какая-то серьезная стала. Это совсем не детское состояние, да? С ней что-то случилось. Так может твой взрослый начнет говорить с этой маленькой девочкой: «А ты почему не улыбаешься? Что случилось?» Вот тогда она, может быть, что-то скажет. Но ребенок сам говорить не будет до тех пор, пока не подойдет взрослый и не начнет спрашивать. Может ли твой взрослый начать? Во-первых, надо подойти к этой маленькой девочке, обратить на нее внимание и начать ее спрашивать о том, что случилось.

— Наверное, это то, что надо как раз.

— Сначала на тот стул сядь, где сидит взрослый. И задай из состояния взрослого этот вопрос. Войди в это состояние.

— Девочка говорит, что она хочет быть маленькой, а ей говорят, что она взрослая. Что-то вот такое.

— Ты задай вопрос.

— Ты задай вопрос, ты ее спроси.

— Я ее спросила.

— Нет, ты вслух говори, ты не обобщай.

— Это диалог сейчас, это не абстрактный разговор. То есть одна сторона — взрослый, другая — ребенок. И между ними идет разговор, когда одна часть прямо персонально обращается к другой части.

— Что случилось? Что случилось, почему ты такая грустная?

— Пожалуйста, пересаживайся.

— Потому что мне говорят, что я взрослая. А я не хочу быть взрослой. Я хочу играть, а мне говорят, что я должна смотреть за братиком и сестренкой.

— Теперь начинай прямо говорить, что она чувствует: «Я не хочу смотреть на этого братика и сестренку. Я сама еще маленькая».

— Я хочу играть. Я хочу внимания родителей, а мама занята малышами.

— Претензии высказывай, типа, что взрослые вообще всё время занимаются чем-то, но не мной.

— *По чувствам похоже, что ребенку-то обидно до слез, что кто-то… Начинают накатывать слезы.*

— Давай, давай, давай. Вот прямо проживай состояние, проговаривай его полностью со слезами, со всем, что есть. Ребенок недоволен. Давай.

— *Папа занят. Папа занят работой. Он с утра до вечера на работе. Внимания нет. Какого хочется внимания?*

— Чего ей хочется-то?

— *Ей хочется, чтобы с ней играли, чтобы с ней разговаривали.*

— Во что играли, о чём разговаривали?

— *Чтобы читали книжку, рассказывали сказки, гуляли. Со мной гуляют, когда гуляют с малышами. Но со мной не играют.*

— А что значит «не играют»? Для тебя что это значит?

— *Выплывает что-то, связанное с детскими развивающими игрушками, вроде как кубики. Все вместе строят…*

— Вот что значит, что с тобой не играют? То есть у всех дети, с ними играют, а с тобой не играют. Как это отражается на твоем состоянии, на твоих каких-то умозаключениях по этому поводу?

— *Чувствую, что я брошенный ребенок.*

— Так, брошенный. Что ты чувствуешь как брошенный ребенок?

— *Мне обидно.*

— Обидно. А что тебе обидно?

— *Что на меня не обращают большого внимания, такого, как было раньше. Ревность идет.*

— Так. К кому ревность?

— *К брату с сестрой.*

— Так. Из-за них на меня не обращают внимания, никто на меня не смотрит. Значит я какая-то… Какая я такая, что на меня никто не смотрит? Почему на меня никто не смотрит? У ребенка же какие-то объяснения рождаются. На них вот смотрят, а на меня почему-то не смотрят.

— *Не смотрят.*

— Значит, я какая?

— Какая-то нелюбимая, наверное.

— А почему нелюбимая? Может, что-то в тебе не так? Как ребенок это объясняет? Вот на них смотрят… Может, у них что-то так, а у меня что-то не так. А вот что не так?

— Ребенок ничего не объясняет. Ему просто плохо и всё. Он ничего не хочет объяснять. Ребенку просто плохо.

— Так. Хорошо. Вот сейчас ты уже совсем не ребенок. Да? Но при этом можно войти в ребенка и посмотреть. Вот что значит «плохо»? Ведь это «плохо» порождает какое-то состояние, какие-то умозаключения, какие-то представления о самом себе. Понимаешь, оно не может не порождать этого. Вот это «плохо» как влияет на его представления о самом себе?

— Нужно стать очень хорошей, чтобы тебя хвалили, чтобы на тебя больше обращали внимание.

— Вот. Значит, я не такая, в смысле «не очень хорошая».

— Да.

— То есть должен быть выработан какой-то механизм, с помощью которого я получу то, что мне надо. Значит, я сейчас просто не такая, и поэтому на меня не обращают внимания. Но я буду такая, как надо. А сейчас мне надо определить, какая я, чтобы получать то, что я не получаю. Значит, чтобы получить внимание, я должна быть какая?

— Ответственная какая-то. Должна делать то, чего от меня требуют.

— Так. А что требуют? То есть ребенок уже определяет, каким ему нужно быть, чтобы получить то, от отсутствия чего ему сейчас плохо. Что тогда надо?

— Если там ребятишки заплакали, мне надо пойти сказать, что там что-то не так. Чтобы они не вылезли с этой коляски, не разбились.

— Во-первых, «я должна очень хорошо делать дело, которое мне поручили».

— Присматривать за малышами.

— То есть мне поручили вот это дело и если я буду хорошо это делать, то я возможно получу…

— Меня похвалят.

— Меня похвалят. Это уже внимание, да? То есть я должна хорошо делать дело. Мне нужно следить за детьми, чтобы они не вываливались из коляски и так далее. Так, еще что?

— Мне надо с ними играть, тогда они молчат. Меня тогда тоже похвалят за это.

— То есть они не отвлекают родителей. Мне поручили детей, чтобы они не отвлекали родителей. А чтобы они не отвлекали, мне нужно играть с ними. То есть я должна им сама давать внимание.

— *Да.*

— В данном случае не мне будут давать внимание, а я должна давать внимание им, чтобы потом получить его от родителей.

— *Например, я хочу в кубики играть или с куклами, а мне нужно погремушками с ними греметь.*

— Да. Я должна их развлекать сейчас.

— *А мне неинтересно их развлекать.*

— Да, я хочу, чтобы меня развлекали. Так. А недовольство тем, что у тебя сейчас нет того, чего ты хочешь — внимания, оно идет на кого? Вот из-за чего нет внимания, из-за кого это? В конечном счете как-то нужно ребенку определить, из-за кого это происходит. Это из-за детей или это еще как-то и со взрослыми связано? Может с матерью, может с отцом. Почему вообще эти дети появились? Тоже ведь вопрос. Ведь можно же, так сказать, было их и не иметь. Как вот это ребенок объясняет?

— *У меня какой-то сейчас фрагмент идет. Появилась бабушка. Она где-то была, а потом она приехала. Меня как бы…*

— *Перепоручили.*

— *Меня перепоручили, да. То есть это был какой-то очень маленький отрезок времени, но мне тогда было очень плохо. Вот сейчас выплыла бабушка. Она была где-то, по-моему, жила в Саратове. То есть она там с кем-то водилась, потом приехала. И уже она малышами занималась.*

— Но пока бабушки не было, были определенные мысли, определенное отношение к отцу и к матери в связи с появлением детей и необходимостью заниматься ими. При этом ты хотела, чтобы занимались тобой. Вот как оно отразилось на отношении к отцу и к матери?

— *Ну, я их люблю. То есть чего-то такого там нет.*

— *То есть они в любом случае хорошие?*

— *Они хорошие в любом случае.*

— Они хорошие. Надо заслужить именно их внимание. Они-то хорошие, но плохие тогда кто?

— *Брат с сестрой.*

— *Малыши.*

— Малыши. Дети. Дети плохие.

— То есть они — конкуренты за внимание.

— Я боюсь, потому что они маленькие и я не знаю, что с ними делать.

— А их еще двое.

— Их двое. И с ними ничего не должно случиться, иначе меня ругать будут.

— То есть они не доставляют никакого удовольствия.

— Абсолютно.

— И с ними связан только долг.

— Да.

— Долг или страх, что с ними что-то произойдет…

— Не дай бог! Меня тогда будут ругать.

— В связи с этим тебя обвинят.

— Да.

— Просто может быть, если они будут плакать, то от родителей пойдет раздражение на тебя. Да?

— Не раздражение, а как бы недовольство: «Ты с ними плохо играешь».

— Упрек.

— Да, будут упрекать. Крика-то в семье не было никогда.

— Это раздражение не обязательно выражать криком, можно и по-другому.

— Ну, меня упрекать будут.

— Тогда в качестве козла отпущения в этой программе появляются дети. Вот это отношение к детям фактически существует и у взрослого. Может, надо уже пересесть на тот стул и рассказать об отношении взрослого к детям.

— Я совсем недавно для себя поняла, что я маленьких детей действительно просто боюсь. Я знаю, что делать со взрослыми, как с ними играть можно и всё остальное. Это, в принципе, сейчас моя деятельность.

— Смотри, твоя деятельность прямо вытекает из этой самой сцены, заложенной в программе. Есть некто младше тебя, с которым нужно возиться. Ты как преподаватель института возишься со студентами, которые младше тебя.

— Причем они действительно просто маленькие, второй курс…

— Они маленькие — раз. Во-вторых, есть ректор института. Это как родитель, который требует от тебя.

— Там не столько ректор, сколько заведующая кафедрой.

— Да, есть кто-то, кто выполняет роль родителя. При этом есть нормы оценок, есть какие-то требования к преподавателю. Да?

— Ну да, вовремя надо всё сделать…

— Вот, пожалуйста. Вот тебе развитие этого заложенного сценария.

— Причем я всегда хотела быть педагогом. Но мама мне тогда сказала: «Ты будешь преподавателем в школе только через мой труп». Ну, я стала преподавателем ВУЗа.

— Вот это самый лучший способ. Если что-то запрещать ребенку, то, как известно, именно это и реализуется. То есть для того чтобы воспитать проститутку, надо запрещать вообще общаться с мальчиками и бить еще за это. Именно вот так это всё и делается. Потом это переворачивается и делается уже обратное.

Так всё-таки отношение к детям у взрослой женщины является проблемой или нет? Допустим, она не хочет детей, и не надо детей. Или она об этом думает и у нее переживание всё время какое-то.

— Ну, это и есть причина. Я совсем недавно это поняла, буквально месяц назад. Это просто так вот — раз и выплыло всё.

— Хочется ли сейчас об этом говорить?

— Ну, я просто могу сказать, что это давняя проблема, что я не могу забеременеть.

— Правильно. Оно так и получается. Да? Мы видим по программе, почему это так. Потому что есть страх перед малыми детьми. Страх.

— А вот пусть взрослая говорит ребенку об этом страхе. Пусть она ему расскажет про свой страх.

— То есть сейчас диалог на самом деле взрослого и ребенка, который внутри. Именно ребенок говорит взрослому: «Не надо рожать детей, потому что мне будет больно. Мне больно было. И если сейчас это произойдет опять, то еще будет некто, кому будет больно». Может быть эту проблему нужно обсудить именно с ребенком.

— Там еще другое выплывает. Когда папа погиб, нас осталось трое. Я в десятом классе, брат с сестрой в восьмом, бабушка. Сбережений вообще никаких абсолютно. Мама работает на трех работах, приходит домой вся уставшая. Ей вообще не до нас. Где-то полгода примерно она просто плакала. Приходила с работы и просто плакала. И я эту боль очень хорошо помню до сих пор. Ее боль я чувствовала очень сильно. Здесь еще и вот это.

— То есть это всё осложняется еще чем? Можно родить ребенка, но уход мужа потом приведет к очень тяжелым переживаниям. И смотрите, как устроена эта реальность. То, чего мы боимся, мы начинаем реализовывать, не понимая этого. Фактически мы здесь реализуем свои страхи.

— По большому счету я никогда даже отчета не отдавала в этом.

— Конечно. А мы и не можем отдавать отчет, потому что страх уходит в подсознание, с ним контакта нет. Поэтому действия этой части проявляются практически без сопротивления. То есть никакого сопротивления нет. Мы это не осознаём, и это делается очень легко. А потом мы удивляемся: «Почему? Да как же так? Именно этого я боялся больше всего, и оно произошло».

Вот почему самым основным является выведение двух дуальных частей для их осознания. Сознание — это то, что мы сознаем. Подсознание — это то, что мы не сознаем. А осознание — это то, что дает возможность осознать и сознательное и подсознательное как две стороны одной дуальности. Вот когда мы это производим, страх исчезает. Просто исчезает и больше мы его не реализуем. Ничего больше не требуется на самом деле, нужно только видеть это. Как только мы это увидим, оно больше не действует.

Так может быть самым правильным здесь и будет диалог внутренних частей. В данном случае — взрослой и маленькой. Вот взрослая полностью рассказывает всё маленькой, а маленькая всё рассказывает взрослой. Они как две необходимые стороны этой и любой другой проблемы. Потому что то, что испытывала маленькая как боль и так далее, потом зафиксировалось взрослой и стало реализовываться в судьбе взрослого. Правильно? То есть они есть одно на самом деле. И тут не вопрос возраста. И та часть и эта часть несут одну и ту же программу. Поэтому именно их искренний разговор может дать возможность это увидеть. Ну, если есть сейчас к этому готовность. Если нет, то не надо.

— Лучше потом. Мне надо успокоиться. Спасибо.

Зацикленность: причины возникновения

— Хорошо. Так, пожалуйста, какой резонанс? Кто хочет сказать?

— Я сейчас в себе очень хорошо чувствую тоже эту маленькую обиженную девочку. Проигрывать сложно.

— Сложно, да. Но давайте проходить здесь этот очень важный момент. Нам тут не надо ничего и никого стесняться. Чувствуете, что хотите плакать, плачьте. Дайте себе возможность проплакаться, потому что слова не проходят из-за этого эмоционального кома.

— Эмоции всё закрывают, поэтому говорить трудно.

— Да. Давайте плачьте, выпустите эту энергию, а дальше и слова пойдут. Плачьте и всё.

— У меня ребенок, который обижен на родителей. Родители заняты сами собой. Они находятся в конфликте до сих пор. Обижена так же на младшую сестру, потому что она отняла внимание родителей. Вот до сих пор эту обиду я в себе очень хорошо чувствую. До сих пор это есть и оно болит. Вчера, когда Антон стал говорить из женской части, которая обижена на мужскую, я почувствовала этого маленького, обиженного ребенка. И там, похоже, есть сильная обида на отца.

— Садись на место «ребенка» и прямо говори всё. Какие у него обиды?

— Сегодня почему-то у меня было больше обиды на отца. Отец был занят какими-то своими проблемами. Он пил, пьет до сих пор. И то внимание, которое ребенку требовалось от папы, я не получала. Эта обида существует до сих пор…

— Давай прямо диалог ребенка и папы. Вот ты прямо говори: «Папа…»

— «Папа, ты всё время пьешь. Ты пьешь, это вызывает раздражение у мамы. И вы заняты этой войной друг с другом, а я между вами разрываюсь. Вы мне оба дороги, но я должна принять чью-то позицию. А ты маму обижаешь, оскорбляешь, мне ее жалко. Мне жалко точно так же и тебя. А я не понимаю, что мне-то делать? Что я должна сделать? Что я вообще могу сделать?» То есть ребенку кажется, что он что-то может сделать, чтобы родители не бились друг с другом».

— Пожалуйста, теперь садись на место отца: «Да, я пью…»

— «Да, я пью. Я чувствую никчемность, неважность, бессмысленность жизни. И в пьянке я нахожу какую-то отдушину, ухожу туда, закрываюсь. Это дает мне возможность не чувствовать боль, которая есть».

— Теперь садись на место ребенка. Что скажет ребенок? Вот отец сказал, что он пьет, потому что ему очень тяжело, что пока он нашел только единственный способ облегчать свое состояние — это алкоголь.

— Алкоголь. да. Ребенку хочется сказать: «Папа, но у тебя же есть я! Мы же можем найти что-то интересное для нас обоих. И я хочу с тобой как-то общаться. Мне важно общаться с тобой. Мне важно решать с тобой задачки,

важно быть с тобой рядом, когда ты чем-то занимаешься, что-то делаешь. Например, когда ты приколачиваешь гвозди».

— Пожалуйста, садись на место отца. То есть ребенок говорит отцу: «У тебя есть я. Почему ты чувствуешь себя никчемным, одиноким? И почему ты выбрал только водку? Ведь есть же я!» Что отец скажет на это? Каково его отношение к ребенку? Прочувствуй. Отец и мать в тебе. То есть это не воспоминание отца где-то во вне, а это воспоминание отца внутри самого себя. Он внутри тебя. Вот и говори оттуда, изнутри себя.

— *Отец вообще замечает эту маленькую девочку?*

— У него горе, во-первых.

— *Он практически ее не видит.*

— Не видит.

— *Там нет ее практически.*

— У него горе. Ему тяжело.

— *Он просто скажет ей, что игры, которые она предлагает, ему не интересны.*

— *У него очень сильные проблемы с мамой, сильный конфликт. И он в этом конфликте ребенка не видит даже.*

— Вот и скажи ей тогда от имени отца: «Ты знаешь, мне сейчас не до тебя. У меня настолько тяжелые проблемы с твоей матерью и настолько они болезненные, что единственное что я могу сейчас — это пить водку. Я тебя не вижу. Я просто тебя не вижу, потому что у меня нет сил. И уж тем более я не могу играть…» Вот давай говори всё это.

— *«У меня много боли в отношениях с матерью. И я не вижу ни тебя, ни вторую дочь. Я просто не могу с вами как-то взаимодействовать. Я в этом нахожусь и всё. И я пил, и буду пить». В принципе он мне так и говорил, когда я ним разговаривала недавно.*

— «Потому что я не вижу никакого другого выхода».

— *«Не вижу, да. Я не вижу никакого другого выхода и это мой выбор».*

— Хорошо, уже яснее становится. Пожалуйста, садись на место девочки и разговаривай с матерью. Теперь матери говори. Что ты хочешь сказать матери после разговора с отцом?

— *Матери хочется сказать, чтобы она попыталась понять отцовскую боль, что ему точно так же больно. Она сердится на него, осуждает его, очень*

сильно скандалит. А понять, что у него тоже есть боль, она не может или не хочет.

— Фактически, она сама создает у него эту боль, она полностью включила всё его внимание на саму себя. При этом она создает и поддерживает эту боль до такой степени, что он уже больше ничего не может видеть. Он полностью включен в то осуждение, которое она делает ему, и испытывает боль — вину и жалость к себе такой силы, что практически уже не может видеть ничего другого. Просто не может. То есть они два игрока, которые и создают эту ситуацию. Вот сейчас, понимая это, что ты можешь сказать матери? Она не просто не видит его боль, она создает эту боль, не видя, как создает. При этом создает и свою собственную боль, естественно.

— Надо из состояния ребенка сказать матери?

— Сейчас ты говоришь сама с собой — вот что самое важное. Ты не говоришь просто матери как отделенному человеку, ты говоришь сама себе. Это всё — ты, вот в чём дело. Поэтому здесь предельная искренность. Какой смысл тебе скрывать что-либо от самой себя? Вот когда ребенок еще маленький, ему кажется, что он — это он, а взрослый — это взрослый. Но мы сейчас здесь понимаем, что теперь этой разницы нет, что всё это — внутри нас. И скрывать что-либо от самого себя — это просто продолжать то, из чего все и хотят выбраться.

— Матери хочется сказать, что она — творец этого конфликта. Творец своей собственной боли, из которой она не хочет выходить. В принципе, это ее выбор, раз она не хочет выходить из него. Но та боль, в которой она живет, в которой живет отец, переходит на детей, и дети тоже живут в этой боли. Она всегда считала себя хорошей, замечательной, идеальной матерью.

— Задавай ей прямой вопрос: «Мама, понимаешь ли ты, что осуждение, которое ты производишь по отношению к отцу, создает такой сильный конфликт, который я, как ребенок, не могу не чувствовать? И мне от этого всё время больно. Ты увлечена этой борьбой, но можешь ли ты хотя бы обратить внимание на то состояние, в котором я нахожусь в связи с тем, что у вас происходит?»

— Я просто совсем недавно именно это реально матери сказала.

— Вот.

— Как раз опять произошел конфликт у меня на глазах, и ребенок внутри меня среагировал. Я поняла, что когда была маленькая, то сразу вставала в ситуацию, что я должна кого-то защищать из них. И в этот момент я им сказала обоим, что мне очень тяжело всё это видеть.

— А вот смотри, сейчас чем отличается ситуация? На самом деле тебе сейчас не столь важно, что будет происходить у них, не в этом дело. А дело в том,

что надо урегулировать то, что происходит в тебе. Поэтому этот разговор не является внешним разговором с каким-то человеком, отделенным от тебя. Это рассмотрение внутренних твоих частей. И когда ты решишь это внутри самой себя, тебя это оставит. И ты будешь уже значительно спокойнее относиться к тому, что происходит у них. Для этого надо понять, что этот спектакль внутри тебя, что эти роли, этот разговор и диалог идет между частями тебя самой. Но для этого нужно осознание, то есть вспоминание себя не от мира сего, наблюдающего за данным персонажем и не осуждающего никого из этих частей, а помогающего им разобраться в том хитросплетении осуждения и вины, которое они создали. Поэтому задавай вопрос матери в самой себе, совершенно четкий и искренний вопрос, который есть у ребёнка. Вот я его сформулировал так.

— *Идет вопрос к матери: «А хочет ли она вообще разбираться или она хочет оставаться в этой борьбе?»*

— Пожалуйста, вставай и пересаживайся.

— *Сейчас такое смешанное чувство, если говорить о собственных ощущениях, которые идут. Как будто бы мать готова разбираться и уже хочет, ей тяжело уже. Но в разговоре с реальной своей матерью она мне говорила: «Ты мне тут свои научные выводы не выдавай*».

— Оставь реальную мать и реального отца.

— *А внутренние свои состояния?*

— Теперь только внутренние состояния. Нам надо менять.

— *Уже очень тяжело, нужно разбираться с этим.*

— Отлично! Разбираться нужно. Вот что она скажет ребенку? Ребенок задал прямой вопрос. Это всё внутри тебя. Именно через то, что это твой внутренний мир, ты сейчас, отделившись от того, что дало тебе эту программу, можешь эту программу менять. Но это совершенно не значит, что они будут менять ее. И не в этом дело для тебя. Для тебя основным сейчас вопросом является изменение собственного внутреннего спектакля, поэтому нужно четко знать расстановку актеров, их позиции друг против друга и так далее. И начать их менять. Вот это основное. Не привязываясь к внешнему отцу и внешней матери, надо видеть то, что есть внутри. Сейчас мы начнем это менять. Если мы начнем думать о матери, которая не хочет ничего менять, то мы вообще попадаем в тупик. Но это не тупик, потому что это внутри нас и мы можем это менять, так как мы и есть цари мира собственного. Поэтому мать сейчас может говорить совершенно не то, что будет говорить та мать, которая находится в другом теле. Так вот что она говорит?

— Она говорит, что у нее есть готовность менять, но просто нет четкого понимания, что менять и как менять. Уже достигнут какой-то предел этого конфликта и этой боли.

— Понимает ли она, что их война с внутренним отцом отражается очень сильно на ребенке?

— Услышав слова ребенка, она это начинает понимать.

— Она начинает понимать. А может ли она начинать рассматривать сам конфликт ее с отцом? Ведь чтобы менять, надо понять, как они создают этот конфликт. То есть сама готовность менять предполагает дальнейшее рассмотрение сути этого конфликта для того, чтобы эти изменения стали реальными.

— У меня сейчас что-то начало выключаться. Я даже перестаю слышать то, что вы говорите.

— Хорошо. Тогда сейчас пока достаточно, больше не нужно.

— Озноб всего тела, восприятие начинает выключаться.

— Всё. Мы сейчас сделали то, что нужно. Как только вы почувствуете готовность дальше продолжить, мы продолжим.

Переход от интереса ребенка к долгу взрослого

— Так, пожалуйста, какой резонанс?

— Вчера мы с Еленой начали разговаривать. Она мне предложила вспомнить про отца, а я сказала, что вообще не помню. Это было давно, отец у меня трагически погиб, когда мне было двенадцать лет. Но вчера пошел настрой, у меня что-то начало вспоминаться, пошли какие-то ощущения. И Оля попала в ту точку, которая для меня болезненна. Вот сейчас у меня срезонировали такие моменты: боль, долг, ответственность и интерес. Получается, мне близка история Оли, потому что я в двенадцать лет потеряла отца и стала уже взрослой окончательно, учитывая, что у меня есть сестра, которая на шесть лет меня младше. То есть взрослой как нянька я стала раньше, но тогда были отец и мать, и было состояние любви, хорошей семьи. Наверное, мне хватало любви тогда. А с двенадцати лет состояние долга насиловало меня всю сознательную жизнь. Долг и ответственность.

Мы жили в селе, и мама моя вынуждена была переехать в город, чтобы заработать там, и чтобы мы могли переехать. Отец занимал определенную

должность, он был главным бухгалтером колхоза. Учитывая, что это небольшое село и все друг друга знают, маме было очень тяжело. Все ее родственники были в городе Ишиме. Она уехала туда, а бабушка переехала к нам, ведь моей сестре тогда было шесть лет. Когда погиб отец, я испытала шок. Это вообще произошло трагически в одну ночь. Я даже помню то состояние, когда я шла вечером и мне возвращаться не хотелось, хотелось задержаться на полчаса. Я очень хорошо помню, как меня разбудили в полшестого утра и сказали, что отца нет. Было такое состояние, что это неправда, что я просто нахожусь в плохом, кошмарном сне. Мне хотелось натянуть одеяло на себя. Я это и сделала, чтобы потом через некоторое время проснуться, и чтобы всё было нормально.

— Что произошло с момента, когда ребенок узнал, что отца больше нет?

— Эта боль усилилась. Это настоящая душевная и физическая боль.

— Не произошло ли там то, что теперь ты должна стать вместо отца?

— Нет, тогда у меня этого не произошло. Это была боль утраты, боль разрушения чего-то привычного.

— Тогда это не произошло. Но не произошло ли это позже?

— Такого осознания, что я должна стать вместо отца, у меня в тот момент не было. Но раз мама уехала, то она практически переложила на меня обязанности. То есть она сказала: «Я уезжаю. Бабушка, она всё-таки пожилой человек». И она возложила на меня определенные обязанности.

— Так вот это и был переход от ребенка к взрослому. Через это был переход к долгу. Не к игре ребенка, а к долгу взрослого.

— Я вообще забыла о том, что хотелось мне самой. У меня были только долг и ответственность. Я не думала о себе, о том, что я хочу в этот момент. Я думала о сестре, о бабушке, о маме, которая приезжала.

— Вот это и есть состояние взрослого.

— Да, это состояние.

— Переход от ребенка, который заботится только о самом себе и играет в то, во что хочет и когда хочет, в состояние взрослого, который должен учитывать и исходить из долга и необходимости делать что-то, на самом деле у всех очень болезненный. И в результате этого перехода многие вообще забыли, что такое ребенок. Просто забыли. Они стали взрослыми, которые выполняют некий долг.

— Да. Получается, что у меня перекрылся интерес ребенка к чему-то, и я стала жить жизнью взрослой. Я выполняла задачи, которые мне были непосильны.

— Если выполняла задачи, значит, они были посильны.

— Я начала играть уже в недетские игры. Детские игры закончились…

— Да. И мне было больно от того, что я выполняю обязанности взрослого.

— Мне как ребенку было больно, а мне как взрослому было в кайф. Вот смотрите, я понимаю, это очень трагичные моменты, они болезненны и так далее. Но от трагедии до комедии — один шаг! Никогда не забывайте об этом. Поплакать всегда хорошо, но и посмеяться иногда тоже неплохо, иначе мы потеряем равновесие в дуальности и впадем в кошмарную трагедию. Надо это вспомнить, а потом встать на это и всё. То есть ребенку тяжело: не дают играть, куколку отняли. А взрослому очень даже хорошо, потому что взрослый и есть долг. И умение выполнять долг — это очень хороший показатель взрослого. И когда об этом рассказывается и плачется, то это ребенок говорит: «А-а-а, детство ушло». Но взрослый говорит: «Нормально. Мы долг выполняли и будем выполнять».

— У меня как бы противоположный пример. Я один в семье был и всегда я был ребенком. Поскольку я был один, то внимания мне хватало. Но когда мне было где-то лет восемь, я захотел братика. Я как-то вечером сижу один в тишине и мечтаю, чтобы у меня был братик, чтобы поиграться с кем-нибудь в игрушки, из конструктора соорудить что-либо или еще что-то.

— Указать ему что-нибудь, например: «Брат, не надо ковыряться в носу».

— Да, в носу или в попе или еще где-нибудь. В общем, я подошел к родителям и сказал: «Почему я один?» Я знал, что у меня был братик, но он умер. И я проговорил: «Я хочу братика». Я еще плакал, потому что один заколебался, а родители молчали. Так я на них обиделся, ушел, поплакал и думаю: «Я тут, понимаешь, к ним с чувством, а они обиделись».

— «Я долга хочу».

— Хочу, а мне отказывают. И сейчас я чувствую, что на протяжении лет я простил чувство обиды, но даже сейчас я не имею рядом друга, близкого друга. У меня как бы есть знакомые, но близкого друга у меня до сих пор нет.

— Смотрите, это атрибут данной программы. Понимаете? Вот у вас может быть очень много людей и вы должны выполнять долг по отношению к ним, а их всё больше и больше. А вот человек-ребенок, понимаете, заласканный.

— Много знакомых, а друга близкого или подруги надежной нет.

— Вот он так и идет по жизни — один ребенок в семье.

— Да.

— И веселится!

— Ребенка проявляю.

— А вы не одни, понимаете? Но плачете. Так значит, в чём проблема-то? Что дает основную боль?

— Всё хорошо.

— Уже не так плохо.

— Человеческое существо настолько внушаемо, что если сейчас включить траурную музыку и начать разговор о смерти близких, то тут будет такая трагедия! Потом какой-нибудь комик выйдет и начнет смеяться: «Ха-ха-ха!» И все тоже: «Ха-ха-ха». Причем, буквально тут же выскакивает другая часть. Она вроде бы ушла уже, никто не помнит, как ужасно было, когда умерло всё. А тут всё смешно и замечательно. Потом спрашиваешь: «Как так?» Человек говорит: «Да, хорошо». Понимаете, человек не помнит ни то, ни другое.

— Я хочу сказать, что сегодня было какое-то мое внутреннее копание. Потом эта Оля. То есть для меня это как бы отошло и ушло.

— Не надо так — раз, и переключились сразу. Вы проснитесь, но и помните. Понимаете? Помните и ту, и другую сторону. А если у вас так всё хорошо, то что мы здесь вообще делаем?

— Мне просто завершение непонятно было. То есть с ребенком всё понятно. Ребенку плохо, взрослому хорошо. А дальше мне…

— Вот и давайте. Основной момент — это переход от ребенка к взрослому. Жизнь взрослого очень сильно отличается от жизни ребенка. Кардинально отличается, потому что ребенок просто играет. В конечном счете, даже если ему внимания не хватает, а всякому ребенку не хватает внимания, то его, по крайней мере, не насилуют каким-то долгом до определенного возраста. Вот он играет, он может переключиться, он сильно это всё не воспринимает на самом-то деле. Хотя есть моменты, которые очень болезненны.

Взрослый — нет. Он работает, взрослому надо работать. Он знает что такое моральный кодекс, так сказать, честь коммуниста, честь офицера и так далее. Он это выполняет и в этом есть смысл. У ребенка нет этого всего. А это разные вещи совсем. Но этот прорыв, вернее, эта дыра между взрослым и ребенком есть у всех. Надо просто соединить эти две вещи: не потерять восприятие ребенка, но при этом и не утратить знания взрослого. Вот что очень важно. Вот мудрец и ребенок, стар и млад. Это есть соединение и того, и другого. Это две стороны.

— Тогда у меня был долг. Опять же, долг взрослого получается уже. Да?

— Можно я скажу? Надя, я бы предложила тебе на стулья сесть и поговорить с отцом, который умер.

— Да, и я бы предложил тебе. И отец бы тебе предложил.

— Вот это как раз то самое. Потому что у ребенка есть образ. У тебя — это образ отца.

— Я боюсь, что я не помню…

— Разговаривая с ним, ты вспомнишь, ведь у ребенка есть образ. С*мотри, произошло то, что полшестого утра ты узнала о смерти отца. Он ни о чём не предупреждал, он не поставил ребенка в известность, не подготовил. Он взял и свалил, что называется. Да?*

— Да, не подготовил.

— Да ещё в шесть часов утра, когда самый сон вообще!

— Да, да, он бросил.

— И у ребенка претензии к отцу: «Ты почему так поступаешь, папа?»

— Ведь как-то надо…

— Предупреждать вообще-то! Близкий же человек всё-таки. А он взял да и ушел. На самом деле ребенок расценивает смерть как предательство. Он же не понимает, что такое смерть. Папа исчез и всё.

— А потом у нее начинается вся эта канитель, ведь она взрослой стала в одночасье.

— Папа такое подстроил!

— Вот, вот. И люди умирать могут, заметьте, очень по-разному, так же как и уходить. Можно с криком, с шумом, так сказать, неожиданно, испугав еще. Да? А можно совсем иначе, между прочим. Смерть — это такая же вещь как и уход. И это всё можно подготовить. Как люди на Руси умирали? Вот он уже знает, что умрет и со всеми прощается. Говорит: «Я ухожу. Я сделал всё». Потом ложится и умирает. Это совсем другое дело.

— Мне вспомнилось то, что было незадолго до того, как умер отец. Примерно за год до его смерти у моей подруги умер отец. Там было тоже что-то такое трагическое. Они жили рядом, через дорогу от нас. И я хорошо помню, как она ко мне пришла. Мне было ее жалко, я ее обнимала. Мне тогда этого не понять

было, потому что это другая семья была, многодетная семья. И я в их семью как бы немножко проникла, что ли. Вот в то состояние, которое она испытывала.

— То есть мы узнаём, что такое смерть. А смерть это, оказывается, ужас-то какой!

— Потом это как-то прошло. Мне почему-то кажется, что незадолго до того, как он умер, у меня осознанно или неосознанно возникла мысль: «А что было бы, если бы мой отец погиб?»

— Мне интересно, по-детски интересно.

— Вот зародилась некая мысль: «А что будет, если отец погибнет? Как это будет происходить?»

— Даже не то, что и как будет. А как бы возникло желание. Это желание с чем-то было связано. Может быть с тем, что я видела, как этой девочке уделялось очень много внимания, потому что она осталась сиротой. Я увидела проявление заботы окружающих к ней и ее семье. И свое какое-то недополученное внимание я, видимо, хотела получить вот таким образом.

— Думалось так: «Отец умрет и ко мне будет большое внимание». Вот смотрите, это детская логика. Она совершенно дикая с точки зрения взрослого: «Как так! Да что же это такое!» А ребенок играет. Понимаете? Вот у него и так и этак и как угодно.

— Я даже помню, что эта мысль была кратковременной, и она прошла. Но эта мысль, как мне кажется, была как-то рядом с тем, что случилось.

— Так и смотри, почему твоя взрослая так рыдает. Это связано с тем, что у нее вина.

— Чувство вины.

— Вина за то, что ты же этого хотела. Ребенок-то этого хотел, но взрослый говорит: «Нельзя так. Вы что, с ума сошли?» А потом вдруг вспоминание, что ребенок-то хотел. И тогда идет глобальная вина. И плач связан не с уходом отца, а с виной за то, что я, возможно, это и произвела.

— В какой-то момент у меня так и было: «А не могла ли я своим желанием вот это всё как бы совершить?»

— Вот. Причем смотрите, ребенок-то еще близок к богу. Он очень хорошо понимает, что любое желание исполняется. Взрослый уже не знает этого, потому что не помнит ничего, а ребенок знает эти вещи, и он играет. Он играет в смерть и жизнь, причем очень легко, потому что для него это совсем не проблема. Не проблема умереть, уйти... Он только недавно пришел, он еще помнит, поэтому легко уйти. А для взрослого уже всё, уже ужас какой-то. Так что это нормально.

Давай воспроизведем диалог взрослой женщины и девочки. Значит, взрослая женщина говорит девочке: «А помнишь, ты подумала об этом вот так. Да? И я сейчас испытываю вину за это».

— *Да.*

— «Ты зачем же подумала так?»

— *«Да это вообще кощунственная мысль! Как ты могла так подумать? Ведь ты своим намерением, своим желанием осуществила то, что произошло. Ты сама себя лишила отца. Желая тогда, ты не задумалась о себе, о том, что ты свою жизнь этим усложнишь. И то, что ты сейчас проживаешь, ты сама себе устроила».*

— Да.

— *«Тогда какие у тебя могут быть претензии к взрослым, к родителям, если ты всё сделала сама?»*

— *«Мое желание было неосознанным, то есть мысль, которая промелькнула, была кратковременной. Я совершенно не желала и не думала о последствиях, которые произойдут».*

— Не желала? А почему ты не желала?

— *Она желала, когда была маленькой, и она хотела внимания, вспомни. Она видела на примере соседской девочки, что со смертью отца пришло внимание. Она хочет внимания.*

— Посмотрите, это мышление ребенка. Например, ребенок узнаёт, что у него есть папа. Разве у него по этому поводу какие-то там чувства особенные? Нет. Папа есть, а там еще какие-то дяди ходят. И ребенок всех дядей начинает папами называть. У него может быть десять пап. И ребенок думает: «Один папа чего-то мало мне внимания уделяет. А если бы у меня было десять пап и все внимание мне уделяли, так я прямо купалась бы в этом». Это для ребенка нормально совершенно. Понимаешь? В восприятии ребенка нет такого, что должен быть только один папа всегда. Их может быть много и они все будут уделять внимание. Вот может и такое быть.

— *Да. Тогда разговор к отцу. «Если это желание у меня возникло, а оно у меня возникло внутри, значит, я хотела получить то, что я не дополучаю. А не дополучаю я любовь и внимание. Мне хотелось внимания».*

— Причем от мужчины.

— *Да. «Мне хотелось любви именно от тебя, потому что маму, при всей ее занятости, я всё равно вижу чаще, чем тебя. А тебя постоянно нет. Ты всегда или на работе или на учебе. Мне не хватает твоего внимания. А мне очень важно,*

чтобы ты был со мной рядом, и мы что-то делали вместе. Тогда я чувствую твое присутствие. Я тогда чувствую не просто присутствие, а интерес к моим делам, интерес ко мне. Вот это для меня важно».

— Так. То есть «ты мало проявлял интереса ко мне, поэтому я и решила, что лучше тебе помереть, и тогда кто-то еще даст мне это внимание». Давай прямым текстом, чего ты стесняешься? Это нормально для ребенка.

— Нет, я не стесняюсь. У меня просто таких мыслей не возникало.

— Как же? А разве только что ты не рассказывала об этом?

— Нет, я рассказывала, но…

— Я пересказываю то, о чём ты говоришь, я не сам это придумал. Поймите, для ребенка нормально, когда он думает: «Вообще, папа, ты такой фиговый. Лучше ты уйди тогда, в конце концов. Может, придут какие-то получше».

— Ну, нормально. Но у меня нет такого, чтобы вместо него кто-то другой пришел.

— Хорошо. Но ты сама рассказала про тот пример, я просто раскручиваю. Ладно, тогда к папе вопрос. Папа что скажет?

— Папа внимания уделял мало, а потом вообще ушел.

— Вот давай, что папа скажет?

— Почему папа вообще так делает?

— «Конечно, дочь, я тебя любил. Но так сложилось, что в этот период жизни помимо твоего рождения и рождения твоей сестры у меня проходил важный этап. Я учился, я формировался как мужчина, то есть как специалист. И это занимало много времени. Поэтому у меня не хватало времени и сил на вас в той степени, как тебе хотелось бы». Это первое. А второе, что отец чувствует: «Наверное, я и дома бываю меньше, потому что не могу дать достаточно тепла». Мне больно.

— Так ты плачь тогда, если больно. Вот чисто женский взгляд: «надо любить своих детей». А для мужчины это не так. Мужчина вообще может не любить своих детей, между прочим. И женщина может не любить своих детей, только ей в этом признаться невозможно. Понимаете? Это мужику еще ладно, а женщине никак нельзя в этом признаться. И вообще непонятно, а что такое «любить»?

— Я скажу. «Так получилось в последнее время, что мне сложно находиться дома. У меня как бы исчезла любовь к твоей маме, поэтому у меня изменилось к ней отношение. И каким-то образом получается, что это переносится на вас с сестрой».

— Вот. И тогда понятно, что у него идет: «У меня вина за это колоссальная и мне вообще лучше уйти из этой реальности, потому что я не знаю никаких других способов решения. Если я уйду к другой женщине, то меня эта вина просто сгноит. Поэтому единственное, что я могу — это умереть. Поэтому я и умираю». Вот так. Между прочим, история весьма характерная. Именно в связи с этим чаще всего мужики-то и помирают. И они раньше значительно умирают. Женщина, она просто заботится о детях или делает из долга или еще как-то. А мужика уже ничего не привязывает. Он потерял то состояние, в чём не последнюю роль, кстати, сыграла женщина. В конечном счете он вообще не знает, что ему делать: водку пить или умереть вообще. Тогда лучше смерть найти побыстрее и всё. Отсюда и войны, в которых участвуют мужчины. И не потому, что им повоевать охота, а потому, что им помереть надо. А там это можно сделать как-то по-мужски.

— Да, то есть: «У меня есть свои принципы, по которым я жил. И жить в состоянии раздвоенности, лжи и вины мне очень тяжело, поэтому я выбираю уход из этой реальности. Ты, дочь, прости меня, что я оставляю тебя не подготовленную к этому. Но я…»

— «Ничего лучшего не могу придумать».

— «Я просто больше не могу находиться в этом ни одного дня».

— Вот. Вот это то, что есть. Смотрите, как не просто подходить к тому, что есть, потому что это полностью сбивает все моральные нормы. Да? Что-то вообще нельзя говорить, что-то даже думать нельзя и чувствовать нельзя. А на самом деле выясняется вот то, что есть на самом деле.

То есть если ты хочешь видеть то, что есть так, как оно есть, тебе придется расстаться с множеством иллюзий, которыми ты постоянно прикрываешься. Но они всё время слезают, тебе холодно, и ты пытаешься опять накрыться, словно натянуть на себя одно, другое, третье, десятое одеяло. Потом нормально уже.

Дуальность как клетка, в которой мечется человек

— Сегодня я вообще всё как бы под другим углом увидела. У меня всегда был некий ореол отца и матери. И почему для меня вначале было сложно? Потому что когда ушел отец, наступила взрослость, ответственность. А мама, оставшись одна, была в своей женской неудовлетворенности и боли. Ей вообще было ничего неинтересно, а я еще такая маленькая и беру что-то с нее. Женская часть

понимает, что ей плохо, и в то же время помочь я ей не могу. Вот это тоже очень тяжело.

— Эта женская неудовлетворенность и боль, что это такое? Давайте разбираться с тем, что есть так, как оно есть.

— Когда женщина испытывает состояние одиночества, то мне кажется сложным это.

— Да. А когда она находится с мужчиной, которого пилит всё время, тогда у нее что, не одиночество? Или это у нее иллюзия одиночества?

— Ну, я не могу сказать. Я этого не ощущала тогда. У меня не было этого состояния «пиления». И даже сейчас я увидела какие-то моменты, на которые я не обращала тогда внимания. Например, какие-то их размолвки. У меня было состояние идиллии, что у нас хорошая семья. Мне так казалось тогда. Хотя сейчас я понимаю, что у родителей были моменты, я их помню.

— Смотрите, что это такое. Это как бы несколько ранний взгляд, но тем не менее. Женская неудовлетворенность — это отсутствие того, на кого я могу сливать то, что можно назвать блевотиной. Вот физически, понимаете, я блюю, а надо куда-то блевать. И тогда у меня женская неудовлетворенность — мне некуда блевать.

— Ну, я не согласна с этим. Эта женская неудовлетворенность так же может быть от отсутствия внимания, как и чисто детская.

— Между прочим, это та же самая и мужская неудовлетворенность, я тут не делаю различий. Это два пакета, в каждый из которых блюют. Я понимаю сейчас, что я беру в определенной степени крайние позиции. Но это характерно для жизни людей вообще. Понимаете? Вот если вы летите на самолете и вас тошнит, а рядом люди сидят, то куда блевать-то? Тогда у вас будет неудовлетворенность и очень глубокая, между прочим. Да? Вот когда вам дадут пакет, то вам вроде полегче станет.

— Некоторые любят чистые пакетики, новые всё время. А кто-то удовлетворяется стареньким.

— Да.

— Помыла, постирала, и опять можно использовать.

— Я не согласна.

— Откуда ты знаешь? Вот отец твой с мамой жили. И отец-то этот пакетик держал, а мама в него сливала свою неудовлетворенность. Может, это было не на глазах, но это всё равно было как-то.

— Ну, я не могу сказать…

— И почему у него пропала любовь к матери? Вот еще вопрос.

— Я как бы уже с позиции взрослого человека это поняла. Потому что моя мама вообще до сих пор не знает, что такое женщина.

— Вот именно.

— А что такое женщина? Кстати, интересно.

— Я имею ввиду, когда женщина в отношениях с мужчиной. Она была холодной женщиной. Уже став взрослой, мы оговаривали с ней какие-то моменты, и я просто жизнь отца и матери поняла по-другому. Раньше об этом я не задумывалась и не чувствовала. Лет восемь назад я узнала, что у меня есть брат. У моего отца была женщина, и у этой женщины есть сын. То есть у меня есть брат, которого я не видела. У мамы возникло осуждение, обвинение, она даже на кладбище ехать не хочет. У нее идет негатив, который она раньше как бы держала. Она сама создала пьедестал.

— Да. Но та, другая женщина, от которой у тебя есть брат, показывает противоположную сторону матери. Если ты называешь эту «холодной», то та — «горячая». Но и горячее обжигает и холодное, так сказать, боль делает. Понимаете? То есть это не значит, что горячее лучше холодного, а холодное лучше горячего. Здесь основной момент — гармонизация в самом себе. Но как правило, человек настаивает на своей правде. То есть холодное говорит: «Я — холодное, это и есть правда». А горячее говорит: «Я — горячее, и это есть правда». И человек начинает метаться между двумя сторонами самого себя. Понимаете, это касается и женщины и мужчины. У женщин просто тут несколько сложнее, так как ей метаться труднее по общественным нормам. Если мужик мечется, то это как-то еще допускается. А если женщина это делает, то это очень сильно осуждается. Потом женщина еще с детьми, а если дети малые, то не будешь особо метаться. Да? И по сути, сама эта штука идентична для любого человека. Человек мечется между своими сторонами дуальности, выраженными физически.

— В моей матери развита более мужская часть. А в отце была, мне кажется, более женская часть развита.

— Хорошо. Тогда отец нашел себе мужчину и родил от него ребенка. Давайте смотреть дуальность.

— Во-первых, я бы хотела сказать, что у мужчины развиты более твердые, мужские качества.

— Значит, мягкое может быть столь же твердым, как и твердое — мягким. Например, человек говорит: «Я не уверен, не уверен. Я не уверен». Я ему говорю:

«Ты очень уверен в своей неуверенности». Вот она мягкость, казалось бы. Да? Но она вот такая жесткая, то есть он всех заест своей неуверенностью. И он в этом так уверен и убедителен, что просто ужас какой-то. Не так ли? Вот смотрите, как оно пересекается. Оно же раз — и переменилось. То есть весь вопрос в том, как смотреть на это.

— *Не знаю. Если глубже смотреть, тогда вообще…*

— Если смотреть дуальности, то ты уравняешь эти вещи. Ты в сильном увидишь слабого, в слабом — сильного, в мужчине увидишь женщину, в женщине — мужчину.

— *Значит, если бы мама могла переходить из одной стороны дуальности в другую, то тогда это было бы.*

— Да, если бы мама могла… Но можешь ли ты? Вот основной вопрос.

— *Ну, я пытаюсь это делать.*

— Смотри, чтобы качаться на качелях, по крайней мере надо встать на них. А в нашем случае «встать на качели» — это определить дуальность. И тогда ты можешь качаться на ней. Понимаешь?

— *Ну, допустим, «слабая — сильная».*

— Хорошо. Но определяй те качели, на которые ты встаешь, иначе ты просто ходишь и смотришь на них. Тебе на них надо встать, а чтобы встать, надо назвать. Понимаешь, нечто в этом мире оживает только тогда, когда мы это называем. Это особенность этой реальности. Если ты что-то не называешь, оно просто не существует. Для тебя оно не существует, его нет. Только назвав что-то, ты создаешь это. Вот почему человек подобен богу. Он творит, только неосознанно. Он не понимает, что творит. И творит как-то неказисто, потому что не знает основ закона творения. То есть чтобы творить, надо называть, понимаешь? Вот отсюда я и требую всё время четкости. Пожалуйста, назовите это так, потом перейдите на что-то другое. Но вы определите, иначе непонятно, о чём вообще речь идет. Если мы говорим «мужчина» или говорим «женщина», то что мы имеем ввиду под этим? Называйте дальше, называйте еще дальше и вы придете к тому, на что можно встать. А иначе получается нечто сумеречное. Мужчина, женщина… Что это?

— *У мужчины как бы более развита логика, чем у женщины. И он физически более крепок.*

— А кто сказал, что мужчина более крепок? Почему тогда он помирает раньше? Почему у него болезней больше, чем у женщины? Вот смотрите, это бытовые точки зрения, которые здесь приняты: «Мужчина более крепок». А если

посмотреть статистику, то выяснится, что он значительно более слаб. Если мы будем ограничиваться поверхностными определениями, то мы ничего не поймем. И будем маяться всё время в сумеречном сознании. Но эта работа требует интеллекта, развития его.

Вот смотрите, это непросто. То есть нигде и никто не требует от нас этих вещей. Требуют чего-то другого, а вот этого никто не требует. А я говорю, что без этого ничего здесь не получится. Значит, тогда это надо развивать. То есть если мы что-то говорим, то дальше нам надо уточнять, что это значит. Иначе мы не можем встать на это как на качели и не можем уровнять две стороны.

— Вот сейчас мы подошли к тому, что отец признался дочери, что у него пропало чувство к матери. И поэтому ребенок остается без внимания. Тогда получается, что ребенку нужно задать вопрос маме. «Мама, мне папино внимание очень важно. Почему ты не можешь удержать то самое ценное, что раньше было, а теперь куда-то исчезло?» У мамы-то спроси.

— Ну, здесь не с мамой надо говорить. Я могу спросить с папы. Да? То есть почему раньше как бы было, а потом не стало?

— У папы-то осталось. У папы появилась женщина, и он в этом состоянии остается, а вот мама… У папы-то есть это состояние по отношению к женщине. Оно исчезло по отношению к твоей матери, но состояние у него сохраняется, поскольку у него есть другая женщина. А вот у мамы что?

— Мама может ответить, что вот…

— Это внутри тебя, это не внешняя мама. Это ты.

— Внутри мамы-то что?

— Она говорит: «Я просто не могла дать отцу изначально то, что ему хотелось. То есть я не могла дать ему любовь. Я не испытывала к нему любви изначально. У меня была к нему жалость, и мои отношения с ним были построены на жалости».

— Вот. У меня была к нему жалость и осуждение этой жалости. Я сначала его осуждаю, чтобы почувствовать жалость к нему. А потом жалею его, то есть саму себя.

— Я как бы даю жалость, а хочу в ответ иметь любовь.

— Смотрите, как интересно. Вот это таинственное слово «любовь» — это самая великая тайна здесь. Никто не знает, что это такое, потому что этого здесь фактически нет. Но зато здесь есть осуждение и вина. И все взаимодействия людей, называемые любовью, фактически сводятся именно к обмену этими вещами.

— Да. Ты — мне, я — тебе.

— Да. Ты мне — осуждение, а я тебе — жалость. Ты мне — жалость, я тебе — осуждение. Но различны, так сказать, фабулы, сценарии развертывания этого. А суть идентична, потому что безусловная любовь — она не от мира сего. Так же как и осознание. Поэтому сердце здесь работает в режиме страха, а ум в режиме осуждения. Вот это надо признать. Это то, что есть. Понимаете? Это не есть плохо, я не осуждаю сейчас, я просто разбираюсь с тем, что есть. Вот тогда мы сможем понять, откуда же нам ждать то самое, о чём мы так много здесь говорим. Откуда ждать этой любви? Да уж никак не оттуда, где мы находимся. Хотя и в этом есть большая польза.

— Я хочу понять. Если женщина выходит замуж за мужчину из жалости, то почему у нее в сердце страх?

— Потому что в ее сердце нет ничего, кроме страха, так же как и в сердце мужчины. Вот в чём дело-то. Или вы предполагаете, что сердце у людей открыто на уровне безусловной любви?

— Нет, конечно.

— Нет. Иначе у меня был бы вопрос, почему мы живем так, как мы живем. То есть вы это не предполагаете. Хорошо. Но тогда зачем же вы предполагаете, что в сердце есть безусловная любовь, по крайней мере, на уровне проявления? Да, она есть, потому что всё есть бог, а бог есть любовь. Но в том восприятии, в котором мы находимся, этого нет.

— Это я понял. Но если она выходит замуж из жалости, понимая это или не понимая, то почему в сердце страх, а не другое какое-то чувство?

— А что еще другое может быть? Есть страх и есть любовь безусловная. Так вот если есть страх, то нет безусловной любви. А если есть безусловная любовь, то нет страха. Тут всё просто, это же дуальность. Но мы и проделываем путь к освобождению сердца для прочувствования безусловной любви. Вот мы какой путь проделываем!

— То есть нужно знать страх в сердце.

— Конечно. А страх есть построение восприятия, созданное обусловленным умом. И пока мы не снимем засовы обусловленного ума, который проявляется в осуждении и вине, мы не можем открыть сердце для проявления, чувствования и восприятия безусловной любви.

Как открыть сердце

Понимаете, человек — это просто некое устройство, которое работает на энергии страха, то есть на разделенной энергии любви. Безусловная любовь, разделившись, дала энергию страха.

— *То есть видение дает безусловную любовь, что ли? Или как?*

— Видение целостное?

— *Да, целостное.*

— Целостное видение создает возможность открытия сердца к восприятию безусловной любви.

— *Еще раз повторите, пожалуйста.*

— Дело не в том, насколько я точно сформулирую и насколько точно ты это уловишь. Потому что на самом деле сердце — это чувства, а ты меня спрашиваешь о ментальных конструкциях. То есть я могу тебе очень много объяснять, что такое любовь вообще. Вот как любят описывать, что любовь — это то-то, то-то и то-то. Человек начитался этих книг и такое впечатление, что он это знает. Да ни хрена он не знает! Он знает определение любви, но любовь — это переживание. И никаким образом ты не можешь передать переживание, рассказывая о ментальных конструкциях.

Зачем вообще я этим всем занимаюсь? Только для того, чтобы человек подошел к переживанию безусловной любви. Понимаете, это именно то, что он может пережить. Это передать никак невозможно, но можно снять засовы, которые не дают ему возможности это переживать. И никакими определениями любви не вызовешь этого состояния, это уж я вам точно говорю. Но разбираться в этих вещах нужно для того, чтобы высвободить сердце, которое находится под давлением разделенного ума. Ведь именно ум определяет то, что мы рассматриваем. Понимаете?

Возьмем то, о чём я до этого говорил. Только определив что-то, сказав и назвав это, вы это видите. Но сам способ определения дуального ума является двойственным. И отсюда мы не можем видеть и чувствовать недуально. То есть мы не можем видеть целостно. Мы не можем испытывать безусловную любовь и видеть целостно. Мы видим, как сейчас очевидно для всех, только одну сторону. Другую мы сторону не видим.

Видение двух сторон на уровне ума ведет к переживанию безусловной любви на уровне сердца. Но когда ум видит только одну сторону, сердце так же разделено и испытывает состояния, которые можно назвать очарованием и

разочарованием или возбуждением и торможением. Понимаете, они так же дуальны. Вот любовь и ненависть. Любовь здесь — это другая сторона ненависти. Это не есть полноценная безусловная любовь, это есть ее половина, потерявшая качество целого.

— Можно я вернусь. Меня чего-то потрясывает слегка.

— Пожалуйста.

— Я вчера проговорил, сидя на стуле, пытался проблему показать как-то, чтобы для себя прояснить. Потом меня благодарили многие, хлопали по плечу, обнимали. А вечером у меня было ощущение, что произошло что-то важное, снаружи пришедшее как отражение. Внутри я этого не чувствовал. Я увидел какую-то грань этого запутанного клубка. Потом я размышлял и видел еще какую-то грань. В принципе, этих граней может быть много. Вот вы отразили мне, что по вашему мнению произошло что-то важное. Но изнутри я этого не почувствовал.

А вечером я ложился спать и просто произошел такой факт. Я хочу лечь, но везде лежат книги Пинта. И я место освобождаю, чтобы хоть куда-нибудь улечься. И меня поразила мысль: я это вижу и могу почувствовать физически, что мы — это Пинт. Да? Отражение. А где в обратную сторону отражение меня? Как вы видите сами себя или Александра Александровича? Вот это я не чувствую. То есть опять же ментальные конструкции. Мы как-то хитроумно пытаемся распутать. И действительно какие-то моменты, хвостики освобождаются и распутываются. Но я этого не почувствовал, в сердце этого не почувствовал. То есть волнение было, мы подобрались к какой-то сложной проблеме. Я ее и заявил. Но вот этого я не увидел.

— Единственное, что может чувствовать сердце, находящееся под игом разделенного ума, это очарование и разочарование. То есть можно очароваться Пинтом, а потом разочароваться им же. Сначала наложить кучу этих книг, а потом увидеть, что даже лечь некуда. Вчера я опять же и сказал это. И не жди, что сразу это появится. Пока не произойдет осознание, а осознание есть видение работы разделяющего ума, не придет и состояние безусловной любви. Но даже если оно придет, оно будет очень кратковременным и опять исчезнет.

Я думаю, что у каждого человека в те или иные моменты жизни это происходило. Может быть, он даже этого не отметил или забыл. А здесь речь идет не о временном состоянии, а о постоянном состоянии, о переходе чувствования сердца в другое качество. Временно вы можете это получить. И для этого есть, так сказать, разные вещи: различные медитации и всевозможные устройства, когда всё это стимулируется. Человек может в этой войти, но потом забудет.

Здесь же речь идет о дороге, которая приведет к тому моменту, когда это произойдет и не будет забыто, а станет тем, что ты чувствуешь всегда. Понимаете, если вы хотите просто получить некий опыт этого эксперимента, а потом забыть, то вы можете это получить, но это будет по-другому. Здесь это медленно и очень непросто, но оно будет гарантированным результатом. А случайный результат вы можете получить даже без каких-либо учителей или еще кого-то. Это может произойти, например, когда вы просто гуляете по лесу. Или еще как-то.

— *Мне очень хочется это почувствовать, увидеть сразу две стороны. Вчера я как-то пытался, но, видимо, я не осознал.*

— Понимаешь, здесь мы натыкаемся на самый основной парадокс. Если нам хочется чего-то, то мы будем находиться в противоположном состоянии. Нам не результат нужен, а нужен сам факт хотения этого. А чтобы хотеть это, надо находиться в противоположности того, чего ты хочешь. Поэтому ты должен находиться в состоянии глубокого сна, чтобы хотеть, например, просветления. Или находиться в состоянии крайней разделенности чувств и при этом хотеть безусловной любви. Это очень непростой путь, на котором в какой-то момент произойдет нивелирование «хочу» и «не хочу». Тут очень много нюансов. Мне эти нюансы хорошо известны, я их очень детально исследовал. И поэтому я вам и говорю, что это не будет быстро.

— *Я с такой же силой чего-то хочу, чего и не хочу.*

— Совершенно верно. Как только вы имеете сильное желание, вы так же автоматически активизируете противоположную сторону, которая так же работает. Вот в чём дело.

— *Потом будет уже неважно, хочешь или не хочешь, ты это будешь делать, да?*

— О чём говорят многие тексты йогов и так далее? Они, например, говорят: «Не надо желать». Но скажите это человеку, и что он вам ответит?

— *«А пошел ты…»*

— Человек скажет: «А зачем тогда жить вообще? И что эта за жизнь, если не желать?»

— *Надо всё попробовать.*

— Да. Есть такие, которые начинают заниматься аскетизмом, типа: «Не надо ничего желать: женщину не надо, есть не надо, пить не надо. Спать надо там, где стоишь…» И так далее. Это тоже опыт, который проходит человек. Да, кому-то надо это, он это проходит. Но ни одна техника, ни одно желание не даст вам выхода на то, чего вы хотите. Потому что на самом деле, вы как хотите, так и не

хотите этого. Насколько вы это понимаете, это еще вопрос. Вот это надо прожить, прочувствовать и выйти на состояние нейтрала внутри. Понимаете? А переживание этого состояния очень непростое. Состояние нейтральности подобно смерти на самом деле. То есть когда вы выходите в состояние эмоционального нейтрала, это смерть. И это переживание крайне непростое. Но это тоже этап.

То есть из всего, о чём я сказал, какой вывод вы можете сделать? Что это дело непростое, и каждый идет своим путем. Я не навязываю никому единый путь, но я знаю все особенности любого пути, потому что они в механизмах идентичны, но в контексте очень различны.

— У меня пример такой был. Я в своей жизни короткий отрезок времени, около двух лет или может чуть больше, пытался заниматься обливанием холодной водой. Я ходил по снегу босиком, обтирался снегом. То есть я гнался за тем, что если буду обливаться, то не буду болеть или еще что-то. И я гонялся за определенным состоянием. То есть я видел: «О, как прекрасно! Обольешься и такой эффект грандиозный!» И я хотел…

— Я должен здоровым быть. Это цель.

— Да. И я как бы возбуждался. А потом чувствую, что это и антижелание. Потому что я, делая это, понимаю, что толку нет никакого.

— Да. Но смотрите, нельзя сказать, что толку от всего этого нет.

— Определенный толк как бы есть. Иммунитет у меня лучше стал.

— Дело даже не в здоровье, дело в прохождении опыта. Мы приходим сюда за опытом, который здесь аккумулируется в различного рода двойственности и в сочетание этих двойственностей. Жизнь каждого человека есть сочетание определенных двойственностей, и он ее проходит и получает опыт. То есть жизнь не напрасна. Никакая жизнь не напрасна, какой бы она ни была и как бы она не оценивалась кем-то. Она всегда есть опыт для вас. Поэтому всё, что вы делаете и хотите делать — надо делать. Это опыт. Но мы сейчас выходим за пределы опыта. Чтобы понимать то, о чём я говорю, вам нужно отделиться от собственного опыта. Отделиться! И рассматривать опыт как опыт, а себя как то, что вне этого опыта, но при этом его получает.

Насколько это понятно? Не знаю. У каждого есть свои ситуации, мы их рассматриваем. Эти ситуации и есть ваш опыт. Мы что делаем? Мы даем вам возможность его осознать, то есть выйти из него. Но ваша приверженность к получению опыта может быть очень различной. И поэтому вы не идете дальше. Вы не выходите сразу и не видите его со стороны. И это правильно, потому что вы еще хотите его проходить и получать. Но вы уже получаете и определенные представления, что вы не есть этот опыт.

И чем больше вы это будете понимать, тем больше вы будете перемещаться во вспоминание себя. При этом у кого и как это будет происходить — это очень индивидуально. Если у вас это происходит так, то именно так вам и нужно. Это ваша задача и вы ее решаете вот так. Но приглашение консультанта позволяет вам решать это с большей, так сказать, быстротой. Вот я бы так сказал. То есть можно что-то решать очень долго, много жизней решать. А можно решать это несколько быстрее. Если у вас есть импульс решить эту задачу и выйти из нее, а потом взять следующую, то вам это будет полезно. Если такого импульса нет, то скорее всего, выбора здесь и не было. Значит, собираются те, которые находятся на финишной прямой по отношению к какой-то ситуации. И они уже готовы выйти из нее, и здесь они это могут сделать.

— Я хочу это сделать. Я просто говорю о том, что…

— Сразу сложно ощутить. Нам хочется умом понять всё, и это практически сделать невозможно.

— Ну, умом-то я понял.

— Не умом здесь надо понять. Здесь надо пережить.

— Вот я и хочу сказать, что нам, как обычно, хочется умом всё понять. А здесь надо понять не умом, а чувствами, да еще частями.

— Понимаете, здесь нельзя сказать, что это надо понять умом или чувством. Это надо понять и умом и чувством и действием. Вот когда вы соедините всё это, тогда оно и произойдет.

Взгляд на жалость

— Мы уже как-то разговаривали на семинаре, что хочется понять сразу всё. А получается, что человек сразу всё понять не может.

— Когда хочется понять сразу и всё, то попадаешь в ситуацию, когда ты не понимаешь вообще ничего. Понимаете? Вот он, парадокс, милый сердцу русского человека. Поэтому давайте делать шаги настолько, насколько вы чувствуете. Вот чего вам хочется сейчас?

— Мне хочется сказать. Я сижу и мне очень страшно говорить о своей боли. Очень страшно. Резонанс у меня был и на Олю и на Антона. У меня большая обида на родителей в связи с тем, что именно им я никогда не могла об этой боли рассказать. То есть у меня образ ребенка, который приходит из детского сада и

жалуется, например, папе. У папы истерика, он в страшном испуге: «Что это такое случилось с ребенком?» И у ребенка идет вина за то, что он нарушил папино спокойствие. Папа же беспокоится, а ему не нужно это беспокойство. Почему он беспокоится? Он принимает ребенка только спокойным. Да, папа ласковый, нежный, он заботится, он всё делает для ребенка. Но беспокойным, плачущим и рассказывающим о своих каких-то детских переживаниях папа не хочет его видеть. И ребенок ему ничего не рассказывает.

— Дело не в ребенке. Он боится этих переживаний в самом себе. А ребенок ему об этом, так сказать, напоминает. И поэтому он начинает бояться самого себя.

— Он боится. Он боится этих переживаний.

— То есть он не ребенка отталкивает, а сами переживания в самом себе. Вот в чём дело. Но ребенок-то это рассматривает так, что как будто его отталкивают, потому что он сам и есть эти переживания. А их не принимают.

— Да.

— А он не понимает, почему не принимают. Но сейчас ты можешь это всё сделать, потому что это твой внутренний мир. Садись на стульчик и расскажи своему внутреннему папе. Спрашивай его.

— «Папа, мне очень, очень больно. У меня свои детские обиды. Я пришла из детского садика и мне хочется, чтобы меня выслушали и пожалели. Вот. Но сделать я этого не могу, потому что у тебя очень неадекватная реакция…»

— Теперь говорит папа.

— «У меня всегда было состояние жертвы, мимо которого никто не пройдет, не навредив. И я это всё на себя принимал. Это говорит о том, что я человек очень ранимый. И меня ранит даже твоя несущественная боль».

— То есть: «Когда я вижу тебя, мне это напоминает о той ужасной боли, которая находится внутри меня. Она меня переполняет, и я уже не могу, потому что это последняя капля. Если я начну с тобой разговаривать и ты мне будешь говорить о своих обидах, то у меня начнется истерика. У меня столько уже этого внутри, что я не могу больше ни слышать, ни видеть, ни говорить об этом. Так как я всё-таки мужчина и не могу так себя вести, то единственный способ для меня — не видеть этого. А так как ты всё время передаешь мне именно то состояние, что у меня у самого внутри, то я не могу не обидеть тебя».

Они настолько похожи, что не могут друг друга переносить. Их обоих переполняет то, что у них через край льется. А теперь смотри, что такое само состояние жалости. Ты говоришь, что приходишь, чтобы тебя пожалели. Само состояние жалости возникает у человека, когда что-то не так, когда его обижают. И

он хочет, чтобы его пожалели, в том смысле, чтобы подкрепили следующее: «Да, жизнь ужасна, но ничего, ничего, мы тебя жалеем». Жизнь ужасна, несправедлива, страшна и так далее. Да? Но это же иллюзия! Это самая великая иллюзия здесь, что жизнь ужасна, страшна и всё время надо жалеть себя. Значит, тогда и Бог ужасный, он всех нас наказывает, и родились мы здесь, чтобы терпеть всё это.

— *Но ребенок же не обязательно за жалостью, а за объяснением ситуации приходил.*

— Но ты же сказала, что он хотел, чтобы его пожалели. Объяснения он хотел или жалости? Это большой вопрос. У меня такое ощущение, что твой ребенок хотел жалости, а не объяснения. Объяснение ему не нужно, у него и так уже есть объяснение, что люди плохие, они его обижают, и никто не пожалеет никогда. «Ты меня не любишь, не жалеешь». Ребенок из детского сада пришел обиженный, значит, его там обидели. Чем его обидели в детском саду?

— *Что-то ему сказали.*

— Что ему сказали? Давай смотреть, на что обижается твой ребенок. Что обижает твоего ребенка?

— *Например, что Наташа лучше нарисовала рисунок. Ее похвалили, а меня нет.*

— Значит, ты плохо рисуешь. Я не пытаюсь доказать, что я рисую лучше, а просто буду жалеть себя тем, что рисую хуже, чем Наташа. Это разные подходы, между прочим. Для кого-то это может быть стимулом для того, чтобы рисовать лучше, а для кого-то, чтобы проплакаться.

— *Я никогда в жизни не плакала.*

— Хорошо, жалеть себя можно и не плача, это изощренная форма. Проплакал и забыл, а тут никогда не забудешь, внутренний плачь стоит стеной. Ты хуже, чем другая и это повод, чтобы жалеть себя. Еще что? Ты хуже, чем другая и это не только повод жалеть себя, это повод стать лучше, чем другая, между прочим. Так что энергию плача можно перевести в энергию достижения цели: стать лучше, чем Наташа, например.

— *Кто-то наябедничал на меня не по делу.*

— Что значит «ябедничать»?

— *У нас были разборки, мы выясняли друг с другом отношения.*

— Как вы выясняли?

— Я решила, что с куклой буду играть первой, девочка обиделась, побежала к воспитательнице и наябедничала на меня, что я отобрала у нее куклу. А я ее не отбирала, я ее просто взяла.

— Кукла одна, а девочек две. Это просто разные формулировки. В принципе, она хотела забрать куклу, но забрала ее ты.

— Я была первая.

— Ты просто первая. Опять разговор о том, кто здесь первый. Наташа лучше рисует и это повод для обиды. Значит, если я первая схватила куклу, то вроде выиграла, но тогда на меня ябедничают. Смотри, пример один и тот же. Хорошо, этих двух примеров достаточно, потому что третий будет аналогичным. Значит, повод для обиды — это то, что я не первая. А повод для ревности — то, что кто-то другой первый. То есть твое чувство жалости к себе связано с тем, что ты не первая. А ты и не пытаешься быть первой, ты всю энергию направляешь на жалость к себе.

Есть два варианта. Например, если я не первая, то я могу стать первой. Представь спортсменов, у которых забег на дистанцию. Один выиграл, все остальные ревут в три ручья, а зрители прибегают и жалеют их. Выигравший одиноко стоит на первом месте, на него вообще никто не смотрит, все жалеют проигравших. Вот эта ситуация для тебя. А может быть иначе. Первое место кто-то занял и его все поздравляют. Остальные энергию направляют на то, чтобы в следующий раз выиграть. А потом в следующий и в следующий. Ты же хочешь получить результат сразу и отсюда жалость. Тогда тебе и нужно не выиграть и получить жалость. Тебе нужны зрители, которые будут аплодировать не первому чемпиону, а тому, кто проиграл.

То есть объявляется соревнование, приходят зрители. И они знают, что проигравших они будут жалеть. И чем сильнее он проиграл, тем больше жалости они ему уделяют. Вот к самому последнему, который даже не смог выбежать со старта, а просто рухнул, вся толпа зрителей бежит. Платки, нашатырь — всё ему. Классные соревнования? Классные! Даже бежать не надо. Надо только найти тех, кто жалеет, а их мало. Их практически нет, а отсюда жалость к себе еще больше: ведь меня бы могли жалеть, а никто не жалеет. Куда они смотрят? Почему это они смотрят на тех, кто на первом месте и улыбаются? Им и так хорошо, а мне плохо. Жалейте меня, а не хлопайте тем, кто стоит с кубками! Просто мир здесь устроен наоборот, с твоей точки зрения. Видишь, как из трагизма можно извлечь комизм и смеяться над этим. А у тебя есть над чем смеяться. Обхохочешься, если начнешь это видеть. И люди глупые, совершенно не понимают, как надо играть.

— Похожая ситуация: если я в компании не лидер, то я сделаю что-нибудь противоположное, чтобы выделиться. То же самое, принцип один и тот же.

— Да. Вот мальчики собираются, им девочка нравится. И один будет гири поднимать, силу свою показывать, а другой забьется в угол, поранит себя до крови. Девочка жалостливая, она подбежит к поранившемуся, и ему хорошо. Потом она подбежит к тому с гирями, а он еще тяжелее гири поднимает. Этому-то всё хорошо, а другой умирает, и она опять побежит к нему, повезет его на «скорой помощи». Бинтовать его будет, не спать два месяца. А он только проснется и опять что-нибудь себе поранит. Тому всё хорошо, он сам разберется. Но он думает: «Что за дела-то?» — и уронит себе гирю на ногу. Вот ты — эталон несчастья. И нет у тебя тех, кто жалеть будет. Нет! Может, ты не достигла еще пределов?

— Просто они не так ее жалеют. У нее есть особые представления, как это должно быть.

— Принц на белом коне скачет, скачет, скачет. Потом кувырнется с лошади и бежит целоваться. А лошадь обезумевшая, вся израненная мечется. Тогда он ее тоже гладит. Она машет хвостом и идет за ним. Такая у тебя романтическая любовь? Герой-избранник какой у тебя?

— Такой, как папа, уже был.

— Не жалеет, не зовет, не плачет и не будет вечно молодым?

— Это просто ужасно, когда о тебе постоянно заботятся, постоянно в глаза твои глядят и все твои желания исполняют. Это ужасно всё.

— Капают альбуцид в глаза всё время.

— Этого мне не надо. По морде мне тоже не надо.

— Ничего не надо. Тот тебе уже не нужен, а этот еще не нужен. Может, тебе Шварценеггер нужен? Ты определись, иначе не будет счастья.

— Решительность, уверенность.

— Вот! Это уже Шварценеггер.

— Нет. Телосложение Шварценеггера не нужно, а то он меня просто раздавит.

— Тогда худой и решительный. Коротышка решительный.

— Нет.

— Маленький и толстый. Голова чтобы на уровне чего была?

— Моя голова?

— Давай, давай! Развивай образ героя. Ведь не имея образа героя, ты его не можешь встретить. И пережить тогда не можешь.

— *Немного авантюрный, нежный, ласковый, как мой папа. Что еще присовокупить-то?*

— Диплом. Присовокупить надо диплом. Какое у него образование?

— *Образование? Лучше высшее. Но сойдет и среднее.*

— Техникум. Слесарь?

— *Нет.*

— Зато кран всегда будет в порядке.

— *Я предпочитаю кран не в порядке.*

— Ну, а что тогда? Образование-то какое?

— *Высшее.*

— Высшее какое?

— *Какая разница, какое!*

— Никакой разницы, но чтобы высшее образование было. Диплом и всё!

— *Зачем такие тонкости?*

— Да любой человек у тебя спросит, когда ты на работу устраиваешься: «Где диплом?»

— *Ну, я же не на работу устраиваюсь. У меня романтический образ, а тут никакого романтизма.*

— Значит так: человек с дипломом, худощавый, нежный и решительный. А как это он решительный и нежный? Он решительно проявляет свою нежность или нежно проявляет свою решительность. Это сильно. Слушай, у тебя парадоксальный мир! Я думал, что у меня очень парадоксальный мир, а сейчас вижу, что у тебя более парадоксальный. Ты меня обскакала.

— *Плачьте, Александр Александрович, плачьте.*

— *Но тогда мы все его жалеть кинемся.*

— Хорошо, давайте мы ее будем жалеть, она же хотела жалости. Вот что ты хочешь? Сейчас пришло время исполнения твоих самых сокровенных желаний. Вот эта женщина, позвольте ее представить, очень достойная всяческой жалости. Она могла быть царицей, но не стала. Она могла быть кандидатом наук, но не стала. Вот жалейте ее, пожалуйста.

— *Ее в детстве лупили за то, что она была упрямая, непослушная, молчаливая. Ее лупили, представляете!*

— Ой, какой кошмар! Как ты живешь, а?

— Представляете, девочка с такой нежной и белой кожей, и ее бьют какие-то жестокие взрослые.

— Ее не жалели в детстве!

— Ее лупили газеткой по башке. Но она же не муха!

— Мне жалко тебя, тебе такой отец достался жалкий. Понимаешь, даже романтический герой частично на отца будет похож.

— И вот за это очень жалко. Героя жалко, тебя жалко и отца жалко. Твоего отца мне очень жалко. Ну, чья жалость тебе понравилась?

— Ничья.

— Она не смеется. Никто ее не может пожалеть.

— А сама себя как бы ты пожалела? Мы все жалеем невпопад.

— У тебя уникальный мир, никто не может пожалеть так, как в твоем мире. Давай, описывай ситуацию мира, в котором всё возможно.

— В детстве я просто хотела прижаться к груди отца и матери, чтобы меня просто погладили. Я бы там выплакалась и всё.

— Тебе надо было кошечкой родиться. В этом мире всё возможно, там разные груди появляются. Ты к ним прижимаешься и они тебя гладят. Вот давай, какая грудь тебя устраивает?

— Третьего размера.

— Женская или мужская грудь?

— Меня и мама не жалела.

— Мама не жалела? А собаки тебя жалели?

— Собаки? Нет, от собак я не требовала жалости.

— Хорошо, значит, мама тебя будет жалеть.

— Мама и папа.

— Хорошо. И как это всё происходит?

— Я же описала как.

— Ты в деталях опиши, что там происходит, какой антураж, какая сцена. Называется всё это — «Жалость нашего городка».

— Я даже не представляю, как это.

— Смотри, ты же приходишь жаловаться.

— Во-первых, у вас квартира, большая квартира.

— Я не приходила жаловаться ни к маме, ни к папе.

— Какую дверь ты открываешь? Жалобную. На двери написано: «Жалобная».

— Для того, чтобы хотеть жалости, надо пожаловаться.

— Ты открываешь дверь и жалуйся на здоровье. Прямо на двери написано: «Жалуйтесь на здоровье». Входишь туда, а там что?

— Надо пожаловаться на здоровье?

— Ты хочешь жалости? Так, пожалуйста! Как ты хочешь, чтобы тебе хорошо было?

— Ничего непонятно.

— Сидит мужик в белом халате и говорит: «На что жалуетесь?» Или женщина спрашивает: «Дамочка, на что жалуетесь?» Или двадцать мужиков стоят строем: «На что жалуетесь?»

— На что? На одиночество, на отсутствие мужчин, детей, здоровья.

— Ты всем жалуешься сразу или каждому по отдельности? Вот к одному подходишь и говоришь, что ты жалуешься на здоровье. Он тебя жалеет в связи со здоровьем, но в связи с детьми уже не жалеет. Так одному или многим?

— Одному.

— Одному с большой такой жилеткой. Ну, давай, жалуйся. Он спрашивает: «На что жалуетесь?»

— Я уже сказала на что.

— Я не расслышал.

— Я жалуюсь на одиночество.

— Садись, пожалуйста, сюда. На одиночество, так. А он что?

— Какие люди вас окружают?

— Меня окружают мама с папой, коллеги по работе и две-три подруги. На этом всё. Больше в моем мире никого нет.

— Так, хорошо. Садись на мое место.

— Она жалуется на одиночество, но есть же люди, которые ее окружают.

— Да, есть.

— Это одиночество? Одиночество — это когда один. А у нее родители, подруги, коллеги. Так что он говорит?

— Вас окружают люди, но при этом вы чувствуете себя одинокой.

— Ты умеешь жаловаться, но не умеешь жалеть. Тебе надо научиться жалеть, а то у тебя всё в одном флаконе. Есть тот, кто жалуется и есть тот, кто жалеет.

— *Я жаловаться не умею.*

— Тебе не надо жаловаться.

— *Я и не собиралась.*

— Что же произошло, если ты не собиралась жаловаться? Ты же что-то собиралась сделать?

— *Рассказать о взаимоотношении с отцом и матерью.*

— Давай, рассказывай. Владение роскошью проявления любых чувств.

— *Я хотела сказать, что о каких-то негативных своих сторонах отцу рассказать я не могла. Обиду не могла показать отцу, да и матери тоже. Поэтому это всё замкнулось на мне. То есть можно сказать, что всё детство я просто промолчала. Глотая обиду в себе, я не жаловалась. Я никогда не жаловалась и сейчас я делать этого не умею. И жалеть, скорее всего, тоже.*

— *В итоге, я не умею рассказывать о себе, да? И чувствую тогда себя одинокой. Рассказывать о себе, это значит, общаться.*

— То есть я тогда хотела пожаловаться, но не стала этого делать и посвятила всю свою жизнь тому, чтобы не жаловаться. Фактически, я наступила на горло собственной песне. А теперь, когда меня просят спеть, я не знаю, как петь. Я знаю, как наступать на горло, но не знаю, как петь. Поэтому, давай, жалуйся. Возобнови песню. С какой ноты ты остановилась? Где ты зажала себе горло?

— *Там детские обиды.*

— Давай, жалуйся! Реализуй то, что ты тогда не реализовала.

— *Кто тебя обидел? Пожалуйся на него.*

— Подойди здесь к кому-нибудь и пожалуйся ему.

— *Вот смотри, если вернуться к ситуации с отцом. Он тогда не слушал. Можешь ли ты сейчас говорить ему о себе, о том, что с тобой было? Потому что ты закрыла рот, понимаешь?*

— Вот здесь есть мужчины, ты выбираешь одного и говоришь ему одно, другому — другое. Чтобы это натурально было.

— *В смысле, жаловаться?*

— Да, говорить то, что ты недоговорила тогда. Что-то хотела сказать, но не сказала, а сейчас можешь сказать.

— У меня сильно зафиксировалась обида. Это было в школе. У нас был классный руководитель, который заставлял всех мыть полы. И вот я вымыла пол в классе, но что-то там не так сделала, не вылизала до полного блеска. И я стою в туалете с этим грязным ведром, а она меня долбает, говоря, что я очень гадкая. Когда я пришла домой, я была в шоке, но у меня ни одной слезинки не было. Такое я сказать родителям просто не могла. Мне было стыдно. Мне папа привил чувство стыда к тому, чтобы слезы лить.

— Тебе стыдно было плакать.

— Мне стыдно было плакать.

— Это просто стыдно?

— Потому что реакция отца была такая на мои слова, на мои слезы. Если он так всё это воспринимает, то как будто я делаю что-то не то, что-то неприличное, что-то стыдное. Я же его обижаю тем, что плачу. Так лучше я не буду ему рассказывать.

— То есть ребенок показывает чувства, а чувства показывать нельзя.

— Это стыдно. Чувства показывать стыдно.

— Да, стыдно, потому что это приносит боль кому-то. А мама не реагировала на меня, она холодная, она черствая. Она на это смотрела, как на что-то неприличное. Как всё это можно было произнести, если я считала себя хорошим ребенком? Хороший ребенок гадким не может быть.

— А проявление чувств — это гадость. Стыдно проявлять любые чувства вообще.

— Ну, а папа чувства же проявлял. Устраивал истерики, может, даже плакал.

— Он не плакал, но были истерики.

— Именно это и было стыдно. Он стыдился этого, мама его стыдила за это. А потом он, стыдясь самого себя, не давал ей это проявлять. Вот давай, проявляй чувства! Это не стыдно, это здорово, это роскошь. Вот именно, человеческая роскошь! Человек может проявлять любые чувства, этим он и отличается.

— Расскажи, что ты прямо сейчас чувствуешь.

— Обиду, боль чувствую.

— Вот и расскажи.

— Я чувствую обиду к родителям, которые перекрыли этот канал, в связи с чем возникло чувство одиночества. Я жила с мужчинами, но чувство одиночества

меня не отпускало. Дело в том, что я чувства не проявляла. Я брала что-то, но я жила в отражении чужих чувств, сама их не проявляла.

— Вот тут на двух стульчиках и мама, и папа. Скажи им всё, что ты к ним чувствуешь. Можно говорить всё, что ты сейчас чувствуешь. Есть обида, вот и говори об этом.

— Папа, я на тебя обижена, потому что тебе ничего не нужно, кроме собственного спокойствия. Тебе ребенок был не нужен. Тебе нужен только такой, который вообще не беспокоит: ребенок как схема, как заводная игрушка.

— Теперь говори маме.

— А маме я не знаю, что сказать. Мама всё равно ничего не понимает.

— Нет, главное, что ты чувствуешь к ней. Поймет она или не поймет, это уже другой вопрос.

— Тоже обиду чувствую. Мама, я чувствую на тебя обиду, потому что ничего материнского, женского по отношению к ребенку ты не давала: ни ласки, ни тепла. Ты до сих пор заботишься только о материальной стороне: чтобы ребенок был накормлен, одет, обут. А что происходит внутри ребенка и как складываются у него взаимоотношения, тебя не волнует и никогда не волновало. Ты была занята войной с папой.

— А теперь суди их. Мы судим отца и мать за то, что они ребенка превратили в схему. Давай! Ты сейчас прокурор.

— Господа присяжные! Перед вами два обвиняемых. Один обвиняется в том, что хотел только спокойствия, не обращал внимания на ребенка, был занят только своими проблемами, в результате чего ребенок имеет то, что имеет. Преступник обвиняется в холодности, черствости, жестокости.

— В бесчувственности!

— И в бесчувственности. Господа присяжные и заседатели, какой приговор?

— Есть вопросы у присяжных. Причиняли ли они тебе боль физическую? Наказывали ли они тебя?

— Мама наказывала в связи с тем, что я была очень капризным ребенком, временами даже грубым. Маму я боялась, а на отца выливала это всё.

— То, что ее били, это ерунда! Данное преступление — это преступление против эмоций. Они отрезали у нее эмоциональный центр! Мера наказания какая?

— Есть смягчающие обстоятельства. Они же это приняли от своих родителей и делали это не специально.

— Так мы сейчас до Адама и Евы дойдем.

— *Их надо помиловать.*

— Помиловать? А что скажут сами подсудимые? Жизнь-то им в радость? Давай сейчас подсудимым слово дадим. Слово подсудимым!

— *Слово подсудимому. Папе. Папа полностью свою вину признает.*

— Ты начинай говорить: «Я, папа…»

— *«Я, папа, виноват. Я не хотел этого. Доченька, прости меня. Я на самом деле не хотел, я не знал». А мама отказывается от слов, она обижена на отца.*

— Ну, за обиду в нижние миры отправляем.

— *Отправить ее туда, чтобы она чувства проживала. В вечную мерзлоту!*

— *А она и так в вечной мерзлоте.*

— Не хочет мама ничего говорить? Она презирает суд?

— *Она в обиде. Она столько сделала для ребенка! «Я столько сделала для ребенка. Я копила деньги, покупала ей обновки, я ее одевала, кормила. Я до сих пор приношу ей пакеты с продуктами, до сих пор опекаю».*

— Хорошо. Может, она тоже осудить кого-то хочет? Давай, пусть тогда мама будет потерпевшая.

— *Она осудить хочет?*

— Да. Мама потерпевшей себя считает. У нее прокурор свой.

— *А кого она осудить хочет?*

— Так она говорить даже не хочет, значит, она не признает свою вину. Тогда она осуждает. А кого она осуждает?

— *Ребенка своего осуждает. Говорит, что дочь неблагодарная, не ценит того, что для нее сделали. Были тяжелые времена в материальном смысле, а дочь этого даже не почувствовала. Отец никогда не горбатился, а она работала на тяжелой работе, чтобы материально поддерживать семью.*

— Значит, она обижена и выдвигает статью против дочери, которая не ценит вложенные в нее силы. Суд в недоумении: кого судить и за что судить? Он оставляет дочь и мать для дальнейшего разбирательства дела.

— *Я хочу сказать, что когда Оля и Лена говорили, я реагировала и мне почему-то было ее жалко. Я думала, что надо как-то к ней подойти и помочь. Она начинает рассказывать о своем постоянном поражении, а я со своим победителем справиться не могу. Причем, я даже не успеваю ничего сделать, как — раз, и всех победила. И той жизни нет.*

— Одержу победу над всеми и один останусь.

— А тут увидела свою противоположность. И когда начали шутливо жалеть, смеяться, у меня вдруг истерика пошла. Когда судили, я была мать. В общем-то, обо мне рассказывали.

— Было в детстве такое, что мама плакала у себя в комнате. Видимо, у нее с отцом были какие-то игры сексуальные. Он ей что-то делал, я понимала, что у нее слезы ненатуральные. При этом я пришла и маму не пожалела, а наоборот, радостно как-то сказала: «Мама, ты что, плачешь?»

— «Понимаешь, мне было тяжело с отцом. У тебя есть брат, он отцу не родной сын. Отец всё внимание тебе уделял, он на брата внимания не обращал. Поэтому мне приходилось перевешивать, уделять внимание твоему брату. Я на тебя маленькую смотрела, у меня негатив шел, поэтому ты меня ненавидишь».

— У меня нет ненависти к матери и брату. Я просто разбираюсь с матерью в самой себе. Мама очень много для меня сделала, я это очень ценю.

— Делала, конечно, но любви-то не было. Всё что надо, делала, чтобы ты была сыта, здорова, накормлена. А какие чувства? Нет чувств!

— Я до сих пор считаю, что мама меня любит. Просто проявлять свою любовь она по-другому не умеет. Она такая же непроявленная, как и я. Она не может проявиться, но по-своему она любит. Вот это и есть проявление ее любви.

— Да, она по-своему любит. Она любит так, как она может любить. Каждый человек делает то лучшее, что он может делать. Любой человек делает лучшее из того, что он может делать лучше. Что лучшее не целостно, это мы понимаем только в холистической психологии, но мы всегда делаем лучшее. Поэтому благодарность за то лучшее, что сделал для нас каждый человек, это и есть самое важное. А мы не благодарим, поскольку этого не понимаем.

— Дальше идет вина из материнской части за то, что не проявляла к ребенку чувств. Ты чувства-то проявляла и передавала собственное. Что у тебя было, то ты и передавала. А что у тебя было в тот момент? То есть ты знакомила свою дочку со своими чувствами, такими, какие были у тебя. Какие у тебя были чувства? Они же были? Потому что такое ощущение, будто бы мать ничего не дала.

— Будто нет чувств, но чувства всегда есть.

— Ну да, есть чувство сложности и тяжести жизни. Дочь высказала, что только ругань в семье была.

— А это что, не чувство что ли? Это самое распространенное чувство здесь.

— Само состояние борьбы ты передавала. Ты знакомила свою дочку с тем, что такое война. Ты как мать, которая ввела ребенка в эту реальность. Твоя обязанность познакомить ее с этой реальностью. В этой реальности есть боль, конфликт, война. Если смотреть однобоко, то да, что-то там недодала. Но ты дала самое главное, ты познакомила с этой реальностью и с новым чувством, которое в этой реальности присутствует.

— Да, конечно, они выросли очень сильными личностями.

— То есть бороться они умеют.

— Да, я сидела и смотрела, как ты с достоинством отвечала. Ты очень достойно, по-королевски сидела и отвечала. Сидеть с таким достоинством, когда вокруг все смеются, очень сложно. Это твоя победа.

— Я сама над собой смеялась.

— Это величайшее, что могла передать мать!

Глава 3. Дисгармония как основная проблема человечества

На что указывает раздражение?

— Можно, я начну? У меня старая тема: «Мужчина и женщина». Хотя даже больше отзывается тема: «Отцы и дети». У меня продолжается внутренний конфликт. Мамы уже нет, и я чувствую, что продолжаю делать то, что делала она. Сейчас рядом со мной папа, и можно сказать, что я загнобила его. Если был бы кто-то другой, я тоже самое продолжала бы делать. Причем, разговора не получается, я не нахожу с отцом контакта. Внутри себя я чувствую, что есть какой-то мужчина, который не может за себя постоять, не может ответить этой женщине, которая постоянно на него наезжает.

— Хорошо, но это нужно и тому и другому, между прочим. То есть программа работает так, что она получает свой выигрыш всегда.

— Я не знаю, какой это выигрыш.

— А разве только проигрыш, что ли?

— Человека уже нет, а настолько это всё остро.

— Какого человека? Отца?

— Отец есть, но я не знаю, что он от этого выигрывает.

— Ты подумай. Ведь какое бы действие мы здесь не производили — ментальное, эмоциональное или физическое, оно всегда дуально. И если ты используешь, например, слово «проигрыш» или «выигрыш», то обязательно будет и то и другое.

— Я вообще эти слова не использую.

— А надо бы, раз уж попала в Школу холистической психологии.

— Борьба-то идет, значит, там кто-то выигрывает, а кто-то проигрывает.

— Значит то, что тебе кажется «гноблением» папы, с другой стороны есть некий его выигрыш.

— Ну да, он выступает жертвой.

— Жертва — это что? Это плохо или хорошо? Это выигрыш или проигрыш?

— Возможно, он себя как-то при этом чувствует. Но я не могу понять его чувства.

— Потому что я не могу понять свои.

— Он тоже получает какое-то свое удовольствие. Ему, видимо, нравится роль страдальца. Вне семьи он выступает человеком очень ответственным. Он всё делает для семьи, он положительный со всех сторон. Я знаю женщин, которые с ним работают, так они характеризуют его как приятного, хорошего мужчину. Я знаю его совершенно с другой стороны, и мне он не кажется приятным.

— Можешь ли ты посмотреть на него со стороны этих женщин?

— Я пытаюсь иногда.

— Сидя на стуле, можно всю жизнь пытаться встать с него. Пытаться и делать — это разные вещи. Мы всё время пытаемся, в этом и особенность этой реальности. Мы не делаем, мы пытаемся. А чтобы сделать, не надо ничего, кроме того, чтобы встать. Чтобы встать со стула, надо просто встать. Значит, не надо пытаться, надо посмотреть. Вот посмотри! Но для этого надо стать одной из этих женщин и начать смотреть так, как смотрит та, которая с ним работает и говорит, что это приятнейший мужчина. Вот стань этой женщиной, посмотри на него и увидь, что это приятнейший мужчина.

— Да, такой положительный мужчина!

— Это молитва или восприятие?

— Я просто сейчас говорю словами этих женщин.

— Я предлагаю тебе сесть на стул. Белый стул — это те женщины, которые чувствуют его приятным мужчиной, а черный стул — это ты, которая чувствует его неприятным.

— Это — коллеги по работе, а это — дочь.

— А посередине бело-черный стул, это папа. Ты папе рассказываешь, какой он приятный мужчина. Вот он стоит к тебе белой стороной.

— Они в основном знают его какие-то рабочие качества.

— А какие еще бывают качества, кроме рабочих, если мы выполняем полезную работу?

— Качества начальника?

— Семьянин — это продолжение начальника.

— Мы его знаем как в высшей степени ответственного человека. На него можно возложить любые задачи, и он с ними справится. Как руководитель, он

сделал для нашего предприятия очень много. Он сейчас перешагнул порог пенсионного возраста и если он уйдет, то мы не знаем, что будем делать. Просто вообще всё на нём.

— Мы сейчас все на нём.

— И вообще к нему можно обратиться с какими-то личными проблемами, он создает впечатление всегда очень обходительного человека.

— И он обойдет тебя с правой стороны и расскажет всё.

— Многим людям он помог решить вопросы с трудоустройством, с квартирой. Он просто «золотой» человек! На новогодней вечеринке, например, с ним обязательно надо потанцевать. Он такой несчастный, у него жена умерла, надо его утешить, приласкать. Ему тепла не хватает. Каждая бы хотела с ним потанцевать. Он танцует хорошо.

— Ну, садись на другое место.

— Этот человек просто невыносимый. Вы не знаете, какой он ужасный!

— А какой он ужасный?

— Ему ни до чего нет дела. Он на жену свою не обращал внимания. Мама говорила, что у этого человека два лица, у него двойная жизнь.

— Он был агент.

— На работе он один, а дома совершенно другой. На работе он очень исполнителен, обязателен, а семья у него на последнем месте в жизни.

— И в это последнее место он приходит каждый день. С первого на последнее место.

— Он приходит домой, чтобы отлежаться. Он устает до полусмерти. Лежит на своем диване перед телевизором, ничего не видит и не слышит.

— Телевизор он видит и слышит.

— Вы меня перебиваете.

— Я просто дополняю.

— Самая отвратительная черта, он просто скотина!

— Скотина, между прочим, это не факт, это определение. Что такое скотина? Это добрая, хорошая скотина, которая очень ценится хозяйкой. А вот в чём конкретно его «скотинность» проявляется?

— Он дома только жрет и в туалет ходит.

— А вы бы хотели, чтобы он одно делал, а другое не делал? Давайте по фактам. Что такое скотина? Сено жрет, да? Молоко не дает.

— *Он очень неопрятный. Человек, который руководит несколькими сотнями людей, совершенно не следит за собой. Он не моется месяцами.*

— Это личное дело каждого. А для вас-то почему он скотина? Скотина, кстати, тоже не моется.

— *Скотину надо терпеть рядом с собой.*

— Хорошо. Как проявляется то, что он не моется? Неприятности с чем связаны? Ведь воду не надо тратить, и это уже хорошо.

— *Пахнет очень.*

— От него пахнет?

— *Да, специфическим запахом. У него неопрятная одежда. На работе есть одна женщина, на которую он жаловался по поводу сделанного ему замечания, что у него на одежде пятна и он в этом пиджаке много лет ходит. И если бы эта женщина ему замечание не сделала, он так бы и ходил. Я ему замечаний не делала. Я боюсь его унизить, обидеть.*

— Если бы он считал, что ходить каждый день в одном пиджаке — это унижение, наверняка этого бы он не делал. Значит, это его возвышает наоборот.

— *Да, он считает, что это его достоинство.*

— Конечно! Он однолюб.

— *Он приверженец одного пиджака.*

— Да, это постоянство, стабильность. Это то, чего в России не хватает. Ходить в одном пиджаке — это залог стабильности.

— *В одном костюме — десять лет. Классно же!*

— Давай про то, что особо раздражает. От него пахнет. Так?

— *Этот запах свой он заглушает литрами одеколона.*

— Который тоже пахнет, да? То есть лучше бы он просто вонял естественно.

— *Получается, экономии на мыле нет.*

— *На водке пропьет, на спичках экономит.*

— *Лучше бы мыло покупал!*

— Что особо раздражает?

— *Это нельзя охарактеризовать. Словом, он просто скотина.*

— Скотина ничего не означает. Тут надо конкретно, как инженер-механик.

— *Показушность его раздражает. Всё-таки ему нужно свой статус поддерживать как-то, и на работе его, можно сказать, заставили приобрести*

недвижимость. Я чувствую, что это для него обуза, но он приобрел коттедж, за который рассчитывается. В нём жить невозможно, там холодно. Добираться до него неудобно, он за городом. Он в этот дом вкладывает очень много денег. Продолжает строиться баня, что-то насаждается вокруг дома. Он купил его потому, что там есть соседние дома, где остальное руководство проживает. Они его возят, а у него уже возраст не тот, чтобы ездить каждый день и тратить по часу на дорогу. У него энергии нет, чтобы этот дом обустраивать. Я чувствую, что это для него обуза, но он за него держится якобы в моих интересах и старшего брата.

— Он унесет это с собой в могилу?

— *Основные мотивы у него — что-то нам оставить.*

— И именно это тебе не нравится? Что в этом тебе не нравится?

— *Мне не нравится, что он там не живет.*

— Так он взял дом, чтобы ты там жила, а не он.

— *Мне не потянуть этот дом, там большие расходы на всё.*

— Хорошо, ты можешь его продать. Тебе что не нравится-то?

— *Мне кажется, что это просто показуха. И это при том, что есть квартира в городе.*

— А чем тебе не нравится «показуха», если уж этим словом ты называешь? На самом деле мы видим, что этот дом ему не нужен. По крайней мере, он передаст его тебе в любом случае.

— *У меня, конечно, ослепление есть, но я это так вижу. В квартире, где он живет, отсутствует ремонт вообще. При этом коттедж весь блещет. Там холодно, поэтому газа много расходуется. А внимания на квартиру, в которой живет, он не обращает.*

— Это его устраивает. Почему это тебя раздражает, если его это устраивает?

— *Я же не делаю замечания по этому поводу.*

— Но тебя это раздражает. Мы сейчас смотрим то, что раздражает. Вот тебя раздражает, что в квартире не делается ремонт, что в доме, который он взял, он не живет.

— *Да, и при этом ему приходится оплачивать кредит большой.*

— То есть деньги уходят не туда, куда надо. А куда надо?

— *Ему все говорили, что надо пожить для себя. Я, в принципе, согласна. Мне этот дом, если честно, не нужен. Хотя он говорит, что это всё для меня и для брата моего. Лучше бы он на себя потратил эти деньги. Руководители его по*

три раза за год бывают в отпусках заграничных, круизах всяких. Он берет отпуск после всех. Вот в прошлом год он был в отпуске в ноябре. Уже все отдохнули и не по одному разу, а он последним из руководителей поехал в Кисловодск, хотя мог бы и на Канары поехать.

— То есть он не использует те возможности, которые у него есть. В доме, который у него есть, он не живет. В квартире, в которой живет, он не делает ремонт. Еще и отсутствие поездок куда-то, которые он может делать, но не делает.

— Да, но в этом, видимо, его консерватизм проявляется.

— По сути, ему наплевать на самого себя, он работает, работает и ходит в одном пиджаке. И вот это больше всего раздражает.

— И еще раздражает то, что им пользуются.

— То есть он хорошая рабочая лошадка, в него даже ничего вкладывать-то не надо, он всё делает и делает. Вот как добрая, работящая скотина.

— Он даже на возраст свой не делает поправку. Его посылают в Якутию или куда-то еще, и он летит, хотя человеку за шестьдесят уже.

— Коттедж — это для самого себя, а в Якутию посылают по работе. Это выполнение рабочих обязанностей. Например, лошадь не будет спать в гостинице, но если работать надо, ее запрягают и она делает то, что надо. И ее за это уважают.

— И всем это удобно.

— А ему это не нравится?

— Он этого не видит. Я это вижу, но никогда не говорю ему об этом. Брат более откровенный человек. Он ему сказал, что им пользуются и предложил ему сделать что-нибудь для себя.

— Мы сейчас выяснили основные моменты, которые тебя в нём раздражают. Теперь давай выясним, а не проявляешь ли ты этого же? Тобой не пользуются? Ты не носишь одно и то же? Ты не тратишь на себя, на свои наряды, на свою внешность, на свои поездки куда-то?

— Я знаю свои возможности, я живу по средствам. Я не начальник, у меня нет таких доходов, чтобы ездить на Канары. Я себя прощупывала на зависть, есть она у меня или нет.

— А где ты щупала?

— Она временами бывает. Я его не воспринимаю, как очень крутого человека, поэтому к собственному отцу зависти нет.

— А себя ты воспринимаешь как некрутую совсем?

— Да.

— То есть ты некрутая. «Есть те, которые круче, а я вот совсем некрутая». И когда видишь отца, ты начинаешь на него проецировать тоже самое. В принципе, он имеет основания быть более крутым, даже хотя бы в том положении, которое он занимает. Но он это не показывает, для него это неважно.

— *То есть это важно для меня только?*

— Да. Ведь то, что ты перечислила, недостойно такой ненависти, поскольку непосредственно не ущемляет твоих интересов. Он не пьет, не бьет тебя, не орет ночью. Ничего такого нет, а при этом уровень твоего непринятия очень велик. Очень велик!

— *На эти непринятия накладываются еще прошлые скандалы с матерью. Я поэтому разговор хотела сделать: «мать —* отец».

— Мы это тоже сделаем.

— *Она просто знала какие-то моменты, каких я не знала. Его измены.*

— Хорошо, тебя это как непосредственно касается? Если даже он был с какой-то женщиной, то тебя лично это как касается?

— *Сейчас меня это не касается. Она мне это просто рассказывала.*

— Хорошо, зачем она тебе это рассказывала? Тебя это касается? Тебя это волнует? Вот ты сейчас рассказывала о том, что тебя непосредственно касается, что тебя раздражает.

— *Меня это раздражает до сих пор.*

— То есть тебя раздражает мужчина, прежде всего. Ты даже начала говорить о том, чтоб был разговор про мужчину и женщину. В твоем представлении мужчина должен быть иным, не таким, как твой отец. А так как твой отец есть основной мужчина, который еще и перед глазами, то он тебя раздражает, потому что он не такой, каким должен быть мужчина. Фактически не такой, какой должна быть ты на самом деле, потому что ты проецируешь на него нечто свое. Так это или не так?

— *То есть я не такая, и дело в том, что он тоже не такой.*

— Совершенно верно. Вы очень похожи на самом деле, но именно эта похожесть и отсутствие оборотной стороны, которой, как ты считаешь, должен быть мужчина, приводит к твоему сильному раздражению. И между прочим, непропорциональному раздражению, если смотреть со стороны того, что он делает. То есть он не пьет, не бьет, не орет, не проигрывает в карты.

— *Вот это меня и бесит! У него нет никакого хобби.*

— Вот. Скука!

— *Коттедж бы лучше проиграл в казино!*

— То есть он не показывает, что он мужчина, что он чего-то стоит. Нет азарта молодецкого.

— *Он не ходит на рыбалку.*

— Хорошо, а как ты ведешь себя здесь, давай посмотрим? Можешь у людей поспрашивать. Вот ты кто здесь? Яркая личность?

— *Мышка.*

— Мышка-норушка. Пришла тихо, села и сидит. Сидит, сидит, отсидела и ушла. Вот это именно то, что тебе и не нравится в отце, между прочим. Так ведь? То есть никакого внимания ничем на себя не обращается.

— *Я — мышь, а он — скотина.*

— Смотри, непонятно, что это такое. Это просто неприязнь, эмоциональное реагирование.

— *Он меня просто раздражает.*

— Так тебя раздражает твоя собственная непроявленность, твоя собственная «мышатость». Вот как ты одета, например? Где меха, бриллианты?

— *Где пышная прическа?*

— Где бобровая шапка, «Мерседес» с обогревателем? Нет этого всего, и тебе как-бы и не надо. Или надо?

— *В меру.*

— Что значит «в меру»?

— *Это не значит, что надо носить пиджаки пятилетней давности.*

— А почему это тебя раздражает?

— *Да не раздражает уже, пусть ходит в том, в чём ходит.*

— Смотрите, как хитро устроен человек. Когда его прижмешь, то он вдруг переходит в противоположное. Сейчас выяснится, что не раздражает дача, не раздражает квартира без ремонта. И даже то, что он не моется, тоже не раздражает. Но не в этом дело. Дело в том, что ты раздражаешься собственной стороной себя. Так?

— *Какой именно?*

— Смотри, ты перечислила всё, описывая ее. То, что тебя раздражает в нём, это то, что раздражает тебя в себе. Потому что мы говорили, что нет никого, кроме самого человека. И он видит только себя во всём, что его окружает. Только себя, и

больше ничего! То есть ты в нём видишь только себя. Дело не в нём, дело в тебе. Тебя раздражает нечто в самой себе, по крайней мере то, что ты назвала.

При любом выборе мы всегда получаем то, что нужно

— Вот давай, смотри теперь на себя.

— *У меня как раз противоположные качества. Он очень собранный, а я разгильдяйка.*

— *Тебя же не устраивает его собранность. «Меня раздражает в себе то, что я не могу выполнить того, что запланировала».*

— Хорошо. То, что ты разгильдяй — это то, что ты сознаешь про саму себя.

— *Это меня временами тоже раздражает.*

— Но ты говоришь об отце с большой степенью неприязни, значит, ты не сознаешь этого в себе. Хотя именно это неосознанно присутствующее в тебе и вызывает такие чувства к нему. Дело не в нём, дело в тебе. Ты с этим согласна? То есть ты готова начать это смотреть?

— *Да. Мое желание было на семинаре остаться в сторонке, отмолчаться.*

— Быть незаметным, непритязательным. Если что-то делать, то только не потому, что это нужно мне, а потому, что это кому-то нужно.

— *У меня «показушничество» тоже есть, но оно у меня со знаком минус. Я всегда старалась казаться скромной.*

— Казаться скромной? А ты какая?

— *Еще скромнее, чем на самом деле.*

— Скромнее самой скромной. А нескромная, это как? Вот веди себя сейчас нескромно.

— *Я бываю нескромной в состоянии аффекта.*

— В состоянии аффекта понятно, а сейчас можешь? В чём ты больше всего нескромная? Ты нескромная по отношению к чему? Вот скромная — она тихая, ее никто не замечает. Или ее все замечают, что она скромная?

— *Начинают как-то восхвалять. Мне комплименты кидали.*

— Давай ты себя будешь презентовать, свои самые положительные качества, которые привлекательны для других людей. Сейчас нужно сделать саморекламу.

— По достоинствам.

— Давай саморекламу. Вот сейчас здесь люди собрались…

— Но это не для всех очевидно.

— Какая тебе разница, для всех или не для всех? Смотри, ты начинаешь учитывать сразу.

— Делай саморекламу так, как ты считаешь. Подавай свои качества.

— Я очень одаренная!

— А вы отмечайте свои реакции.

— В чём твоя одаренность?

— У меня большие способности к иностранным языкам. Я перевожу легко, общаюсь на нескольких языках без проблем.

— Давай, давай, демонстрируй! Общайся с нами на китайском, например. Скажи мне что-нибудь на китайском.

— Пошли его подальше на китайском!

— Сейчас скажу.

— Язык Лао-Цзы. Так, а еще что-нибудь на другом языке.

— На французском я вам стих расскажу.

— Смотри, язык — это символ культуры данной нации. Такая склонность к пониманию разных языков — это склонность к пониманию души разных наций.

— У меня на этой почве был кризис, что я как бы впитываю в себя всё до такой степени, что уже не понимаю, кто я: русский человек или не русский.

— Так ты тогда всё: и то и другое и третье и четвертое.

— Это программы моих прошлых жизней, где я кем-то была.

— То есть у тебя очень большой опыт эмоционального характера. Не так часто встречаются люди, которые владеют разными языками. Хорошо, а ощущения внутренние какие? Ты знаешь языки. Что это дает тебе с точки зрения самоощущения?

— У меня уже как потребность углублять то, что есть. А что чувствую?

— Зачем тебе языки? Что это такое? Чисто технический навык?

— Мне кажется, что я открываю какой-то новый мир. Он мне не открывается при общении только на русском языке. Не только культура, но и логические вещи. Мне кажется, что я постигаю душу другой нации.

— Так и есть. А ты можешь сделать, например, различие между русской душой, китайской, французской? Чем они отличаются? Чем отличается китаец от русского, например? В чём специфика?

— *Там проявление души, но душа у всех одинаковая.*

— Да, конечно, в контексте нюансов. В чём одинаковы все — об этом я рассказываю, а ты можешь рассказать о тех различиях, которые вносит та или иная культура.

— *Для русских характерно, когда душа нараспашку. Про русских людей говорят, что они не способны задумываться о последствиях. Если их понесло, они проявят себя. Про китайцев говорят, что они как луковицы: у них очень много слоев. При определенной ситуации один из слоев начинает функционировать, откликаться. То есть подобраться к душе китайца сложнее на самом деле.*

— То есть она закрыта многими слоями.

— *Да, она закрыта, но подобраться можно. И что еще касается китайцев: у них древняя цивилизация и она глубже оставила в них свой след. Я это чувствую даже в неграмотных крестьянах.*

— Что?

— *Какая-то мудрость в них есть. Мы более молодая нация, в нас нет таких глубоких корней. Мудрость земли у них какая-то есть.*

— Поднебесная, что же вы хотите!

— *Действительно, они не только хитрые, среди них есть люди очень глубокие.*

— А вот Франция?

— *Франция — это красота, красота жизни. Красиво жить — по-моему, это от них пошло. У французов есть выражение: «искусство жить». То есть они каждое мгновение пытаются прожить, наполнив красотой, наполнив искусством. Им присуще какая-то утонченность. А про русских говорят, что они от медведя и ничто медвежье им не чуждо. Русским присуща некая неуклюжесть, непонимание тонких вещей. С другой стороны, французы слишком щепетильные, утонченные, рафинированные. А душа, в принципе, та же самая душа.*

— Дуальная. Только дуальность проявляется в разных двойственностях, и акцент на разведение тех или иных двойственностей у разных национальностей создает специфику культуры.

— *Да, акцент есть. Даже не знаю, на что у них акцент.*

— Красота! Красота и безобразие.

— Да, красота и безобразие. Эсмеральда и Квазимодо.

— У них тогда будут примеры в искусстве, связанные именно с этой двойственностью.

— У них культ красоты.

— Совершенно верно. Если мы возьмем мифологию той или иной культуры, то увидим там определенных героев, которые будут показывать именно то, что характерно для этой нации. Если мы возьмем русскую культуру, то там Иван Царевич и Василиса Прекрасная.

— Кстати, там трудолюбие.

— Русское трудолюбие. Но Иван-дурак и не особенно трудолюбив. Поймал щуку, и она желания исполняет. Или Золотая рыбка, Жар-птица… Именно само представление о чуде очень сильно в России. То есть ничего, ничего, а потом вдруг — раз, и сразу всё!

— Причем чаще всего это всё — человеку юродивому, брутальному.

— Да. То есть тому, кому по западному взгляду вообще ничего не должно быть, ведь он ни сеет, ни жнет.

— Сейчас дуальности будем разбирать разных национальностей, а я в своей еще не разобралась.

— И тем не менее, даже этот короткий диалог показывает о достаточно большой осведомленности, о чувствовании тех наций, язык которых ты знаешь. Это же здорово на самом деле! Вот как ты это ощущаешь? Не всякий этим может похвастаться. Оно создает твое ощущение?

— Оно создает ощущение, что я что-то могу.

— Но ты же этого не проявляешь, ты сидишь как серая мышка. Не вышла бы, так вообще не было бы этого разговора. Пришла и ушла. Кто о тебе что-то смог бы сказать? Никто. Была какая-то девочка, которую не запомнили.

— Я не проявляла этого много лет. Как начать это проявлять?

— А почему ты это не проявляешь? С тобой интересно разговаривать, тебе есть что рассказать на самом деле. Почему ты не проявляешь?

— Боюсь.

— А почему ты боишься? Давай разберемся, чего именно ты боишься?

— У меня есть понятие ограничения, есть какие-то рамки, которыми я ограничена.

— Откуда взяты эти рамки и почему ты их считаешь обоснованными для себя?

— Просто я общаюсь с людьми, которые более одаренные, чем я.

— Откуда ты знаешь степень одаренности?

— Просто они проявляли это с большей мощью.

— То есть это не степень одаренности, а степень проявления этого. Это разные вещи, между прочим. На самом деле каждый здесь в чём-то одарен.

— В плане начитанности, эрудиции я не считаю себя на одном уровне со многими другими людьми.

— Но смотри, это вопрос о том, кто выше, а кто ниже. А если мы сейчас будем разворачивать другое, то есть какое удовольствие это несет? Ведь всякий дар, а каждый имеет дар, здесь дан не просто так. Это то, к чему мы пришли, дабы это прочувствовать, прожить и понять. Фактически, мы и есть это. Так почему же мы себя зажимаем, не давая проявляться тому, с чем мы сюда пришли? Это всё равно, что падает зерно дуба и, дойдя до земли, говорит: «Скромной надо быть». И дальше не растет. Так ни один овощ, ни одно дерево не вырастет.

— Опять разговор о детстве.

— Так давай смотреть. Есть какие-то ограничения, которые заложены и приняты тобой как совершенно естественные. Это всё равно, что взять куб металлический и посадить туда зерно, которое упрется и не будет расти. При этом скажет: «Ну, вот так, значит, ничего невозможно». И оно в этом кубе пускает что-то, но никто ничего не видит. И что там растет, никто не знает. Так давай, убери это! Почему, собственно, ты считаешь это нужным? Или ты считаешь нужным расти таким образом?

— Нет, не считаю.

— Хорошо, тогда давай рассматривать, как заложена программа, которая не дает тебе возможность показать то цветение, которое в тебе есть. И вообще не дает цвести свободно. Откуда эта программа? Что-то связанное со скромностью, кстати.

— Да, в детстве я была пухленькой, а меня тянуло стать артисткой, балериной. Я всё время крутилась, какие-то прыжки совершала смешные. Мне сказали: «Что ты прыгаешь? Не будешь ты никакой балериной, посмотри на себя!» Мне говорили: «Не наглей, веди себя прилично, будь скромной». А мне хотелось наоборот, меня всю распирало. Меня, наверное, наказывали в раннем возрасте, а потом уже отпало желание самостоятельно что-то совершать. Детство так прошло. Я с ранних лет стала домоседкой, забивалась в угол. При

этом я не была уж совсем необщительным ребенком, но на улицу не рвалась и не просилась. Не пустили, и ладно. Скандалы я не закатывала.

— Ты не боролась за проявление себя.

— Ты была послушной девочкой. Ты это ценила? Тебе важно было быть послушной для папы и для мамы?

— Возможно, что я для них это делала.

— То есть удовольствие ты получала именно от согласия с ними?

— Да, скорее всего. Но мнение окружающих для меня было тоже важно. Чтобы окружающие увидели, какая я послушная.

— Смотрите, очень интересно получается по-двойственности. Значит, другие — это тоже я. То есть я могу исполнять те желания, которые есть, как мне кажется, во мне. Или те желания, которые есть в других, которые определяют мне эти желания. Тут идет выбор: либо я начинаю проявлять себя в том, как я это чувствую, то есть сознательную сторону, либо проявлять себя в том, что идет от других людей, то есть подсознательную сторону себя же. Ты выбрала вот это. На самом деле, это тоже твое желание. Они проявляли одну из сторон тебя. Одна сторона говорит: «Надо прыгать. Мы будем балериной». А другая сторона говорит: «Сядь и сиди, будь хорошим ребенком». Но это тоже твое желание, между прочим, сейчас это можно увидеть. То есть идет акцент на одно из противоположных желаний: либо быть тихой, не проявлять себя, и тогда ты будешь хорошим ребенком, либо быть плохим ребенком, но проявляющим все тенденции, которые возникают.

— Я выбрала послушание.

— Ты выбрала одну из добродетелей. То есть быть хорошим для других, но не быть хорошей для себя.

— Но добродетель эта тоже относительна. Есть же мнение, что если ребенок не просится бегать, прыгать, если он не играет, то он тормоз просто. Я когда уже постарше была, мне кто-то на стене рядом с дверью в квартиру нацарапал слово «тормоз».

— Хорошо, но тормоз в автомобиле столь же нужен, как и газ. Вот представь, ты садишься и у тебя есть только педаль газа. Ты разогнался, несешься со скоростью триста километров в час и не можешь остановиться. Вот тогда ты поймешь, что тормоз крайне нужен. Но тормоз нужен тогда, когда есть газ. Если ты сидишь и жмешь на тормоз, а автомобиль просто стоит, то ничего и не происходит.

— То, что ей не давали выходить на улицу, и она не общалась, способствовало тому, что она начала изучать то, что другие не изучали.

— Вот! Ты стала изучать внутреннее. Если бы ты была подвижная, бегающая и так далее, ты бы уж точно не изучила все эти языки, ведь изучение языков требует совершенно иной атмосферы. То есть ты получила именно то, что нужно, так что ничего напрасно не происходит. В любом случае какой бы выбор мы не сделали, мы получаем нечто, чего бы не могли получить при ином выборе, вот в чём дело. Но мы этого не видим. Мы начинаем говорить, дескать, если бы я всё проявляла, я бы сейчас была балериной. Но при этом не учитываем, что языков бы я не знала и многое, многое из того, что сейчас знаю и умею, я не могла бы уметь. Вот смотри, это очень важный момент.

Теперь возьмем китайский язык. Он не особо распространен в России, а ты его знаешь. Во-первых, он сложный. Во-вторых, это китайская культура, у которой очень сильно свое мнение. В японской и китайской культуре считается, что человек отличается от животного тем, что соблюдает закон. Закон — это есть внешнее давление. Они же улыбаются друг другу, но никогда не говорят и не проявляют ничего так, как в России.

— *Они скрывают свое лицо.*

— Они его скрывают. Эта культура очень специфичная, исходящая именно из того характера воспитания, которое ты получила. Посмотри, это совершенно неслучайно.

— *Получается, это воспитание китайца.*

— Да! У тебя свой путь. Ты почувствуй свой путь и то, чего ты на этом пути достигла. А достигла ты очень немалого. И всё, что происходило, было связано с тем, чтобы этим путем идти, между прочим. Ничего случайного не было, всё было направлено на это. Так ты сама этот путь ценишь? И всё, что получила в результате этого пути ценишь? Или нет? Или ты считаешь, что могла бы быть балериной, актрисой, быть на виду и так далее.

— *В своей жизни я ощущаю влияние каких-то пробелов в своем воспитании.*

— Нет пробелов! Когда мы начинаем досконально рассматривать саму программу, мы видим, что она четко направлена на получение определенного опыта. Но мы этот опыт не видим и не ценим. И вообще ориентированы на совершенно другой опыт, противоположный этому, с точки зрения которого всё то, что у нас есть, это полная ерунда. Это характерно для всех, между прочим.

— *Бывают моменты, когда я впадаю в самоуничижение.*

— Так мы с вами говорили, что этот мир — это мир дисгармонии. Что такое дисгармония? Это движение по одной стороне дуальности с отрицанием противоположной стороны. Но никак иначе и невозможно. Движение по одной стороне возможно только при отрицании другой стороны. В детстве мы получаем

программу и события, связанные с закреплением этой программы, которые по сути и приводят нас к тому, что мы движемся по одной стороне. Но другая сторона всё время давит и говорит, что ты никто и ничто, показывая нечто, относящееся к ней. Причем та, которая всё это делает, она как бы и не видна, потому что оценивает ее другая, противоположная сторона, с точки зрения которой всё то, что вы имеете, плохо. Вот он, парадокс! Я всё время повторяю, что человек никогда не получает в жизни ничего из того, что он не хочет. И вся проблема заключается только в том, что он не понимает, кто это в нём хочет того, что он сейчас воспроизводит. Вот в чём дело и вот в чём основная проблема.

Состояние дисгармонии: что оно дает?

— Проблема не в том, что вы делаете не то, что вам нужно или не то, что вы хотите, а в том, что вы не понимаете ту часть себя, которая это делает. Вы ее не видите в себе, поэтому вы не можете получить удовольствие от того, что вы производите.

— *Я не вижу «хорошую» в себе.*

— Хорошая, плохая — это всё оттеночные категории. Часто говорят: «То, что русскому хорошо, немцу — смерть».

— *По сути, это дуальность «значительность — незначительность».*

— Смотрите, значительность и незначительность — это тоже оценки, которые непонятны. Если значительная, то с точки зрения чего? Никто же этого не говорит. Все говорят, обратите внимание, плохой я или хороший, значительный или незначительный, крутой я или не крутой. Но всё это по отношению к чему? Вот вопрос-то! Значит, сравнение берется по отношению к тому, в чём ты не крутой.

— *Это вечное страдание.*

— Да. Вот муравей ниже плинтуса, как мы тут любим выражаться. Но это не значит, что он переживает это так, как переживает человек, которому говорят, что он ниже плинтуса. Муравей всегда ниже плинтуса. Китаец, например, тоже ниже европейца, но это не значит, что он это переживает так, как это бы переживал европеец, который был бы ростом с китайца. Весь вопрос в том, с чем ты сравниваешь, но само сравнение становится очень четким и фиксированным. При этом сам критерий сравнения не видится, но делается одно и тоже — сравнение. Я — ничто и никто. По отношении к чему? У меня возникает такой вопрос. Но

почему-то этого вопроса не возникает у того, кто говорит о себе, что он никто и ничто. Правильно? По сравнению с кем ты никто и ничто?

— В свое время играли роль какие-то внешние факторы, посторонние люди. В моём случае я даже по отношению к отцу не испытываю какой-то ревности. У мамы была ревность к тому, что отец добился всего, а она — нет.

— То есть он был для нее красной тряпкой, которая всё время ее раздражала, показывая, что она ниже, чем он. И эта тряпка всё время маячила перед глазами.

— Во многих семьях, где муж занимает более высокую должность, это происходит довольно мирно.

— Хорошо, но там другое.

— Там было соревнование.

— Значит, твоя мать имела сознательную мужскую сторону. И ей нужно было быть «крутым мужиком». То есть ее мужчина сравнивал себя с мужчиной твоего отца или ее мужа. Это оценка мужчины по одним и тем же параметрам. Почему женщина может не ревновать к успехам мужчины, а более того, способствовать им? Потому что ее критерий оценки собственной значимости строится на совершенно других показателях. Ее критерием оценки собственной значимости может быть значимость мужчины, рядом с которым она находится. Что чаще всего и бывает. То есть борьба женщин между собой оценивается по критериям тех мужчин, которых они притянули, и по крутости этих мужчин. Причем оценки крутости тоже различны. Но женщина по телу может иметь модель поведения мужчины, что довольно часто происходит. Тогда раздражение мужчины, который находится в этой женщине, будет проявляться по отношению к тому мужчине, с которым она имеет дело. И мы будем иметь картину, когда она раздражается его успехами, потому что его успехи есть показатель ее неуспехов. Вот оно, хитросплетение дуальностей, когда женщина по телу и мужчина по телу могут иметь противоположные модели восприятия, исходящие либо из мужчины, либо из женщины. Борьба феминисток за права женщин есть на самом деле борьба мужчин в телах женщин. При этом идет борьба с мужчинами же, вот в чём дело! Но так как люди не понимают, не знают и не рассматривают дуальности, то ими это всё воспринимается поверхностно. А это не женщины борются за свои права, это мужчины в женских телах борются за свою крутизну.

— Вот это дисбаланс каким-то образом уравновешивается?

— На самом деле, если мы берем землю как целое, то она всегда в равновесии. Но если мы берем конкретного представителя, то он всегда в неравновесии. Эта реальность является реальностью дисгармонии. Само состояние

дисгармонии и есть нечто, создающее энергию, необходимую для выполнения работы, то есть жизни.

— Я поняла. В течение жизни возможна смена полярности?

— Смена полярности возможна так же, как и смена пола. То есть он был мужчиной, а мечтает всё время быть женщиной. Теперь уже есть возможность менять пол, половые органы меняют. Мужчина становится женщиной.

— Он изначально при рождении был так ориентирован.

— Он был ориентирован, но имел мужское тело. Я сейчас говорю об изменениях. Изменения — это переход в противоположную позицию. Но это не есть осознание. Смотрите, я применяю достаточно четкую терминологию, то есть я разграничиваю изменение и трансформацию с осознанием. Трансформация — это когда некое человеческое существо, осознавшее в себе две стороны, трансформировалось осознанием, то есть энергией, идущей не от мира сего. Изменения же наблюдаются постоянно в этой жизни.

Например, возьмем революции. Что же это такое, как не изменения? Изменением является развал Советского Союза и построение здесь капитализма. После произошедшего изменения мы пошли в совершенно другую сторону. Очень долгое удержание одной стороны приводит потом к переходу в следующее.

Или возьмем двигатель. Известно, что у двигателя есть поршень, который совершает движения вверх и вниз. Вверху у него есть верхняя мертвая точка, а внизу — нижняя мертвая точка. Когда поршень подходит к верхней мертвой точке, то это крайняя позиция. Потом он начинает двигаться вниз и доходит до нижней мертвой точки. Потом опять начинает двигаться вверх. Когда он вверху, то он не в нижней мертвой точке, а если он в нижней мертвой точке, то уж никак не в верхней мертвой точке. То есть одно исключает другое. Трансформация не исключает ни то, ни другое. Наоборот, она включает и то и другое. Так вот изменение — это просто переход на другую полярность с исключением противоположной.

— То есть ничего не меняется.

— Меняется. Именно это люди считают самым крупным изменением, но это не меняет их однобокого восприятия, вот в чём дело. То есть с точки зрения опыта — да, изменения кардинальные. Но с точки зрения восприятия — это то же самое, только видение с другой точки.

Основным моментом, который возник в результате нашего диалога, является видение, что всё, что ты сейчас имеешь, не есть плохо. Это есть замечательно! И это замечательное есть именно то, что тебе нужно! Ты пока не можешь этого понять по той причине, что оценкой того, в чём ты сейчас находишься, занимается часть, противоположная той, которая делает нечто, в результате чего ты

становишься тем, кем ты становишься. Иначе ты бы не говорила о себе, что ты никто и никакая. Эта оценку делает какая часть в тебе? Та, которая хотела быть балериной, быть на виду, быть очень эффектной, чтобы на нее обращали внимание и говорили о ней. То есть это нечто противоположное тому опыту, какой ты проживаешь сейчас. Вот с точки зрения того опыта ты действительно никакая. Ты не балерина, ты не скачешь, тебя не поздравляют и так далее. Но с точки зрения той части, в результате которой ты стала той, которой ты стала, у тебя всё очень правильно. Но парадокс заключается в том, что человек оценивает себя не из той части, которая создала именно такого человека, а из другой, противоположной части. То есть оценкой себя занимается часть, которая осуждает противоположную часть, произведшую на свет именно такого уровня цветок.

— И что делать с этой частью, которая осуждает?

— Первое, это надо увидеть эти части и совершить различения. Сам факт такого рода видения является тем основным моментом, к которому мы здесь всё время движемся. Это и есть осознание, то есть способность видеть себя со стороны. Представь себе треугольник, у которого есть вершина, направленная вверх, а внизу есть две вершины у основания. Одна из вершин у основания треугольника — это одна часть, другая — это вторая часть. Плюс и минус. Так вот из вершины треугольника ты видишь обе эти стороны как равноценные, и они одинаково необходимы этому треугольнику. То есть с той точки зрения они обе правильные, но противоположные. Рассматривая оттуда самого себя, я могу видеть, что вот эта часть у меня выражена, проявлена и так далее, а вот эта часть находится в подсознании, она не проявлена и не выражена.

На самом деле у меня в потенциале существуют две части, одна из которых более проявлена, а другая менее проявлена. Значит, принимая обе части в самом себе, я начинаю дополнять то, что сейчас не проявлено, тем, что хочет этого проявления. И это не значит, что оно исключает то, что есть у тебя сейчас. Оно не исключает, а именно на основе этого начинает создавать проявленность другой части.

Шаг к Новой реальности

— Вот чего бы ты хотела проявить в себе? Что у тебя еще не проявлено в жизни, но в потенциале существует как желание?

— У меня не проявлена какая-то общественная активность. Я бы хотела, возможно, президентом России стать.

— Президент России у нас уже есть. Дело не в президенте, как в должности, а в том, что мы имеем в связи с этой должностью. Президент всегда на виду. Значит, ты хочешь быть на виду. Для этого не надо нам конкурировать с кем-то, нам надо просто проявить в самом себе это качество. А что значит «на виду»? Например, позорный столб ведь тоже на виду.

— Я имела ввиду в хорошем смысле.

— В каком хорошем? А тут что, в плохом?

— Чтобы восхищались.

— Кто восхищался? Как? Чем?

— Восхищение мужчин.

— Так. А чем восхищаются мужчины?

— Внешним видом. Тем, что я — милая.

— Мужчины восхищаются внешним видом твоим. А ты восхищаешься своим внешним видом? Смотри, ведь этот мужчина внутри тебя. Обрати внимание, мы сейчас говорим не об абстрактном мужчине, а мы говорим о твоем собственном мужчине. Мы сейчас говорим о твоих внутренних частях, о мужчине и женщине. Восхищается ли твой внутренний мужчина твоей внутренней женщиной? Вот основной момент, потому что внешнее есть отражение внутреннего.

Хорошо, хочешь провести диалог внутренних мужчины и женщины?

— Внутренний мужчина у меня — уголовник.

— Хорошо, посмотрим, как это взаимосвязано. Вот здесь — это твой внутренний мужчина, а здесь — твоя внутренняя женщина. Так что хочет сказать внутренний мужчина внутренней женщине?

— Он с подбитым глазом.

— Хорошо. Что он ей говорит? То, что можно сказать о мужчине, скажет женщина. А что сейчас мужчина о женщине может сказать? Вот он сидит здесь, смотрит на женщину и говорит…

— Ну, ты и корова! Ты на женщину даже не похожа! Включи телевизор, там такие тёлки!

— Так. А какие тёлки? Чем они отличаются?

— У них фигура, они одеты, причесаны. Их осыпают подарками. А ты?

— Смотри, какая ты толстая! Как Пугачева.

— На виду, оказывается, можно быть и не красавицей. Пугачева — корова коровой, а на виду. Весь вопрос в том, как провести рекламу, ведь люди же не соображают. Если иметь миллиард долларов, то можно изменить мнение людей по поводу внешности вообще. Например, начать рекламировать толстых или таких, как ты, хотя ты не особо толстая. Тебя начнут везде приглашать, спрашивать о том, как ты стала такой красавицей. Ты всем будешь рассказывать. Твой внутренний мужчина какую женщину любит? Как на экране, да?

— *Да, Барби.*

— Смотрите, как здесь интересно устроено всё. В эпоху Ренессанса полные женщины считались красавицами, на худых вообще не смотрели.

— *Их замуж никто не брал.*

— Есть племена, где женщину откармливают. Ее привязывают, чтобы она не двигалась и кормят. Она становится толстой и красивой в понимании людей этого племени. Так что всё очень условно. Для некоторых, например, важна длинная шея. Это считается очень красивым.

— *Зубы черными должны быть.*

— Да, у вампиров свое понятие красоты. То есть мы видим, что это очень относительно. Весь вопрос заключается в том, к какому соглашению приходят люди на том или ином этапе развития.

Хорошо. Теперь расскажи, как относится женщина к твоему внутреннему мужчине.

— *Он — чмо.*

— Давай описывай, что в нём не так.

— *В моих глазах он не мужчина, а пародия на мужчину. Приземистый, с квадратной челюстью. Коротышка накачанный, какой-то боксер в легком весе.*

— Вот у тебя такой мужчина и такая женщина. Это не плохо и не хорошо. Просто так оно есть.

— *Они друг другу очень подходят. Странно, но я чувствую, что он у меня такой.*

— И он чувствует, что ты у него такая.

— *На физиологическом уровне у меня отвращение к пьяным, небритым.*

— Самое интересное, что именно отвращение является притягательной силой, между прочим. Здесь все считают, что любовь к красивому, нежному и пахнущему розами является великим достижением человеческого существа. На самом деле это совершено не так. Именно отвращение является тем, что нас

притягивает. Этот парадокс надо хорошо видеть, и тогда многое становится ясным. А иначе ничего не понятно.

— *Мне себя жалко. Зачем у меня такое?*

— Подожди, а ты сейчас кто? Ты, что самое интересное, и то и другое. Кого это тебе в себе жалко? Ты как женщина спроси у своего мужчины, жалко ли ему, что он такой?

— *Тебе себя не жалко? Ты гробишь себя, пьешь, колешься.*

— Интересные детали появляются. Пускай ответит на этот вопрос.

— *Я нормальный чувак.*

— Вот видишь, он нормальный чувак! Его это устраивает. А теперь он спрашивает: «А ты довольна своей задницей?»

— *Сделай с собой что-нибудь!*

— А может она считает, что у нее всё в порядке? Ты спроси у нее, устраивает ли ее?

— *Ты в порядке? Довольна собой?*

— Вот теперь сюда садись и отвечай.

— *Да, я такая. Не хуже других. Я довольна собой.*

— Вот! Смотрите, есть две части, каждая из которых совершенно довольна тем, что есть. При этом каждая из этих частей совершенно не довольна противоположной. Вот он, парадокс! И если бы просто была одна часть, то всё было бы хорошо. Мы были бы грязные, толстые, с подбитым глазом, кололись бы, пили. И это совершенно замечательно, ничего больше и не надо! Но у нас парадокс внутри. У нас две части и они противоположны. То есть ему это нравится в себе, но не нравится в другом, то есть опять же в себе. И эта парадоксальность и есть суть человеческого существа. Если бы эти части были отдельно, то никаких проблем не было бы. Но они вместе. И когда они друг на друга смотрят, то им муторно, мягко говоря.

— *Как их помирить?*

— *Давайте спросим, а почему он так к ней привязался, если она ему не нравится? И она почему возле него кружится и кружится? И в тюрьму, наверное, передачи носила?*

— Они попали вместе в одну тюрьму на самом деле.

— *Если так не нравитесь друг другу, так разойдитесь уже или выясняйте отношения. Или вас что-то связывает?*

— Причем, они ненавидят в друг друге то, что в себе принимают. То есть в себе они это принимают, а в другом — ненавидят. Давайте спросим у внутренней женщины.

— *У нее же есть свои плюсы, за которые она держится.*

— Я бы так сформулировал вопрос: «Почему сама, имея аналогичное, ты ненавидишь это в своей противоположной части — в мужчине?» Давай спросим у нее. Ты женщина, а вот твой мужчина. Я хочу спросить: «Ты ненавидишь это при том, что в тебе это тоже есть. Или ты как-то по-другому смотришь? Как ты смотришь?»

— *Я всё равно знаю, что в душе ты очень добрый.*

— Это только кажущийся его образ. У него есть и совсем другой образ.

— *Ты пытаешься за грубостью скрыть свою ранимость.*

— За неопрятностью скрыть свою аккуратность, чистоту.

— *Ты пьешь. А зачем? Чтобы кому-то что-то доказать? Почему я тебя до сих пор не бросила? Потому что у меня есть надежда тебя исправить.*

— «Потому что я вижу тебя другим!» Так же, как и он видит тебя другой. И это ваше недовольство друг другом есть стимулирующий момент к проявлению противоположного тому, о чём ты говорила, когда описывала мужчину и женщину. Я предлагаю тебе снова описать мужчину и женщину как противоположности тому, что ты до этого описала. Ведь это тоже существует. То есть это одна из версий, но есть и другая версия. Сейчас женщина описывает саму себя, какая она.

— *Я — женщина?*

— Да, женщина, но уже другой образ женщины.

— *Я очень красивая, очень элегантная. Я не смотрюсь как домохозяйка, я ухоженная, слежу за собой, уделяю внимание своему здоровью. Любой мужчина был бы горд появиться со мной рядом. Я добилась многого как на работе, так и в семье. У меня отличный дом, прекрасные дети. На работе меня ценят как ценного работника, меня все обожают. У меня много друзей, подруг.*

— Здесь нет никаких ограничений, ты описываешь то, кем себя считаешь. Не надо смотреть ни на кого, даже на себя. Просто описывай. Это просто твой образ, который ты выбираешь.

— *Я могу себя позволить образ жизни Голливудских звезд. Я не привязана к кастрюлькам, у меня нет непутевого мужа. Я вполне обеспеченная и самостоятельная.*

— Каждый день к тебе приходит другой муж и готовит тебе завтрак. В обед приходит к тебе третий муж и готовит тебе обед. Ты фантазируй, может быть и так.

— *Мужчина рядом со мной очень достойный во всех отношениях.*

— А теперь садись на место мужчины, пускай он скажет.

— *Я многого добился в жизни. Самое ценное для меня — это моя семья. У меня прекрасная семья и прекрасные дети, которым я уделяю максимум внимания. Эта семья способствовала тому, чтобы я продвинулся в обществе и в жизни преуспел. Я всё создал своими руками, я преуспевающий бизнесмен. Женщины от меня без ума. Не только моя жена, но и другие женщины замечают мою потрясающую внешность.*

— Вот смотри, в первом описании мужчина и женщина недовольны друг другом. Выясняется, что они друг друга подталкивают к смене образа, к переходу в противоположность. Сейчас вы увидели эти две противоположности, к которым те подталкивают. Но если не будет тех, не будет никакого толчка для того, чтобы стать этими.

— *Но от того, что они тыкают друг в друга, результата всё равно нет.*

— Результата не было, потому что это не виделось. Ты хочешь сказать, что всё это так и видела?

— *Нет.*

— А раз ты не видела, то естественно, этого и не происходило. Так вот теперь ты имеешь понимание, почему у тебя внутри такая женщина и такой мужчина, и к чему они друг друга подталкивают. Ты сама это сейчас и выразила. Теперь ты имеешь импульс к тому, чтобы это всё реализовать. Тебе надо это?

— *Мне уже надоели эти двое.*

— Они и нужны для того, чтобы произвести переход к другим двоим. Но нужно быть благодарным этим двоим, потому что без них никак не произойдет переход к другой паре.

— *Это возможность.*

— Они пока возможность, а то, что есть, пока реальность. И чтобы эта новая реальность возникла, нужна та реальность, которая есть сейчас, и та возможность, которую эта реальность предполагает. То есть это потенциал, это зерно. Зерно еще не является деревом, но оно без него не вырастет. Ты описала сначала зерно, а потом дерево и его плоды. А дальше будет что-то еще. Но не перешагнешь через все шаги, надо к этому прийти.

— *Я поняла, но будут ли они двигаться?*

— Вот это вопрос. На самом деле вполне возможно, что их устраивает эта перебранка. В принципе, они могут провести всю жизнь в этой перебранке, как большинство людей и делает, либо могут увидеть потенциал роста, к которому они друг друга стимулируют. Вот тогда это будет уже следующий этап. Но может быть и так, что они останутся в этом осуждении, как люди, собственно, и живут. Они просто находятся вместе и друг друга гнобят. Вот и всё.

— *Я буду наблюдать. Я теперь их увидела.*

— Наблюдать, понимая что их недовольство ориентировано на реализацию других двух образов. Это не просто недовольство, это замысел, направленный на реализацию образов. Так надо начать реализацию этих новых образов.

— *Всегда пинать друг друга?*

— Не просто пинать друг друга, а начинать преобразовывать внутреннего мужчину и внутреннюю женщину. Чтобы преобразовать внутреннего мужчину, как мы видим, нужна женщина, которая недовольна. Потому что сам-то он доволен тем, что у него есть. А для преобразования женщины нужен внутренний мужчина, который ею недоволен, потому что она-то собой довольна. Понимаешь, они и нужны для того, чтобы начать изменения. Если они будут каждый сам по себе, то они просто будут отстаивать свое. Это тоже возможный вариант. Это и есть вариант сна, когда каждый из них отстаивает свое.

— *Сейчас только наблюдение.*

— Наблюдение с целью движения туда, куда нужно двигаться, если тебе на самом деле это надо. Либо ты просто будешь наблюдать за этой перебранкой, которая тебе когда-то надоест и ты так и зависнешь в этом.

— *Спасибо.*

— Пожалуйста. Какой резонанс?

— *Так долго еще никто не сидел на этих стульях.*

— *Уже первые шаги.*

— *Интересно всё это наблюдать.*

Движение на двух ногах

— *Я когда на эту ситуацию Дашину смотрела, то мне все механизмы были понятны. Но когда переходишь на себя, то эти двойственности сложно увидеть.*

— Вывод один: двойственности сложно увидеть, тогда с этим и умрем.

— *Возможно. Какие-то двойственности видны, но для меня это сложно.*

— Позитивные или негативные двойственности сложно увидеть?

— *Просто только то, что они есть.*

— На всякий тезис есть антитезис. Так это у тебя антитезис или это у тебя тезис?

— *То есть это возможно. Я не отрицаю, что это возможно.*

— Где тезис-то? Понимаешь, надо говорить что-то, тезис или антитезис. Кажется, что ничего кроме этого нет. Поэтому я и предлагаю: рассказывай сначала тезис, а потом антитезис. Вот тогда ты видишь это и понимаешь, что единство и борьба противоположностей и есть стимуляция к жизни. Они едины в одном теле, но при этом противоположны в своих взглядах. Вот тебе и парадокс. У тебя только одна половина. А вторая? Если ты в этой половине остаешься, то трудно видеть себя. А если трудно, значит, невозможно. Невозможно, значит, не надо. А если не надо, то всё будет так, как есть.

— *Трудно видеть, когда находишься на одном стуле, а второго не замечаешь. Когда ставишь второй стул и периодически на него садишься, тогда начинает что-то проясняться. Даша тоже не видела так, как сейчас видит. Для этого надо сесть и начать делать.*

— Вот смотрите, есть люди, которые говорят, что всё понятно. Другие говорят, что ничего непонятно. И в том, и в другом случае нет никакого эффекта. Он возникает только при наличии в себе видения и того и другого. Вот когда я понимаю, что не всё понимаю, то кое-что я понимаю. Если я буду считать, что всё понимаю, то это конец. Если буду считать, что ничего не понимаю, то тоже делать нечего. Как вы можете на одной лыже ехать без палок? Никак. Две лыжи нужны. От одной отталкиваешься, а на другой скользишь. Потом меняешься. Но это очень сложно, это необычный тип мышления.

— Александр Александрович*! У меня было такое. Я почему-то чувствую вчерашний день семинара и сегодняшний как одно целое. Там плакали женщины, что им недодали внимания, тут уже вторая женщина говорит, что столько внимания и не хотела. А Таня вообще ничего не хотела. И в целом вырисовывается структура недовольства. Эго всегда будет чем-то недовольно.*

— Понимаешь, эго — это точка зрения. Обычно на эго наезжают, говоря, что оно плохое, его надо убрать. Не надо убирать эго. Надо просто добавить другую, противоположную точку зрения. Эго с двумя точками зрения — это уже не то эго,

которое с одной точкой зрения. Это уже не инвалид, это уже нечто идущее двумя ногами.

— *Эго как бы держится за счет недовольства.*

— У него недовольство-то самим собой, вот в чём дело. При этом в самом себе не видится то, чем недовольно. Эго не признаёт, что то, чем оно недовольно, находится в нём. Отсюда и возникает основной казус нашей жизни.

— *И сколько бы ему не давали, оно не видит того, что у него есть. Даша не видела. Женщины не видели преимущества неимения чего-то, когда вчера плакали.*

— Поэтому я предлагаю не отказаться от эго, а добавить к одному эго еще второе эго. У вас будет два эго, рассматривающих нечто с противоположных позиций. А между ними будет партнерство, например, как между двумя лыжами лыжника, каждая из которых движется в свою сторону, но при этом сам лыжник двигается вперед.

— *Мне Ирина помогла увидеть, что я, будучи плохой матерью, заложила дочери, что папа у нее хороший. В результате она может хорошо общаться с мужчинами.*

— То есть они хорошие. Именно это ты ей и передала, между прочим.

— *Да, именно это она и помогла мне увидеть. А сын, поскольку у меня было смещение в его сторону, очень легко может общаться с дамами.*

— Ты обеспечила им счастливую семейную жизнь.

— *Только у меня вина, что я плохая мать. Но тем самым, я позволила быть хорошим отцу.*

— Вот основной парадокс: делая зло, мы совершаем добро. Где это? У Шекспира? В русском языке огромное количество поговорок, но осознания их до конца нет, а поговорки есть. Так ты тогда и почувствуй, какая ты прекрасная мать. Именно исполнение роли плохой матери создало некую возможность для того, чтобы дети получили нечто. Так ты тогда и хорошая и плохая мать одновременно. Можешь ли ты и одно и другое совместить и уразуметь?

— *У меня такое ощущение, что оно совместилось. Ни то, ни другое не есть не плохо и не хорошо.*

— И то и другое необходимо, но каждое по-своему. Так вот если вы хотите, чтобы кому-то было хорошо, вы должны стать плохой. Если вы хотите, чтобы кому-то стало плохо, вы должны стать хорошей. Вот он, парадокс. Именно будучи плохой, вы делаете хорошо другому, но будучи хорошей, вы делаете плохо другому. Это полностью оборотное тому, как здесь считается.

При этом, будучи плохой и делая другому хорошо, вам нужно чувствовать, что вы хорошая. Не чувствуя этого, ты концентрируешься на том, что ты плохая. И тогда тебе кажется, что ты другому делаешь плохо. А понимая дуальность этого мира, ты принимаешь совершенно другое состояние. Таким образом, делая плохо, ты благодаришь себя за это. Самое сложное в том, что нам надо примириться со своими недостатками. Вот в чём дело-то! Мы их совершаем, но при этом не можем примириться с ними в самом себе, примириться с самим собой таким. Сложно увидеть, что делая плохо, мы делаем на самом деле хорошо. И только так может наступить примирение с другой частью самого себя. А делая хорошо, мы делаем на самом деле плохо, но именно в этот момент мы считаем, что всё хорошо.

Я предлагаю то, о чём мы сейчас говорили, обсудить в парах. Найдите себе пару. Сделанный сейчас вывод очень важен, но сделанный и прозвучавший в словах еще не значит, что он хорошо прочувствован. То есть это надо проговорить в парах. Проговорить и увидеть это. Вот это самое основное. Кто хочет рассказать о видении своего самого хорошего поступка в жизни? Последствие своего самого хорошего поступка в жизни или последствие своего самого плохого поступка в жизни.

— *Можно я? Я видела последствие своего самого хорошего поступка, который заключался в том, что я никогда не отстаивала своего мнения.*

— Расскажи о самом поступке, в чём он заключается и каковы его последствия? Поступок должен быть конкретным и иметь протяженность во времени и в определенном пространстве и должен быть описан.

— *Я подавляла всегда свои удовольствия.*

— Это что? Это перманентные состояния или что-то конкретное? Поступок — это что-то конкретное. Например: «Пришел Вася, я Васю ударила по лицу и это был мой самый плохой поступок. А последствия его были совершенно обратные».

— *Дело в том, что я обвиняю себя за то, что практически не могу говорить правду.*

— Это не конкретный поступок, а перманентное состояние. Я прошу сейчас рассказать о конкретном поступке. Пришел Вася, я призналась ему в любви и так далее. Конкретное что-то должно быть. Не то, что всё время происходит, а нечто конкретное, имеющее число, время, месяц. Говорите прямо, не думая, у вас же есть представления о своем лучшем поступке. Может, вы его не видите, просто начните рассказывать. Не надо всё продумывать и рассказывать, как заученный стишок, чтобы казаться хорошей, правильно понимающей, как это обычно и происходит. Это не стишок. Берите и рассказывайте. Что будет? Я тоже не знаю, что будет. Я же не продумываю ничего. Вот оно происходит, и я говорю.

— У меня был случай. Когда мы с мужем занимались постройкой коттеджа, то он всё время проявлял недовольство. Чтобы я не делала, всё было не так. Потом, когда ему надо было заводить машину, машина не завелась. Он опять стал проявлять недовольство, а я развернулась и ушла, сказав, что мне плевать на тебя, делай что хочешь.

— Это плохой поступок?

— Вроде бы плохой, но я была довольна.

— Он делался из хороших намерений или из плохих? Из каких намерений делался этот поступок?

— Из плохих. Чтобы отомстить ему, потому что он достал. Орет на меня, что я плохая, ну и буду плохая. И я бросила его! Оставила его один на один с машиной. Дети тоже с ним остались. Потом они меня осудили: «Как ты могла так поступить?!»

— Как этот плохой поступок перетек в хорошее?

— Муж обратил внимание на детей, и они вместе завели эту машину.

— Так, еще пример.

— Я позволяла совершенно сознательно своей дочери не ходить в школу в девятом классе перед экзаменами. Я чувствовала, что это плохо. Мне в шоке звонила моя мама. До мужа это не дошло, у него бы инфаркт от этого случился. Я позволяла ей это делать, просто разговаривая с ней о том, что она берет за это ответственность.

— Из каких намерений это делалось? То есть ты в этот момент ощущала себя хорошей или плохой?

— Я ощущала себя плохой, потому что я убегала на семинары, а ее оставляла. Потом прибегала и просто проговаривала. Потом убегала, а она опять не ходила в школу. У нас с ней контакт был как единственная ниточка — это разговор. Но потом она даже не разговаривала со мной, она просто молчала. В итоге, когда надо было уже экзамены сдавать, она оказалась неаттестованной. И это всё при том, что девочка очень способная. Я вышла на разговор с ней, и ответственность за собственную жизнь она взяла на себя. Это был поворотный момент в ее жизни. Потом она все экзамены сдала на пятерки и через два года уже шла на серебряную медаль.

— То есть хорошее вышло из плохого, и мы видим связь того и другого. Спасибо. Смотрите, не так просто видеть в своей жизни связь плохого и хорошего.

— У меня тоже есть пример. Я развелся и оставил сына. В тот момент когда я это делал, мне казалось, что по отношению к сыну это плохой поступок,

что так нельзя делать. Но когда это уже произошло, я продолжал с ним встречаться и увидел, что он повзрослел. Он стал более собранным и ответственным. То есть я увидел, что это ему пошло на пользу на самом деле. Никто его не балует.

— У меня тоже был развод и я приняла решение бросить мужа. У меня двое сыновей. Муж при этом сказал: «Сама уходи, а детей не трогай». И я приняла решение уйти. Мой поступок осуждался всеми, кто меня знает. Меня осуждает моя внутренняя хорошая мать. Ей стыдно, ей больно. Ее наказывают, ее бьют. Мама чуть не проклинает: «Ради чего ты всё это делаешь? К кому ты уходишь?» Это был для меня очень плохой поступок, особенно когда я чувствовала, что чувствуют мои дети. Они были в шоке, я даже не успела им ничего объяснить, когда уходила. Это длилось где-то недели две. Потом я заявила о своем праве вернуться в эту квартиру и показать детям, что я тут и никуда не ушла, я только с папой жить не буду. С тех пор прошло девять лет, за это время мой муж по-настоящему проявил отцовское отношение к своим детям, потому что взял ответственность на себя. Он наладил контакт с детьми, они стали заниматься хозяйством. Он в обиде отказывался от моей помощи, хотя я приходила и делала всё посильное. Дети стали достаточно самостоятельными по обслуживанию самих себя. Я знаю, что если в их жизни появится женщина, то они не будут использовать ее только как домохозяйку.

— Замечательно.

— А я по отношению к своей дочери считал, что делал всё очень хорошо. Я ей уделял много времени, мы тесно общались. Я водил ее в разные секции и кружки. В том, в чём я принимал участие, она тоже принимала участие. Наступил момент, когда она стала проявляться как женщина, и я посчитал, что будет лучше, если она станет больше общаться с матерью, потому что я как мужчина не смогу ей что-то передать. И действительно, она стала больше общаться с матерью, а общения со мной становилось всё меньше и меньше.

— Где сознательный поступок?

— Я считал, что я из лучших побуждений делаю так, чтобы ей больше общаться с матерью. Через несколько лет, когда у нее начались проблемы со здоровьем, выяснилось, что она перенесла очень глубокую обиду, потому что не понимала, почему папа перестал с ней общаться. Эта невысказанная обида просто отразилась на ее здоровье. Я считал, что делаю хорошо, а в результате оказалось, что сделал плохо.

— Так, спасибо.

— У меня ситуация не кратковременная, она длилась год. У меня с матерью были отношения заботы друг о друге. В какой-то момент мама изъявила желание помочь мне материально. Это было ее решение, и я его приняла. Она стала сдавать свою квартиру и переехала жить ко мне. С одной стороны, это было хорошо. Я понимала, что у нее своей жизни не существует, она живет только нашими проблемами. И тогда я приняла решение, чтобы она переехала к себе домой. Я свой поступок тогда оценила как жестокий, ведь она переехала к нам из другого города. Дом свой она не любила, ей там было скучно, одиноко. Дом вообще холодный и пустой, и вот туда я ее отправила. Я мучилась тогда, но дистанцию держала.

— В отношениях с мамой я тоже старалась быть хорошей дочерью, с ней по пустякам не спорить. По факту я выполняла ее требования, в конечном итоге, ее капризы. Она привыкла к тому, что это нормально, и капризы ее с возрастом увеличивались. В конце концов дошло до того, что меня один раз прорвало и просто фонтаном из меня вылетело всё, что я не могла сдержать. Я ей высказала всё. Для нее это было шоком, поскольку вся ее жизнь была только для меня. Короче, она три дня проплакала, и обида легла камнем у нее на сердце. Через три года она умерла.

— Так это что? Плохой поступок, приведший к еще худшим последствиям?

— Хороший поступок. То есть я была послушной дочерью.

— Когда ты это делала, то переживала это как плохой поступок или как хороший? Где хорошее переходит в плохое, а плохое в хорошее? Надо обозначить четко.

— Когда я подчинялась ее требованиям, то считала, что мне несложно что-то переделать, допустим, куст в саду пересадить на двадцать сантиметров в сторону, потому что он неровно посажен.

— Значит, я была хорошей.

— Я была хорошей, я не спорила с ней.

— Но этот поступок есть вся жизнь. А меня интересует конкретный поступок.

— Да, тут растянуто.

— И то, что она умерла, совершенно не факт, что она умерла в результате того, что ты стала плохой. Если часы останавливаются в полночь, а перед этим кто-то выпил бутылку водки, то это не значит, что по этой причине они остановились. Часы остановились, потому что у них завод кончился. Так что тут не очень понятно.

— Можно я скажу? Я обманула всех, когда уехала на семинар. Сыну сказала, что поехала работать, родителям тоже сказала, что поехала работать — продавать квартиру в Екатеринбурге. Получается, я совершила плохое, я обманула всех. Но у меня есть понимание того, что здесь я смогу изменить себя, отношение к себе, к своей жизни, изменить отношение к своему внутреннему ребенку. Соответственно, изменить отношение и к внешнему, что как лакмусовая бумажка проявится однозначно. Изменить отношение к своим родителям. И в этом я вижу очень хороший поступок.

— Вот.

— И я тебе очень благодарна, что ты пригласил нас сюда, чтобы совершить это.

— Совершенно верно. Когда мы видим, как из одного появляется другое, мы видим две стороны и мы находимся в гармонии. Когда мы говорим: «О, какой я хороший, а все остальные плохие», — это не гармония. Или говорим: «О, какой я плохой, а все остальные такие хорошие», — это тоже не гармония. А когда я вижу в себе, как из одного появляется другое, тогда я уравновешиваю это. Тогда я не имею гордыни в связи с тем, что я так хорош, и не имею самоуничижения в связи с тем, что я так плох. Тогда я всю жизнь нахожусь в точке совпадения двух этих противоположностей. Вот тогда я имею возможность перейти в Бытие. А здесь любой поступок всегда будет назван либо хорошим, либо плохим. Правильно? Но тогда мы будем гордиться «хорошестью», то есть будем святыми, что является самым тяжелым наказанием для окружающих, между прочим. Самое большое оскорбление, которое вы можете нанести кому-либо, это предстать перед ним святым.

— Иконой.

— Это самый изощренный плевок, если хотите. Хотя кажется иначе.

Уравновешивание противоположных частей

— Можно я скажу? Я созрела. Я приехала однажды к маме вдрызг пьяной…

— С сигаретой в зубах…

— Салия, я готова заплатить, чтобы посмотреть на тебя пьяную. Честное слово, я вообще тебя такой не представляю.

— Конечно, мама на меня накричала. Но благодаря тому, что она на меня накричала, я смогла потом высказать ей всё, что у меня накипело в душе. Высказать свои претензии и поставить ее на место.

— Ты смогла облегчиться. То есть сначала надо было сильно напрячься, что есть плохо, потом можно облегчиться, что есть хорошо.

— Да.

— У меня подобная ситуация. Когда мои отношения с матерью были на грани большого разрыва, то я подумал, что мне терять нечего и решил высказать всё, что думаю. Я предполагал, что это будет жестко или очень грубо, то есть плохо. В итоге я высказал всё, что накипело, откровенно и достаточно жестоко, но от сердца. И это привело к тому, что мы сейчас сблизились, и наши отношения стали вполне приятными.

— Когда ты говорил так жестоко, ты считал себя плохим?

— Да. Сейчас я вижу, что наши отношения как бы сгармонизировались, стали более открытыми.

— Суть гармонизации состоит в том, чтобы привести в равновесие две противоположные части. Если вы хотите быть всё время хорошим, то это путь не к гармонии, а к дисгармонии. Если вы всё время настаиваете, что вы плохой, то это тоже ведет к дисгармонии. Но переход из одного в другое сделать невозможно, если ты не понимаешь сути этой реальности, то есть двойственности и своего собственного устройства как дуального. А когда ты это начинаешь понимать, ты начинаешь делать эти переходы легко, тем самым выравниваешь собственное движение по жизни. Потому что как и в случае святости, так и случае злодейства ты едешь всё время в кювет. В другом случае ты выравниваешься и таким образом соблюдаешь прямую дорогу, то есть тебя не уносит.

— Я всю жизнь боялась слово сказать лишнее, а тут начала говорить…

— Не менее двух тысяч слов.

— Я знаю, что для нее мама была иконой. Если мама что-то сказала, то не дай бог не выполнить, не дай бог пукнуть…

— Против мамы.

— Врезать денатуратом. «Денатурат свежий?»

— Я всю жизнь боялась, что произойдет что-то страшное, если я поругаюсь с ней. Но убедилась, что это сближает на самом деле.

— Русского человека сближает драка.

— Это тебе перспектива.

— «Они познакомились в драке и остались друзьями». Посмотрите фильмы, там так и есть. Подрались, а потом выпили на брудершафт. Интеллигентное знакомство очень зыбкое...

— А это крепкое.

— Я тоже хочу про маму рассказать. Когда я стала посещать семинары, то привычной жизни пришел конец. Мама с отцом очень сильно осуждали, что я так себя веду: детей бросаю, на какие-то семинары уезжаю. Они говорили: «Так себя вести нельзя!» После очередной ссоры и двухмесячного молчания меня просто-напросто выгнали из дома. Я понимаю, что я их доводила до всего этого, то есть я настаивала на своем, что для них, как для родителей, было ужасно плохо. Я понимала, что я плохая дочь. Меня выгнали из дома, я пришла к Ольге с детьми и с пакетом. Мне было страшно оттого, что я не смогу никогда в родной дом даже ногой ступить. Меня выгнали, причем выгнали не шутя, мои родители совсем не такого плана. Если уж они это сделали, то туда дверь просто закрыта. Я переживала ужас. Сейчас уже прошли годы. Но буквально перед семинаром происходит такое, что мама просится на семинар, у нее такое желание. Я верю, что мама изменила отношение, дверь домой для меня открыта. Я так этого боялась, а на самом деле всё оказалось иначе. И теперь открыта дверь, но не мне прежней, опустошенной женщине. Меня ждут и приглашают для того, чтобы я внесла то живое, чего у них как раз там и не было. Ушла я, как кажется, плохой дочерью, а теперь вот такая хорошая. И мама даже на семинар просится. Изменилось само представление. Я не знаю, приедет она или не приедет на семинар, но мы ей эту возможность предоставили. Там она уже сама решит.

— Может быть ей нужна именно эта возможность услышать: «Да». Не столько нужно даже приехать, а просто услышать слово «да». Замечательно.

Все имеют тяжелые моменты в собственной жизни. У всех они есть, именно они сюда вас и привели. Если вы сейчас примените к неразрешенному, давящему конфликту эту схему, то вы увидите. Иногда достаточно сложно понять нечто, если ты не видишь, как оно произошло. Мы рассказываем сейчас о событиях, которые уже имели место быть, и тогда можно увидеть, как одно перетекло в другое. Когда ты имеешь что-то в настоящий момент, то не знаешь, как оно перетечет. Но когда ты понимаешь, что всё будет перетекать именно таким образом, ты совершенно иначе начинаешь относиться к своему собственному сегодняшнему конфликту. Ты просто видишь, что это закономерность, и что здесь только так и происходит.

— Перед этим семинаром Лена проводила семинар в Трёке. Там был Алеша, который пришел с запросом, поскольку у него был очень сильный страх смерти. После просмотра у него пошло сильное обострение, он повел себя неадекватно, и близкие сдали его в сумасшедший дом. Мы с Юрой организовывали семинар и мне, как организатору, начали звонить родственники Алеши. Родственники подключили к этому ФСБ. Оттуда тоже стали звонить и говорить, что книги Пинта будут сдавать на экспертизу и будут претензии предъявлять мне, потому что я как психолог не смогла определить, что человек неадекватен и что с ним нельзя было работать. Нас стали обвинять в том, что мы секта, что мы его зомбировали. Стала звонить его мама. Я с ней пыталась поговорить, но она только жестко обвиняла. Алеша мне потом позвонил и сказал, что он под расписку уходит из сумасшедшего дома и сообщил, что всё нормально, никто ничего не будет делать. Вот это было очень сильно.

Через эту ситуацию, конечно, вскрылось очень много моментов. Мы с Леной плотно общались, из детства выводили ситуации. Увидели, что у нас стоит конкретный запрет на интерес. А мне интересно то, чем я сейчас здесь занимаюсь. Ситуация напугала тем, что подключилось ФСБ. Они стали обвинять нас во всех смертных грехах, требовать, чтобы Лена приехала в Екатеринбург и вывела его из этого состояния. Лена о себе может сказать сама, но через это она увидела, что если бы Леша не сделал этот просмотр, то его мама ходила бы не в сумасшедший дом, а на кладбище. Перед самым семинаром позвонила какая-то женщина. Она заинтересовалась семинаром и хотела узнать у меня, как бывшего организатора, что и как. Я ответила, что я не организатор, я в Магнитогорске нахожусь. В тот момент я там продавала квартиру и никак не могла продать. Я сказала, что я в другом городе, но у меня шло сомнение: не из ФСБ ли звонок? Либо нас с Леной придут проверять, либо с перрона просто заберут.

— И вышлют в Сибирь.

— Да. Это сейчас смешно, а в тот момент нам было не до смеха, тогда был только страх. Либо мы сейчас идем и смотрим, что на самом деле это наш страх и иллюзия, либо это действительно так. Когда мы приехали с Леной, то у меня было ощущение, что я должна грудью защищать себя и ее. Лена заходит, я знакомлю ее с новой участницей. Она спрашивает: «Это та девушка, которая звонила?» Я говорю: «Нет». И ничего не происходит. И мы проходим через это, понимая, что это была проверка. То, что мы с ней разобрали, произведя некую трансформацию, явилось ускорением для выхода из этого страха и утверждением

в собственном интересе к тому, к чему он есть. У Лены интерес и важность ее работы, а у меня интерес именно к тому, чем я занимаюсь.

— Можно я перебью? В тот момент, когда мне угрожали, у меня был просто ужас, что я навредила Алеше и он сейчас в сумасшедшем доме. И именно в тот момент прозвенел звонок. Звонил Олег и просился на следующий семинар.

— Но знали ли мы о том, что это кузница сумасшедших?

— Я слушала, что-то говорила, и в моем голосе была явная неуверенность. Но при этом я подумала: «Всё равно поеду». Я положила трубку, но внутри был вопрос: «А будет ли семинар, смогут ли собраться люди?»

— Интересно, что мы это проходим. Семинар тоже прошел достаточно успешно. После семинара я приехала и подняла стоимость квартиры, очень четко проговаривая цифру, настолько произошло утверждение в моем собственном интересе, в том, что это важно и существенно. То, что делает Александр Александрович, Лена и то, что идет через меня, стало настолько важным, что просто крылья выросли! При этом ехать было очень тяжело. Было ощущение, что я еду, чтобы меня просто взяли и посадили в тюрьму. Вот такое ощущение.

— Вот смотрите, очень хорошая видимость перехода. Он очень сложен. Это всегда очень тяжелые переживания.

— За несколько дней перед этим семинаром позвонил Алеша на мой домашний телефон. Он поздравлял с Новым годом и очень благодарил. Он сказал: «Я пока еще в больнице лежу, но я очень тебя благодарю за то, что этот страх, который меня просто сковывал, вышел наружу». Там действительно было крайне сложное состояние. Причем, я же отдала ему все записи на кассетах, и это у него есть. Мне не за что себя винить, там всё так, как есть. И это, наверное, самое лучшее доказательство. Да?

— Он мне тоже чуть позднее звонил и благодарил…

— Он взялся печатать сентябрьский семинар и спрашивал, может ли оставить у себя хотя бы эту кассету, поскольку у него все кассеты забрали, когда всё это происходило.

— Несмотря на то, что был сложный процесс, всё происходило бурно и даже, как кажется, плохо, с его стороны идет благодарность. И родители были просто в шоке, а он благодарит. Мы-то, конечно, шок пережили и в связи с Лешей и в связи с его родителями. И потом благодарность приходит от него лично…

— Смотрите, если к этой ситуации подойти со стороны, то мы увидим что? Какие-то люди начинают кричать, потому что кто-то попал в сумасшедший дом. Причем сам этот человек благодарит. То есть он не является невменяемым,

находящиеся рядом люди не являются его опекунами и не могут за него принимать решения. Этот человек благодарит, но его близкие начинают всё это говорить, создавая очень своеобразную причинно-следственную связь. Они говорят, что всё, что произошло с Лешей, произошло в результате просмотра. При этом они не понимают, что не будь просмотра, он был бы уже на кладбище. Понимаете, как интересно? Но находясь в том состоянии, человек не может этого понимать. Ему кажется, что это ужас, и это произошло из-за него.

— Это страх обезумевшей матери, которая просто вопит и всё.

— Но эта мать внутри вас. Она сразу среагировала, она думает так же, как и внешняя.

— По-видимому, они слышали, как он благодарил меня и говорил, чтобы я не беспокоилась, что ничего не сделают ни со мной, ни с Леной. А там возмущались: «Кого он благодарит? За что?»

— Они же так и думают: «Что вы сделали с ним? Он был такой хороший мальчик, а тут он стаканы в окно бросает и ходит в трусах».

— Нормальное поведение. Еще самое интересное, что тетя, у которой он жил, сама сектантка, мормонка.

— Нет, она не сама сектантка. Там так: женщина, которая звонила, это мать дочери, которая замужем за старшим братом Леши. Получается, что у нее страх сектантства потому, что ее дочь и Лешин брат — сектанты. Там мормоны их накачают, и у нее страх такой силы, что она этот свой страх на всё проецирует.

— Видите, как всё интересно сходится? Иногда очень круто сходится, да?

— Она еще и учительница. Там если не «А», то «Б», если не «Б», то «В». И по-другому никак.

— Так что, смотрите, проход этих вещей очень непрост. Но если вернуться к тому, о чём мы сейчас говорим, то не проход этих вещей тоже весьма непрост. Поэтому стать просветленным очень непросто, но жить так еще хуже. В конечном счете видение этих закономерностей приведет нас к гармонии. Когда мы уравниваем и то и другое, то уже больше нет дисбаланса, который проявляется в таких очень непростых состояниях.

— Наверно, благодаря этому случаю, я сразу попала в такое ужасное состояние, какое бывает у парализованного человека. Полный паралич от страха. Я испугалась за него как мать, которая переживает это всё очень сильно. У меня сутки просто был паралич, я ни есть, ни пить не могла. В этот момент еще и Олег звонит. Я пыталась искать, работали только ум и чувства, действий

вообще никаких не могла совершать. И за эти сутки я нашла в себе все части, которые способствовали созданию этого страха. Работа шла поминутно всё время: и днем и ночью. И как только это произошло, как только я поняла всё, я вдруг почувствовала, что меня отпускает. Пространство стало расширяться, ко мне стали возвращаться силы. Я стала изменяться. На самом деле я входила в такой же просмотр, который делаю с вами. И это всё начало меняться. Страх прошел, но открылась колоссальная боль. Я не знаю, сколько бы я прожила в этом состоянии вины, что кто-то из-за тебя пострадал, потому что его хватило бы до конца жизни. А тут я его пережила всего лишь за сутки. И всё, выход…

— Смотрите, а что это было? Это образ матери, боящейся за собственного сына. Вот что тут.

— *Это страх за выживание сына.*

— При этом для вас обеих ситуация была отстраненной в том смысле, что это происходило не с вашим сыном.

— *Да.*

— Степень отстраненности показывает уже на уровень выхода из этой дуальности. Я тоже был привлечен к этому на самом-то деле. Основной конфликт происходил у вас, меня как бы и не затрагивали, хотя я и есть тот, кто проводил это всё. В принципе, основные претензии должны идти ко мне, но я занимал здесь третью позицию. Это показывает на то, что это для меня весьма существенно, но уровень выхода из этого уже очень велик. Оно практически меня не касается, и я могу говорить об этом со стороны.

— *Там основное было связано с кассетами. Леша сказал, что когда он прослушал кассеты, у него началось это состояние, потому что там крутой страх. У него страх смерти.*

— Он пришел в состоянии смерти, страха смерти.

— *И там мы всё это проживали. И когда он кассеты самостоятельно стал слушать, рядом-то меня не было и у него всё всколыхнулось. После этого момента я подумала, что не надо, наверное, людям записывать это всё. Ведь потом еще и такое может быть.*

— *Человек может не справиться с нахлынувшим состоянием.*

— *Но я всё-таки убеждена в том, что кассеты записывать надо. Каждый человек сам несет ответственность…*

— Дело было не в других людях, дело было в тебе. Тебе надо было пройти сквозь этот образ матери. Это был твой проход.

— *Да.*

— А проецировать это на других людей совершенно бессмысленно, это надо самому пройти. Но тут же возникает вина, желание прекратить нечто по отношению к другим людям. Как это обычно и бывает: что-то где-то происходит, и всё закрывают сразу. Например, на дискотеке кто-то подрался, и дискотеку вообще закрыли, чтобы никто и ничего здесь больше не проводил. Это типичный пример реагирования бюрократов.

— Благодаря этому случаю вскрылось несколько программ. Я почувствовала, что сейчас всё возможно. Я готова ко всему, хоть что случись. Я уже не боюсь, у меня нет страха. У меня есть волнение, но есть очень большая готовность, что я войду в любое. Но я войду со своим уже другим состоянием.

И перед самым семинаром произошел еще один экзамен уже с женщиной. Она мне говорит: «Давай я тебя антидепрессантом обрызгаю». Я говорю: «Брызгайте, мне это как раз сейчас пригодится». Мы выходим из электрички и… Тишина. Юра нас встречает, мы пересаживаемся на другую электричку и всё. Я чувствую — мы отработали.

— Изменение событий во внешнем мире происходит через внутреннее. Основная сложность — это изменение внутри, потому что внешнее просто отражает это. То есть действуя на внешнем плане, с внешними обстоятельствами и актерами, вы ничего не можете изменить. Это работа не с причиной, а со следствием. Пытаясь воздействовать на следствие, ты порождаешь еще больше следствий. Но это всё есть следствия, а не причина.

Кстати, если взять, например, дорожные аварии. Какая работа ведется с этим? Подключается ГАИ, общественность, журналисты и еще многие другие. Ставится задача зафиксировать, в каком месте произошла авария, кто и на какой машине ехал и так далее. Хотя вопрос не в этом, здесь вопрос внутреннего состояния. Человек ищет смерти, но никто так не рассматривает. Любая авария, травма, смерть есть реализация той части человека, которая находится в подсознании. И это будет сделано. Можно четко определять по характеру удара автомобилей, по характеру полученных травм и так далее, в связи с чем это у человека произошло. При этом два человека, которые стукнулись, нашли друг друга. У них идентичные, но противоположные программы. И это совершенно иной подход. Но этот подход не принят здесь. Поэтому начинают выяснять, кто виноват, кто будет платить или кто несет уголовную ответственность, если эта авария с ранениями и смертью. Вот и всё.

Это подход людей к этим вопросам. Основные причины не рассматриваются. Но их так и не рассмотришь. Чтобы это рассматривать, нужен совершенно иной взгляд. Поэтому, кто должен удариться, тот ударится, а кто должен погибнуть, тот погибнет. И это произойдет, если он не изменит программу внутри самого себя.

Это и происходит, начиная от дорожных аварий и заканчивая мировыми войнами, между прочим. Нации находят друг друга и организуют военные действия точно также, как водители находят друг друга на дороге для совершения аварии. Но этот подход совершенно не принят и никто так не рассматривает, хотя огромное количество людей занимаются переговорами. Огромные деньги тратятся, но делается всё совершенно не так, как это надо бы делать с точки зрения гармонизации. То есть происходит дисгармонизация. Эти аварии, войны, конфликты и так далее — это всё результаты дисгармонии, которая происходит здесь просто автоматически. А вот о гармонии никто практически и не думает. Нельзя сказать, чтобы совсем не думали, есть тенденции и так далее, но глубокого понимания того, что есть гармония, откуда это идет и как с этим работать, нет. Понимание пока очень «ясельное», скажем так.

Глава 4. Эго — есть способ фиксации взгляда для получения опыта

Что за собой влечет переход на противоположную точку зрения

— Ну, что? Кто скажет что-нибудь?

— Могу я? Весь вчерашний день я переживала, переживала, плакала, плакала. А по какому поводу? Пришло такое маленькое понимание, что у меня чувственный центр вообще не работает. В каком смысле? Когда надо обиду высказать, боль, агрессию показать, то это пожалуйста. А вот чувствование нежности, проявление какой-то любви, особенно к внешнему объекту, это как бы отсутствует. Я попыталась вспомнить, какие чувства вызывает любимый человек и как я их проявляю. Вот именно чувства. Не слова сказанные, потому что когда я говорю, я не чувствую.

Получается так. Когда любимый мужчина спит, я его обнимаю, прижимаюсь к нему и эти чувства, эмоции все выходят. Но стоит ему только проснуться, то всё, я прячусь обратно как улитка. Стала думать: откуда вообще это могло взяться? Откуда-то из детства. В нашей семье были проявлены как раз агрессивные чувства, а чувства любви не выражались. То есть мама никогда не обнимала папу при мне, не целовала, даже провожая его на работу. То же самое было со мной, с ребенком. Укладывая спать, меня никто не обнимал и не целовал. Единственное, что я забиралась на колени к папе и говорила: «Папочка, я тебя люблю. А ты меня любишь?» Поцелую его, он в ответ поцелует и скажет: «Да, люблю». То же самое к маме. Вот такой момент. И тут я вошла в этого маленького ребенка, стало так горько и обидно. Ребенок просто спрашивает: «А почему меня никто не любит, не целует и не обнимает? Почему я всё время бегаю и спрашиваю про любовь: любят меня или не любят?» И с этим переживанием я носилась несколько часов. Плакала, плакала и никак не могла понять, как можно ребенку это объяснить? Как я не пыталась объяснять, ничего не получалось. Он не понимает, он просто орет и не хочет ничего слушать. И в какой-то момент подсела Лена, потом со мной поговорила Наташа. И просто как озарение пришло понимание, как можно объяснить это ребенку. Я увидела, что мои родители те же самые дети. Такого же возраста, такие же сопливые и также плачут, потому что им, в свою очередь, тоже этого не дали. Они этого также не имеют и не могут ничего сделать, не могут играть со мной и дать мне этого не могут.

— В эту игру играть их не научили.

— Да. И вдруг у меня счастье такое! У меня была бабушка, она как раз обнимала, целовала и говорила, что любит меня. Я такой счастливой себя почувствовала, потому что бабушка им этого не говорила, а мне говорила. Вот так вот.

— Хорошо. Пожалуйста, кто еще?

— Мне ночью не спалось, я тоже что-то думал, какие-то ассоциации приходили. И я вспомнил. Периодически как-то так получается, что сильные страхи забываются. То вдруг заколбасит, затрясет, а то вдруг забудется. И тут я вспомнил то, о чём я говорил не так давно — о страхе заболеть раком. Я уже не помню, когда это возникло, но в какой-то момент оно периодически всплывает и мешает жить. Там, где я работаю, существует постоянное повышенное облучение. Способ защиты против этого — алкоголь. Либо водка, либо вино красное сухое. Но чрезвычайно сложно себя остановить на одной, двух рюмках. И я чувствую, что уже не хочу пить, мне уже надоело, но…

— В целях безопасности…

— Да, получается, что нужно в целях безопасности. И тогда я сам себе говорю: «Как же тогда выводить радионуклиды? Это же всё накапливается! Как же так?» Я сопротивляюсь, но чувствую, что у меня какой-то стереотип вырабатывается. Пришел домой с работы, надо выпить за ужином. Если не выпил, то уже неудовлетворенность. Причем, не от недостатка алкоголя, а от того, что я не защитил себя. Я беззащитен, как будто во мне накапливается всё это и я вот-вот заболею. На просмотре мы коснулись этого страха смерти и прошли этот момент переживания смерти. Как оказалось, я в своих фантазиях боюсь не самой смерти, а боюсь заболеть раком. Многие родственники вокруг уже при моей сознательной жизни умирали. Это очень пугает на самом деле. Ночью я прошел по этой логической цепочке и додумался до того, что я боюсь этого, но я же этого и хочу. И когда эти слова прозвучали во мне, стало страшно и непонятно. Как я могу этого хотеть? В то же время я почувствовал, что это правда. Я как бы раздвоился: с одной стороны я этого очень боюсь и не хочу, а с другой стороны зачем-то хочу.

— Ну, и зачем ты хочешь?

— Дальше там блок, туман…

— Выходи, садись на стульчики. Есть часть, которая хочет заболеть и есть часть, которая не хочет болеть. С чего начнем?

— Я сейчас тот, который не хочет заболеть.

— И у того, который хочет заболеть, ты спрашиваешь.

— Ужасно мучительно так болеть. Зачем? Откуда желание такое? Для чего? Чего не хватает? Для чего нужно заболеть такой страшной, неизлечимой болезнью?

Пришел ответ такой. Я слышал, что бывают случаи излечения от рака. Очень редкие, но бывают. Люди, которые это сделали, очень сильные люди. Пребывание в болезни закалило их и дало возможность развиться до такой степени, постичь такие вещи, которые недоступны человеку, если он не перенес этого. Таким образом только эта страшная болезнь дает возможность человеку «возвыситься»… Дурацкое слово «возвыситься». Не понимаю, откуда оно взялось? Оно всё равно вертится…

— Возвыситься над тем положением, которое он сейчас имеет в своем сознании, то есть понять нечто. Жизнь — это импульс жизни, смерть — это импульс смерти. Это два глобальных противоположных импульса, которые постоянно у человека присутствуют. И тот и другой дает возможность приобретения определенного опыта. На самом деле жизнь состоит из ряда смертей, и это не только болезнь. Мы ложимся и засыпаем. Это смерть. Мы встаем и это, фактически, рождение. Меняем позу, и это есть смерть предыдущей позы, меняем мысли — и это смерть предыдущих мыслей. Так что это сочетается всё время, но не видится здесь. А болезни, скажем, особо тяжелые, делают достаточно сильный и концентрированный акцент на этом.

— Я вчера одел капюшон и пытался представить себя в образе Смерти. Хожу и вхожу в образ Смерти. Потом возникает мысль: «Если мы есть Всё, то я и Смерть тоже… Почему я боюсь сам себя?» Получается, если я отделяю Смерть, то это не я. А если я — Смерть, то зачем мне самого себя бояться?

— Да, может быть именно про этот опыт и речь идет, потому что ты боишься смерти. Ты не видишь ее в своей жизни. И тогда только через такое, как ты сейчас представляешь, ты можешь овладеть этим. Ты можешь принять это, увидеть это, понять, что оно несет.

— То есть я настолько боюсь смерти, что хочу ее изучить и взять под контроль?

— Ты хочешь ее изучить. Я же говорю, что здесь парадокс. То, чего мы боимся — это и есть то, чего мы хотим. Если мы заменяем слова «я боюсь» словами «я хочу», то ситуация сильно меняется. Но она выглядит крайне странно для обусловленного ума.

— Это очень странно.

— Помнишь, о чём мы с тобой говорили во время просмотра? Это впечатление, которое связано было со смертью, бабушка тебе рассказывала: как смерть приходит, как потом умершего хоронят. Это же для ребенка стресс.

— Да, был мощный стресс.

— Этот стресс-то закрепляется и потом начинается страх…

— Но этот страх — это интерес. Ребенку интересно, как кто-то умирает, как его в землю закапывают. Вы представьте сознание ребенка. В нём нет страха, в нём есть только интерес. Страх есть атрибут взрослого человека. Ребенок не боится умереть, между прочим. Посмотрите, как ведут себя дети на улице. Они лезут под колеса, пока им не внушат, что нельзя этого делать, что жизнь очень важна, что умирать, недавно родившись, совсем ни к чему и так далее. А им это интересно, они не боятся, у них нет этого страха. Это благо приобретенное, если так говорить. На самом деле есть две части, и каждая из них несет очень важный опыт. Если человек не знает, что такое смерть, то он и не знает, что такое жизнь. А так как большинство людей боится смерти, то они, в принципе, не знают, что такое жизнь вообще. У них температура трупа: плюс один, минус один. Того нельзя, этого нельзя, ничего нельзя. Почему сейчас такое развитие получили экстремальные виды спорта? Там люди всё время находятся на грани падения, травмы, смерти. И им это нравится, по крайней мере, определенным людям. Именно в этом они находят некое возбуждение, которое ни на что не променяют. Так? Вот что это такое? А война, например, о которой потом говорят: «Да, это был очень тяжелый период жизни, но очень значительный».

— И всё же я как-то разделяю страх смерти и страх заболеть раком. Это всё-таки разные вещи, даже в моем сознании.

— Смерть — это просто умереть и всё, ты даже не поймешь. Понять смерть, просто умерев, невозможно. Значит, тебе нужно переживать это состояние. А болезнь — это и есть некая длительность нахождения в жизни, но при этом с присутствием смерти.

— Зная, что ты скоро умрешь…

— Да, именно включение в свою жизнь смерти и дает принятие ее как сестры жизни. Они всегда идут рука об руку, это как двоюродные сестры. Не чувствуя одно, не чувствуешь и другое. Кстати, заболеть — это не единственный способ чувствовать опыт смерти и то важное, что она дает. Просто сейчас так зафиксировано в сознании. Но существует масса способов прочувствовать, что такое смерть. Смерть — это также хорошо, как жизнь. Это столь же важно, может быть, даже более важно.

Что такое трансформация на самом деле? Трансформация и есть смерть. Даже изменения — это смерть. Если ты говоришь, что белое — хорошо, а черное — плохо, а потом начинаешь говорить, что черное — хорошо, а белое — плохо, то это смерть твоего представления. То есть само духовное развитие, если так можно называть, связано именно с переживанием других, противоположных точек зрения. Но при переходе на противоположную точку зрения предшествующая умирает.

— То есть это смерть привычки.

— Да, это смерть привычки.

— Но смерть привычки не так страшна, как собственная смерть.

— В этом нет разницы. Разница сейчас есть только в твоем представлении об этом и именно потому, что оно обусловлено страхом. Оно говорит: «Ну, если я буду завязывать шнурки по-другому, так это ничего такого. А вот смерть — это очень страшно».

— Например, привычка отношения к матери. Вряд ли ты готов взять и резко ее поменять. И это привычка. Так легко ли тебе с ней расстаться?

— Ну, может, и не легко. Для этого нужны, наверно, какие-то основания.

— Жена тебе предлагает: «Давай не будем отправлять деньги». Она тебе предлагает изменить твою привычку. И что с тобой? Как ты держишься за это?

— Так вот жизнью здесь личность называет повторение тех привычек, из которых она состоит. А смертью она называет уход от этих привычек, ликвидацию этих привычек. Вот что такое смерть для личности на самом деле.

— Когда мы шнурки завязываем по-другому, то это не страшно. А когда речь заходит о личности, то это вызывает панический страх.

— Так в работе духовного рода, если это настоящая работа, вы никогда не избежите вхождения в эту область, это невозможно. Если вы занимаетесь духовным развитием, но при этом не касаетесь ничего, то это фикция. Этапы, когда ты проходишь через состояние смены привычек, изменения взгляда, и есть смерть. А так как отношение к смерти здесь сами видите какое, то и отношение к этим вещам такое же. Поэтому человек просто пугается и бежит. Дальше он ищет нечто, где ему предлагают говорить что-то хорошее, приятное, повышающее его гордыню. При этом используются, конечно, какие-то духовные понятия…

— Мне кажется, что я это понимаю и чувствую временами, конечно. Иногда бывает не так страшно, иногда страшнее. Но что касается болезни, то тут я не понимаю. Зачем мне хотеть заболеть?

— Я и сказал, что смерть — это не просто факт, смерть — это опыт. Смерть и жизнь присутствуют здесь в одинаковой мере, но изучение этой стороны самого себя…

— Получается, что прежде чем умереть, мне хочется изучить это всё, разложить по полочкам.

— Ты что хочешь изучать? Жизнь или смерть?

— Я сейчас хочу жизнь изучать.

— Ты хочешь изучать жизнь, но посмотри, сам факт рождения является началом отсчета движения к смерти.

— Да, это я понимаю.

— Значит, двигаясь по времени, ты двигаешься к чему? Уже сам факт рождения есть факт движения к чему?

— К смерти.

— Так как же можно не изучать то, к чему ты на самом деле движешься? И это единственный неоспоримый факт. То есть всё остальное является возможным, а смерть является фактом. Но именно об этом факте думать никто и не хочет, словно этого просто нет.

— Так страшно же!

— Да, здесь это называется словом «страшно». А что, собственно, страшно?

— Осознание смерти страшно потому, что когда начинаешь об этом думать, появляется какой-то панический страх. Именно ожидание этого почему-то вызывает страх.

— Хорошо. Вам так радостна эта жизнь? Она так безраздельно прекрасна и чудесна, что покинуть ее страшно?

— По сравнению со страхом смерти жизнь кажется более или менее терпимой.

— Есть и удовольствия в этой жизни. Они же есть?

— Удовольствия есть. Кто же это отрицает? Но есть также и неудовольствия. И каждый чувствует и то и другое. А неудовольствия, как мы видим, чувствуются зачастую весьма сильнее, чем удовольствия. И с возрастом это более заметно. Да?

— *Да.*

— Получается, что не столько привязанность к этому миру, сколько страх перед другим миром выполняет функцию того, что люди не хотят думать, что будет потом. И в данном случае очень хорошо постарались религии, которые создали некие концепции, согласно которым утверждается: «Да, здесь плохо, но там будет еще хуже». Существует идея ада и так далее.

— *Наказания Страшного Суда…*

— Говорится о том, что ты попадешь в нечто более ужасное, где бесконечно будешь жариться на сковородке. А так как многие люди были восприимчивы к этому, то это играло роль очень сильного заслона для Выхода отсюда. Жизнь большинства людей достаточно невесела, и многие могли бы покончить жизнь самоубийством, если бы не имели такого рода представлений, которые здесь культивируются. Они подобны, например, долгу офицера. Вот на войне в атаку идут, хотя нет людей, которые с удовольствием идут в атаку, с удовольствием находятся среди свистящих пуль, когда им разрывает кишки. Нет таких. Герой — это на самом деле человек, у которого страх уже настолько велик, что он просто из-за этого страха бросается вперед. И все эти героические поступки связаны именно с этим. Он не о Родине думает, а он уже так обезумел от страха, что бросается, лишь бы закончить это внутреннее состояние, которое уже невозможно выносить.

Но дальше из этого делается нечто: расписываются якобы его состояния, из которых он идет в атаку во имя Родины, во имя еще чего-то. Да ничего подобного! Но именно поэтому нужно было создать некие механизмы, с помощью которых человек всё равно будет делать это. И одним из этих механизмов является честь офицера, например. Мы берем офицерский состав как тех, которые и ведут в атаку. С солдата спрос меньше, но есть и солдатский долг, как общий долг. А долг офицера еще более высокий. Если струсил офицер, то к нему отношение иное, нежели к струсившему солдату. Хотя в сложных ситуациях и того и другого поставят к стенке. Человека принуждают к выполнению того, чего он совершенно не хочет делать. Потом он принуждает других. Но надо же иметь нечто, с помощью чего ты будешь принуждать. Вот просто так, ни с того ни с сего, никто не пойдет в штыковую атаку.

Так здесь были разработаны и существуют определенные мировосприятия, верования и отношения, которые показывают, что покидать поле этой площадки грешно. В конечном счете, если ты не так боишься смерти, как боишься болезни, то

заболев и узнав об этом диагнозе, ты можешь покончить с собой. Кто же тебе мешает? Этот вариант всегда остается.

— *Ну, нельзя с собой кончать.*

— А почему нельзя?

— *В ад попадешь.*

— Вот тут мы начинаем входить в некие вещи, которые обычно люди не очень сознают. Тем более, если они не являются религиозными и не ходят в церковь. С другой стороны, все находятся в тех или иных представлениях по этому поводу, но даже не сознают их. Я уже не говорю «осознают», я говорю, что даже не сознают. Поэтому соприкасаясь с этим, именно в связи с такого рода разговором, мы начинаем просматривать нечто в себе, чего в общем-то не знаем. И в этом уже есть польза.

— *Да.*

— Вот и смотри, уже очевидная польза. Даже сам страх, приведший к этому разговору, нас сейчас подводит к чему-то очень интересному и важному. Может быть именно это ты хочешь выяснить? Тогда вопрос к тебе: а что будет после смерти? И почему нельзя покончить с собой, например?

— *Ну, эти вещи как-то разведены. Что будет после смерти, я не знаю. Может, я этого не страшусь? Я тут сфантазировал на просмотре, что будет что-то иное: не будет тела, но будет состояние…*

— И что? Будет тебе хуже или лучше, чем сейчас?

— *Будет лучше.*

— А что тогда тебе мешает это сделать? Чтобы быстрее наступило лучше…

— *А вдруг, если это самоубийство, то будет не так? Самоубийство — это как бы показатель незрелости. И тогда после самоубийства будет опять возврат куда-то, как бы на низшие уровни развития.*

— Ты опять превратишься в камень, и опять будут миллионы лет.

— *Баобабом станешь!*

— Камень сначала, потом золотой камень, потом превратишься в муравья, потом дойдешь до тигра…

— *Ну, есть представление о самоубийстве как о смертном грехе. О том, что это самый худший выход из всех возможных.*

— *А кто это сказал?*

— А если, например, отец видит сына, бросающегося под колеса машины, отталкивает его и сам попадает под колеса, то это что?

— *У отца не было намерения покончить свою жизнь самоубийством, у него было намерение спасти сына.*

— Откуда ты знаешь? Ты судишь по внешнему факту, когда человек делает что-то ради спасения другого человека. Но кто тебе сказал, что у него не было состояния закончить эту жизнь? Просто он выбрал такой способ. На самом деле любой человек, совершая действия, в результате которых он умирает, уже готов к переходу. А какую форму он выберет, это уже другой вопрос. Кто-то может убить кого-то, и он убьет. А кто-то может спасти кого-то, но в результате погибнет. Разве это не тоже самое в смысле намерения перейти? Сам выбор перехода происходит, разница только в способе.

Следствием чего являются болезни физического тела?

— *То есть нужно войти в состояние готовности и просто выбрать способ, а потом подвернувшийся использовать.*

— *Как понять «подвернувшийся»?*

— Понимаешь, карма вообще очень интересная штука. Есть некие вещи, которые просто учтены. Например, входя в эту жизнь, ты должен раздать долги. Некто, предположим, тебя спас в каком-то воплощении и здесь своим фактом смерти ты спасаешь его. Тем самым отдаешь долг, то есть уравновешиваешь эту ситуацию.

— *Вот так называемые «несчастные» случаи. Обычно родственники погибшего рассказывают, что он собирался умереть, что ему было тяжело и он говорил о смерти. Потом вдруг — раз, что-то происходит, и он умирает. Недавно случай был. В автомобильной аварии погибла девочка, причем, единственная из всех сидевших в машине. Потом оказалось, что за неделю до случившегося эта девочка вела разговор с подружками о собственной смерти. Она ее желала, даже высказывала в разговоре предположения о том, как бы это сделать. Это всё потом уже подружки рассказали…*

— То есть это не дело случая, как обычно рассматривается, когда кто-то погибает. Люди начинают рассуждать: «Вот если бы он сидел не там, где сидел, то он бы не погиб…» Ничего подобного! Это внутренняя тенденция человека, которая может им в какой-то степени сознаваться. Но всё идет из этой самой внутренней

тенденции. Понимаете, вы можете сесть за руль самого мощного автомобиля, двигаться вообще в потоке против движения. При этом ничего с вами не случится, если нет этой тенденции. А если она есть, то вы можете попасть в аварию и погибнуть, просто выезжая из гаража. Это дело внутренней тенденции, а никак не стечения обстоятельств, поскольку стечение обстоятельств и есть следствие этой внутренней тенденции. Внешний мир нам показывает внутреннее состояние, но мы часто этого не видим. А через внешнее оно и происходит, но мы объясняем это по-своему, не видя и устраняя саму эту тенденцию. Всякий человек, попавший в аварию или происшествие, погибший или раненый, имел эту тенденцию. Он не мог ее не иметь.

— То есть пожилая женщина, которая поскальзывается, падает, ломает шейку бедра, она именно этого и хочет?

— Да. Именно шейка бедра и является тем самым местом, которое и должно было пострадать, поскольку оно уже страдает от нехватки в нём энергии. Если мы будем сейчас разбирать с точки зрения того, что именно было поранено у человека и каким образом он это сделал, то мы увидим неслучайность всего происшедшего. Нет ничего случайного, ни один волос не упадет с головы случайно. Но, находясь в состоянии сумеречного сознания, нам кажется, что всё случайно. Мы пытаемся подстелить соломку где-то, а где-то падаем и ломаем ногу или разбиваем голову. Но это не вопрос защиты, о которой потом вспоминают и говорят, что надо было соблюдать правила безопасности и так далее. Дело не в этом. Дело в этой самой внутренней тенденции.

— Тогда меня интересует вопрос внутренней тенденции, приводящей человека к заболеванию раком.

— Ты же сам его желаешь.

— На самом деле это всё — опыт. Мы вообще приходим сюда за опытом и получаем опыт в очень разных контекстах и разного рода. Но чего именно ты боишься? Что у тебя там будет болеть раком, какой орган?

— Ну, боль и беспомощность.

— Нет, орган какой?

— Обездвиженность. Что-то внутри…

— Но внутри всё.

— Наверно, простата. Рак простаты.

— Замечательно, простата. Значит, это сексуальное. Орган, связанный с половыми признаками. Так? Вот давай дальше раскручивать. Значит, там связано что-то и поэтому есть некая дисгармония. Именно сильная дисгармония приводит к

заболеваниям, несчастным случаям и так далее. При этом дисгармония имеет психический характер, но проявляется она, в силу наличия у нас физического тела, — в теле. И не просто в теле, а в определенных органах этого тела. Каждый из этих органов имеет какие-то свои функции. Нарушение этих функций, дисгармония именно в этих функциях приводит к тому, что происходит некое заболевание. То есть всё связано с психикой, именно ее мы здесь и разбираем. А заболевания физического тела являются следствием.

— *Я тоже это чувствую.*

— Давай смотреть, что значит простата. Что за дисгармония психического порядка может вызвать у тебя такое заболевание? Заболевание на самом деле очень серьезное, так как ты его представляешь. То есть оно кажется тебе необратимым, не вылечиваемым. Хотя ты предполагаешь, что это возможно, что это может быть вылечено, но только у людей, имеющих, как ты говорил, силу вылечиться. Мы сейчас, фактически, что делаем? Мы сейчас более направленно рассматриваем это.

— *Да.*

— Не просто вообще боль и заболевание, а мы рассматриваем именно тот орган, который, как ты предполагаешь, может быть поражен раком. Тогда давай смотреть именно эту сексуальную функцию. Какую функцию выполняет простата? Какова дисгармония в психике, которая у тебя связана с этим?

— *Не вижу. Я не знаю. Мне так показалось, потому что дядька мой умер от этого. Мой дед, правда не родной, тоже от этого умер. И вообще мужчины часто страдают именно этой разновидностью рака.*

— Понимаешь, просто так ничего не может казаться. Кажется, что всё просто так, но оно не просто так.

— *Я понимаю, что мой выбор чем-то обусловлен. И не только этими факторами, но вижу я сейчас только их.*

— Хорошо, давай смотреть дисгармонию половых функций. То, что у мужчин часто это бывает, связано с характерным явлением дисгармонии этой функции у многих мужчин.

— *Может быть, я имею секса меньше, чем хотел бы? Это да, это есть.*

— Значит, это подавленность сексуального влечения.

— *Да.*

— То есть это не просто вопрос, что я имею секса меньше, чем хотел бы. На самом деле любой человек может иметь столько, сколько ему угодно этого секса.

— *Я запрещаю себе потому, что таковы социальные нормы.*

— То есть я запрещаю себе нечто, чего одна часть хочет, а другая запрещает. Почему ты запрещаешь? Давай смотреть, что блокирует?

— Это страх причинить боль близкому человеку, то есть жене. В данном случае я говорю об измене.

— Значит, ты боишься причинить ей боль, но при этом подвергаешь себя заболеванию раком. Ты никак не можешь избежать этого, вот что самое интересное. Если ты боишься за одну часть, то получишь другую часть, заболевшую.

— Я не уверен на сто процентов в этом. Я где-то прочитал, что если ты сдерживаешься, то есть имеешь меньше секса, меньше оргазмов, чем можешь и хочешь, то это приводит к таким последствиям. Это как версия, и я не уверен. Хотя она мне запала, конечно, в голову.

— А в чём суть версии?

— Ну, если молодой, сильный мужчина меньше имеет секса, чем может и готов иметь его организм, тем больше накапливается гормонов, сперматозоидов и всего того, что застаивается где-то в районе простаты. Она воспаляется, и затем воспаление переходит в злокачественную опухоль.

— Это одна из версий.

— Да.

— Я вспоминаю психоаналитика в связи с этим. Сидит какой-то пациент и психоаналитик ему: «Ну, говорите первое, что вам приходит в голову». А там плакат такой большой и на нём голая баба нарисована. Пациент сидит, в окне это видит и говорит первое, что ему приходит в голову. Я к чему это? Можно иметь атмосферу, в которой ты всё время видишь только одно и тоже. Например, сейчас голая женщина — это атрибут любого журнала, который считает нужным себя продавать. Это всё раздувается до неимоверности, раздуваются представления о мужчине, который всегда готов на всё и только ждет этого. Так ли это?

— Нет, но…

— Это просто одна из версий. Хорошо. Вот у тебя есть что-то, связанное с этим.

— Ну, естественно, есть.

— Само желание возникает в результате блокировки. То есть это не сама сила этого желания, которое постоянно хочет себя реализовать, а сама блокировка вызывает импульс. Не будет блокировки, не будет и этого. Но наличие блокировки всё время тебя может стимулировать к тому, чего ты сильно хочешь.

— У него есть огромное желание быть верным и страх быть неверным. Так получается?

— Можно и так сформулировать. Это потому, что больно близкому человеку, когда он узнаёт об измене.

— Больно близкому человеку не только тогда, когда он узнаёт об измене, а и во многих других случаях.

— Это особая боль какая-то.

— Хорошо, это особая боль. Но посмотри, о чём ты говорил в связи с матерью и женой. Ты даешь много внимания матери, а жена ревнует. Это разве не боль? И хотя там нет сексуального контакта и он не предполагается, разве это не то же самое?

— Я не знаю, потому что сейчас ситуация изменилась. Мы сейчас далеко, и я никак не могу матери никакого внимания оказывать, она за тысячу километров отсюда находится.

— Как это ты не можешь оказывать внимания? Ты можешь о ней думать, и тут уже тысяча километров не имеет никакого значения. То есть она говорит: «Думай обо мне». Это как в советском фильме, где хор женщин разъезжает по стране с песней: «Днем и ночью думай обо мне». Помните?

— То есть вина перед матерью за то, что он думает о матери меньше, чем если бы он думал о другой женщине, когда имел с ней контакт.

— Так здесь и есть этот момент. Я думаю о другой женщине — о матери. Но не думаю о жене. Дальше оно уходит как бы в подсознание, но вылезает вот это: нельзя ей изменить. Но ты уже изменяешь на самом деле. Ты ей уже изменяешь с матерью. И дело здесь не в сексуальности, а в том внимании и мыслях, которые у тебя есть. Сейчас мы переходим к разговору об измене. Так?

— Ну, выходит, да.

— И то, что она за тысячи километров, совершенно не снимает этого конфликта. Более того, наоборот, обостряет его. То есть этот вопрос связан с тем, каково состояние внутреннего мужчины по отношению к внутренним женщинам.

— Не вижу связи.

— Есть такой фильм Феллини, по-моему, один из последних, когда герой устраивает день рождения и приглашает кучу женщин. Все они — его любовницы, их десяток там просто. Вот он ходит, бродит среди них, а они переругиваются между собой. Потом он куда-то уходит. И вдруг ему представляется, что на самом деле эти все женщины есть единая женщина. Одна женщина. Это как Божья Матерь, у которой много ликов. Если ты, например, верен одному лику Божьей

Матери, но не верен другому, то тебе будет плохо. Но на самом деле это всё и есть Божья Матерь, она просто имеет множество ликов.

Так вот женщина, это что? Это Единое. Великая Женщина, имеющая множество ликов. Назови это Божьей Матерью, если хочешь. Опять мы подходим к тому же моменту, который я обозначил как свет солнца. Оно светит всем, так ведь? Но когда ты начинаешь его делить, типа, вот сюда солнце должно светить, а сюда не должно светить, то ты теряешь саму суть этого света.

— *Но я-то и не хотел бы делить…*

— Ты бы не хотел, но почему-то среди женщин у тебя появляется именно эта ситуация. Они почему-то делят тебя.

— *Да.*

— И тебе хорошо?

— *Мне отвратительно.*

— Тебе очень плохо, но это факт твоей жизни и ты не можешь его не признавать.

— *Я его признаю, я его вижу…*

— И что в этой ситуации ты можешь делать? Ты его признаёшь, да. Но от этого же тебе не легче.

— *Каким-то образом я этот конфликт и создаю, что ли?*

— Да.

— *Я не знаю, как я его создаю.*

— Может ли жена уважать в тебе твою любовь к матери?

— *Мне казалось это естественным.*

— Но оно же не так.

— *Оно не так.*

— То есть само наличие в тебе любви хотя бы к кому-то предполагает, что эта любовь, в силу ее наличия в тебе, может распространяться и на другого человека. И этот другой человек ценит это. Но в данном случае происходит не так. Сам факт твоего отношения к кому-то является крайне неприятным для другой женщины. Так?

— *Да. Мне это казалось очевидным, но когда я столкнулся с этим, я понял, что долго закрывал на это глаза и не видел. Мне не приходило в голову, что так может быть, что отношения могут быть настолько обострены между ними. И когда это всё уже лилось через край, тогда это было как гром среди ясного неба.*

— Ты это увидел, но дальше ты в этом находишься и продолжаешь жить. Но этот конфликт не снимается и сказать, что ты стал спокойным к нему, тоже нельзя.

— Внешнее успокоение как бы пришло, мы разъехались.

— Посмотри, ты даже был вынужден создать ситуацию, чтобы развести два этих полюса, которые при соприкосновении становятся крайне взрывоопасными. Представь, что вы живете в одной квартире, например, все вместе.

— Это опасно будет. В одной квартире просто невозможно жить всем вместе.

— Вот здесь и кроются корни этого самого заболевания, связанного с этим органом. Связь эта ловится или не ловится? Или оно кажется пока не относящимся к этому? Пожалуйста, кто хочет высказаться?

— Мне почему-то мысль приходит, что Антон блокирует в себе измену.

— А что такое смерть? Это измена этому миру, между прочим.

— А вот как бы он отнесся к измене жены?

— Негативно.

— До какой степени негативно?

— Как бы это выразилось? Вот если это не сексуальная измена, а измена с другом, о котором она много времени думает, рассказывает, вообще имеет некую связь с ним несексуального характера. Ревновал бы ты ее?

— Да.

— Так смотри, не то ли делает она сейчас по отношению к твоей матери? У тебя есть женщина, которой ты уделяешь достаточно много времени. Это так ей кажется. Ты делишься с матерью, причем даже тем, о чём не говоришь своей жене. Представь, что у жены просто есть такой друг. С отцом у нее не такие отношения. Ну, значит, друг. Как бы ты относился к этому другу?

— Мне кажется нормальной и естественной ситуация, когда у меня такие отношения с матерью, но ненормальной и неестественной ситуация, когда у нее какой-то друг. Вот если бы она имела такие отношения с отцом, то я бы, наверное, не ревновал.

— Ты предполагаешь, что у нее есть какие-то друзья, какие-то люди, с которыми она хотя бы может разговаривать?

— Да.

— Она же с кем-то встречается?

— Да.

— Где граница между тем, к чему ты будешь ревновать и тем, к чему ты не будешь ревновать?

— *Ну, не знаю. Я, наверно, это как-то почувствую…*

— А ты сейчас можешь сказать?

— *Сейчас трудно.*

— *Например, есть друг, с которым она просто разговаривает, общается. Он школьный товарищ, они долго не виделись. Он приехал из другого города, ему ночевать негде, и она приводит его ночевать к вам. Как тебе это?*

— *Убил бы.*

— Ты предполагаешь в ней некоего режиссера спектакля, в котором есть свои какие-то сценарии, есть свои какие-то отношения? Есть нечто, что ты просто и не можешь ей дать, а у неё есть в этом необходимость. Может, ей надо вспомнить тот отрезок жизни, в котором тебя не было в ее жизни. Ты же не был всегда с ней?

— *Да, не был.*

— Ей нужно пересмотреть и увидеть что-то. И это может вызывать как позитивные, так и негативные оттенки. Ты предполагаешь, что у нее есть это?

— *Да, с недавних пор я стал это признавать, когда увидел в себе, что мне это необходимо.*

— Смотри, ты сейчас поехал на семинар, ты не с ней. Ты проходишь нечто, что важно тебе. У нее особой тенденции к этому нет пока, а тебе это важно. Это разве не измена? Понимаешь, это слово «измена» — ужасное слово, которое употребляют сплошь и рядом, не понимая сути этого. Кто-то объявляет нечто изменой и кричит: «Караул! Нас предали!» А что, собственно, предали, кого предали, почему предали? Не ясно.

— *Ну, так я-то не считаю свои отношения с матерью изменой жене.*

— Ты-то не считаешь, а она считает. Но на самом деле, это ты считаешь, вот в чём дело. Сейчас мы начинаем это разбирать и видим, что у тебя такое же отношение к ее измене. Тогда разобраться с тем, что есть измена, очень важно, поскольку понимания этого нет. А если и есть, то на очень поверхностном уровне. Ты говоришь, что поймешь, если это произойдет, но пока ничего сказать не можешь. Значит, ты в это дело не входил, ты это не прощупывал, ты его не изучил. Вот если вдруг снег повалит, то ты скажешь: «Да, снег повалил». А почему, как и что, ты не можешь сказать. Тогда входи в это. Давай разбираться с тем, что такое измена.

— *Давайте.*

— Измена ли она вообще? И что это такое?

— *Ну, когда я общаюсь со своими старыми одноклассницами, старыми друзьями…*

— Это не измена, а когда она общается со своими одноклассниками — это измена.

— *Ну, я не называю это изменой с ее стороны, но я напрягаюсь, да.*

— Напрягаешься… половыми органами. А частое напряжение половых органов приводит к раку. Смотрите, здесь всё время проба почвы, мы почву берем и смотрим. Копнули немножко, и уже вон сколько всего! Казалось, что ничего нет и копать тут нечего. Но оказывается, очень много чего есть и углубляться нужно довольно далеко.

Суть предательства, заключенного в человеке

— *Я хочу разобраться с этой проблемой, меня она беспокоит. Но я сейчас более спокойно отношусь к изменам…*

— Обратите внимание, как хитро идет самоисследование. Мы начали со страха смерти, потом определили орган, потом мы вышли на предательство. Казалось бы, это совершенно не связанные вещи. И для обусловленного ума это так. Он не связывает это, поскольку видит только то, что происходит сейчас, в данный момент. Но, не видя причин, вызвавших это следствие, он не понимает, собственно, о чем речь. Именно так люди и общаются на каком-то совершенно непонятном уровне, который никак не приводит их к искомому. И только очень глубокое рассмотрение самого себя позволяет всё более и более приближаться к истинным причинам. Но оно требует внутренней и очень серьезной работы с самим собой. При отсутствии такой работы ты не способен даже видеть эти причины. Это всё равно, что лист, который начинает беспокоиться по непонятной причине, но совершенно не видит, что все корни дерева изъедены, и оно вообще упадет сейчас. Но лист кроме своей веточки ничего не видит, а веточка вроде нормальная. Он не видит, что корни дерева или уже все сгнили или там не хватает влаги, питания и так далее. И когда листу начинают рассказывать, что он растет на ветке, а ветка находится на стволе, а ствол — это дерево, а у дерева есть корни, то он говорит: «О, это всё скучно, это не относится к тому, что я вижу и что считаю реальным». Для него это нереально, но мы-то понимаем, что лист вообще появился только благодаря наличию дерева.

— *С предательством у меня тоже сложные отношения.*

— Эти сложные отношения у всех человеческих существ. У всех. Самые основные трагедии, которые возникают у человеческого существа, связаны с предательством. И всякий человек в момент переживания такого трагичного состояния будет кричать: «Предали меня!» Он переживает вину и боль, потому что считает, что его предали. «Так нельзя со мной, меня нельзя предавать!» А что такое предательство и почему оно возникает в нашем восприятии?

— *Получается, оно возникает из-за того, что я когда-то определил для себя, что данный человек должен со мной вести себя так-то и так то. То есть его отношение ко мне должно быть определенным. Это мне понятно, как будто бы мы договорились. Может быть, даже мы это и обсуждали.*

— Потому что я выделил ему в своем спектакле эту роль.

— *Да.*

— Выделил роль с четким определением исполнения этой роли, даже не понимая этого. Она существует, и я даже чувствую. Человек выполняет это, и хорошо. А если перестанет выполнять, то это плохо. То есть я считаю, что этот человек задействован только в моем спектакле на исполнение только той роли, которую я ему предложил. Так?

— *Так.*

— И при этом я совершенно не осознаю, что этот человек является самостоятельным творцом собственного спектакля, в котором у него много всяких ролей. И эти роли он также исполняет. Но они могут не касаться той роли, которую я уделил ему в своем спектакле. То есть я не рассматриваю другого человека как самостоятельный мир. Я рассматриваю его как часть своего собственного мира, при этом не понимая, как устроен мой мир, потому что это программа на самом деле. А так как программу я не осознаю, то я и не знаю, как это. Я просто чувствую, что если он это делает, то хорошо.

Но самое парадоксальное в том, что если этот человек делает то, что я хочу, то другой своей стороной я начну его стимулировать к противоположному. Я сам начну это стимулировать. Вот все эти разговоры об изменах, например. Ревнивые мужчины или женщины начинают своей ревностью что делать? Они начинают усиливать тенденцию измены в другом человеке. То есть они являются сами провокаторами того, чего они так не хотят, как кажется. На самом деле они этого хотят, вот что самое интересное! Часть, которая хочет этого, они не осознают, но делают всё, чтобы именно так дело и обстояло. Не так ли?

— *В своей жизни я этого не вижу, а в других, может быть…*

— В доказательство слов Александра Александровича хочу рассказать. У меня была подруга и близкий друг. И я сам, своими действиями и даже словами подталкивал ее к тому, чтобы она физически переспала с ним. То есть я сам толкнул их на то, чтобы они вместе переспали. Был физический контакт у них, но после того, как они исполнили мою роль, они разошлись сразу. У них отталкивание друг от друга произошло. Но есть сам факт того, что мои мысли, мои действия, мое намерение как бы осуществилось.

— Совершенно верно. То есть всё, что мы создаем в своем мире, мы создаем сами. Но в силу нашего сна и не осознания другой части себя, мы не понимаем этого и относим на счет предательства. Это самое распространенное объяснение, бытующее практически среди всех людей. Сам человек это стимулирует, а потом кричит: «Меня предали!» Так кто кого предал? Это я предал сам себя, то есть одна часть меня предает другую часть меня же. А как она предает? А она не хочет видеть другую часть, поэтому действия ее являются предательскими для нее.

То есть сама суть предательства заключена не где-то, а в самом человеке. И основным его предательством является не видение себя в целостности, то есть не видение двух противоположных частей самого себя. А делать он этого не может, поскольку занимает только одну позицию, с точки зрения которой другая, противоположная, является предательской. И только перейдя в состояние не от мира сего и наблюдая за персонажем, дуальной структурой, вы можете принять и то и другое, и можете видеть, как это происходит. Но для этого надо перейти в состояние наблюдения. А когда вы находитесь в состоянии сна, то есть сознания только одной части самого себя, то другая часть вас, которую вы не видите, является предательской частью вас же. Вы сами себя и предаете, но видеть это предательство не можете. То есть вы его видите как предательство, а не как некий сценарный план своей жизни.

— Тогда в моей ситуации это как происходит? Я делаю некие действия, благодаря которым как бы дразню жену своими отношениями с матерью, вызывая ее зависть и ревность.

— Совершенно верно.

— Причём, тебе эта борьба очень нравится, Антон. Рак — это высшая степень борьбы, которая вообще может быть в организме человека. Это пик.

— А она мне мстит тем, что не дает, грубо говоря.

— У меня этот же вопрос. Я, как женатый человек, вынужден в себе ограничивать сексуальную функцию. У меня сразу вопрос возник: «А почему она не дает каждый раз, когда ты хочешь?» И такое понимание, что она может каким-то образом мстить, не давая, а провоцируя к походу налево. Я хочу сказать, что

раком простаты болеют и гулящие мужчины, которые удовлетворяются физически, но эта штука у них живет психологически. Они могут трахаться с кем хотят, но рак всё равно случается. От гиперфункции эта штука не уходит.

— Сам факт того, что ты находишься всё время в возбуждении. Что такое сексуальность? Это возбуждение. Возбуждение есть дисгармония, обратите внимание. Что здесь называется словом «сильный мужчина»? Это мужчина, постоянно хотящий чего-то. Но это дисгармония. Мы говорили, что аккумулятор находится в гармонии тогда, когда он разряжен. А внутри всё тот же аккумулятор, только сексуальный. Он всё время заряжен, он вообще никогда не отдыхает.

— *Есть примеры, когда женщина, постоянно возбуждая мужа, держит его в состоянии возбуждения. И даже давая ему, но возбуждая опять, она этим его истощает.*

— Да, но истощение происходит из-за постоянного внутреннего перенапряжения.

— *Даже физическая разрядка не дает успокоения, потому что она его всё время…*

— Вот еще интересный момент — заход к любви. Любит, значит, хочет. А хочет, значит, трахает. А что это такое? Это постоянное возбуждение.

— *Да.*

— И это не есть желание, идущее из Души. Это просто перегрев идет всё время, то есть «мне нужно». Мочевой пузырь наполняется, и тогда я хочу писать. И я бегу к унитазу, но не потому, что очень люблю унитаз. А унитаз будет говорить: «О, как он меня любит, он всё время со мной находится!» А это перевозбуждение.

— *То есть получается, что количество секса тут и не спасет.*

— Количество показывает просто на уровень возбуждения.

— *А возбуждение возникает…*

— Вот теперь мы подошли к способам поддержания возбуждения. Теперь мы можем начать говорить об этом.

Запрет как один из способов возбуждения

— *Стоит запрет, и это один из способов возбудить себя.*

— *Обида тоже, да?*

— Вина.

— Наложить на это удовольствие запрет и возбуждаться от того, что ты это делаешь, всё время хочешь это делать и делаешь опять.

— Кайф от запрета.

— Например, онанист. Что это такое? Именно вот это, то есть возбуждение связано с нарушением запрета. И чтобы у тебя была гиперфункция, тебе нужно поставить там большой запрет, а дальше ты только об этом и будешь думать.

— В принципе, это как не думать о синей обезьяне.

— Да. Значит, у тебя есть некий запрет. Каким образом ты его создал по программе? Какая у тебя программа? Вот с этим, наверно, стоит разобраться.

— А отношения отца и матери какие были? С изменой что-то было связано?

— Да.

— Боль матери ты видел, наверняка.

— Да.

— И виноват был в этом отец потому, что матери больно. И тогда всё, ребенок уже зафиксировался…

— То есть у тебя мать, которая запрещает это делать и отец, который этого хочет. Далее он в угоду матери не делает этого, но при этом хочет и всё время переживает запрет как возбуждение этой функции.

— Либо он будет возбужден и будет жить в запрете, либо он разрядится, но тогда будет в возбуждении мама. Она будет переживать боль, страдания. То есть она уже будет возбуждена этим, психологически будет возбуждена.

— И его будет возбуждать.

— И его будет возбуждать, осуждать. И всё пошло, поехало. Это всё усваивает ребенок.

— У жены то же самое всё было.

— Конечно.

— Мать сдерживала отца физиологически даже. Он ей изменял, они разошлись. Там ненависть взаимная потом была.

— Потом само это сексуальное взаимодействие закрепляется и фиксируется как нечто очень болезненное. И практически ни один человек этого обойти не может, за редчайшим исключением просто характера программы. Но там тогда

будет что-то другое. Эта функция у всех таким образом искажена, поэтому все с этим и носятся.

Смотрите, не будет возбуждения, если всё разрешено. Это невозможно! Тогда должно быть запрещено. И чем сильнее запрет, тем больше возбуждение. Правильно? Это касается не только сексуальной функции, это касается любого желания. Именно то, что запрещено и является желанным. И на то есть библейская история об Адаме и Еве, когда всё было разрешено, кроме «яблока с дерева». Вот это самый лучший способ привести к тому, чтобы это было сделано.

— Зафиксировать…

— Да, для фиксации внимания на чем-то надо запретить это. Именно тогда всё внимание будет концентрироваться на этом. А в библейской истории вообще совершенно замечательно: всё можно, а того нельзя. И это совершенно прекрасные условия для того, чтобы всё внимание было сконцентрировано именно на этом.

— И в родительской семье на этом было зафиксировано внимание и, соответственно, включился запрет. А раз есть запрет, то надо его преодолеть.

— Да.

— У меня пример такой из жизни. Когда я работал учителем в школе, у меня был физический контакт с ученицей. И вообще мы общались. А мать запрещала эти отношения, так как это аморально, это нельзя. Это осуждалось всеми и осуждалось моей матерью. И чем больше она накладывала запрет на это, тем больше это возбуждало меня. И я это делал, несмотря ни на что. Меня это возбуждало, так как все запрещали.

— Вот. То есть дело уже не в этом человеке, не в этой женщине…

— Да.

— И что такое «она нравится»? Тоже всё это непонятно, но надо запрещать. Давайте возьмем историю великой любви. Например, Ромео и Джульетта. Вы везде увидите запрет. Запрет там был связан с тем, что эти семьи были в очень сильной войне. Пожалуйста, какую ни возьмите из этих любовей, вы увидите, что там в наличии есть запрет и он очень мощный. Именно преодоление этого запрета и является тем, что называется любовью. Но всё это, как правило, кончается весьма трагично. Как и всякая дисгармония, она заканчивается такой же дисгармонией. Герой-любовник — это тоже дисгармония. Да и вообще всякий герой — это дисгармония.

На самом деле человек гармоничный как бы и не выделяется особо, то есть он не претендует на роль какого-то супергероя. Ему это не надо, поскольку это всё связано с гипервозбуждением, а просто поддерживать это гипервозбуждение не

имеет никакого смысла. Тем самым это показывает, что все эти герои — есть произведение неосознанных программ, причем с сильным напряжением. И просто так это делать не нужно и невозможно. Это просто задается, и оно проигрывается. Почему я и говорю, что дисгармонию не нужно создавать, она сама себя создает. Вот гармонию создать — это уже сложно. Для этого нужно перейти в другое самоощущение и вспоминание себя. А дисгармония как задана, так она и имеет место быть.

Ясное видение как средство создания внутренней гармонии

— Вот это всё как бы понимается, это я могу понять. Но что делать конкретно в данной ситуации?

— Вот это постоянный вопрос: «А что же делать?» На это я всегда говорю одно: ясное видение и есть действие, осознание есть действие. Не надо ничего делать, не надо брать лопату, бежать куда-то и совершать какие-то хаотические и суетливые действия. Нужно четко видеть это в самом себе. Тем самым ты создаешь внутреннюю гармонию, которая создает эту гармонию во внешнем мире. Вам не надо ничего делать, вам надо ясно видеть.

— Как увидеть?

— Ты уже видишь. Ты же сам говоришь: «Я это всё вижу».

— Откуда, как ты думаешь, я знаю это всё? Почему я могу рассматривать все эти вещи?

— Ну, вы размышляли об этом, читали какую-то литературу.

— Я это всё проживал. Просто так литературу перед сном почитать можно, но ни хрена не поймешь, только заснешь еще глубже. А вот когда это вопрос жизни и смерти, когда всё обострено до предела, тогда ты разбираешь это. И я тебе скажу, что это крайне непросто.

— Так не каждый сможет.

— И эти пятьдесят лет я прожил в колоссальном состоянии дисгармонии. Но имея, так сказать, выход туда, я всё это разбирал в самом себе. Поэтому я сейчас свободно могу видеть все эти вещи. И само это видение приводит к состоянию, когда больше меня это не трогает. Ничего специально я не делаю.

— По тенденции уже можно понять, чем это закончится. Ты же сам это говоришь из своего страха. Когда ты описываешь свой страх, это и есть тенденция твоей жизни.

— Я же не врач, который выписывает какие-то средства от простатита или еще от чего-то. Это совершенно другой подход, это подход самоисследователя. Поэтому я передаю именно это ценнейшее и глубочайшее знание, связанное с видением того, как создается дисгармония в программе человеческого существа. Поэтому я могу тебя сказать, что если ты хочешь это видеть…

— Хочу.

— Тогда тебе надо стать самоисследователем. И это произойдет не за один раз, не за один семинар. Это работа. Работа, которую я проводил здесь пятьдесят лет. Но я пришел уже с этим намерением, понимаешь? А сколько времени нужно будет тебе, я не знаю. Но это и есть самое главное дело жизни. Нет ничего более важного. Это не кое-что, помимо всего остального, а это и есть самое важное, когда ты рассматриваешь всё, что с тобой происходит, с точки зрения рассмотрения этих вещей.

Да, я тебе могу давать указатели, но проходить и рассматривать всё это и осознавать может только сам человек. Я не могу никому передать осознание, это невозможно. Но я могу, при наличии в человеке тенденции к самоисследованию, сопровождать его в этом очень непростом путешествии внутрь самого себя. И вот тогда вы будете очень ценить мой опыт. В ином случае, если вы просто ждете быстрой подсказки, которая не срабатывает или я ее не даю, вы просто потеряете интерес к этому.

— Нет, я хочу сам увидеть. Я понимаю, что ваша подсказка мне не поможет.

— Мои подсказки-то как раз тебе и помогут.

— Ну, я имею в виду, что если я это не проживу и не войду в это…

— Я даю знание, на основе которого ты можешь четко видеть то, что с тобой происходит. И я его даю в готовом виде, между прочим. В этом и есть моя величайшая заслуга, потому что я тебе сразу это описал. Ты имеешь это знание и теперь ты его можешь проверять.

— Да.

— А не имея этого знания, ты будешь просто блуждать очень много жизней. Теперь это всё сокращается.

— Я понял.

— Я тебе просто показываю то, что есть. Я всё время буду показывать то, что есть, а дальше ты начинаешь смотреть в самом себе, уже исходя из этого знания, из этого видения. Почему я называю себя консультантом? Если в вашем спектакле вы создаете эту роль и берете, скажем, меня на исполнение этой роли, то ваше движение становится очень быстрым. Если этой роли нет, то вы будете блуждать. В конечном счете, вы к чему-то придете, но когда, я не знаю. Вы по-своему будете идти, но это не будет быстро. Я сейчас катализатор, а катализатор усиливает реакцию, но не участвует в ней. Вот свойство катализатора.

— Участвует, но не расходуется.

— Да.

— Он доводит всё до апогея, а потом сваливает в сторону.

— Да. Мы видим, сейчас разные люди выходят. У кого-то вдруг происходит какое-то озарение. Почему? Потому что их длительный опыт в работе с этими вещами привел к тому, что они готовы это увидеть. А кто-то только начинает копать яму и не будет, естественно, всё сразу ясно и понятно. Мы прикоснулись к чему-то. Причем, рассматриваются вещи коренные, вещи программные. То есть рассмотрение и осознание этого приведет, фактически, к целостности. Но это не произойдет сразу.

— А хочется.

— Получай удовольствие от самого процесса самоисследования. Это же очень увлекательная вещь! Мы же, собственно, и пришли за опытом. Зачем тогда так спешить? Сейчас поймешь, а завтра помрешь. И что? Но я понимаю, что эти слова говорит человек, уже прошедший это. И я очень хорошо знаю, что эти все годы я говорил: «Да, я не могу не проводить исследование». А сейчас могу. Но к этому надо прийти. Сейчас ты обретаешь вот эту энергию, когда ты не можешь не проводить это исследование. И ты будешь его проводить всё время. А потом придешь к состоянию, когда скажешь: «Всё. Я провел это. Теперь я спокоен». Но ты должен иметь очень сильное напряжение внутри, чтобы начать разбирать все эти вещи.

— Фактически, тогда и не нужен рак как болезнь.

— Да, тогда не нужен.

— Это не нужно как переживание потому, что ты встал на путь. Ты сам сказал, что через болезнь человек может на другой уровень перейти. А ты уже изначально начинаешь выводить сознание на другой уровень и для этого не нужно болеть. Просто страх этой болезни тебя подталкивает, он тебя и пригнал сюда. Но сама болезнь тогда уже и не нужна.

— Сила, чтобы бороться с болезнью, это одно. Сила осознания, видения — это уже совсем другое.

— Знаешь, к чему я подошел в результате своего исследования? К тому, что я могу определять теперь срок своей смерти сам. Вот я получил такой подарок в результате этого. По программе я мог бы умереть, например, от рака легких. Я вон курю сколько! Но осознав и пройдя это, я вышел в состояние, когда сам могу определять, нужно мне здесь быть или не нужно.

— А зачем тогда вообще курить?

— Мне нравится курить. У меня это способ нахождения во всём этом. Ты думаешь, очень просто во всём этом находиться?

— Нет, конечно.

— Для меня очень непросто находиться во всех этих состояниях, разбирать все эти вещи. Я честно скажу, что сейчас у меня уже нет такой тенденции, которая была тогда, когда я говорил: «Да, я не могу не делать этого». Мне это нужно было, я это делал, а сейчас — нет. Мне сейчас это непросто делать, между прочим. Это определенный наркотик. Имея этот наркотик, я могу находиться в этих вибрациях, в чуждой среде в определенной степени. У меня были две особенности, характерные для процесса самоисследования: я курил и матерился. Иногда матерился так, что дым столбом стоял.

— На кассетах сплошной мат.

— Да. Но из этого я вышел потому, что у меня нет состояния агрессии, неприязни. Но оно было. Сейчас этого нет, а сигареты есть. Да, мне нравится курить. Это может единственное, что мне очень нравится. Вот это то, что всегда со мной.

— Когда нет страха смерти, тогда вопрос возникает: «А что остается?» Если нет страха, то остается другая сторона. А это интерес. Тогда вопрос: а интерес к чему? Интерес к жизни, но тогда другое качество жизни. То есть ты живешь, потому что интересно, а не потому что боишься смерти.

Как проявляется интерес Души к определенному опыту?

— Кстати, по поводу интереса. Не так давно я стал задаваться этим вопросом и вышел на своего собственного ребенка. Я стал смотреть: а что за интерес у ребенка? Ребенок действительно характеризуется интересом, то есть ребенку

интересно. Я стал спрашивать: «Что это за интерес?» Я увидел, что это интерес, имеющий очень четкую направленность. Ребенок, в конечном счете, начинает интересоваться чем-то определенным.

— Противонаправленностью?

— Нет. Он начинает интересоваться чем-то определенным. Вот люди, проявляющие какую-то способность в раннем возрасте, могут интересоваться, например, музыкой, если это потом музыканты. Кто-то интересуется спортом, кто-то интересуется компьютером и так далее. Такой несколько разрозненный интерес совсем маленького ребенка потом начинает фиксироваться на определенных каких-то вещах, которые замечаются уже у двухлетних, трехлетних или четырехлетних детей. Что это за интерес? На самом деле, это интерес влечения к программе, то есть к тому роду опыта, который задан изначально Душой перед вхождением сюда. Это несвободный интерес.

— Он уже как бы приобретенный, да?

— Это зафиксированный интерес или некая энергия, ведущая человеческое существо к получению того опыта, который он здесь предполагает получить. То есть это не чистый интерес, это не интерес ко всему со способностью выбирать то, что интересно. Там нет выбора, как и вообще у всего, что находится в программе. Есть четкая программа.

— Но в рамках программы же выбор есть?

— В рамках программы я бы сказал, что выбора нет.

— Есть борьба. Только за счет борьбы существует программа.

— По крайней мере, если даже выбор и есть, то он подобен тому, что имеет человек, ползущий в узком туннеле. Да, он может отклониться немножко вправо или немножко влево, но никак не может выйти за пределы туннеля.

— Это обеспечено программой.

— Совершенно верно. Выбор есть только в рамках этой трубы, по которой ты ползешь.

— Это как компьютерная игра, в которой есть какие-то герои. Ты можешь с этим героем поиграть или с другим…

— Но интерес в чистом виде — это уже свойство того, кто имеет выбор.

— А как понять, это интерес программы или интерес моего личного выбора?

— Ну, я могу тебе сказать, что если ты «спишь», то ты пришел с программой дуальности и это не есть выбор. Выбор уже сделан, ты пришел с этой программой

и эту программу просто осваиваешь. А сама программа подобна этому туннелю. В рамках ее есть некие вариации, но ты не можешь выйти за пределы туннеля, в котором движешься. Поэтому требовать от кого-либо что-либо бессмысленно, так как человек действует согласно программы, которая у него есть. А вот осознание этой программы в самом себе дает тебе возможность очень широкого выбора и уже интереса, не фиксированного программой выживания.

— Получается, что если человек «спит», у него работает только программа выживания и всё?

— А что еще? На то и сон.

— Печально.

— А что печального-то? Это как птица села на дерево и опечалилась, что у нее крылья: «Как печально, что я летаю». Или муравей горько заплакал: «Почему у меня ножки и я бегаю всё время и тащу чего-то?» Рыба заплакала: «Что же я плаваю всё время?» Ну, это абстракция. Но на самом деле это что? Есть то, что есть. Ты же не переживаешь, что ты, например, не щука?

— Нет. Я понимаю, что не вижу программу, то есть я сплю и мне хорошо. Мне в ней хорошо, просто я ее не вижу.

— Да.

— Поэтому я живу, и мне хорошо.

— Да, ты можешь плакать по поводу того, что ты не птица и ты не летаешь.

— Но может быть и хреново.

— И всё равно ты не видишь.

— Ты доволен этой хренью…

— Также, как и не доволен.

— Ты можешь общаться с такими же и говорить: «О, это такая фигня. Всё одно и то же».

— Это опыт. И до тех пор, пока ты этот опыт не пройдешь, ты не можешь перейти, скажем, к следующему опыту. Но этот опыт нужно исчерпать. Поэтому это не вопрос, нравится тебе или не нравится, а вопрос набора опыта.

— Это всё равно, что вороны собираются, выпивают полбутылки водки и начинают обсуждать: «Как хорошо было бы, если мы были рыбами. Мы сейчас не сидели бы здесь, не махали бы крыльями. У нас были бы большие, цветные плавники».

— И мы бы пили в свое удовольствие.

— «И воды кругом было бы много...» Человек на самом деле очень интересное существо, он может развлекать себя всякого рода галлюцинациями. Но к самоисследованию это не имеет прямого отношения.

Хорошо. Пожалуйста, кто еще хочет сказать?

— Можно я? Пока сидела, я осознала свою проблему. Хочу ее решить. Мне нужно умение слушать. Во мне две части борются. Одна часть, которая хочет высказаться, и другая часть, которой надо слушать. Она хочет слушать, а другая часть мешает. Раньше я находилась под влиянием той части, которая хочет говорить. Я была подвластна ей, чувствовала состояние желания той части и шла у нее на поводу. Из-за этого у меня было напряжение и я постоянно находилась в состоянии «раздрая». Теперь я понимаю, что эту проблему мне надо решить, чтобы ее успокоить. А почему она всю жизнь хочет высказываться?

— Человек сидит и пьет, пьет, пьет. «Пойдем пописаем», — другая часть говорит. «Нет, мы будем пить», — говорит первая и продолжает пить. «Ну, пошли писать». Писаем, писаем, писаем. Та говорит: «Пойдем пить». — «Нет, будем писать». Писаем, писаем, писаем. Смотри, как ты интересно ставишь задачу. Говорить и молчать. О чём говорить, не очень понятно, о чём молчать — тоже.

— Говорить о тех вещах, которые здесь говорятся. Если проводится самоисследование, то я, естественно, получаю какие-то результаты.

— Нет, неестественно, совершенно неестественно.

— Ну, пусть неестественно.

— Ты можешь сидеть здесь и ничего не получать. Ты можешь говорить здесь и ничего не понимать. Если ты считаешь, что от нахождения здесь ты уже приобщаешься к самоисследованию, то это не так. Самоисследователю нужно разбираться, и тогда становится очень важным именно то, о чём ты говоришь, а не просто молчишь ты или говоришь. Все люди молчат и говорят…

— Получается, что мне важнее то, что говорит другой. Для меня это главнее, а результаты свои, которые я получила…

— Если так, то тебе будет счастье смотреть телевизор. Ты села, включила и там всё время кто-нибудь что-то говорит. Ты слушаешь, слушаешь и тебе кайфово. Эти одно рекламируют, те — другое. Потом еще какие-то появились, всё время все говорят. Тебе ведь без разницы, кто и что говорит?

— Нет, есть разница.

— Но ты же этого не говоришь, это я почему-то говорю.

— Просто кажется, что это важнее на данный момент.

— Если тебе важно просто или слушать или говорить, значит, у тебя всё решается за счет телевизора. Если ты считаешь, что сейчас тебе важно слушать, то ты включаешь телевизор и там есть кому говорить, а ты его слушаешь. Потом ты вдруг чувствуешь, что тебе надо начать говорить, тогда ты выключаешь телевизор и начинаешь говорить. В чём проблема?

— Проблема в том, что я сегодня была в таком состоянии. Для меня это чудо, конечно. Я получила результат очень важный и значительный для меня. Это именно то, что касается работы. Когда я дома находилась, у меня было состояние, что чудеса бывают на каждом шагу и они настолько обыкновенны, но от этого их чудесность нисколько не меняется. И я хотела поделиться этим состоянием. Но когда пришла сюда, у меня состояние сменилось и я не могу уже рассказать о том. На данный момент мне кажется, что это имеет не то, чтобы какую-то неважность, нет, это очень важно, но какой-то запрет стоит, и я не могу это повторить. Силы духа у меня не хватает, чтобы это рассказать…

— Неинтересно другим?

— Неинтересно уже себе. Хотя я понимаю, что это очень даже интересно, возможно и другим это будет полезно, поскольку мы же тут работаем.

— Так тебе полезно или другим полезно?

— Мне полезно.

— А что тебе полезно?

— Идет эта работа, идет отклик, появляются и проживаются какие-то вещи. И что я на сегодняшний день узнала? Оказывается, я это знала… я познала любовь к Богу. Зря я стараюсь быть только хорошей девочкой, боюсь какие-то плохие поступки совершать. И тут вышло, что изначально я знала, что греховна. И то, что я живу, уже грех. Выступила моя религиозная часть. Я воспитана в атеистическом духе, и я не думала, что какая-то религиозность во мне есть. А сейчас эта религиозность-то и выходит. Эту любовь к Богу я познала через отца. В этом плане получается, что я уже принадлежу Богу. Я как бы дала обет верности, я практически монашка. И почему-то я после этого живу мирской жизнью. Получается, что я совершаю великий грех. И у меня чувство страха от этого, ведь я совершаю преступление, фактически, предаю Бога. Отсюда страх жить. Очень хочется скрыться, спрятаться.

— Смотри, ты дьявол.

— Да, получается, что дьявол. Хочется спрятаться, чтобы Бог меня не увидел и не поразил меня.

— А ты втихаря, без согласия Бога здесь занимаешься?

— Получается так. Я думаю, что без согласия Бога я совершила преступление.

— То есть ты кайф от запрета получаешь?

— Сказано же, что жить — плохо. Вот я и рассказываю процесс своего самоисследования. Это еще не конец. А на самом деле жить-то очень интересно оказывается. Хотя мне…

— Грех жить.

— Что-то в этом постыдное есть, жить вообще нельзя. И недоверие какое-то Богу идет. Почему? Получается что жить, на самом-то деле, хорошо. Почему тогда жить — грех? И тут я начинаю понимать, что раз я уже соединена с Богом, значит, я здесь оказалась с согласия Бога. Бог меня послал, он разрешил мне находиться здесь.

— А что еще он тебе разрешил?

— Жить разрешил.

— Жить-то как? Жить хорошо или жить плохо?

— Жить-то, конечно, хорошо.

— А как хорошо? Как он тебе сказал жить? Он тебя послал и как сказал жить?

— Познать высшие формы этой… любви.

— Видишь, он тебя послал, а инструкции-то у тебя четкой нет.

— Инструкции четкой нет.

— Вот отсюда и тяжело.

— В том-то и дело, я же забыла всё. Он может и давал инструкции какие-то, но я не помню. Я даже не помнила того, что он послал. Ладно, что хоть это я вспомнила, что он меня сюда послал.

— Посланец.

— А с какой целью?

— Я поняла, что он послал меня для получения опыта мирской жизни. Значит, этот опыт ценится. Бог ценит этот опыт, значит, ему этот опыт нужен.

— То есть ты нужна.

— Богу нужен этот опыт, но тогда опять-таки возникают вопросы: «А почему ему этот опыт нужен? Он что, не совсем совершенен, что ли? Значит, ему еще надо совершенствоваться?»

— Значит, ты круче Бога.

— Нет, я не круче Бога.

— Из любви к Богу он послал тебя туда, куда не мог сам дойти.

— У меня нет соревнования с Богом. Есть согласие с Богом, я люблю Бога, я его почитаю, ценю. Мне радостно от того, что есть Бог, что я нужна ему, полезна.

— Видите, как различны миры людей.

— Да, очень. Я утром удивилась, когда увидела свой мир. Оказывается, там настолько всё серьезно! Не дай бог, если кто-нибудь засмеется. Это уже предательство. Это государственная измена, и самые веселые сидят в тюрьмах.

— Преступники пожизненно.

— Настолько всё серьезно должно быть, и если договорились, то шутить нельзя.

— Нельзя шутить.

— Расскажу случай сегодняшний, показательный такой. Это тоже результат моих открытий. Поскольку сегодня холодно, муж мне предложил: «Я приеду в обед, отвезу тебя…»

— В тундру.

— Он приезжает, обедает, и я ему говорю: «Поехали». Он говорит: «А я обещал, что ли? Мы с тобой договаривались?» Я сразу рассердилась: «Как это так, мы же договорились?! Ты со мной больше так не шути, со мной шутить нельзя». Он спрашивает: «Почему нельзя шутить?» Я сама себе говорю: «Стоп. Почему нельзя, на самом деле?»

— Бог запретил.

— Да.

— Ты же нам уже сказала: «Бог мне запретил шутить».

— Потом подходит время выезжать, я уже осознала это всё и ему говорю: «Ну, что, я тогда поехала сама? Ты не повезешь меня?» Я уже подошла к нему с принятием, не сердясь. Он говорит: «Да, езжай сама». Но в итоге он быстренько вышел и сказал, что ждет меня в машине. И говорит: «Ты там не рассусоливай». Я говорю: «Раньше я бы на тебя обиделась за это, потому что так со мной нельзя говорить, со мной надо как-то по-другому обращаться».

— С почтением надо обращаться.

— С Богом так нельзя. Богу — богово.

— А мужу — мужнино. Смотри, ты сейчас стала говорить, что это людям полезно. Тебе интересно, как люди это воспринимают или тебе просто нужно проговорить?

— Мне интересно, да.

— Можешь спросить тогда у кого-нибудь.

— Вам интересно?

— Да, я не слышал такого. Мои представления очень сильно отличаются и поэтому мне интересно.

— Интересно увидеть другую реальность?

— Да. Это же другой мир.

— Вот что ты в этом мире можешь найти? Тебя приглашают в этот мир. Ты что там будешь делать, если сможешь зайти туда?

— Мне кажется, что там страшно.

— Да, страшный мир.

— Там почти совсем нет места для смеха и радости. Там страшно, строго, там всё подчинено страху.

— Богу всё подчинено.

— Да, страшному Богу, который преследует, который очень строго на тебя смотрит каждую минуту. Ты даже в туалет не можешь пойти спокойно.

— Но если ты идешь в туалет, то понимаешь, что это Богу надо. То есть Бог хочет писать, и только из этого состояния ты можешь ходить туда.

— В итоге я перевела всё это в шутку и увидела, как муж прямо на глазах изменился. Он всегда такой серьезный, а тут начал шутить, смеяться. Едем, и он говорит: «Надо тебе шапку хорошую купить».

— Еще и подарки дарит.

— Только играй роль смешного, а он будет смеяться.

— Я разрешила ему шутить над собой.

— Поняли, как стать любимой женой?

— В твоем мире нельзя ни над чем шутить. Но посмотри, они все тут заходятся от смеха. И как тебе это? Как это для твоего мира? Смотри, как заливается несчастная Петрова.

— Я после источников расслабилась, отдохнула. И когда Антон выступал, я услышала очень много схожих моментов в плане запретов. А тут у меня такое

ощущение, что я какую-то страшилку начала читать. Наступило состояние, когда я не знаю где я и кто я. Наверно, я Бог терпения.

— У меня тоже есть зацикленность на серьезности, но тут круче, чем у меня.

— Она непосредственно связана с Богом. Всеми действиями руководит Бог, и всё это есть обоснование ее нахождения здесь.

— То есть я проснулась.

— Только зачем тебе нужно то, о чём я говорю? Вот это я никак не пойму. Скажи, каким образом в твоем мире применить это самоисследование?

— Пинт интересуется: он-то там что делает и где присутствует?

— Мы выходим на тот момент, о котором я говорил сегодня. Миры каждого человека совершенно различны. Иногда там такие вещи, что мне там делать особо нечего. Но при этом почему-то получается, что я там в какой-то роли нахожусь.

— Я при этом и говорю, что мне надо быть в роли слушателя.

— Зачем тебе слушать это? Я вообще не очень понимаю, а ты мне никак не можешь объяснить, что я там делаю? Я-то на какой вакантной роли там нахожусь? Тебе это зачем?

— В моем мире Вы в роли Солнца, чтобы освещать дорогу, по которой я иду. И чтобы мне стало теплее. Не только чтобы светлее, а чтобы еще и теплее стало.

— Вот так вот. Видите, как непросто?

— Почему именно на роль Солнца? Потому что солнышко всем светит одинаково.

— Здесь оно тебе только будет светить.

— Почему мне только? Оно всем светит. Оно светит просто потому, что оно светит. Мне и желать не надо, мне для роста нужен солнечный свет всё равно.

— Не очень ясно, что говорится, но оно светит и этого достаточно. Смех смехом, но получается, что неважно то, что говорит, а важно то, что светит.

— То, что чувствует человек при этом.

— Он просто чувствует это тепло, не вдаваясь в подробности того, что говорится.

— Да, я пыталась всё это понять. Но оказывается, что не столь важно то, что говорит Александр Александрович, а важно, как на меня влияет то, что

он говорит. И благодаря тому, что он просто говорит, во мне начинаются изменения. И эти изменения удовлетворяют мои запросы.

— Ты проводишь процесс исследования каким-то методом? То есть ты понимаешь, о чём Александр Александрович говорит? Или ты свои исследования проводишь? Как ты проводишь исследования? Если ты говоришь, что не поняла, то как ты исследуешь себя?

— Я же всё равно использую то, что есть: знания, ум. Эти знания я использую, но самое сложное для меня — память. С памятью у меня плохо. Вот эти две части не взаимосвязаны, я их просто-напросто не узнаю, что ли. Когда я нахожусь в одной части, то забываю совершенно про другую часть. И мне сложно проговорить это всё, хотя всё понято, результаты получены. Но увидеть эти результаты сложно. И почему я сейчас сижу и говорю? А чтобы зафиксировать свой результат. Потому что я могу сколько угодно описывать это, но если я не проговариваю, то получается неэффективно. Оно, в принципе, эффективно до какого-то момента, а потом всё равно нужно как-то реализовать в словах.

— Смотрите, каждый движется по-своему. И попробуй разбери, как это происходит, например, в таком мире, где в понятийном смысле дело обстоит совсем туго. Но при этом же вот оно есть.

— И я поняла, что путь-то мой один: верный, быстрый. Есть короткий какой-то путь, но я его не знаю. Попав на семинар, я не слушаю Пинта, я начинаю первый попавшийся путь. Иду туда. И оказывается, что я не пропадаю всё равно. Я прохожу какой-то свой круг и обратно возвращаюсь туда же. Я возвращаюсь и несколько кругов так могу пройти, пока не осознаю.

— Салия, у меня вопрос. Когда ты говорила насчет дьявола и бога, я не понял, ты их разделяешь или нет?

— Всё было разделено, конечно.

— В смысле, ты сейчас разделяешь? Ты признаешь бога и отрицаешь дьявола или как?

— Нет, конечно. Я сказала, что раньше было разделено, а сейчас я увидела, что то, что я считала дьяволом, мне разрешено. Это не дьявол, это мой способ мышления такой. Я такими инструментами пользуюсь, а ты можешь пользоваться другими инструментами. Может, я люблю лопату, а ты можешь использовать экскаватор.

— Понятно.

— Еще раз подчеркиваю, что пути Господни неисповедимы.

Путь ума и путь сердца

— Такое ощущение, что Салия путь сердца выбирает. Ты не умом идешь, и тебе сложно эти два стула совмещать, сложно сидеть сразу на двух стульях. Но сердце твое чувствует и выбирает те состояния, которые ты здесь получаешь.

— Да.

— Попав в это состояние, ты начинаешь потихоньку что-то понимать. Но ты идешь через состояние.

— А вот проговаривать, выражать чувства мне очень сложно. Я поняла, почему мне так сложно. Это из семьи опять-таки идет. Мне казалось, что в нашей семье всё гладко, что борьбы между отцом и матерью нет. Ведь я никогда не слышала, чтобы они ругались или выясняли какие-то отношения. Тем не менее, эта борьба была, просто она была скрыта.

— Сам факт борьбы является стимуляцией развития интеллекта. Обратите внимание, что отсутствие борьбы не создает почву для развития интеллекта, то есть умения делать различения, умение четко говорить, выражаться и так далее.

— Да, да.

— Поэтому фаза, которую проходит человечество, связана именно с обострением конфликтов, с которыми надо разбираться. Человечество постоянно разбирается с множеством разного рода конфликтов, и это стимулирует интеллектуальную часть. А при отсутствии этого у нас есть самые примитивные представления об этом и всё. И нас устраивает, зачем нам больше?

— Борьба была скрытой. Мама всё-таки боролась, борьба шла за влияние.

— Салия у нас символизирует пробуждающийся интеллект.

— Салия, а что ты чувствуешь? Какие у тебя ощущения внутри возникли?

— Сейчас?

— Нет, когда ты пришла в процесс. Что ты чувствуешь в сердце, в душе?

— Мне жить хочется. Жить хочется.

— А до этого ты не хотела?

— До этого, оказывается, я не хотела жить. Казалось, что хочу, а по факту не хотела. Когда захочешь жить, только тогда понимаешь, что хочешь жить. Это из практики, это можно только почувствовать.

— На фазе ума я ни хрена не понял, что сказала Салия. Честно. А вот на уровне чувств есть какое-то тепло.

— Да, нужно поблагодарить. Всё-таки нужна смелость, решительность, чтобы изложить свой мир. Мир, в котором она живет, ее мир. Нужна смелость прожить эту дуру. Мне хотелось бы тебя поблагодарить за то, что ты делаешь. Хотя, конечно, понимания нет. Видно, что просто за состоянием человек ходит.

— Она наша часть, она что-то отражает в нас же.

— У меня чувствительная сфера тоже была такая. На чувственной сфере я понимаю, что это моя часть, которая меня в другом отражает. Чувственную сферу я на семинаре начала проявлять. Она была только негативной, позитива не было. Здесь пошел процесс, и я начала проживать и другие состояния, не только негативные. Это тоже было начало. Как начало развития интеллекта, так у меня начало развития позитива.

— Зарождающееся сознание, которое еще мало что отмечает. Оно ощущает, чувствует что-то, но ничего не фиксирует и не понимает. Потом появляются некие представления. Если мы возьмем человечество в самом начале, то мы увидим, что там есть представления о боге и дьяволе, молитвы различным богам, богам солнца, луны, ветра, града и так далее. Этих богов тысячи и люди им молятся, чтобы получить что-то. Это отражает уровень их интеллектуального восприятия происходящего. Сейчас уже большинство людей совершенно не устраивают религии, в которых есть бог, дьявол, потому что на них это не действует. Им нужно что-то следующее. Этот процесс существует в человечестве, таким образом, он существует в каждом человеке. Даже сам процесс появления ребенка, который проходит все фазы, начиная от беспозвоночных, позвоночных и так далее, и только в завершении их становится человеческим существом, есть в каждом человеке. И каждый из нас проходит все эти фазы, и все эти слои в нас существуют.

— Я представляю эпоху возрождения цивилизации.

— Салия сейчас отразила мою сторону. Когда я хочу казаться серьезным, то люди всегда внешне реагируют смехом. Они смеяться начинают, хотя я пытаюсь донести серьезные вещи. А сейчас обратная сторона. Салия пытается о серьезных вещах говорить, а я смеюсь. Я переживаю эту сторону, которую она мне отражает. То есть я отразил тебя, а ты отразила меня. Спасибо.

— А я почему-то себя в этом рассказе узнал. Временами в том, что я говорю, такая путаница происходит! Вроде говоришь, но такая каша, что силишься понять и не можешь. И за то, что ты сказала, я сейчас поблагодарить тебя хочу. Твой пример мне будет силы придавать на этом пути непростом. Каждый день об этом говорим, но когда не понимаешь, а что нужно-то, тогда

разочарован. Получается, либо я не понимаю, либо они говорят какую-то ерунду. И вот тогда я просто буду полагаться на сердце и чувства, как ты. И это будет помогать в трудные минуты. Я понял, что мне будет помогать. Я очень сильно этого боялся, но сейчас есть подвижка какая-то, которую я с большим трудом понимаю. Но я чувствую какие-то уголки, грани, песчинки.

— Антон, когда ты первый раз говорил о своем желании сразу видеть всё, то, исходя из своего опыта участия в семинарах, могу сказать, что тут нужно время. Сегодняшний результат дался мне за продолжительное время.

— У каждого своя скорость.

— Да, у каждого своя скорость. Теперь я могу сказать, что для меня — это очень важный результат, я могу сказать, что у меня есть прошлое. Почему страшно всегда было? Потому что я чувствовала, что у меня нет корней. А как дерево может расти, если нет корней? Вот мне и нужно было это прошлое. И если ты хочешь чего-то добиться, ты должен идти и не отступать, несмотря на все сомнения, которые тебя одолевают. Они всегда будут.

— Да, сомнения есть.

— Знаете, когда есть что-то непонятное, неясное, тогда есть и импульс движения к тому, чтобы сделать это ясным и понятным. Но я скажу о ситуации, когда вам всё кажется ясным, четким и понятным. Это не самые лучшие состояния, поскольку у вас нет импульса. И тогда это — смерть.

— Это всё временное, когда всё понимаешь.

— Бывает и затяжное, тогда такая скука начинается!

— Это понимание пропадает потому, что наступает новый виток, а на новом витке опять идет непонимание. Для меня это радостно, потому что ничего не заканчивается.

— Самое интересное — это когда вам непонятно, а чего же вам непонятно.

— Да.

— И тогда наступает состояние совершенно иного рода.

— Я же не знаю, что я получу в конце, поэтому и непонятно.

— Вот когда тебе понятно то, что тебе непонятно, это финиш. А на старте тебе непонятно то, что тебе непонятно. Тебе кажется, что ясно всё. И вот это весьма непростое состояние.

— Страшно, что всё кончится. Если быстро всё будешь делать, то всё кончится. А потом что делать-то?

— У тебя всё начинается.

— *У меня снова начинается.*

— Да, и тебе не надо волноваться.

— *Жизнь-то мне показывает, что я бессмертна.*

— Вот что значит «обрекать ребенка в новое» снова и снова? Мудрец — это ребенок, который прожил жизнь в дуальности и понял это. То есть стал опять ребенком, но ребенком другого рода. А вот состояние, когда ты уже не ребенок, а старик. И для меня вообще характерно состояние, когда чувствуешь себя совсем старым. Переродиться из старика в ребенка очень непросто. Очень непросто.

— *И когда понимаешь, что жизнь-то не заканчивается, а вечно продолжается, то появляется импульс менять. Потому что жить в таком болоте бесконечно не хочется. Я терпела это болото, поскольку думала, что это временно и оно закончится.*

— Хорошо. Абстрактно говорить, что жизнь бесконечна, любовь безгранична — это одно дело. Совсем другое ощущать это в себе. Ощущение идет через интерес. У старика нет интереса, а у маленького ребенка нет ничего, кроме интереса. Это всё фазы, я вам просто показываю две разные фазы. Когда вы говорите: «Я сейчас вижу, что я не понимаю. И впереди такой большой путь», — так я вам говорю, что это замечательно. Да, впереди вы видите путь и вы идете по нему. Это прекрасно. Но этот путь закончится финишем, и на этом финише будет другое состояние. Этот финиш приведет к новому старту. А вот переход на новый старт очень непрост. Но это будет потом.

— *Мне кажется, что смысл фразы о том, что можно увидеть только один шаг, дошел только сейчас. Я вижу, что нужно сделать шаг, чтоб был следующий. Невозможно сделать сразу два шага, и определенное видение будет только сейчас. И не надо задаваться вопросами заранее. Я только сейчас это прочувствовал. А казалось, что я эту фразу знаю и понимаю.*

— Ум ее зафиксировал.

— *Да, умом я понял.*

— А так можно сказать, что у нас эти записи на кассетах вообще все понимают. На них записано, что проговорено. Но они ничего не понимают, они это просто зафиксировали и могут воспроизводить. Это большая разница. Например, сейчас интеллект понимается как словарь. Такой ходячий словарь, у которого что не спроси, он всё скажет. Вот в игре «Что, где, когда» интеллектуалы собрались и вспоминают.

— *Так что, товарищи, флаг вам в руки. Уж если я со своим тупым интеллектом иду, то вам уж сам бог велел.*

— То есть ты нам разрешаешь, раз бог велел.

— Так что тебе бог велел, Салия?

— Велел жить и наслаждаться жизнью.

— Как наслаждаться и как жить? Жить можно в мусорном ведре, например, можно наслаждаться отбросами.

— Жить хорошо и еще лучше.

— Что такое «жить хорошо»?

— И еще лучше?

— Видишь, бог пока тебе ничего сказать не может.

— Испытывает познать высшие формы любви.

— А низшие?

— Высшая форма любви — это счастье, как я понимаю. Я счастлива, я очень счастлива!

— Тогда больше тебя и не увидим. Здесь юдоль несчастных и обиженных, которым бог не дал перед уходом сюда четкой инструкции. Просто сказал: «Идите с богом!» И они пошли.

— Зато мне не нужны инструкции, я могу сама сотворить то, что хочу. Я буду творить то, что я хочу.

— Классно.

— Я буду следить за твоей жизнью. Заголовок в передовой статье: «Салия сотворила сегодня то, что хотела!»

— Что хочу, то и делаю.

— Здорово!

— Бог любит меня. Он разрешил мне всё: что хочешь, то и делай!

— А мужу твоему разрешил? А то придешь сегодня, а муж закроет дверь и скажет: «Бог мне разрешил всё, вот я и закрыл дверь, чтобы ты переночевала под ней».

— А мужа я тоже люблю, как бога.

— Да?

— Да.

— Слушай, какая ты благодушная женщина!

— Почему ты его не слушаешься тогда?

— Я его слушаюсь, я его уважаю, я его люблю.

— Почему ты его обманываешь тогда?

— Я не обманываю.

— Обманываешь ты его. Обманываешь.

— Бог разрешил мне.

— Ты смотри, как она раскрывается! Ну, ты просто солнце!

— Температура повышается.

— У меня очень большой запрос, поэтому я выбрала роль солнца.

— Оттуда поближе к богу.

— Я выбрала солнце, чтобы никогда не теряться. Потому что захотеть, чтобы солнце исчезло, я не смогу. Ведь что будет, если солнце исчезнет?

— Солнце иногда спать уходит.

— Так я же знаю, что оно выйдет. Я дура, что ли?

— Представляете, у меня такая лафа наступила! Можно избавиться от серьезности.

— Ребенок вдруг понял, что всё можно. Всё можно. Вот это первая встреча с родителями. Он расскажет о своем боге.

— Нет, я бога сейчас не боюсь. Потому что я знаю, что бог со мной.

— У меня такое впечатление, что я тебя пригласила, а ты уже выпила.

— У меня ощущение, что я действительно пьяная.

— Пьяная от любви.

— Вторая часть мне говорила, что можно смеяться. Я смеялась, но про себя. Сильно смеялась.

— Над всеми над нами?

— Нет, от радости. Я внутри себя смеялась. Понимаете, это для меня настолько чудесно! Но никто не видит этого чуда. Это только я понимаю.

— Вы не сечете, понимаете?

— Нет, мы видим чудо, сейчас мы видим чудо.

— Нет, ты женщина интеллектуальная, чудес ты видеть не можешь. А у нее сердце открылось, понимаешь? И сердце чувствует, что бог и она едины.

— Да.

— И всё можно, понимаешь? Хотя выражает она это в словах простых и не требующих обмозговывания.

— Это для меня настолько важно, настолько важно!

— Это важно.

— Это итог моей работы. Это я годами нарабатывала, это я одна понимаю. И мне неважно, понимаете вы это или нет. Главное, что я сама это знаю. Будете вы смеяться или не будете, мне всё равно. Ради бога, смейтесь, если хотите. Раньше я сильно боялась стать посмешищем. А сейчас не боюсь.

— Вот так вот.

— Не боюсь, потому что мне нечего бояться.

— Страха нет?

— Страха нет.

— Ты рассказываешь о своей радости. И радуются все вокруг.

— Я увидела единство с богом. Я часть бога.

— Салия, страха у тебя вообще нет.

— Ну, это период такой, он должен пройти.

— Мы как инквизиторы собрались здесь. Вдруг человек с озарением вышел, что Земля круглая. И все сразу: «Кто сказал, что Земля круглая? Ну-ка, давай-ка его сюда!» А он говорит, что всё равно она круглая.

— Да, получается, что время должно пройти, чтобы увидеть какие-то результаты. Это также, как с Землей. Когда идешь по земле, то тебе кажется, что она плоская. А когда поднимешься в космос, то увидишь, что Земля большая и круглая.

— Кажется, что я уже грандиозный, большой и столько всего достиг, что вот-вот должен увидеть! Уже должен тучи разогнать руками и увидеть, что она круглая.

— И что делать с этим хозяйством-то? Ты знаешь?

— Не знаю. Ну, куда-нибудь это сложить. Применить, повернуть против часовой стрелки.

— В карман себе положить, да?

— Нет, не в карман. Может, подарить кому-нибудь.

— Земля, она большая. Земля в два раза больше, чем Луна.

— А сердце-то у бога большое и большие подарки.

— Да, значит заслужила.

— Давайте поаплодируем. Ну, кто хочет продолжить сию тему?

— У меня буквально перед семинаром тоже нечто произошло, я сижу и думаю, рассказывать об этом или нет. А мой ум говорит: «Зачем ты это будешь рассказывать? Вечно ты высовываешься, вечно тебе похвастаться надо».

— Тебе похвастаться надо?

— Я думаю, что нет, хвастаться мне неинтересно.

— Повиниться лучше.

— Да. Смотрю и молчу. И когда Салия вышла, это был ответ на мой вопрос. Я увидела интерес. Интерес в том, чтобы рассказывать то, что я увидела в себе. То есть из интереса мне хочется рассказывать. Я в последнее время рассматривала тему важности и неважности, она проявляется в разном. В основном, конечно, проявляется важность, а неважность сложно увидеть. Сегодня Света ко мне подошла, и я вдруг оказалась в своей неважности. Оказалась там ненадолго, слезы немножко выступили и сразу сбежали почти незаметно. Неважность появилась и исчезла.

А потом мы разговаривали с Ириной. Перед началом семинара она сказала, что мне важно принять свою неважность. И я вдруг увидела ту себя, которая стояла перед Светой. У меня получилось увидеть себя со стороны, увидеть ту, которая была. Я увидела неважность свою, увидела то, чего до ужаса боялась и никак не могла подойти к этому. Настолько было странно и удивительно… Оказывается, она такая очень тонкая, очень чувствующая. Я увидела важность, увидела то, в чём пребываю всегда. Она как машина прет. А неважность — это то, что чувствует живое и настоящее. Вот в таком виде я это увидела. Было удивление и было принятие того, что эта часть нужна и важна, и что это не нечто ужасное, а живое и настоящее. И это не страшно.

— Я могу несколько по-другому сказать об этом. Люди стремятся к какой-то цели. Вот сколько орденов или какой статус или сколько учеников у учителя и так далее. На самом деле — это действительно чисто функция. Функция машины как нечто роботообразное. А есть другое. То, что здесь не считается важным. Это состояния. Что чувствует человек? Это никого не волнует. Волнует только статусность. Так вот что же важное и что неважное? Если чувства — это важное, то вот то, другое, становится неважным. Но тогда мир переворачивается.

— Могу про себя сказать. Когда я с ней говорила, то отметила, что внутри комфортно в районе чувств, в районе сердца. А ум сопротивляется, потому что для него восприятие этих слов было большим дискомфортом. Но при этом он не мог кайфа сердца перебороть, потому что понимал, что не прав. Хоть он пургу и гнал, типа, непонятно, что это такое, но от чувств шел свет, там было нечто искреннее от того света, который естественен. Болтовня мозга перекрывалась,

то есть давался свет туда. И тот успокаивался, забывался, потом в какой-то момент опять просыпался, но уже преобладать не мог надо мной.

Проявить запретное, чтобы увидеть

— Мне тоже кажется, что выйти и говорить, предполагая, что над тобой будут смеяться, это сильно. У меня никогда на это не хватает духа. Я сначала продумываю всё на несколько шагов вперед. Не всегда, конечно, но в большинстве случаев в обычной жизни я рта не раскрою, если не уверен, что говорить буду в тему. А если вдруг меня не услышали, среагировали как-то не так, то это неприятное ощущение неловкости вызывает в душе сильный дискомфорт. Думаю тогда: «Зачем я вообще рот открыл? Стоял бы себе и молчал или сидел бы и кивал головой».

— А ты можешь произвести это впечатление сейчас? Осознанно сделать то, чего боялся?

— Выглядеть смешным и нелепым?

— Да, сделать то, чего ты боишься. Но осознанно.

— Я бы хотел, но я не очень себе…

— А чего ты боишься? Какой реакции ты боишься? Что ты будешь говорить при этом?

— Мне надо, чтобы надо мной смеялись.

— Так ты сделай так, чтобы смеялись.

— Или осуждали.

— Сделай осознанно.

— Не знаю я как.

— Иди на это осознанно. Ты знаешь! Ты же этого всё время боишься и не даешь этому происходить. А сейчас ты дашь этому происходить, но осознанно, вызывая именно ту реакцию, которой ты и боялся.

— У меня есть механизм, как ее не вызывать.

— А вот механизм, как ее вызывать, противоположен.

— Я даже не знаю, что сделать.

— Вот видишь, механизм работает только в одну сторону. А раз он работает, значит, ты знаешь, где надо запрещать. А ты теперь разреши это. Вот то, что ты себе запрещал, теперь разреши.

— Не врубаюсь вообще.

— Вот люди собрались. Ты лектор, ты боишься, что эти люди не поймут и не услышат того, что ты говоришь. Будешь ты каким-нибудь глупым или еще что-то. А ты осознанно иди на это сейчас. Вот люди есть, лектор есть. Давай.

— Что самое нелепое может сделать лектор в присутствии большой аудитории в твоем понимании?

— Пукнуть.

— Забыть текст, перепутать.

— Вот давай, обозначь тему лекции.

— Проблему, да?

— Какая тема лекции?

— Люди собрались, деньги, между прочим, заплатили.

— Есть ли жизнь на Марсе?

— В твоем наряде очень классно рассказывать об элегантной обуви. Итальянская обувь от Версаче.

— Да, об итальянской обуви я знаю очень много, я самый лучший специалист по обуви. Зря смеетесь, потому что нелепо выглядите вы в вашей обуви. Итальянская обувь является самой признанной, самой мягкой и теплой. Опять же есть удобство в перемещении и элегантность походки.

— Подчеркивает вашу женственность.

— Подчеркивает стройность ваших ног.

— Особенно икроножные мышцы.

— Покупая нашу обувь и платя за нее немалые деньги, вы поймете, что она этого достойна.

— Вы будете ее достойны.

— А можно задать вопрос? Из какой кожи сделана обувь?

— Это кожа очень редкого животного. Этот зверь не везде водится, это секрет до поры до времени, вы всё равно не поймете. Я вам расскажу, как оно называется и где выводится.

— Любовь к зверькам меня так задела!

— В принципе, эти животные особенные, они не страдают от того, что с них сдирают шкуру. Потому что шкура сдирается не полностью, а частично.

— Это змеиная шкура. Змея ее сбросила.

— Нельзя уж так назвать змеей…

— Это солитеры.

— Некоторые могут, конечно, себя специалистами чувствовать, но вам нужно поверить мне на слово. Мой вид должен вас убедить в этом безоговорочно. Очень удобная обувь!

— А маленькие дети, совсем маленькие могут носить итальянскую обувь? Сапожок итальянский?

— Да, в принципе, длина ноги маленьких детей должна быть не меньше…

— Для грудного младенца есть что-нибудь? Мы хотим сделать из нашего грудного ребенка топ-модель.

— Да, для маленьких, грудных детей меньше потребуется материала, можно сунуть две ножки в одну и переставлять. Так удобней будет.

— Тогда на двоих детей можно купить одну пару обуви, да?

— Да, это существенная экономия.

— Скажите, а перчатки вы шьете?

— А головные уборы?

— Мы работаем над этим. Мы посмотрим на вашу активность, когда вы достанете ваши кошельки, оценим и потом уже по запросу наших любимых клиентов создадим. Хотите, можете потрогать. Примерить нельзя, потому что это эксклюзив и не подойдет больше никому, так как шьется на заказ. Обувь эта с подогревом в холод и с охлаждением в жару.

— Скажите, она озонирует воздух?

— Да, но только внутри. Почувствовать это может только ваша нога, ну и вы, если понюхаете ее в конце дня.

— А на базе этих запахов вы изготавливаете духи или нет?

— А вот итальянские портянки, я слышал, сейчас очень модны. Портянки от Версаче…

— Этот материал подойдет для портянок?

— Нет, нет, я вас убедительно прошу не использовать эти портянки. Это конкуренты, они делают фальшивые портянки, которые к нашей обуви не подходят. Наша обувь не нуждается ни в портянках, ни в носках. Ногти можете

подстричь, волосы сбрить с ног, в любом случае, вам будет тепло и комфортно в любой мороз и даже в дождь.

— Танцевать в этой обуви чечетку можно?

— Танцевать? В принципе, да.

— А брейк-данс?

— Брейк-данс — это, конечно, для молодежи. В принципе, возможно, но не в первый день ношения. Они гнутся очень элегантно.

— А сколько стоит ваша обувь?

— Дело не в цене. Сколько вы дадите за здоровье ваших ног, удобство и красоту?

— Рубль.

— Слишком дешево как-то оцениваете.

— А какие максимальные партии вы готовы высылать?

— Отгрузку надо согласовать с нашими поставщиками на базаре в Челябинске. Они, в принципе, наша база, на которой и были получены эти чудо-сапоги. Их довольно много, на ваш век хватит.

— Я куплю, если вы изобразите лунную походку.

— А я не хочу, чтобы у всех это было.

— Они же очень разные, бывают серенькие, бывают светлей, бывают в полоску, в кубик.

— Красненькие есть?

— Обязательно. Есть с отворотом, есть пониже высотой, есть на каблуке. Есть для женщин особо модных, для модниц.

— А для спортсменов?

— На шнуровках, пожалуйста.

— Бегать нам надо, мы бегаем всё время. Нам как?

— Конечно, можно и бегать, только медленно. На лыжах вообще никаких проблем. Вы можете разными видами спорта заниматься. Можете коньки привязать.

— А плавать?

— С ластами, например, можно?

— Плавать с ластами можно, для этого нужны особые ласты, опять же итальянские.

— Из чистой шерсти?

— Да, и вы будете себя замечательно чувствовать. Это особенно пригодится вам для плавания в Северном Ледовитом океане.

— А купаться в Крещение? Сегодня Крещение.

— Купаться в Крещение не рекомендовал бы. Где вы будете купаться? В горячем источнике? Замечательная шкурка этого удивительного животного может испортиться.

— А можно посмотреть это животное?

— Нет, нельзя.

— У вас есть животное?

— Там работали генетики, вы не поймете, что это за животное. Вам может стать страшно или неприятно. Хотя это обычное, нормальное животное, просто оно специально выращивается.

— Одноногое животное?

— У него другое название, но вы его можете и так называть.

— Вы их убиваете?

— Нет, я уже рассказывал, что мы снимаем шкурку частично, животное выживает. И ему не больно.

— Его обдирают и отпускают.

— Оно уже привыкло. Это логическое снимание с него шкуры.

— То есть его накачивают наркотой и снимают шкуру.

— Нет, зачем же так? Мы же не звери. Всё под контролем Гринписа. Вот те, кто носит норковые шубки, очень жестокие люди. А при изготовлении наших сапог ни одно животное не пострадало.

— Ваша жена тоже ходит в таких сапогах?

— Да.

— Вы на пару с ней?

— Естественно. Она сначала сопротивлялась, но у нее был выбор: либо норковая шуба, либо вот такие сапоги.

— Это не противоречит крестьянским устоям?

— Нет, абсолютно нет. Итальянцы же католики, и поэтому всё это в рамках.

— А где в Библии сказано, что такое годится?

— А где сказано, что такая обувь не годится? Мы проштудировали это.

— Может, эта обувь от дьявола? Я вам не верю. Прихожане сомневаются.

— Была специально проведена Папская экспертиза, из Ватикана привезли официальную бумагу. У нас есть заключение, подписи и печати. Это всё стоило, конечно, немалых денег. Но вы можете смело покупать.

— Поэтому такие дорогие.

— Да, естественно.

— А Папа там не расписался внутри?

— Да, он участвовал. У Папы тоже есть своя персональная обувь. Папа очень доволен. На нашем сайте вы можете почитать официальный отклик Папы.

— А если я куплю вашу обувь, то как же штаны и всё остальное? Это же потребует полного изменения гардероба!

— Ну, разумеется, наши партнеры по бизнесу готовы предложить вам достаточное количество всего остального.

— А машины? Ведь и машину тогда придется поменять.

— Да. Но в машине меняется немного. На самом деле только педальный узел.

— Убирается?

— Нет, не убирается, а модернизируется специальным образом, вам даже удобнее будет.

— А что лучше к этой обуви подойдет, как вы считаете, джип?

— Это совершенно всё равно, даже микролитражка замечательно подходит. Вносятся небольшие изменения и всё. У вас даже скорость увеличится.

— А вот жену какую мне нужно под всё это?

— Жена подойдет не очень маленькая и не худая. Чем толще, тем лучше.

— А дети маленькие, худые еще пока, они не помешают общему имиджу?

— Нет. У нас есть специальная разработка нашей фирмы, сделанная в этом году. Мы предложили специальные подвязочки, чтобы обувь не слетала с ножек маленьких детей и не терялась. Так как обувь очень легкая, то ребенку удобно ходить и она не потеряется, потому что привязана специальным образом, специальными шнурочками.

— А летом как быть? Эта обувь на все сезоны?

— Конечно, на все сезоны, летом очень даже замечательно.

— Дырочки в серединке есть для вентиляции?

— Есть разные модели: с дырочками, с прорезями. Есть масса всякой обуви для вашего внимания.

— А для пляжа? Мы хотим поехать на Канары и выглядеть современно.

— Для пляжа у нас тоже есть особая модель — пляжная. Она цвета загара. И даже есть интересный момент: носок обуви сделан в виде пальчиков. Вы можете порадовать и повеселить своих близких.

— А жарко нам не будет в них?

— Нет. Всё сделано для вентиляции, опять же, особый материал… Нет-нет, всё замечательно. Конечно, вы можете их иногда снимать, например, когда моетесь.

— Что? Их надо снимать?

— Можете не снимать, даже когда моетесь.

— Зачем снимать красоту-то такую?

— Не обязательно, не обязательно. Есть особые такие тапочки для тех, кто очень полюбил нашу обувь. Ее можно даже при сексе не снимать.

— А сексом надо заниматься? А если нам бог не велит?

— Нет, не обязательно. Опять же, есть лечебный эффект, ведь здесь всё взаимосвязано: ваши ноги в тепле в холодную погоду и в прохладе при жаре на улице. Всё время комфортно, сухо, замечательно.

— А инвалиду без ног? У нас тут есть один, интересовался очень.

— И для них тоже есть. Специальные протезики делаются, и на протезе элегантная обувь.

— А ходить он сможет?

— Ходить сможет, но только под уклоном.

— Не годится. Нам нужно нормально ходить. Так что же?

— Хорошо, мы сейчас запишем и будем работать. Я уверен, что наши дизайнеры, инженеры и механики справятся.

— Вот если бы вы смогли возродить его хождение, то мы обязательно купили бы за любые деньги!

— Смотрите, вам показывают новое течение работы с инвалидами.

— Да, да, я уже намотал на ус, зарубил на носу и процесс уже пошел.

— А если похороны, например. Можно в этой обуви хоронить?

— Естественно. Опять же, у нас есть модели светлые, кремовые, белые.

— А с Господом у вас есть согласование? Вы действуете по воле Господа?

— Естественно, а как же иначе? Папа римский экспертизу сделал, все католики согласились. Сказали, что здесь нет противоречий.

— А кришнаиты? Есть у вас справка от кришнаитов?

— От кришнаитов?

— А вы сами-то веруете? А то всё про обувь и про обувь… А про бога?

— Но мы же здесь собрались на презентацию обуви.

— Не знаю как вы, но мы собрались совсем по-другому поводу.

— Мы вам не мешаем?

— Двадцать минут несет какую-то чепуху, а про бога ни слова. Гони его в шею! Пошел! Пошел отсюда!

— Носи сам свою обувь.

— Гони его, гони!

— Зря вы, между прочим, отказываетесь.

— Он не знает даже, куда попал. Тут собрались ищущие бога, а не обуви. Мы бога ищем. Что ты нам свои валенки навязываешь?

— Вам же лучше будет! Комфорт и сухость, не побоюсь этого слова.

— Пошел на хрен! Двадцать минут времени у нас занял. Гони его, обливай его кипятком!

— За презентацию придется заплатить. Я не обещал вам, что это будет бесплатно.

— Всё, сейчас расправа будет.

*— Так, а мы посчитаем, сколько наше время ст**о**ит.*

— Плюс идея по поводу инвалидов.

— Так что, молодой человек, доставай кошелек, ты нам должен.

— Напрасно всё это. Я-то для вас старался.

— Да? Для нас?

— Ну, конечно, о вашем здоровье, красоте и удобстве заботился. Опять же, если не эту обувь будете покупать, а кожаную, натуральную, то из-за вас будут погибать зверьки, маленькие и красивые.

— Бей его, христиане! Это антихрист. Он нас смущает материальным. Но нас не смутишь материальным, мы бога любим. Салия, мочи его!

— Слушай, а можно шире заказ сделать?

— Сатана!

— В мусульманской религии есть поверье, что в ад можно пройти по мосту, который тоньше волоска и острее бритвы. Мне — валенки для перехода.

— Придется заказать, гарантий мы не даем.

— Врет он всё! Просто хочет нам залежалый товар продать. О боли ничего не говорит. Сатана! Гони его!

— Изыди!

— Между прочим, вся великая Россия, если вы знаете такое государство, носила веками именно эту обувь.

— А при чем тут Италия?

— Он врал нам, нет у него никакой Италии!

— Он из Челябинска.

— Даже форма Италии осталась от этого сапога.

— Лучше скажи, что в Челябинской области есть район Италия!

— Да, маленькая Италия, зеленый рынок.

— Размером с сарай маленькая Италия и там всё это лежит и воняет, и вы решили от этого избавиться.

— Нашел дураков!

— Сейчас мы тебя сожжем во имя бога нашего. Да, Салия?

— Очень хочется.

— Поджигай!

— Хоть бы доброе слово кто-нибудь сказал в мою поддержку!

— Нет тебе поддержки, ты — сатана! Тебе не нажиться на нас.

— Мы над тобой смеялись, тебе хорошо было в этом?

— Нет, я не чувствовал себя комфортно.

— Почему? Ты очень хорошо играл.

— Временами я чувствовал вашу доброжелательность и дурачиться было нормально.

— Видишь, ему нужна доброжелательность.

— Да, нужно принятие. А если непринятие, то всё как бы гасится.

— А вот мы как пятидесятники.

— *Баптисты.*

— Мы баптисты.

— *Если в этот момент люди близкие, которым доверяешь с первых дней, то тогда легче.*

— *С чего ты взял, что я доброжелательная?*

— Кто тебе сказал, что она тебе близка?

— *Я понимаю, что это отражение.*

— *Может, я не желаю тебе добра.*

— *Салия, ну, ты же бог.*

— *Ты среди близких и поэтому ты понимаешь, что чувствуешь.*

— *Приехал тут из столицы, видите ли, дурачится и дурачится.*

— *Среди близких попробуй осознанно подурачиться.*

— А ты бы их завел, чтобы они ругали тебя.

— *Нет, он боится агрессии.*

— Так тебе этого и надо, ты бы сразу вышел в роли коммивояжера. А то ты как миссионер, который в Африку приехал и начал про бога рассказывать. А они там жрут друг друга.

— *Они кричат, что хотят и будут жрать друг друга.*

— Они хотят сожрать, а ты про бога говоришь. Тебе надо роль-то другую выбрать.

— *Выбрал он привычную роль, доброжелателя выбрал.*

— Да.

— *Спасибо, Александр Александрович!*

Глава 5. Осознание конфликта противоположных сторон

Ревность как часть игры, создающая возбуждение

— Так, пожалуйста, кто начнет? Зачинатели есть? Пленочка-то идет, она дорогая нынче, а никаких духовных разговоров не ведется.

— Вчера, когда на эти два стула выходил, была затронута тема ревности. Есть намерение на эту тему говорить. Она звучала на семинарах не один раз, но до конца еще мне не ясна, раз до сих пор меня беспокоит. Есть желание вернуться к этому.

— Давайте вернемся. Желание клиента — закон. Есть у нас тут ревность воплощенная?

— Ревность ходячая кто?

— Перед самым занятием увидел, что отношения с женой у меня в течение многих лет, практически, никакие. Не было, можно сказать, отношений.

— Как это у тебя не было отношений? У тебя были отношения.

— Назови их точнее, они со знаком минус. Как они назывались? Как ты их назовешь?

— Мы не общались. Живя под одной крышей, мы практически не разговаривали друг с другом.

— Не дрались, не пили вместе.

— Не дрались. Общее хозяйство — это у нас дом в деревне с огородом. Мы вели его своеобразно: если едет она, то я не еду. Потом я приезжаю, она уезжает.

— Такая вот семейная жизнь!

— Вахтовый метод.

— Но дом не оставлен.

— Да.

— В этом есть какая-то гармония.

— И тут, буквально перед Новым годом, у нас произошло некое сближение, снова отношения сексуальные возобновились. И я побаиваюсь, что и ощутил перед

этим занятием, что мне снова придется объяснять, где я был, что делал, с какими женщинами встречался и…

— Сколько раз.

— *Возможно, спал.*

— Ел вместе, спал, играл в кубики.

— *Такой страх идет.*

— Вот видите, как оно? Вместе с сексуальностью приходит и другая сторона. Хотите сексуальности?

— *Отчет нужно держать.*

— *Да. Мне нужно будет отчет давать.*

— *Объясняться.*

— Так что лучше не иметь этого.

— *Сексуальности, да?*

— Да.

— *Прямо в зависимость попадаешь.*

— Ну и что? Где проблема? Да, они ходят вместе.

— *То есть у тебя есть страх перед этим объяснением?*

— *Да.*

— *А можешь ли ты почувствовать интерес к этому страху? Собственно говоря, разговор ты и заводишь, имея этот интерес. А чего страшного-то?*

— *Посещая семинары, я практически в это время уже не разговаривал с женой. Она почти ничего не знает о холистической психологии вообще.*

— *Может, она делает вид, что не знает? Ты же всё равно слушаешь кассеты, читаешь книги, они же дома есть.*

— Она подслушивает.

— *Ну и что? Это я слушаю, я эти книги читаю, а не она.*

— *Ты думаешь, что она эти книги никогда не брала в руки? Например, когда тебя дома нет.*

— Брала их и рвала.

— *По крайней мере, я лично не знаю.*

— *На эти книги у нее шел негатив, поэтому негатив был и на него. Соответственно, и интереса не было.*

— Я увидела, что это мой внутренний страх, который я всегда проецировала на мужа. То, что муж боится или запрещает мне — это мой внутренний страх. Я сама боюсь этого внутри себя, и он ощущает мой страх.

— Вот смотрите, тогда к чему ревность на самом деле? Что такое вообще сексуальные отношения, которые порождают ревность? И к чему эта ревность? Только ли к женщине? Или к книгам, к работе и вообще к тому, как ты дышишь и чешешься, например.

— Ко всему.

— Да. Это мое, оно мне доставляет удовольствие. Будьте любезны вести себя так, чтобы мне это доставляло максимальное удовольствие. «Мне не нужно, чтобы ты читал книги, мне нужно, чтобы ты сидел и смотрел на меня всё время и говорил о том, какая я прекрасная».

— Вот это я постоянно проявляю во всех областях. «Это — моё! Это я так сказал!» И я проявляю ревность, если не по-моему или не так, как я этого хочу. Если это касается девушки, то она не должна смотреть вправо или влево. Я есть, и смотри на меня.

— Даже когда она идет, она под ноги не должна смотреть.

— Нет, она на меня должна смотреть.

— На тебя только.

— В рот мне заглядывать.

— Смотреть, как я улыбнулся.

— А ты за двоих будешь смотреть под ноги и ее водить. Тогда ей глаза завязать надо, будет инвалид этакий.

— Нет, лучше как кенгуренка посадить в мешок и чтобы только на тебя смотрела.

— Надо, чтоб сексуальность вообще никак не проявляла, чтоб была одета целомудренно.

— В паранджу.

— Нет, паранджи не надо.

— Тогда она перестанет возбуждать и интерес исчезнет.

— Вот-вот.

— Она должна быть удобной, карманной, чтобы достать, попользоваться и обратно убрать.

— А еще лучше, если этот карман в трусах. Тогда при тебе навсегда.

— *Опять ноу-хау.*

— *Лучшая женщина!*

— Лучшая женщина — это тогда твоя рука. Вот мы и пришли к древней традиции.

— *Но чувств таких нет.*

— Ты ее вытаскиваешь, а она: «Ой, какой ты прекрасный и красивый».

— *Восхищения нет.*

— Как это нет? Ты озвучиваешь, ты сам и озвучиваешь.

— *Это не сравнимо. Игры нет. Мне нужны эмоции, мне игра нужна.*

— *Зато она будет выполнять то, чего ты хочешь.*

— *Нет, там творчества нет. Самому с собой неинтересно. Разочарование.*

— Возбуждения нет.

— *А мне по факту нужно возбуждение.*

— Так вот смотрите, ревность и нужна для возбуждения. Поэтому неспроста говорят: «Ревнует, значит любит». Если не ревнует, значит, не любит. Вот и вся любовь трехмерная.

— *Значит, Юра боится, что его жена будет любить трехмерно.*

— Он боится, что волноваться начнет, он же человек спокойный. А вдруг потеряет спокойствие? Будет волноваться, возбуждаться, искать удовлетворение.

— *Из трехмерной любви к четырехмерной хочет перейти.*

— Если она возбуждает, то ты уже спокойным, умиротворенным таким, как Толстой в могиле, не будешь.

— *Толстой откуда появился? У него жена была стерва ревнивая.*

— *Кому рассказываешь? Толстому.*

— Он знает жизнь Толстого лучше, чем свою. И ему не надо рассказывать. Сам Толстой-то был мужик крепко нервный.

— *У него были крепкие нервы.*

— Так что смотрите, всё это идет вместе. Возбуждение, в широком смысле этого слова, это когда в тебе возбуждается всё, психика вся возбуждается. Но тогда вы будете иметь напряжение, которое потом выбрасываете в сексуальном акте, правильно? Если вы не имеете этого напряжения, то и секса нет. Очень агрессивный мужик сбрасывает свою агрессию через сексуальный контакт. И женщина, такая же агрессивная, сбрасывает это через истерику, которая является

способом возбуждения. Кстати, оно может даже не касаться сексуальности. Вот они орут, бьют друг друга, что-то там кричат — это такое же возбуждение, просто оно не проявляется через сексуальность. Но возбуждение как принцип остается. Так вот ты, очевидно, волнуешься, что придет это самое возбуждение.

— Это возбуждение Юра хорошо знает, в молодости оно было и приносило массу негатива. Да?

— И массу хлопот.

— И когда ты освободился от этих, можно сказать, хлопот бесконечных, нервотрепок, они снова маячат на горизонте.

— Я тоже достаточно эмоциональный человек, мы общаемся с ним практически каждый день по телефону.

— У вас не ставится этой цели, понимаете?

— Это другое, да.

— Жена — это другое.

— Мы партнеры как бы.

— Вы обсуждаете, исследуете. Это другое.

— Это тот страх, Юра, который у тебя раньше был, когда тебе что-то надо, а тебе отказывают. От этого идет возбуждение. Это то, о чём Антон говорил. Страх перед прошлым.

— Да, чем больше отказ, тем сильнее этого хочется, просто еще сильнее тянет.

— Правильно, это и есть способ возбуждения.

— Борьба получается.

— Да. Почему у женщин работает принцип не давать, тянуть что-то? Это их способ, это игра, которая проявляется. Но это и есть возбуждение. Вам нужно это? Тогда, пожалуйста, входите. Но тогда всё нужно. И ревность нужна со всеми этими слежками, потому что это часть игры. Вы не можете ее убрать. Если вы ее уберете, игра исчезнет.

— Тогда получается, что часть этой игры заложена в Юре. Если он боится этого, значит, пытается стимулировать это.

— Да. Боится, значит, хочет. Он всё это дело отставлял, но это не значит, что прожил. Оно опять возвращается. Пока не проживешь, в сторону это не отставишь, оно всё равно рано или поздно придет.

— Ну, что? Будем проживать? А что так загрустили все?

— Юру жалко.

— Это тема общая для всех.

— «Юра, ты на меня только будешь смотреть!» Каждые десять минут жена будет звонить и спрашивать: «Ты где?» — «Я здесь! Духовно развиваюсь». — «С кем это ты духовно развиваешься? Сколько здесь женщин?»

— Фотографию общую отправь ей.

— Покажи, сколько здесь блядей!

— Она-то знает, что все женщины — бляди, поэтому сразу и спрашивает: «Сколько их?»

— Юра — ты кобель! Мачо! И в этом свой кайф.

— Будут приходить женщины. Это же надо наиграться.

— Образ этот тебе известен. Жена выталкивает тебя на роль, которая тебе, на самом деле, интересна. Всем мужчинам интересна роль этакого мачо, когда женщины от него без ума. Это нормальное желание мужчины. Это есть у всех, начиная с маленького мальчишки, за которым бегают пять девчонок. Ох, как классно! То есть это нормальное желание. Ты можешь этот образ проиграть, например, сознательно и получить еще кайф от этого.

— Нет, никакого особого кайфа не будет, извините. Будет ревность, всё это будет как необходимые атрибуты. И с кайфом это хрен получится.

— Вот я и предлагаю теперь сознательно идти.

— Я просто предлагаю видеть сразу две стороны. Чтобы получить кайф от того, что писаешь, нужно пить. Вот когда вы пьете, тогда вы будете писать. А если вы не пьете, то писать вы не будете. Это две вещи, которые взаимосвязаны.

— Правильно, но кайф от страданий в этом образе он уже имел. И страх закрепился. А теперь вторую сторону давайте проживем.

— И она также будет сопровождаться негативом, никуда от этого не уйдешь.

— Замечательно! Но к этому негативу, в принципе, герой уже готов. Роль-то прописана.

— Я не уверен, что здесь вообще есть такие вещи: готов или не готов. Оно приходит и ты никуда от этого не уйдешь, вот что самое интересное. Нет такого, что тебе звонят и спрашивают: «Ты готов?» Оно приходит и всё.

— Оно придет, и если степень осознания позволит, то можно прочувствовать всё.

— Осознание позволит пройти это быстрее, просто наблюдая за этим. Но это будет весьма драматично. В любом случае это будет драматично, то есть осознание только даст возможность увидеть и различить некие вещи. Но различать тоже совсем не просто, между прочим. Это я к вопросу о кайфе.

— На самом деле сейчас у него четко определен страх, он его чувствует и знает. И если его спросить, то он про этот страх расскажет. К этому страху сейчас уже можно подойти.

— Любой страх есть возбуждение. Вот люди здесь проходят возбуждение сексуальное, эмоциональное, ментальное и так далее. Но это всегда возбуждение. Сам страх и есть возбуждение. Если ты не боишься, то ты как бы и не возбужден, ты спокоен всегда. Но здесь, в реальности дисгармонии, именно страх и является движущим мотивом. И он не спрашивает: «Позвольте мне, так сказать, проявить себя». Он просто проявляется через тебя и всё. Здесь нет выбора, вот в чём дело.

— Нет выбора для человека, который не понимает, что такое дуальность. А человек, который понимает дуальность, который видит эти два стула, может рассказать о своем страхе и увидеть, чего именно он боится. Рассказав всё детально, он этот страх опредметит.

— Да, ты можешь это проделать сейчас, используя два стула.

— И тогда он готов пройти это. Сейчас каждый что-то дополнит, что-то ему покажет или Юра сам поймет, чего же он так боялся. И это окажется мыльным пузырем. Тогда и страх этот уже не страх.

— Это не исключает того. Я описываю то, что есть, и оно совершенно не противоречит тому, что ты говоришь. Можно сесть на стулья, можно это проговорить и увидеть, каков уровень, какова интенсивность страха и так далее. Насколько это требует реализации физической? Это другой вопрос. Вот есть одна часть, которой этого хочется и другая часть, которая этого боится.

— Ну, здравствуй, дорогая, я приехал с семинара холистической психологии.

— Чего же более?

— Здравствуй. Рассказывай, как и что. Что за семинар? Что делали, какие вопросы обсуждали? Как время проводил?

— Семинар — это то место, где собираются разные люди, мужчины и женщины. Они обсуждают проблемы, которые у них есть в жизни. На семинар приезжают те, кто уже определился с главным направлением своего пути и пытается получать новый опыт в жизни.

— Мне не очень понятно, о чём ты говоришь. Скажи, там женщины были?

— Да, были женщины. Каждый день в пансионате мы общались. Помимо занятий, общение было и в гостинице, где мы жили.

— Ну, и как вы общались? По ночам, наверное, тоже общались?

— Я жил в номере с мужчинами, нас трое было. По ночам мы с Антоном плавали в бассейне. Там источник горячих вод, такое уникальное место, где под открытым небом можно плавать. Еще вода минеральная тоже своеобразная.

— Это всё хорошо. А на кого из женщин ты глаз-то положил?

— Там было много симпатичных женщин. Я не скажу, что мне никто не нравился, мне многие очень нравятся чисто внешне. Но отношения наши были чисто партнерские и мы решали те проблемы и вопросы, которые нас и привели на семинар и которые нас интересуют больше всего в жизни.

— Ну, а на мои интересы как ты смотришь? Они у меня ведь тоже есть. Мне нужно, чтобы ты был дома, чтобы в семье у нас было всё хорошо. Квартира давно уже требует ремонта, сад, огород давно заброшены. Мои-то интересы ты собираешься учитывать или вообще разойдемся? Зачем мне такая жизнь?

— Все эти годы мы с тобой жили как чужие люди. На семинарах я и занимался тем, чтобы мы смогли найти общий интерес. То, что я делал для себя, я делал и для тебя тоже. Для этого мне нужно, чтобы ты вошла в этот интерес и чтобы он стал нашим общим интересом. И я сейчас уже готов рассказать тебе о том, что за это время узнал, понял, прочувствовал, пережил, если ты готова это слушать и как-то вникать в это.

— Ну, давай, начинай рассказывать, я послушаю.

— Вот здесь надо прочувствовать напряжение, которое идет от нее, а то всё хорошо.

— На самом деле ничего хорошего. Ей наплевать на его духовное развитие. Она заявляет, что если ты хочешь со мной быть, то будь любезен, квартиру смотри, сад окучивай. Вот это ее интересы. Ее совершенно не волнуют его духовные искания.

*— В этот момент любая женщина задала бы вопрос: «А сколько вообще это ст**о**ит? У нас квартира обвалилась, у меня нет шубы…»*

— То есть её это не интересует. Если ты со мной хочешь быть, то ты мне принадлежи и делай то, что я тебе говорю. А вот это всё нам не надо.

— А вот смотри, Юра, два человека живут в многолетнем молчании. На это далеко не каждая женщина способна. Если бы ей это всё надо было, то она

бы, наверное, орала и визжала. А она молчала. Это ее протест, но выражен несколько в другом виде. Насколько ты сейчас передавал ее интонацию? Она действительно так спокойно с тобой бы разговаривала или более эмоционально? «Сколько там было женщин? Почему всё это без меня! Зачем ты уехал?» Вот ты сейчас очень спокойно это передал. В принципе, проблемы как бы и нет.

— Как это проблемы нет? Это ты не видишь проблемы. Проблема как раз очень четко обозначена. Ей совершенно наплевать на его духовные искания. Первое, что она спрашивает — о женщинах. То есть она сразу вводит в конфликт. Она уже предполагает, что он с кем-то чего-то, а на нее как бы плюет. Потом она показывает, как он еще на нее плюет, не интересуясь квартирой, огородом, с которыми она отождествлена. Не важно, какой тон, важно, что очень четко обозначена позиция: «Тебе на меня наплевать. Вот у меня огород есть, квартира».

— Это для нее не ново. Он много лет на нее плюет, и они в этом нормально живут.

— Можно ли сказать, что они нормально живут?

— Они нормально живут, они привыкли….

— Никакого взаимодействия нет. Что значит «нормально живут»? В смысле, что у них есть место, куда лечь спать? Да, место есть.

— В смысле того, что они не орут друг на друга. И для них это, в принципе, уже нормально.

— Они могут и не орать, это неважно. Какая разница: орать или вообще не разговаривать. Я сейчас указываю не на интенсивность ора, а на саму суть подхода.

— Сама суть, конечно, есть. Но вопрос в том, готов ли человек хотя бы о чем-то слушать. Расскажи, о чём Юра будет говорить, рассказывать.

— Так он и закончил, ей это не интересно. Первое, что она спросила, были ли женщины и спал ли он с ними. Вот и весь ее интерес.

— Но у них уже были разговоры о страхе, ему есть о чём рассказывать.

— Я сейчас ориентируюсь на то, что он рассказал. Вот он взял и всё это закончил.

— Он только начал, он только подошел к разговору.

— Он сказал, что всё. Он посмотрел на меня и сказал: «Всё».

— Он готов был рассказывать следующее. Юра, я правильно поняла?

— Да. Надо действительно говорить об этом страхе. Она чувствует этот страх.

— Да, и вы начнете говорить об этом страхе. Это будет монолог Юры.

— Когда я сказал о своем страхе, она тогда уже отразила свой страх, полный страх вообще ко всему: ко мне, к жизни, ко всему в целом.

— Конечно. Ты тогда можешь начать говорить, что ты и предполагал, что она ревнует очень сильно. Ты и начнешь рассказывать об этом страхе ей.

— Да.

— Это начало разговора.

— Ну, никто же не против. Я просто сделал сейчас рассмотрение того, что было показано. Большего не было показано, поэтому я проговорил то, что было показано. Оно не отрицает дальнейшего продолжения.

— Так вот это именно завязка, подход к разговору. Он этого и боялся, да?

— Да, боялся рассказывать о своем страхе.

— Это будет уже самым основным.

— Хорошо, мы обсудили прихожую сейчас.

Раскрытие игры «Посади на вину — получи то, что хочешь»

— Вот сейчас ты знаешь, как к этому разговору подойти? Сохраняется ли у тебя страх, что ты не сможешь? Что она заорет, и ты впадешь в ступор, не зная, что сказать?

— На самом деле, я не знаю, как развернутся события.

— Твой страх есть в данном случае?

— На самом деле я начал этот разговор и сел на эти стулья, потому что почувствовал очень сильный страх этой темы у Антона. Но я и в себе его тоже чувствую. Может, не такой сильный, но он есть тоже.

— Давайте тогда прямо говорить то, что страшно внутри самого себя. Сейчас ее нет, сейчас есть только ты с этими двумя частями, которые друг друга пугают. Вот пусть каждая часть совершенно четко говорит то, что у нее есть по поводу другой части. Потому что это внутренние твои части.

— Я бы хотел начать наш разговор о том, о чём мы уже с тобой начинали говорить: о том, что оба мы испытываем страх. И страх, который я четко ощутил на семинаре, это страх, который я испытываю, когда ты меня ревнуешь. Я очень хорошо помню, как мы с тобой жили, и какая реакция у тебя была на мою

измену, когда ты узнала об этом. Твои переживания меня очень пугают. Повторение этих переживаний снова приведут к переживаниям того страха.

— А что за измена? Кому измена? Что именно пугает? Что имеется ввиду, когда произносится слово «измена»?

— *Имеется ввиду то, что я переспал с другой женщиной.*

— Так. И что это значит? В чём суть вопроса? Ведь когда ты пожал кому-то руку, это не измена. А когда ты поцеловал, это измена? Что именно является изменой и в чём? В чувствах?

— *Нет, измена в том, что я вступил в сексуальные отношения с другим человеком.*

— Так. И в чём суть измены?

— *Суть измены в том, что если ты муж, то ты не имеешь права это делать.*

— Хорошо. А знает ли женщина о характере мужской сексуальности, о том, что сексуальность мужчины и женщины совершенно различны? Имеет ли она об этом представление? Вот это интересный вопрос. Потому что мужчина может переспать с другой женщиной и вообще забыть о том, с кем он это делал и по поводу чего. У женщины это иначе.

Значит она, даже не очень представляя, проецирует на него то же самое, что у нее. Но она не будет так делать, ведь тогда она просто блядь. А это для женщины совершенно нелицеприятно. Для мужчины это не так. Он в этом случае мачо. И это разные устройства, между прочим, и они психически разные. Кстати, это очень существенный момент. Она этого не знает? Или она это знает, но играет на этом. Или боится, что сейчас уйдет трехмерная любовь.

— *Если она начнет нервничать, то это волнение передастся ему. Тогда она начнет спрашивать, начнет задавать вопросы.*

— Она будет возбуждать. Основная задача женщины — начать возбуждать. Как она это делает? Получается, это способ прижучить.

— *Способ контролировать.*

— Да. То есть зная эту особенность мужчины, женщина всегда имеет на руках козыри. Более того, она может всё время подбивать к этому и стимулировать, таким образом набирая себе много козырей. То есть она сделает так, что приведет подругу, например. Эта подруга будет крутиться всё время, они еще выпьют. И она может отлично подыграть так, чтобы вы с подругой в постель попали. А дальше у нее сразу целая куча козырей: «Ах, ты свинья! Ах, ты моя лучшая подруга! Пошли все на хрен!» И разыгрывается это всё. Тут ничего особо мудрого и не требуется,

это элементарно делается. Есть женщины, которые специализируются на разрушении, у них это по программе, им нужно влезть в это. Надо просто найти такую, пригласить и всё будет замечательным образом. Дальше жена показывает справедливое возмущение, что этот виноват и эта виновата. Все виноваты, а она на коне. И тогда: «Почему у меня шубы нет?»

— Праведный гнев.

— Да. Праведный гнев: «Почему у меня до сих пор нет шубы?» — «А-а-а, возьми двести тысяч долларов себе на шубу!» Всё. Это способ получения чего-то. Плевать ей, что ты спал с кем-то, ей нужно получить нечто от тебя. Но для этого тебя надо затюкать, создать тебе вину. И когда тебе создали вину, ты уже готов отдать всё. При грандиозном розыгрыше много чего можно получить. Если ты богат, то тебя можно здорово прижучить. Посмотрите, все эти фильмы именно на этом построены. А если контракты по-американски, то при разводе там огромные суммы фигурируют. И они друг за другом следят.

— Чтобы на этом иметь.

— Совершенно верно, чтобы иметь. Дело не в том, что кто-то с кем-то спал, а в том, что ей нужно нарабатывать очки и получать нечто от него.

— Получается, что у нее эти очки как ниточки у кукловода. Она за каждую дергает и это манипуляция высшего пилотажа.

— То есть женщина физиологически не так устроена, как мужчина. И за это можно дергать очень здорово. Всё искусство поведения женщины в этом смысле сводится к этим вещам.

— Сейчас она уже четко определила, что ей надо: дача, квартира, ремонт.

— Да.

— В общем он уже будет предполагать, что ей это нужно. И для сохранения более или менее спокойных отношений без крика всё будет сделано.

— Есть разные люди. Некоторым и не надо ничего, потому что у нее первая любовь. И тогда крик, шум, плач: «Ничего мне от него не надо! Пошел на фиг!» А потом начинается вот эта прагматичность. То есть либо обида и тогда оно вот так разворачивается, либо вообще отстраняется: «Пошли на хрен все мужчины». И тогда начинается формирование феминистки. Но и у феминисток тоже самое. У гомиков и лесбиянок такие же игры. Так что здесь всё очень прагматично. Так ты чувствуешь вину тогда, получается. Да?

— Да, я чувствую вину.

— А за что именно ты вину чувствуешь? Ты видишь, какую игру она ведет? Вот я ее сейчас раскрыл. Ей на самом деле тебя нужно обвинить, а дальше с тобой

можно делать всё, что хочешь. А тебе же кажется, что ты виноват, а она — святая, и ты эту святость поругал. И она говорит: «Эта святость стоит вот столько. Ладно, я прощаю тебя!»

— Ремонт сделаешь в квартире. За ремонт прощу.

— Вот смотри, какая хитрая игра и что на самом деле за этим сто**и**т. Если ты ее не видишь, то будешь чувствовать очень большую вину. А если ты ее видишь, то совершенно иначе будешь смотреть на всё это. Но вина-то идет из чего?

— В чём ты виноват-то?

— Вина идет из-за того, что в меня заложено с детства, что женщина — это святое.

— Вот и всё. Рассматривая женщину как нечто святое, мы не видим манипулятивности этих самых женщин, которые это используют на полную катушку. Мы просто смотрим: «Вот я обидел святое. Кошмар!» А что делает это «святое», мы не видим, потому что у нас тут образ святости. Но святое разрушить очень сложно.

— Юра, это «святое» полностью вычеркивает твои интересы. Их просто нет. Она навязывает свои, говоря: «Мои интересы — это твои интересы». Ты это видишь? У тебя вообще никаких интересов не должно быть, у тебя — квартира, дача и всё. Вот и все дела.

— У тебя просматриваются отношения «мать — сын». Она как мать, а ты как сын. Сын должен отчитаться, где он был и с кем.

— И она за тебя решает.

— «Больше туда не ходи, ты мне тут нужен. Будь здесь и делай то, что я скажу».

— Да, «мать — сын», это очень сильно. Я один ребенок в семье. Родители от всяких бытовых вещей меня сначала ограждали, а потом уже я их просто не делал, к этому не приучен был. Отец по-своему меня ограждал от разной работы, а мать кормила, поила, обихаживала. И вот таким маменькиным сынком я вырос. Мать передала меня жене с рук на руки. По сути вот те пять лет, что мы не разговаривали, меня перед фактом поставили, что мне нужно самому стирать и гладить и готовить. То есть я сейчас от этого свободен совершенно, потому что могу и так, и этак. Я самостоятельно могу все эти вещи делать, и качество и количество меня вполне устраивает. От зависимости я освободился, важный опыт получил. Может быть другим способом я и не смог бы его получить. Сложно было на самообслуживание перейти. Но сейчас некоторые вещи, которые меня не устраивают, я хочу делать по-своему. Это питание, еще что-то другое.

— То есть на самом деле вы сейчас совершенно два незнакомых друг другу человека. Вы пять лет прожили и за эти пять лет сильно изменились. Ты сейчас говоришь, что кардинально изменился, и она тебя такого в общем-то и не знает.

— Он фактически начинает всё заново. Получается, что их связывает только сексуальность.

— На сегодняшний момент, да.

— Ну, и квартира.

— Квартира, да.

— То есть общее место.

— Дети выросли, они остались вдвоем.

— Получается, женщина для тебя святая. Ты ее вначале поднимаешь на пьедестал, а потом в какой-то момент, понимая, что она не святая, ты ее опускаешь.

— Она перестает для тебя существовать.

— В принципе ты ее и не видишь, вот в чём дело. Либо это святая какая-то вознеслась, либо это что-то непонятное где-то внизу двигается.

— Ты сейчас видишь одну ее часть, которая тебя устраивает. Остальные ты отрицаешь. Но у нее же много других черт, которые ты сейчас не знаешь. А может быть, вообще никогда не знал.

— Вопрос в том, насколько вы друг другу интересны. Надо начать видеть то, что есть. Может, вы вообще друг другу неинтересны уже. Она со своими претензиями, со своей дачей тебе нужна? Если притягивает сексуальность, так ты можешь получить ее совершенно спокойно и в другом месте! И может быть там, кроме этой сексуальности, будет еще и интерес.

— И взаимопонимание.

— Да, то есть это будет дополнением. А тут получается опять старая игра: «Вот давай дачу, квартиру и так далее». Надо тебе это? Вот ты сейчас спокойный, ты же другой совсем.

— Еще такой момент: сколько вы лет прожили вместе?

— В смысле?

— Женат ты сколько лет? Лет пятнадцать, двадцать уже есть?

— Серебряную свадьбу мы не праздновали.

— Изменить старое, мне кажется, гораздо сложнее, чем создать новое. Потому что там срабатывают стереотипы…

— Сам факт того, что вы находитесь вместе, говорит о недоделанности чего-то. То есть вы могли бы и разойтись, но почему-то не расходитесь. Что-то еще здесь не выяснено, да? Очевидно, вот это и надо выяснить. А дальше, возможно, вы и разойдетесь. А возможно вам и не нужно это.

— Разговор о разводе в этом состоянии, когда мы уже по факту не живем вместе…

— При разводе ведь придется что-то делать, например, квартиру менять. И это хлопотно. А так оно привычно. Неохота. Ну, можно так и жить, в конце концов. С другой стороны, если у тебя есть интерес к женщине, с которой тебе есть о чём поговорить, и та же сексуальность и так далее, то получается, что ты не можешь этого делать. Квартира же общая, не приведешь никого. Но и отчитываться ты не должен ни в чём.

— Страшно ли тебе потерять сексуальность, которую ты обрел буквально месяц назад?

— Нет, сейчас нет.

— Ты ее и не потеряешь.

— Самое главное, что перед ней отчитываться-то? Не боюсь я, не хочешь и не надо!

— Да.

— То есть я тебе как сексуальный объект интересен или я тебе интересен в целом? Как бы и поговорить, и чувства какие-то есть, и сексуальность еще. А так получается, что есть только сексуальность и хочется за нее дергать по привычке и что-то иметь.

— Так это получается проституция. То есть вот так жили, жили, а теперь: «А-а-а, я тебе дала и ты мне должен вот то-то, то-то и то-то». Ничего ты ей не должен! В конце концов, можешь сказать: «Не хочешь, так я найду с кем переспать и поговорить. Что это я тебе должен отчитываться?» Тут, наверно, вот этот момент надо осознать.

— Уверенность должна быть своя, а эта святость совершенно ни к чему.

— Что ты чувствуешь, разговаривая с ней, когда нужно что-то отстаивать?

— «Почему ты считаешь, что я должен только потому, что мы с тобой переспали? Не хочешь, не надо. Я тебе ничего не должен. Ты разве не получала удовольствия от этого? Или ты считаешь, что ты есть некий приз, и теперь я за него должен рассчитываться? Меня это не устраивает. Если ты так смотришь на это, то этого нам больше не надо».

— Вы оба сильно в контакт вошли, значит, это вам обоим надо.

— Да. «Мы оба получили удовольствие, я предполагаю. Если нет, то ты теперь меня на счетчик поставила? Не надо мне этого. Значит, тогда будем продолжать так, как было, а может, совсем разойдемся. И если так ставится вопрос, то давай менять квартиру».

— На другую сторону надо перейти.

— Да. Сейчас надо четко смотреть то, что есть.

— По большому счету, мачо так и разговаривает.

— И еще. Здесь очень хорошо прослеживались отношения матери с сыном. Но сейчас увидь, что она тебе не мать. Есть мужчина и женщина, и у вас равные права и заинтересованность равная в этом совместном проживании. Это мать никуда не может деть сына и сын никуда не может уйти от матери. Они как бы зависимые, и тут уже ничего не сделаешь. У вас другие отношения. Увидь, что ты не сын, а мужчина, а она не мать, а женщина.

— Вы не связаны кровными узами и никакого долга у тебя нет. Проекция может быть, но по факту этого нет.

— Это старая проекция на мать идет. Но у вас нет таких отношений.

— Вот сейчас я вижу его страх потерять сексуальность.

— Почему он теряет сексуальность, если он не с ней? Он что, не может ни с кем ее реализовать, что ли?

— Вопрос к нему: может или не может. Так вот я и спрашиваю, боишься ли ты потерять ее?

— Нет, не боюсь. У меня был разный опыт в жизни.

— То есть он это уже проживал.

— Конечно. Это что, единственный существующий объект?

— Скорее размен квартиры тебя больше пугает.

*— На сегодняшний день вопрос так не сто**и**т.*

— Юра, чем она тебя может драматизировать? Что она такое начнет делать, что тебе очень неприятно, страшно и болезненно? Что она может делать?

— Скандалить.

— То есть она начнет орать.

— Я предполагаю, что может до этого дойти. Мы не разговариваем, молчим.

— Давай, выноси этот скандал. Что она кричит?

— Что именно страшно? Сам крик, шум… Что именно?

— Как твоя жена выражает свои чувства, вернее, эмоции? Женщины же по-разному могут: одна молчит, другая еще что-то делает. Каков ее тип? Она кричать будет, посуду бить? Ударит тебя?

— Тебя больше всего пугает вот этот самый страшный страх.

— Что она тогда проявляла, когда ты говорил, что боишься возобновления этих отношений? Что тогда было? Крики? Или она из дома уходила, тебя выгоняла? Что там было? Мордобой был?

— Да, она выгоняла меня из квартиры. Я-то вину чувствовал и считал, что она может со мной делать всё, что угодно.

— Вот и смотри. Ты чувствуешь вину, а она начинает выгонять и вообще хрен знает что.

— Я бы хотел своим опытом поделиться. Я проходил тоже самое, что и Юра: истерики, скандалы, ревность. И мне всегда было непонятно, почему я всё время чувствую дикую вину? Долго с эти пришлось разбираться. В конечном итоге оказалось, что вина была перед сыном. Мне нельзя было разрушить семью, потому что сын был очень дорог и важен. Это у меня так было. И если смотреть, что происходит с тобой, то за что-то ты держишься. Может быть за квартиру, за страх размена квартиры. Потому что если тебя с этим человеком ничего не связывает и вы даже не общаетесь, то общих интересов, кроме дачи и квартиры, в общем-то и нет. У меня-то сын был, и когда я разобрался в этом, появилась возможность разойтись, разменять жилплощадь. Так вот надо увидеть, что произойдет…

— За что она тебя держит? Чего ты лишишься?

— Может быть держит страх одиночества. То есть чтобы хоть кто-то был рядом, но не в одиночестве.

— А может статус.

— Может страх новых отношений.

— Сейчас каждый говорит за себя.

— Он за что-то держится.

— Пока вот образ святости у меня не изжит до конца.

— Он не изжит был. Смотрите, Леша говорит, что он держался за сына.

— Поясню немного. Я с будущей женой познакомился в городе Верхотурье Свердловской области. Он называется духовным центром России. Когда мы познакомились, то там, в монастыре Верхотурском, была детская колония. Мы

студентами в доме отдыха там встретились. Хоть мы и не венчались в церкви, но именно то, что встреча там произошла — это как завязка на небесах свершилась.

— *Святой образ.*

— *Вот этот образ святости меня держит.*

— Как кажется. Вот именно образ святости. Фактически, я предаю бога.

— *Вот у него что!*

— Да, это предательство бога. Бог сказал: «Живи!» Смотрите, миры людей очень различны. А что вы смеетесь? У всех это по-разному: то, что нормально для вас, может быть ненормальным для другого. У другого свое, и оно вот такое!

— *Фактически, это разрушить священный брак, который вы заключили на небесах.*

— Брак, который от бога.

— *И вот только эта женщина, и теперь ты по жизни должен эту лямку нести.*

— Бог терпел и нам велел.

— *Юра, вот у тебя интерес как к женщине к ней, тебе интересно с ней в чём-то. Я не понимаю, вы не общаетесь или вы уже начали разговаривать сейчас?*

— *Потихоньку, постепенно начинаем разговаривать. Интерес к женщине есть. Я свой сексуальный опыт жизненный анализировал на одном из семинаров. Я понял, что вот то, что в жизни она мне важное дала — это именно сексуальный опыт с женщиной. За это я ей благодарен. Это важный для меня опыт был.*

— Вот смотри, святая и блядь. И то и другое существует.

— *Святая блядь.*

— Да. Если акцент идет на святое, то блядское как бы отталкивается как нехорошее, плохое. Вот у тебя какое отношение к святому и блядскому?

— *Святое — это святое, а блядское это вообще….*

— Да, но как ты это совмещаешь? Или ты это не совмещаешь? Тогда тебя может притягивать именно блядское, поскольку особо святого я в ней не вижу.

— *Он же и сказал, что через постель он ее познал как женщину.*

— Вот я и говорю, что вместе идет святое и блядское. То есть притягивает-то тебя не святое! Сейчас мы переходим на другую сторону, на блядское. И ее манера поведения с криками, ором и так далее — это как раз вот это. Но именно отталкиваясь от этого, ты еще больше укрепляешь святое. У тебя вперемешку всё

идет, ты не видишь одно и другое. Ты не понимаешь, какая она. То есть она делает вот это, а тебе кажется, что это святое.

— Она делает святое для мужчины, выполняя функцию бляди.

— Одно усиливает другое. Ей надо проявлять вот это, тогда ты еще больше будешь видеть святость, отсюда еще больше испытывать чувство вины. Понимаешь, какая тут штука! Вот так хитро устроен человек: у него одно исходит из другого, но он этого не различает. А внутри всё время из одного рождается другое. Ему показывают вот это, а у него вдруг возникает совершенно иное. И по отношению к этому иному он испытывает вину. Смотри как хитро.

— Юра, получается, ты боишься бога? Типа, святой брак, в таких условиях был заключен. А что может сделать тебе бог, если ты этот брак разрушишь? Как он тебя покарает?

— Я даже над этим не думал. Просто это нельзя, и всё.

— То есть это вообще не оговаривается. Об этом думать нельзя. Это не то, о чём думать можно. Вот это и есть атрибут святости. Святое! Об этом не думают, это не трогают. Если кто тронет, то убью вообще.

— Ну, убью. Тогда смерти боюсь.

— Это крайне сильная ограниченность, не позволяющая думать.

— Это некий запрет и всё.

— Об этом вообще нельзя даже думать.

— А можешь ли ты допустить и начать думать об этом? Ведь сейчас выясняется, что ты про это даже не думал. Ты запрет очень жестко исполняешь, пять лет так живешь. Для некоторых это просто дико, а ты живешь и не задумываешься и в невозможность нарушения этого ты искренне веришь.

— Тут тоже перемешано: «Я живу потому, что когда уже стали так жить, то главным стало духовное развитие».

— Вот смотри, как тут хитро всё выходит. На самом деле ты считаешь себя святым. Эта святость, которую ты принимаешь в женщине, — твоя собственная святость. В этом твоя основная гордыня. Гордыня именно в святости и нарушить это невозможно. Ты готов ради этого терпеть. Более того, ты как всякий христианский великомученик, предполагаешь, что ради этого и надо терпеть. Мученик должен терпеть за веру, за святость. Ты и рассматриваешь ее как ту, которая дает тебе возможность терпеть и страдать за веру.

— Она помогает мне святым быть.

— Вот. Она тебе помогает ощущать себя святым. Поэтому дело именно в том, чтобы не расстаться ни с квартирой, ни еще с чем-то, а именно с представлением о себе, как о святом.

— *Ты на ее фоне самый крутой святой!*

— Конечно. Мученика и не должны понимать, его должны мучить. Она еще не очень даже тебя мучает.

— *Что-то маловато святости в тебе.*

— *Образ Толстого.*

— Для него и этого хватает. «Мы живем в одной квартире, обет молчания, обет безбрачия, нет сексуального контакта». Это нормально, по-толстовски. У всех это по-своему. Вот что самое сложное для тебя, так это расстаться с образом святости. От этого и тяга к Кальки (Шри Бхагаван Кальки), к какому-то гуру. Это же святое! Я и смеялся над этим, что тебе было крайне тяжело и неприятно тогда. Я вообще предполагал, что ты уйдешь, но ты не ушел. Святой и терпит всё, кто бы и чего бы ему не говорил. Он-то знает, что он святой.

— *Он хочет, Александр Александрович, тебя измором взять.*

— У Юры это не ярко выражено, поэтому он не агрессивный святой. Он тихий святой. То есть он скажет: «Ну, ладно, хорошо». И как бы отойдет и не будет бросаться с кулаками. Но сам образ достаточно виден. Я тогда даже не мог этого вывести, потому что был разговор о Кальки. А вот, оказывается, через жену мы на это выходим. Потому что Кальки был, Кальки ушел, а жена-то осталась.

— *Сейчас жена уйдет.*

— Святому нужно переживать, ему нужен опыт гонения и унижения. Тогда он ощущает в себе эту святость. А так нет. Жена тебе, в этом смысле, как раз очень нужна. И вопрос именно в том, что ты не можешь расстаться со своим образом святости. А она его и подкрепляет тебе всё время.

— *Она самая подходящая в этом плане.*

— *Она — алмаз. Алмаз в короне твоей.*

— *Да, я такой.*

— *Ты пять лет воздерживался. Мясо не ел, вегетарианцем был.*

— *Я просто в это поверить не могу.*

— У Сократа, по-моему, была жена, которая его облила кипятком, еще что-то такое сделала.

— *Ксантиппа.*

— Да, да. Она могла сделать что угодно, швырнуть чем угодно. Описывается же это. Сократ проходил вот этот опыт.

— Может, он поэтому и гениальный был? Каждому обычному мужчине надо найти хорошую суку, может, тогда гениальность в нём проснется.

— Найди еще иметь запрос на святость.

— Найди себе своего гения!

— Будет он всё терпеть.

— Найди еще такого!

— Да, круто. Спасибо!

— Смотрите, мы попали! Юра говорит: «Спасибо». Видите, как хитро всё закамуфлировано. Как начинаешь раскапывать, так большинство застревает. Кому огород, кому лопату, кому тяпку и всё. Дальше не идут.

Что является основой воспитания в данной реальности?

— Я свою святость тоже хочу рассмотреть, поскольку абсолютно эта же тема. Будучи замужем, мне не должен был нравиться никакой другой мужчина. Вплоть до того, что если кто-то немножко начинал нравиться, я просто себе ногой на горло вставала, пока полностью чувства все не атрофировались. Сейчас уже с мужем разошлась и всё жду, когда же встретится мне мой мужчина. Я его всё жду.

— Что это за твой мужчина?

— Мой мужчина? Я даже себе нарисовала, что это за мужчина. У него абсолютно всё есть, не хватает только меня единственной.

— А тебе-то что надо?

— Всё остальное ей и надо.

— Так тебе не его, а всё надо!

— То есть мужчина – это просто посредник между передачей ей всего! Есть она и есть всё, но оно вместо мужчины.

— Ты говоришь ему: «Отпиши, пожалуйста, что это всё принадлежит мне».

— Тогда он должен быть в почтенном возрасте.

— Нет, не в почтенном.

— Какая тебе разница? Он, главное, передаст тебе всё.

— Тебе мужик не нужен.

— Тебе не мужик нужен, тебе всё надо. Ты смотри, смотри, тут изменение взглядов. Я понимаю, ты считаешь иначе. Сейчас предлагается такая версия.

— Судя по тому, что ты говоришь, так оно и есть.

— Тебе не нужен мужик, ты и не ждешь его, ты их вообще отфутболиваешь. Они тебе на хрен не нужны, тебе нужно вот это всё. Мужик-то тебе просто это всё принесет и отойдет в сторонку, в могилу.

— А что ты потом с этим всем будешь делать одна?

— У нее основная линия быть одной.

— Нет, Александр Александрович, там еще хуже будет.

— Нет, подожди, ей всё надо сперва, а уж как будет, так будет.

— Она там не была еще.

— Еще у меня иллюзия, что всё себе сделать я и так могу. У меня тут какая-то путаница, что на самом деле всё, что мне надо, я себе создаю, но мне….

— Давай вот так. Зачем тебе нужен этот мужчина? Давай уберем вот это всё. Да?

— Да.

— Вот просто мужская особь. Что с ней делать? Зачем она тебе нужна?

— Ну, чтобы прижаться, рядом посидеть.

— То есть прижаться к подушке, хорошей и теплой подружке. Можно ее даже озвученной сделать.

— Куклу купи.

— Собака тоже хорошо выручает.

— Собака, это вообще классно!

— Она будет любить беззаветно.

— Если мужчина и нужен, то не тот, у которого всё есть, а у которого ничего нет. Он с тобой рядом будет.

— Давайте не трогать «всё» или «ничего». Давайте брать особь и смотреть, что эта особь может дать. Значит, прижаться к нему. Хорошо. Что еще? Прижаться и что тогда? Вот ты прижалась и что?

— А всё. Посидела рядом и хорошо.

— И всё, до свидания. Пять минут и до свидания. Идите, пожалуйста.

— Слушай, тебе надо чаще в автобусах переполненных ездить. Там мужики прижимаются.

— Да, мне нравится. Мне нравится в переполненных автобусах ездить.

— Вот! Замечательно.

— Он к тебе, а ты села в автобус и едешь. Еще надо, еще села…

— В переполненный автобус в час пик.

— И они уходят, они ничего не требуют от тебя.

— Вот классно!

— Они все теплые.

— Да, я бы большую собаку завела.

— У меня уже были две большие собаки.

— Две не устраивают.

— Нет, с собаками неудобно, потому что когда надо куда-то уехать, то их оставить некому…

— Ты смотри, самый оптимальный вариант для тебя — это автобус в час пик. Ты заходишь, едешь и прижимаешься. Мало тебе, еще зашла и проехала.

— Тогда вопрос по-другому поставим. Почему мне никого не надо?

— Вот это уже интересно. Давай смотреть так: ты к нему прижалась, пять минут сидишь, а потом он не уходит. Ты ему: «Чего ты сидишь?» А он говорит: «Я пришел сюда жить». Раскладывает зубную пасту, достал тапочки. И что у тебя?

— Он только для того, чтобы ты прижималась?

— Нет, он еще есть хочет, кашляет иногда.

— Основной-то у нее запрос на то, чтобы прижаться.

— Нет, подожди, он же еще человеческое существо.

— У него есть потребности.

— Ему надо зубы чистить, в туалет ходить, кушать, у него работа какая-то есть.

— И он сопит и храпит.

— Да. И всё это будет проявляться в твоей квартире. Вот как ты на это будешь реагировать?

— У него есть мама, друзья какие-то, которые к нему приходят водку пить. Они очень любят материться и курить.

— Да. Еще он сорит.

— Так что тебе не нравится? Прижаться тебе нравится. А что не нравится?

— Мне не нравится, когда ко мне предъявляются требования в том, чтобы я вела себя определенным образом. Да, это образ моего мужа, который говорит: «Неужели ты не можешь быть вот такой, вот такой и вот такой?»

— Замечательно. Я предлагаю диалог с твоим мужем. Вот прямо начинай с претензий с его стороны или с твоей стороны.

— Она где-то говорила, что она — победитель. Она говорила, что на горло себе наступила. То есть ей нужен мужчина для того, чтобы подтвердить, что она победитель.

— Мальчик для битья ей нужен. Ну, давай, сейчас мы посмотрим в диалоге. Пожалуйста, какие у тебя к нему претензии?

— Такое впечатление, что это уже проговорено. Но что-то еще, значит, не проговорено, что-то еще там сидит.

— Давай претензии внутренней женщины внутреннему мужчине.

— Почему ты всё время предъявляешь ко мне какие-то требования? Ты меня просто используешь! На самом деле тебе удобно, что я абсолютно всё могу. Я могу кирпичи класть, готовить, убирать и всё обиходить полностью. А ты, даже когда я тебе говорю, что мне не нравится, когда ты вот так делаешь, ты этого даже не слышишь. Я даже перестала заявлять о каких-то своих интересах, потому что ты этого не слышишь.

— Так, пожалуйста, дальше.

— Он молчать будет.

— Начинай с претензий, с ответа на вопрос. Ты ее не слышишь. Почему ты ее не слышишь? О чём, собственно, она говорит?

— Так. Что у меня?

— Вот мужчину мы вообще не знаем.

— Оказывается.

— Совершенно верно, не знаем. Что у него претензии какие-то есть или что они могут быть.

— Вот только со слов его…

— Нет, со слов не надо. Это внутренний мужчина, это твои слова. В общем, он никакой, его нет. То есть женщина, оказывается, разговаривает с пустым местом.

— Да, поэтому он меня и не слышит.

— Женщина разговаривает сама с собой. Замечательно. Тогда две женщины. Одна женщина говорит: «Что ты меня не замечаешь?» Что та скажет? Представь, что это она сама с собой разговаривает. Давай: «Что ты меня не замечаешь?»

— А что тебя замечать? Живешь, так и живи своей жизнью.

— Да, ну ты же выполняешь свои…

— Она же, предполагается, для кого-то это делает. И мы сейчас выясняем, для кого она это делает. Она претензии кому-то предъявляет.

— Ну, да.

— А вот кто это, кому она предъявляет претензии?

— Не мама?

— То есть ты же выполняешь свои обязанности, хорошо выполняешь. И нормально тогда.

— Вот смотри, раз не идет образ мужчины, то может быть дочь — мать. Может, у тебя со своей матерью нечто связано, может мать должна что-то.

— Да, тогда да. Конечно!

— Давай как мать с дочерью.

— Ты должна выполнять. А как же? У тебя работа легкая. Подумаешь, на кнопочки нажимаешь целый день. А у Татьяны тяжелая работа, поэтому в саду ты должна пахать, ты везде должна. Ты умственный и физический труд совмещаешь и тебе это легко. Вот.

— Так, давай, пересаживайся. Значит, дочь с матерью. Так. А что дочка скажет?

— Знаешь, может быть мне и легко, когда это делается с интересом. А когда это непрерывно всю жизнь и когда видишь, что тебя просто используют…

— А кто использует?

— Да, а кто меня использует?

— Только что мамаша говорила, что ты должна это делать! Судя по всему, мамаша использует.

— Да, да. Ты меня просто используешь! Тебе важно, чтобы я полностью была работницей в твоем мире.

— Твоей собственностью.

— Да, твоей собственностью. Точно.

— Я даже не имею права заниматься чем-то своим, не имею права вообще свой интерес проявлять. Когда я начала ходить в баню, ты сказала: «Какая баня? О чём ты говоришь?» Вспомни, я ведь буквально отстояла право ходить в баню.

— То есть к матери претензия в том, что она использует дочь как собственность. Так, пожалуйста, дальше.

— Конечно, а кто же будет делать-то всё? Если ты не будешь делать, то кто тогда будет делать? Тебе и надо, ты и обязана делать.

— Тебя родили для этого!

— Да.

— Это же всё для тебя!

— Да.

— Это же всё тебе!

— Конечно, я же ведь тоже делаю. Я вообще всё только для тебя делаю, мне-то самой ничего не нужно. Всё, что я делаю, я делаю только для тебя.

— Вот.

— Ты посмотри, я же весь сад перепахала!

— И всё для тебя.

— И всё для тебя! Ты только приходи и всё это окучивай, собирай, пересаживай.

— Кушай.

— Да.

— Кушай, продавай.

— Да, но продавать-то…..

— Вот что дочка ей на это скажет? Всё для нее вообще. А ей нужно всё это?

— Так ты понимаешь, что я тебя и не прошу всё это делать?! Мне это не надо.

— Вот сейчас конфликт возникает. Мать говорит, что всё для тебя, а дочь говорит: «Мне это не надо».

— Ей это надо. Мать четко знает, что надо дочери, потому что это надо матери. А у дочери и не спрашивали вообще, надо или не надо.

— Тогда дочь говорит: «Слушай, а может это всё тебе надо? А мне это не надо».

— Да, я смотрю, что на самом деле это надо тебе. Ты говоришь Роме, что ему надо учить английский язык. Вот если тебе надо, так ты и учи! Я же тебе так и сказала. Если тебе надо, ты и паши ради бога. Я-то почему должна так пахать?

— Дочь говорит: «Это не мне надо, это надо тебе!» Вот с этим была оставлена мать. Что мама скажет?

— Мне это, конечно, тоже надо. Но всё равно я это для тебя делаю.

— Но мы сейчас выяснили, дорогая мать, что дочери этого не надо. Поэтому, если это надо тебе, то ты и делай так, чтобы это было тебе в радость. А если это тебе не в радость, так и не делай тогда.

— Интересно, а кто будет тогда делать?

— Если это надо тебе, то ты и будешь делать.

— Она тогда говорит: «Я человек пожилой, у меня сил не хватает».

— Хорошо, значит, оставь тогда это. Выясняется, что это надо только тебе, а дочери не надо. Не можешь делать — не делай. Или делай так, чтобы это тебе было по силам.

— У нее это в голове не умещается. Фактически дочь заявляет на отделение от матери. Интересы дочери отделяются от интересов матери. И мать в шоке: «Как это так? Это моя часть, которая не имеет права!»

— Это моя собственность. Я тебя родила, неблагодарная ты!

— Да. Как ты относишься к матери на старости лет? Вырастила дочь, а она бросила меня.

— Тогда она говорит, что ты моя собственность и всё, что я тебе скажу, ты должна делать. Просто всё.

— Да, ты моя собственность и ты просто обязана делать!

— Ты мне не дочь.

— А как она накажет, если дочь не будет делать?

— Я тебя буду прессовать до тех пор, пока ты всё равно это сделаешь.

— Отлично. Теперь дочь. У дочери бунт. «Не буду! Не надо мне это всё».

— В детстве она сажала меня напротив себя и выговаривала методичным голосом. Я потом была готова сделать всё что угодно, лишь бы только меня не прессовали.

— Вот теперь бунт: «Я не буду делать!»

— Да.

— Я не буду служить тебе.

— Столько лет ты думаешь, что то, что ты делаешь, мне нужно. А мне не надо.

— Понимаешь, мама, на самом деле мы с тобой как жили? Даже на моем дне рождения тебе сказали, что у тебя хорошая дочь. Ты ответила: «Да, послушная». По мелочи что-то делать мне не сложно, но когда уже задевается…

— Ты ей говори: «Я больше не буду делать то, что хочешь ты. И если ты хочешь, то ты и делай тогда. Я больше не буду. Я уже всю жизнь на это положила». Вот чтобы она уяснила, что дочь больше не будет это делать.

— А она не верит.

— Нет, подожди. Ей еще сказать-то сложно.

— Я не буду делать то, что мне неинтересно. Да, у меня есть свой интерес. И если наши интересы в чём-то совпадут, то я это буду делать с удовольствием. Но если это не совпадает с моими интересами, то я этого делать не буду.

— Теперь что мать будет делать? Она сейчас будет грозить чем-то, у нее же рычаги какие-то есть.

— Ну, тогда мне одно остается: я просто заболею и умру.

— Вот. Хорошо.

— Я надорвусь, работая в саду для тебя.

— Давайте, давайте. Сейчас она будет описывать, она будет пугать. Чем пугает?

— Ты меня обижаешь, нервируешь протестом своим, хочешь изжить со света! Ты посмотри, я болею из-за тебя. Я сильно болею, я задыхаюсь.

— Стрессы из-за тебя.

— Да, мне дышать нечем, горло перекрывает.

— Я — мать тебе! Есть у тебя что-то святое? Ты можешь смотреть на мать, которой так плохо?

— Огород не вскопан и у меня сердце болит. Ты жестокая!

— У меня такая же ситуация. Можно я сюда сяду?

— Подожди, она еще будет пугать.

— Фактически на тебя ляжет…

— Грех моей смерти.

— Да, грех моей смерти. И этот камень ты будешь носить.

— Знай, что я умерла из-за тебя!

— Я еще записку напишу, что в моей смерти виновата дочь. И отправлю всем родственникам. Пусть они знают, какая ты!

— Так это даже не важно. Важно, что ты это будешь сознавать и нести на себе.

— Как крест нести всю жизнь.

— Да, всю жизнь. Так что ты смотри, не шути со мной.

— Так, теперь что у дочери?

— Да, с крестом-то, конечно, тяжело. Это ты, конечно, молодец!

— Ты попала.

— На самом деле крест — это орудие пыток. Раньше на крест подвешивали, поэтому мать тебя пытает.

— Это символ трехмерной реальности.

— Она пытает. Это пытка изощренная, очень жестокая. И мама сейчас это делает.

— Она инквизитор.

— Может ли дочь ей сказать о том, что для нее это пытка?

— Ты понимаешь, что для того, чтобы подтвердить свою власть, ты используешь очень изощренные пытки? Мне очень сложно с этим. Я много что могу, но с этим крестом мне по жизни потом идти будет сложно. Ты посмотри, насколько тебе важно владеть мной.

— Ты пытаешься идти на компромисс, это не пройдет. Тебе надо сказать, что на самом деле, что она грозит этим крестом и собственной смертью, это она делает сейчас сама с собой. «Это не я, это ты делаешь сама с собой. Я освобождаю себя от этого. И никакого проклятия мне не будет, на мне это никак не отразится. Да, я по закону божественному имею свободную волю. И именно бог не хочет, чтобы один человек жил жизнью другого человека. И я тебе божественное это и возвращаю. То, что ты делаешь сейчас — это не есть божественное. А я имею свободную волю и говорю, что делай, что хочешь, но это твое и я не понесу этот крест. Ты сейчас сама себе этот крест сооружаешь и сама же себя хочешь туда водрузить, но меня это не касается». Вот что ей нужно сказать.

— По большому счету ты сейчас говоришь…

— Ты опять признаешь: «Да, крест понесу. Да, тяжело. Мама, не делай так». А ты не бери на себя это. Это вообще не твое, это ее. Покажи ей, что она сама себе сооружает это всё. А то же она мученицей полезет на крест.

— Хочешь такой смерти, ну, и умирай.

— И умирай. Но это тебя касается.

— Но не вешай на меня вину за это.

— Да, ты мне дело-то не шей! Это твое дело.

— Это ее игра. Она в нее играет самозабвенно и тебя туда тащит.

— Мама, ты имеешь право жить так, как хочешь и умереть так, как хочешь. Это твой выбор. Бог дал самое главное человеку — свободу выбора. И даже он не властен над нашей свободой выбора. И поэтому я выбираю быть собой и тебе предоставляю свободу выбора.

— Замечательно. Теперь как?

— Сильно, конечно.

— Раскрыли, черти, мою игру.

— Разгадали.

— Цепляет. Даже такой страшный грех…

— Она сейчас о чём-то другом думает.

— Понимаете, там крест есть в связи с тем, что вот я для тебя это делаю. Это одно дело. Просто так на крест никто не полезет. Зачем? Никто не смотрит, никого не обвиняют. Зачем я полезу туда? Что, я совсем уже рехнулся?

— Ну и ладно. Имеешь право, ладно.

— Пусть огород зарастает травой, а ты живи своей жизнью.

— Да, я буду тогда жить своим интересом тоже, раз ты так.

— На самом деле мать имеет какую-то жизненную программу. Она считает, что дочь как бы эту программу несет. Мать знает как, и тогда надо научить дитя неразумное, да? Но возникает вопрос: «А счастлива ли ты, мама? Вот ты мне уже расписала на всю жизнь, что и как я должна делать». Собственно говоря, она предлагает собственную жизнь как собственный опыт. «А ты-то счастлива была? Ты всё мне так хорошо описываешь, как я должна делать. И если ты такая умная, то почему несчастна? Позволь мне найти свой путь в этой жизни. Ведь по факту получается, что ты его не знаешь. Ты советуешь то, что знаешь. Если ты это знаешь, то почему ты этого не сделала? А если ты это сделала, то посмотри по факту: твое состояние нерадостно, ты несчастлива. Я хочу другого. Позволь мне этот путь почувствовать сердцем своим и позволь мне его реализовать так, как я это чувствую. Потому что твои советы — это твоя жизнь, а твоя жизнь привела вот к такому состоянию. И меня это не устраивает, я не хочу повторять твой путь, ведь он уже есть.

— Ну, тогда ладно.

— Я просто сейчас рассказываю свой опыт. Я говорила так со своей мамой, когда мне навязывались ее мнения. Я говорила: «Не надо так. Если ты такая умная, если так хорошо всё знаешь, то почему ты так живешь?» И только это имело какое-то воздействие.

— Да, и здесь по ощущениям то же самое.

— То есть запроса на состояние счастья, гармонии внутренней я не нашла.

— Там еще может быть такой момент. Например, мать скажет: «Я просто не успела закончить институт и сделать так-то и так-то, как я сейчас вижу с высоты своих лет, с положения мудрости. Я была молодая, мне некому было подсказать. Поэтому я наделала множество ошибок, которые привели нас к тому положению, в котором мы находимся сейчас. Но мы-то теперь знаем, как нужно делать. Вы делайте! Потом увидите, как мы были правы. Вы должны делать!»

— То есть сами они не сделали, некому было подсказать. А сейчас они своим святым долгом считают подсказывать.

— Они под мудростью рассматривают свои ошибки. Но знаете, мудрость — это не ошибки. Они теперь возводят их в ранг мудрости и говорят: «Вы не делайте этого».

— Живите теперь так, как мы не прожили.

— Живите не так, как мы жили. Где же тут мудрость, когда она сама живет не так, как хотела? Это набор ошибок, который она пытается теперь передать.

— Так она говорит теперь: «Делай по-другому, не как я. Вот я теперь знаю, как надо делать, ты делай это».

— Кто тебе сказал, что ты знаешь? Ты не совершала ошибок, ты прожила свою судьбу именно так, как ты ее должна была прожить. Не надо мешать мне прожить так, как я считаю нужным. Если мне надо совершать ошибки и в этом есть мой опыт, то я их и буду совершать. Не надо мне ничего предусматривать.

— Старость не есть мудрость.

— Старость есть закоренелая глупость.

— И наличие образования не для всех людей является залогом счастья. С высшим образованием людей много, а счастливых-то нет. Она считает, что только образование дает счастье.

— Это ее нереализованная мечта.

— Каждый родитель проецирует нечто свое, что у него в жизни не сложилось.

— Вот это и есть карма рода, когда все друг другу талдычат одно и тоже, передавая из поколения в поколение. И все имеют ту же самую старость, с теми же самыми ошибками. И потом начинается передача детям того же самого. И так всё поддерживается. В обычном состоянии это нормально, а в осознанном — нет. Из какого состояния вы будете говорить? Вот это самый основной момент.

— Есть очень большая разница в том, когда говоришь, что я иду на этот опыт, потому что чувствую, что это надо так. Я несу за это ответственность и жаловаться тебе на это не приду. Я для себя сделаю какие-то выводы, получу собственный опыт из тех действий, которые совершаю. Я это делаю для опыта. И сожаления за это не будет у меня, потому что я сознательно это делаю.

— Да, но есть страх, что сожаление будет. И ребенок держится за мать, чтобы мать сказала ему, что нужно делать. Он это и будет делать, но потом сможет сказать: «Это ты меня научила». Он снимает ответственность с себя. Это и есть основа воспитания в этой реальности, когда воспитывается не ответственный человек, а человек, который будет делать что-то, чтобы потом обвинять того, кто ему говорил об этом. Это на всех уровнях: семейных, организационных, национальных и так далее.

— Таким образом они копают себе могилу, когда советы дают. Потом они получают: «Я сделал всё, что ты мне говорила. И что, я счастлив?»

— Да. Это и есть основные претензии к гуру и ему подобным. Я-то говорю сразу, что только вы можете всё это сделать. Если вы считаете нужным слушать то, о чём я говорю, то пожалуйста. Но только вы решаете это. И не надо говорить, что это Пинт посоветовал, потому что Пинт ничего не советует. Пинт не учит жить, а рассказывает о том, как вы живете. Это совершенно разные вещи. Я показываю, как вы живете, а что с этим вы будете делать, вы решаете сами. Я не учу вас жить, а все же хотят, чтобы им посоветовали, рассказали. Я говорю: «Нет, увольте, я этим не занимаюсь». Но именно на этом и строит карьеру большинство гуру, психологов и так далее. Они советуют как надо, я же ничего не советую. Я показываю то, что есть так, как оно есть, то есть показываю, как вы живете. А как вам жить дальше, это вы решайте сами. При этом свобода воли человеческого существа не нарушается. Но и претензий никаких не может быть.

— Если это будет услышано вообще изначально.

— Да, весь вопрос заключается в том, что я это говорю и понимаю. Поэтому я не буду принимать никакого рода претензий. Я иду с этим, а что уже вы там из этого будете делать, это другой вопрос. Может, вы начнете меня обвинять. Но

только меня это не трогает, потому что я не вступаю в игру, в которой получу потом вину и осуждение. Сначала рукоплескания, а потом вот это. Мне это не надо.

— *У меня такая же ситуация, только моя мать не признает того, что я говорю. Я говорю ей: «Это мой опыт, это мой путь». Она говорит: «Ты вообще в жизни не разбираешься. Я же с лучшими побуждениями, я же тебя люблю! Ты вообще не видишь, что я хочу тебе добра. Я же тебя люблю, а ты такая свинья».*

— Вот замечательная, потрясающая фраза: «Я же тебя люблю!»

— *А ты неблагодарный!*

— Что такое «люблю»? Сейчас мы начнем рассматривать и выяснится, что стоит за словом «люблю». Мы все видим это: «Ты моя собственность, ты будешь делать то, что я говорю. Я проецирую на тебя свое непонимание, и ты должен мне его реализовать». Вот эта любовь, но слово-то святое. Кто против любви пойдет?

— *Ты принадлежишь мне. Я свой опыт прожила, а теперь хочу пережить опыт и через твое тело. Предоставь мне свое тело и будь игрушкой в моих руках.*

— При этом я сама этого даже не понимаю, потому что я, в общем-то, ничего не понимаю. Сейчас можно было бы сказать: «Я вообще ничего не понимаю в этой жизни!» Вот честное признание родителей перед детьми.

— *Моя мама теперь так и говорит.*

— Но в этом никто не признаётся. Здесь предполагается, что с возрастом приходит мудрость. А если ты еще нарожал детей, то эту мудрость надо им передавать. И тогда с важным видом начинают пороть фигню, которую ребенок, в силу того, что он привык отдавать ответственность, будет соблюдать, чтобы потом сказать: «Ты всё это сделал. Это из-за тебя у меня всё так».

— *Да, у меня была такая мысль. Я думал, что сделаю так, как мать хочет. Но потом я ей это выскажу: «Вот я сделал это, но я не счастлив».*

— Так люди и сходятся для того, чтобы в конце жизни сказать: «Ты сгубил мои лучшие годы!» — «А ты сгубила мои лучшие годы, ты убила мою любовь!» — «Ты убил мою красоту! Смотри, какая я теперь. Я всё отдала тебе!»

— *Лучшие годы жизни.*

— Это обычно принято женщине говорить. Она копит, копит, а потом давит на жалость. У него просыпается чувство вины: «Да, я сгубил ее лучшие годы».

— *Ты сгубил мои лучшие годы, но если ты уйдешь, я повешусь.*

— *Это тоже вариант.*

— Да, дай мне дожить в привычной обстановке мои не лучшие годы.

Как создается возможность выхода из программы?

— У меня тоже проблема ревности. Она связана с тем, что когда появляются достаточно близкие люди, такие как подруга, друзья, мужчина, то через какое-то время они начинают меня ревновать. И высказывают эту ревность каким-либо способом.

— Так ты какую роль тогда выполняешь, когда разрешаешь себя ревновать?

— Так как это связано со всеми людьми, то есть даже не зависит от пола, то я стараюсь максимально оттолкнуть этих людей. Ограничивать стараюсь.

— Первично ты максимально к ним привязываешься, дабы они чувствовали, что ты их собственность, ведь ревновать можно только собственность. Если у тебя тотально всё происходит, значит, ты фактически им говоришь: «Я — твоя собственность». Он говорит: «Как хорошо, у меня собственность прибывает! Давай это, давай то». А ты говоришь: «Ах, ты, козел! Пошел на хрен! Я не собственность тебе, я сама по себе!» И ему бутылкой по голове.

— Постоянно так и происходит, да.

— Так смотри, что ты делаешь. Ты сама играешь роль этой собственности, а потом возмущаешься этим.

— Ты сперва подписываешь договор, что ты их собственность, а потом этот договор неожиданно расторгаешь.

— Причем, с оскорблениями: «Козел, ты что подумал, что я собственность?»

— В каком качестве ты им себя предлагаешь? В каком качестве ты выступаешь?

— Я не знаю. Как друг, скорее всего.

— Это красивое объяснение. Друг.

— Какой друг? Что он делает?

— Что ты делаешь, чтобы создать у них впечатление, что ты их собственность?

— Ничего, мы просто общаемся.

— Это значит, что ты не видишь.

— Что тебе нужно? Зачем они приходят? В каком качестве ты выступаешь?

— Мы как друзья.

— Врешь. Ты — собственность. Это игра такая: «Я — ваша собственность».

— Ты хочешь кому-то принадлежать. Тебе очень важно кому-то принадлежать.

— Чьи будете? Мужик, чьи будете?

— Бывают такие моменты, когда я просто пару месяцев могу одна находиться.

— Может, у нее страх одиночества?

— Когда я не хочу ни с кем общаться, то говорю: «Я не хочу с вами общаться». Могу месяц спокойно одна находиться, читать, чем-то заниматься.

— Подожди, что ты сейчас делаешь? Ты начала говорить про ревность, так ведь? Теперь ты начинаешь объяснять, что у тебя всё в порядке. Если всё в порядке, то тогда о чём разговор?

— Я не понимаю, почему я хочу играть роль чьей-то собственности.

— Давай, посмотри, ты чья собственность?

— Вот ты чья сейчас собственность? Хозяин у тебя есть? Давай, давай, говори! Кто твой хозяин? Ты чья будешь?

— У меня есть только бог.

— Да ладно, бог. Бога не трогай!

— Вот откуда это состояние? Ты чувствуешь, что ты принадлежишь кому-то, и они начинают ревновать, бороться за тебя, за собственность. Да?

— Сама я не чувствую, что как бы я принадлежу.

— Мы люди не здешние.

— Ты сама вроде и не чувствуешь, что принадлежишь, но по факту за тебя борьба идет.

— Да.

— По факту ты принадлежишь кому-то, раз борьба идет.

— Понимаешь, это всё равно, что автомобиль, например, подъехал к одному и говорит: «Я — твой автомобиль». Потом подъехал к другому и говорит: «Я — твой автомобиль». Те, кому он это сказал, потом встречаются и говорят друг другу: «Ты что тут делаешь, козел? Это мой автомобиль, он сам ко мне приехал!» Они начинают выяснять, чей это автомобиль и драться.

— Кстати, ты же говорила про факт драки между мужчинами.

— Правильно. Видишь, как хорошо! Можно сводить счеты, сказав обоим: «Я — твоя». А потом их столкнуть лбами, чтобы они начали друг друга тузить.

— Я их не сталкивала. Ну, а с женщинами, например? Им-то что между собой делить?

— Хитрая ты штучка. Провокационная.

— Ты принадлежала матери, ты была собственностью, которая маму обслуживала. Ты делала всё и с очень раннего возраста узнала состояние собственности, маминой собственности, так? А само состояние ты несешь-то куда потом? Дальше ведь в жизнь, правильно?

— Друзьям.

— Ты и друзьям также служишь, как матери служила.

— Ты их лечишь разговорами, спасаешь их. Они чувствуют себя прекрасно, сама рассказывала, что они начинают друг с другом разговаривать по-другому.

— Ты из детства посмотри, что ты принадлежала матери. И уйти ты никак не могла.

— Когда мать умерла, нужно было решить вопрос с отцом. Я осталась. Пусть там будут проблемы, но я всё равно осталась с отцом.

— Опять осталась, видишь? То есть это — принадлежность ребенка родителям.

— Это и есть бунт твоего ребенка, который считает, что ему нужно принадлежать родителям, а потом бунтовать. У всех такое происходит, но у тебя, в силу такого импульсивного характера, это более обостренно проявляется.

— Ну и в силу того, что сами условия были нестандартные, достаточно сложные с матерью, за которой нужно ухаживать.

— Чтобы быть с родителями, тебе им нужно принадлежать, то есть модель такая закреплена. Но потом это вызывает оборотную сторону, и ты кричишь: «Я не принадлежу никому из вас! Пошли все на хрен». А потом опять начинается: «Как же так? Я одна. А где же мои родители?» Значит, опять надо принадлежать. И опять ищутся эти родители, чтобы принадлежать.

— Значит, я на этих людей переношу то, что они как бы мои родители.

— Да.

— Ты им принадлежишь и ты даешь им это прочувствовать. Ты даже не улавливаешь то, как ты это устраиваешь.

— Да, я не улавливаю.

— Ну-ка, встань, подойди, меня по голове погладь. Есть кто-нибудь, кто мог бы сейчас тебя заревновать? Ну, хотя бы чуть-чуть здесь, в этой комнате. Никого?

— Я заревновал.

— Вот она то к одному на коленки сядет, то к другому.

— Да, Инна отражает мою модель потому, что я то же самое делаю.

— Отражает или не отражает, но в данном контексте смотри, как сыграло.

— Да.

— А с женщиной, например, есть это?

— С женщиной тоже самое. «Что это ты пошла с Машей, а не со мной?» Подруги-то все ссорятся из-за того, что ты с кем-то лучше и больше дружишь. Так что с женщинами точно так же.

— И как мне выходить из этого механизма?

— А зачем выходить? За тебя борются.

— Тебя устраивает это. И хочешь ли ты выходить? Большой вопрос. За тебя ссорятся, таким образом ты чувствуешь, что нужна. Кто же ссорится просто так?

— Жизнь зависит от тебя. Мамина жизнь зависит от тебя! Вот и всё.

— Да, да.

— Причем, ты находишь соответствующих актеров, у которых это тоже обострено.

— А чем тебя эта ревность не устраивает?

— Мне не нравится то, что именно меня пытаются собственностью сделать.

— Тебе не нравится, но именно на этом ты и строишь свою игру. Тебе надо увидеть свою игру. Ты это сама и подкладываешь, не понимая этого.

— Ты фактически человека парализуешь. Что происходило с мамой? Ты парализуешь и становишься его руками, ногами, головой и всем прочим. Ты действуешь, а он парализован. Ты парализуешь, а человеку по-началу нравится. О! Ничего делать не надо, она всё умеет, всё может.

— Я бы не сказала, что я за кем-то там бегаю, хлопочу.

— Все ответы ты знаешь, вернее, он вопрос задает, а ты ответы знаешь. Удобно. Всё время лечишь.

— Ты ухаживаешь как за мамой, у тебя есть эта способность. Ты умеешь это всё делать. Очень здорово умеешь делать. Представь, как хорошо!

— Просто я модель поведения с мамой перенесла на других людей.

— Совершенно верно.

— Из лучших убеждений кажется, что я им хочу помочь советом, еще чем-то. Наташа плачется: «Мне плохо, я приду к тебе переночевать, потому что меня муж достает». Я говорю: «Ну, ладно, хорошо».

— Вот ты и собираешь убогих, которым даешь надежду возрождения. А они за это цепляются. А потом тебе это становится в тягость и ты кричишь: «Пошли все вон!» Вот представь инвалида, который совсем расслабился, за него всё делают, а потом вдруг говорят: «Пошел на хрен!» Ему же совсем плохо.

— Нет, там еще один инвалид появляется. Конкуренция среди инвалидов идет. А она-то одна на всех — и за тем, и за другим ухаживает.

— Один кричит: «Уберите клизму!» А другой кричит: «Я писать хочу!» Разорваться ты не можешь, тебе тяжело, ты от одного к другому шарахаешься.

— Тебя достали, ты их всех отправляешь. Когда-то и отправишь: «Уйдите все, никого не надо».

— А потом опять у тебя начинается: «А почему я одна? Кому я нужна?» И опять инвалида какого-нибудь находишь, а за ним и второго и третьего.

— И ты в это играешь.

— Да нормальных здесь и нет.

— Спасибо.

— Так что смотри, это не есть плохо или хорошо, это есть твоя программа. Все играют в свои программы. У тебя просто такая программа. А когда ты не видишь программу, ты не можешь ее не играть. Ты будешь выполнять и выполнять ее до смерти, либо через осознание выйдешь на другой уровень.

— Я не видела, что была собственностью мамы. Я предполагала, когда за ней ухаживала, но тот момент не видела. Я была в этом положении, вошла в него.

— Дальше ты входишь в положение мамы. Понимаешь, ты же проживаешь две стороны, то есть ты делаешь кого-то своей собственностью. Например, того же инвалида, за которым ты ухаживаешь. Всё, он становится твоей собственностью. Но тогда он переживает то, что ты переживала, будучи ухаживающей за мамой. Вот они две стороны, они всё время и переплетаются. Весь сценарий строится на переплетении этих двух сторон. А ничего другого и быть не может. Обратите внимание, как работает программа: она не допускает ничего из того, что к ней не относится. Это просто невозможно. Человек и есть эта программа, он всё время разыгрывает то, что получил там. И всё, больше ничего.

— До тех пор, пока нет понимания программы, идут вопросы «почему?», идет раздражение и даже истерика, что я такая несчастная. А как только начинается ясное видение, то есть понимание программы, сразу становится спокойно. И тогда ты что-то уже можешь делать.

— Это и есть выход — вспоминание себя. Здесь мы есть программа, и это никто не отменит никогда. Тут есть только это. И только выйдя туда, ты начинаешь видеть это без осуждения. Просто ты это видишь. Но тогда ты вспоминаешь себя. И чем яснее ты видишь программу, которой ты здесь и являешься, тем более ты являешься тем, кто есть не от мира сего, тем более ты вспоминаешь самого себя. Вот он, этот процесс. Самоосознание, что это такое? Это четкость видения своей программы. Чем более четко ты ее видишь, тем более ты являешься осознающим. А если ты ее видишь полностью, то можно сказать, что ты совместил себя, находящегося там и здесь. Но тогда у тебя начинается другое, тогда ты уже не программа и твой сценарий строится иначе. Ты прижизненно можешь осознанно делать то, что не исходит из программы.

— У тебя выбор создается, да?

— Для человека спящего это невозможно. Он умирает. Умирая, берет следующую программу, с ней приходит и опять ее проживает. Опять умирает, опять уходит и опять приходит с новой программой. То есть человек спящий обусловлен программой полностью, он и есть программа. Вот в чём дело. Поэтому говорить с программой о программе невозможно. Можно говорить только с тем, кто осознаёт. Почему я всё время говорю о самоисследовании? Я обращаюсь к самоисследователю, а выставляется программа. Единственное, что может делать самоисследователь, это исследовать программу, которая у него здесь есть. Причем программа одна и та же, не надо бегать и искать. Исследуй сам себя, там всё есть. Но никто не хочет исследовать себя, все хотят исследовать кого-то.

— Это легче.

— Кажется, что легче. Но это бессмысленно, это как «искать не там, где потерял».

— Не так больно просто.

— Как кажется. Если я исследую другого, то только для себя. И никак иначе.

— Это ты сейчас говоришь, а тот, кто начинает поучать…

— «Поучать» — это вообще не исследование. Поучение — это пролонгация собственной программы, вот и всё. То есть каждая программа поучает другую, какою ей надо быть. Это полный идиотизм, ведь каждая программа такая, какая она есть. И ничего тут не изменится. Но все поучают друг друга, это полный идиотизм в этой жизни.

— Борьба продолжается.

— Да, всё хорошо. В этом смысле всё нормально. Программа работает.

— Напряжение есть.

— Получается, что трудность отказать кому-то возникает из-за того, что я считаю себя собственностью, а собственность не может оказать. Да?

— Тебе надо дойти до пика, чтобы взрыв произошел. У тебя отказ идет только через взрыв. Ты будешь всё делать, делать, делать. Потом у тебя накопится всё это и ты заорешь: «Пошли все на хрен!» То есть ты не спокойно это говоришь. А сказав, будешь испытывать вину.

— Более того, всё, что ты делаешь, будет вызывать у них недовольство, потому что для них всё не так.

— Они и спасибо не скажут, а у тебя еще и обида появится, что ты им помогала.

— Да. «Я для тебя всё делаю, а ты постоянно недоволен». Инвалид есть инвалид, психология инвалида другая. И люди соответствующие под программу твою подбираются.

— По большому счету ты как помойное ведро: накопили и слили в тебя. Потом опять копят и снова появляются. Они же приходят, когда им плохо.

— Не обязательно. Когда хорошо, тоже приходят.

— Значит, им радость слить надо.

— Надо укрепить ведерко мусорное.

— Когда ведерко наполнено, оно понимает, что оно ведерко. А когда в нём ничего нет, оно не понимает, кто оно. И тебе тогда совсем плохо. Поэтому тебе и надо, чтобы ведерко наполняли.

— Да, ведерку нравится, когда в него льют, пока оно неполное. А когда наполнится, то возникает: «Все пошли на хрен!» И меня еще начинают обвинять.

— Оно всё это выливает на них. Они в недоумении, мягко говоря, а ведерко не понимает: «А кто же я? А чем заполнено?» И опять всё продолжается.

— Оно радо, что пришли.

— Потом это ведерко думает: «А куда бы мне всё это слить?» И как взорвется на кого-нибудь! Как обольет! И тут истерика.

— Так, что еще?

— *Я бы хотела обсудить тему отношений с мужчинами.*

— Неграми, китайцами, японцами?

— *Неважно. Если рассматривать мои взаимоотношения с отцом, то это были отношения презрительные, то есть я его презирала. Если рассматривать взаимоотношения с матерью, то у нас ней просто непримиримая борьба. Причем настолько, что ни я ей не уступлю, ни она мне не уступит. Получается, что я борюсь в себе, да? Женщину в себе я постоянно третирую, а мужчину презираю. И получается, что отношения мои с мужчиной строятся по следующей схеме: поначалу у меня страх перед любым мужчиной, потом я ему уступаю. Причем уступаю в постели, а если он остается и меня не бросает, то взаимоотношения какие-то завязываются. После этого у меня начинается этап разочарования в мужчине, он меня бросает, а я страдаю и себя жалею.*

— А его презираю.

— *Его презираю, да. Я его раньше начинаю презирать. С того момента когда у нас начинают завязываться отношения, я начинаю его узнавать, нахожу поводы для презрения. С разными мужчинами по-разному. Один обо мне заботится, я за это его презираю. Другой мужчина не заботится и не умеет позаботиться о себе, я его тоже презираю.*

— Основным является просто презрение. Его надо презирать. А так как ты его изначально презираешь, то ты создаешь ситуацию, чтобы он был презренным. Он и должен проявить себя, как презренный, чтобы ты сказала: «Вот видите, какой он! Его и надо презирать!» Ты создаешь этот спектакль, они приходят на презрение. А потом, презирая его, ты испытываешь жалость к себе. «Вот они какие приходят! Презренные! Как мне, женщине, тяжело жить! Не могу я себя проявить как женщина, остается мне только жалеть себя как женщину, потому что все они презренные». Общая схема такова?

— *В общем-то, да.*

— Вот о чём я тебе и сказал, что ты женщину проживаешь через жалость. Фактически, твоей женщине всё время надо убеждаться в том, что она не женщина, и жалеть саму себя. То есть как бы она говорит: «Я не женщина, меня нет!» И жалеет себя за это. У тебя нет противоположной стороны — женщины, гордящейся собой. «Вот какая я женщина!» — это противоположность. У тебя дисгармония в одну сторону очень сильная.

— Я не могу понять.

— Вот ты даже не можешь это понять…

— Нет, женщину, гордящуюся собой, я могу понять. А при чём здесь презрение к мужчине?

— Ты гордишься-то собой как женщиной или как мужчиной?

— Как мужчиной.

— А все твои заслуги — это заслуги женщины или мужчины?

— Кто выгоняет мужика-то в конечном счете? Мужик же и выгоняет! И этот мужик в тебе говорит: «Слушай, все эти мужики — фигня! Я же тебе говорил, что они все дерьмо! Видишь, какой он, я же тебя об этом предупреждал». А она-то и не может себя даже проявить, потому что у тебя всё время дело имеет мужчина с мужчинами. Твой мужчина хочет доказать, что другой мужчина — полное дерьмо. Презренный!

— Хорошо. А где в это время женщина?

— А женщина сидит в темнице где-то, ее даже не допускают.

— Опиши свою женщину, какая она у тебя? Как ты себя видишь как женщину? Вот Даша описывала, а теперь ты опиши своих внутренних женщину и мужчину. Какова твоя женщина, каков мужчина и их взаимоотношения.

— Женщина у меня, если брать представления о женщине, то она мягкая, нежная, достаточно элегантная, изысканная, утонченная, в меру кокетливая.

— Где она проявляет эти качества? С кем она их проявляет? Откуда она знает, что она такая?

— Она их проявляет с мужчиной, в общении с мужчиной.

— А что за мужчина тогда?

— Я уже его описывала в прошлый раз.

— Опиши еще раз.

— Давай, давай, там презрение где-то есть.

— Мужчина должен быть, на мой взгляд, уверенный в себе, решительный, нежный…

— За что презирать-то?

— Слушай, это вообще романтизм. Откуда тогда вся история твоей жизни? У меня такое ощущение, что ты описываешь не реальных внутренних мужчину и женщину, а описываешь какую-то мечту. А реальное совсем не то, потому что

реальность отражает твоя жизнь, где ты говоришь, что презираешь мужчин, а с женщинами борьбу непримиримую ведешь.

— *А-а-а! Всё, я поняла!*

— *Это то, что есть так, как оно есть.*

— То, что есть.

— *Давай то, что есть. Как Даша описывала.*

— *У меня так получается: мужчина, который сейчас есть, это мачо. Он проходит мимо, видит женщину, трахает ее и бросает. То есть мужчина, по сути дела, не считающийся с женщиной и унижающий ее.*

— Хорошо, а что за женщина?

— *Женщина сильная.*

— Сильная? А как же ее так легко трахнули и бросили?

— *Нет. Дайте я скажу. Женщина сильная, но как бы любящая пострадать.*

— *Сильно любящая пострадать.*

— *Жертвенная такая. Она вроде как для него должна всё делать, при этом он это не ценит. Он ее бросает, она очень сильно страдает.*

— И переживает это страдание еще и еще раз.

— *Еще раз и еще раз, да.*

— Она стоит на ветру и ждет, когда мачо придет. Идет мачо, хватает ее. Она: «Ах, ужас! Я так и думала, что все они сволочи!» А он бросает и уходит. Она опять встала, отряхнулась и опять ждет. Он идет по второму кругу, он даже не запомнил ее. А она помнит, что он подлец, но не может отказать! Он опять трахнул, опять забыл. А она в грязи лежит, потом встала, отряхнулась, сказала: «Подлец!» Он по-третьему кругу пошел.

— *Завтра опять пойду, да?*

— А он не помнит. Смотрит, опять баба сто**и**т, дурочка такая.

— *Она делает вид: узнает или не узнает?*

— Вот такая у тебя интересная парочка. Мужик ходит всё время по кругу, а на углу его всё время встречает женщина. Они даже познакомиться не могут. Он ее не замечает вообще, он всё время считает: раз, два, три, четыре, пять…

— *Он думает, что с разными встречается.*

— Да, у него их уже пятьсот. Если он узнает, что это одна, то убьет.

— *Он маршрут поменяет.*

— Но она не сменит его тоже, она от него никуда не уйдет.

— *Она выследит его от презрения великого.*

— *Причем, она его этим презрением насилует.*

— Он поэтому и не помнит ничего. Когда ему это сказали, у него заворот мозгов случился, он забывать стал.

— *Он говорит: «Я больше сюда не пойду», а сам идет.*

— Ходит и ходит. Ему-то кажется, что он с разными трахается, а она-то знает, что с одной. И она четко знает, что он подлец и он сделает это. Он это и делает. И он, подлец, не знает, что он это делает.

— *Я туалет вспомнил, о котором говорили.*

— *Молчи!*

— *Я молчу, молчу.*

— *Презренный!*

— *Всё это было бы весело, если б не было так грустно.*

— От страшного до смешного один шаг. Я лично его делаю. Желающие тоже могут посмеяться, а нежелающие могут пострадать. Видите, ваши программы еще разрешают посмеяться, а есть такие программы, которые не разрешают смеяться. Только плакать и плакать!

— *Святое!*

— Да, только плакать, подтверждая важность меня. «Как это, ты смеешься надо мной? Свинья! Если ты, который из Того мира, думаешь, что я твоя собственность, то пошел ты…»

Глава 6. Интерес к познанию программы есть интерес к познанию себя

Программа есть отсутствие выбора, выбор — в видении программы

— «Вот, Надя, так произошло, что у нас умер папа, я осталась одна. У меня вас двое — ты и твоя младшая сестра. Ты старшая и с сегодняшнего дня о детстве, о своих интересах забудь. Ты — моя помощница. Я уезжаю в другой город, ты остаешься с бабушкой и выполняешь мою роль матери по отношению к сестре. Ты сейчас должна быть сильной, играть тебе уже некогда. Твоя задача — помогать бабушке дома и в школе учиться хорошо, чтобы не было проблем».

— Дочь: «Мама, я тебя понимаю. Мне сейчас очень больно и всё это неожиданно тяжело. Но я не готова быть матерью для сестры. Я ее старше на шесть лет, но у меня нет опыта матери. Я не хочу. Я не хочу проводить время, если у меня есть свои интересы. Я хочу играть в куклы, я хочу играть с друзьями. И я не хочу быть матерью».

— «Ну, хочешь ты этого или не хочешь, у тебя нет выбора сейчас. Я не могу снять с тебя эти обязанности, потому что меня рядом нет. Ты просто обязана это выполнять, это твой долг. Иначе будет плохо бабушке и сестре. Выбора просто нет».

— Вот смотри, ключевые моменты: заставляют делать то, что не нравится, и выбора нет. Отсюда вот это состояние «я не понимаю, почему мне надо делать». А потому что выбора нет.

— Есть приказ забыть свои интересы. Потом удивляемся, почему у этой женщины нет своих интересов. Она погрузилась в чужие интересы…

— Да. Потому что был закреплен в программе приказ: «выбора нет, интересы только чужие, своих интересов нет». И смотри, как оно зафиксировано. Это надо осознать и тогда эту программу можно изменить, запрет на это снять. Выбор есть. Интересы есть. Нужно вернуться к тому программному моменту, где была поставлена галочка о том, что есть только чужие интересы. Нужно снять ее и поставить другое: «выбор есть, интересы мои есть». Если это не изменять, то она работает и работает.

— Почему это возникло? Она боялась, будучи маленькой. Она хотела быть очень послушной, чтобы мама ее любила, хотела помочь маме очень сильно.

— Ну, у ребенка просто были отец и мать. На пьедестале был отец, а когда отца не стало, на пьедестал встала мать. И у ребенка послушание практически перешло от отца к матери. Вот этот долг и ответственность и есть как бы основное.

— То есть это солдатская система: майор сказал — солдат выполнил. Всё. Приказ не обсуждается. Если сказано, что выбора нет, значит, его нет.

— Там это вообще не обсуждалось, меня мать воспитывала взглядом. Меня не били и не ругали, я не помню этого. Но взгляд матери был очень сильным. Если на меня посмотрели, то я понимала, что этого делать не надо. Без слов даже.

— Да. То есть бунта никакого нет. Ведь мог быть бунт, например, да? Но его не было. Достаточно было просто посмотреть, и уже всё было ясно. Это солдат, который очень четко исполняет свои обязанности.

— Бунта не было. До тридцати семи лет или до сорока его вообще не было. Сейчас как-то пошло по-другому, но не всё. В какие-то моменты я могу поступить так, могу иначе.

— Да. Но даже нет представления, что я могу иначе. Когда «мое» умирает или уходит, то солдат будет искать кого-то, кто заменит место этого майора. «Кто мне будет приказывать? Я сам не могу. Я не знаю как». Понимаете, это проблема очень многих людей в той же тюрьме, в армии. Почему они не уходят оттуда? А потому что в этой жизни не будут говорить, тут самому надо делать. Но привычка выполнять чьи-либо приказы очень велика.

— Да, у меня очень сильная привычка.

— Вот здесь надо рассмотреть программу и то, где было поставлено вот это. Но к этому же надо иметь тенденцию, потому что так можно продолжать и до конца жизни. Как бы всё налажено, что называется. Да?

— Ну, программы мы уже касались, и я уже какие-то моменты видела.

— Сейчас по аналогии начинаем с «мужчины — женщины». Кажется, что мужчина сильный или женщина сильная. А на самом деле ребенок маленький, который не имеет выбора.

— Он солдат. Это маленький солдат, который ждет, когда ему прикажут. А тут получается, что ему никто не приказывает и он мается, он не знает что делать. «Что мне делать? Куда мне идти?»

— И даже недоволен, когда непонятно ничего, да?

— Совершенно верно. Солдат и не может действовать непонятно. Да?

— «Дайте мне задание, прикажите что-нибудь, тогда ясно будет».

— Да. Майор же не приходит и не говорит: «Ну, ребята, можете делать чего-нибудь. Можете копать яму. Если неохота, то пострелять можете. А хотите, так можете выбросить свое оружие». То есть солдата это вообще заклинит. Поэтому говорится, что надо делать и как надо делать: «Вот это делай и это». Если есть проблемы, то солдат спрашивает: «Как делать дальше?» Ему говорят: «Делай вот так». Еще проблемы, еще делай вот так. Но и солдат тоже воспитывается, то есть ему дают приказ, а он уже его выполняет сам. Это уже другой уровень солдата. Это уже, так сказать, взводный, ротный и так далее.

— А ей же сразу и было сказано: «Ты моя замена. Всё. Делай как я, по-моему подобию».

— У моей мамы очень развита мужская часть. И интеллект у нее есть. Но она всегда считала, что ее интеллект слабый и у нее свой комплекс по этому поводу был. У отца интеллект был, а у нее как бы не было, она всегда себя занижала. То есть у нее низкая самооценка, поэтому она себя неинтересной считала. И по своему подобию она воспитала женщину во мне.

— Понимаете, чем проще человек, тем более важен у него закон, правила. Почему люди так склонны к правилам и к поиску этого? Потому что правила всё четко объясняют. «Не желай смерти ближнего», — например. Только непонятно, как их соблюдать. И простому, так сказать, человеку нужен закон. Но закон-то всегда имеет силу только одной стороны, а другая вообще не учитывается.

— Задохнемся тогда.

— Так, пожалуйста, еще кто?

— Началось еще со вчерашнего разбора, с вопроса: «Откуда вызывается ревность?» Выяснилось, что моя женская часть является собственностью. Понемногу стало раскручиваться и такая увиделась игра: моя женская часть как собственность привлекает какую-то часть людей, мужчин, например. После чего, когда он полностью в это поверит, вступает вторая часть — мой мужчина. Это боец, который вступает в борьбу и имеет с этого кайф. Он ударяет с определенной силой, которую он рассчитал. Например, в данный момент он хочет вот так ударить. Возникает боль, этот человек обижается, пытается уйти, но опять выходит женская часть. Ей же интересно! Его ударили, но надо еще обратно его вернуть и с этого тоже кайф получить. И вот такая идет борьба.

— То есть женская часть выступает как приманка. А мужчина, пользуясь этой приманкой, свою борьбу осуществляет.

— Да. Но женщина тоже имеет свой кайф. Ведь тот, кого ударили, обижается и уже не верит ей, что она его собственность. И она начинает ему это доказывать и тоже свой кайф имеет. Но тут проблема в том, что я

вспомнила, что при всей этой игре у меня возникает резкий такой непонятный для меня перепад. Как псих какой-то, не связанный ни с той, ни с другой стороной, когда я просто собираю вещи и говорю: «Пошел вон отсюда!» Боец стоит такой удивленный, он не получил удовлетворения, потому что ему надо бодаться. А «собственность» тоже не понимает, что случилось. И у нее тоже: «Почему вон?» Я стала с этим разбираться, кто кого посылает на хрен, откуда вообще эта программа? Скорее всего из детства.

Получается, что моя мать ради любви к отцу постоянно меня отталкивала и посылала «на хрен». А я постоянно боролась за внимание и ждала какую-то ответную реакцию от матери. «Я вот такая хорошая, я за тобой ухаживаю, всё для тебя делаю». Но даже умирая, она простилась только с ним. Больше ни с кем: ни со мной, ни с моей сестрой. Простилась только с отцом и умерла. Это особенно меня больно ранило. И теперь этот вопрос у меня. Получается, ребенок посылает на хрен мужчину, чтобы мать могла дать мне любовь. Если я выгоню мужчину, то есть отца, то моя мать останется со мной и будет всё внимание давать мне, будет любить меня. Я предполагаю только…

— Вот смотри. Здесь пара «отец — мать» и «ребенок — родители». Тут оно всегда в паре идет, всё равно должна быть какая-то пара.

— И вот здесь я застреваю.

— То есть отец и мать — это пара. И ты как ребенок сперва бодаешься с отцом за внимание матери.

— Да. Получается, что я устраняю мужчину, чтобы мать на меня обратила внимание.

— Ты с отцом борешься за внимание матери.

— Да, за ее любовь. То есть получается, что ребенок посылает на хрен мужчину, потому что в подсознании идет, что если он останется один, то мать даст ему внимание.

— У тебя отождествление как с матерью, так и с отцом. Но так как ты по телу-то женщина, то чтобы тебе соединить женские части, нужно послать на хрен мужскую. Смотри какая хитрость.

— Да.

— И еще. Ты осуждаешь мать за то, что она поддерживает эту борьбу между ребенком и отцом. Если бы мать распределяла внимание между тобой и отцом, то ты бы это чувствовала. Но мать этого не делала.

— Да. У меня еще наглядный пример, что она первую свою дочку, то есть мою сестру, отдала бабушке, чтобы та не мешала ей жить с моим отцом, ее

вторым мужем. Это тоже психологический большой фактор борьбы, что меня точно так же могут спихнуть и выкинуть, не давая ничего.

— То есть ты боишься потерять внимание матери.

— Так, теперь смотри. Возьмем отца и мать как систему и ребенка еще. Да? Значит, если бы мать так хотела быть с отцом, то зачем тогда ей дети?

— А я ей часто задавала вопрос: «Зачем мы вообще нужны?»

— Значит, ей нужно было что-то. Она сбрасывала нечто на ребенка, чего не сбрасывала на отца. И у нее это было. В ином случае ей не нужна была бы такая часть системы, как ребенок.

— Может быть страх потерять отца. Тогда надо родить ребенка…

— Да, страх потерять отца. И этот страх она проявляла на ребенка, всё время его отгоняя, тем самым поддерживая противоположную сторону по отношению к отцу: «С тобой-то я хочу быть всё время». Но если бы не было детей, эта сторона реализовалась бы там. Но на самом деле ты-то чего хочешь? Ты же хочешь соединиться? Да?

— Да.

— А отец-то хотел детей? Ты — желанный ребенок?

— Да. Я слышала, что отец хотел целую команду детей, хотел играть с ними в футбол, в волейбол. А мать кучу абортов сделала. Странно, что я вообще родилась.

— Значит, отец хотел больше детей, а она ему всё время себя подсовывала: «Ты со мной будь, только со мной будь. Никаких детей». А он говорит: «Я хочу целую футбольную команду».

— То есть мать боролась за внимание отца, а ты ей мешала.

— Да. А зачем она тогда меня родила, если я ей мешала? Чтобы удержать?

— Отцу нужны были дети, поэтому она всё-таки родила. Если она рожать не будет, он вообще другую женщину найдет, которая родит ему пятерых или всю команду.

— Это из программы удержания мужчины.

— Конечно. Вот и разговаривай с ней. Ты можешь как ребенок с ней разговаривать, можешь с ним разговаривать.

— Во-первых, тебе сейчас надо выяснить соотношение, так сказать, у отца и матери. Потому что ты как ребенок не можешь понять, в какой игре ты участвуешь, если ты не поймешь, какая игра идет между ними. Возможно тебе нужно сейчас провести диалог отца и матери. Вот начинай с претензий или желаний. Желаний

или нежеланий. Там могут быть: «Я очень хочу, чтобы вот это было». Или: «Я очень не хочу, чтобы вот это было».

— Тогда мать: «Ты вечно пьешь, где-то там ходишь, пропиваешь деньги. Часть, конечно, приносишь домой. Ты, в принципе, хороший отец, ты любишь ребенка. Но почему, когда приходишь ко мне, постоянно меня ревнуешь? Почему постоянно устраиваешь скандалы вплоть до того, что начинаешь меня бить? А мне неудобно потом ходить с синяками, я не знаю, как объяснять. И я не понимаю, откуда у тебя эта агрессия и почему ты пьешь вообще».

— Так. Теперь сюда садись, рассказывай.

— Отец: «А что хорошего у меня дома? Чего я должен? Мне напиться нужно, чтобы просто уйти от неудовлетворенности и боли. Ну, пришел я домой, о чём-то поговорил, поел и что дальше? Опять телевизор, футбол. Что еще я могу? Чего мне здесь вообще делать? А так можно развлечься: напиться и тебя отпиздить заодно».

— Значит, у него нет удовлетворенности и он таким образом это выражает. А в чём его неудовлетворенность?

— Ну, я так думаю, что если бы не было ребенка, возможно, он даже бы ушел.

— У него неудовлетворенность-то в чём?

— Чем он недоволен?

— Почему он пьет и почему он ее бьет? Он бьет-то себя в ее лице. А за что он себя бьет?

— Внешне это выражалось так: он считал, что она изменяет ему. Хотя он прекрасно знал, что это не так.

— Замечательно, значит он считает, что она изменяет. А если она изменяет, то как бы она кого-то предпочитает ему. Значит, кто-то лучше, чем он. А в чём он хуже тогда?

— Ну, он может предъявить, что: «Твоя мать вечно науськивает тебя на меня. Ты мало внимания мне уделяешь…»

— Опять внимание, смотрите. Вот она, устойчивая тенденция: любовь, внимание. Что это такое? Интерес ни чем не конкретизированный, так сказать. Эти слова — они совершенно пустые, но именно они используются всё время в самых трагичных ситуациях. Да?

— Да.

— Чем он не удовлетворен в себе? Он бьет самого себя. Если она науськивает, то на что именно? Что именно не так?

— Какой там ему мерещится соперник?

— Чем он плох-то? Чем лучше соперник, которого он ревнует всё время к матери? Он чем-то должен быть лучше. А у него это должно быть хуже.

— Он же бьет из-за того, что как бы есть какой-то соперник. И тогда он чувствует свою неполноценность.

— Он чувствует в матери ту силу, которая внутри у нее. Он чувствует себя слабее ее.

— Опять общие слова. Надо сказать, чем он хуже.

— Смотрите, весь мир людей — это общие слова. Когда мы начинаем касаться этого, то всё, дальше ничего не проходит. И с этим разобраться невозможно. Невозможно. Тогда остается только одно — ругаться, драться, бить. «Я ничего не понимаю. Ничего я не понимаю, что происходит у меня!» Это полная темнота. Это мрак сознания.

— Всё-таки я вернусь к тому, чтобы разговор начали не отец с матерью, а ребенок с матерью и ребенок с отцом. Потому что у ребенка есть вопросы. А если отец с матерью начинают разговаривать, то мы к чему возвращаемся? Опять к тому же. Там мать включается и они опять как дети. То есть мы опять на тот же круг пришли. Разговаривайте как ребенок с матерью или ребенок с отцом. Начните с этого.

— Хорошо.

— И начинайте эти претензии предъявлять. Пусть мать говорит и пусть ребенок говорит, иначе тут опять тоже самое.

— «Мама, почему ты больше любишь папу?» — «Малышка, Инночка, ты чего? Я о тебе забочусь, я тебя люблю. Почему ты думаешь, что папу я люблю больше? Я тебя люблю очень сильно». — «Ты постоянно ругаешься с папой, не обнимаешь меня, не целуешь. Когда ты с ним ругаешься или его долго нет дома, ты бегаешь по дому, нервничаешь, ни слова мне не скажешь, как будто меня совсем нет». — «Ну, я нервничаю, потому что хочу тебя защитить. Ведь если отец придет пьяный, то важно, чтобы он не обидел тебя».

— Тире меня, потому что я на тебя не смотрю, ты мне не интересна. А объяснить как-то мне нужно. Тогда, типа, я тебя защищать буду. То есть играть мне с тобой совершенно неинтересно, но я буду защищать тебя. На самом деле я не тебя буду защищать, я себя буду защищать. А волнуюсь я по той причине, что сейчас мне придется тебя защищать.

— Да.

— То есть: «Мне угрожает опасность от отца».

— Да.

— В чём опасность от отца? От чего я, так сказать, себя хочу защищать?

— Мать переживает состояние опасности от встречи с отцом. Так? И этим она объясняет, что у нее нет к тебе, скажем, ласки. «Мне не до тебя тут с ласками, я вся в напряжении перед приходом отца». Так?

— Да.

— Какие тут ласки, когда тут снаряды всё время летят, взрывы гремят.

— На самом деле, надо подготовиться к бою.

— Да.

— То есть маме вообще нет дела до ребенка. Она взяла ребенка как дополнительный щит для собственной защиты в этой игре. Правда?

— Да.

— Так в чём страх матери-то? Чего она боится?

— Боится, что отец, наверное, бросит ее и уйдет.

— Она боится остаться одна.

— Нет, подожди, а что значит «бросит»? Вот сейчас придет пьяный, начнет ругаться и так далее. Если он бросит, так и слава Богу! Тогда вообще ничего не надо бояться. Он не придет и бояться его не надо. Так она боится…

— И ждет.

— Смотрите, парадокс! Она боится, что он уйдет от нее и тем самым прекратится эта война.

— Да.

— Это всё равно, что солдат боится, что стрелять не будут, артподготовки не будет. Он боится, что его не убьют. Понимаете? Вот он, парадокс полный!

— Вот смотри. Мы начали с чего? Ребенок боится, хочет устранить отца, чтобы получить внимание матери. Правильно? На самом деле так и есть. Ребенок действительно очень хорошо чувствует эту войну, в которую всё время отец с матерью играют. Да? И тогда надо устранить отца.

— То есть решение очень простое.

— Тогда мама уже успокоится.

— Да.

— Будет спокойной и будет мне уделять внимание. Но мама не хочет успокаиваться.

— Ей нужна эта война. Она говорит: «Я должна тебя защищать». Так убери объект, который нападает и не нужно будет защищать. А ей надо защищать, значит нападающий объект очень нужен. Поэтому она совершенно не заинтересована в устранении этого.

— Мама боится.

— И всё это, естественно, передается ребенку, эта война внутренняя у него всё время. То есть нужен тот, кто нападает и нужен тот, кто защищается. Но при этом никто и не хочет кончать эту войну. Она будет продолжаться.

— С мамой сейчас как бы ясно, мама готовится к войне перед приходом папы и ребенка использует.

— Готовит тоже к войне.

— Теперь с отцом поговори. Ты знаешь теперь, что мама его боится. Да? Из-за него, собственно говоря, никакой ласки ты как ребенок не получаешь.

— Да.

— Так поговори с ним.

— На самом деле мама не просто его боится, мама с ним воюет. Это большая разница. То есть ей это в кайф. Бояться — это когда от чего-то хочется избавиться, как кажется. Но мы знаем, что страх — это желание. Таким образом это и есть нечто вожделенное и ей нужно, чтобы кто-то приходил и нападал на нее. Тогда она может защищаться.

— Если этой тирадой озадачить пятилетнего ребенка, он ничего не поймет. Пожалуйста, говори с отцом как пятилетний ребенок, чтобы ребенку было понятно. Потому что это всё понимает взрослый, а ребенок не понимает.

— «Папа, я тебя же люблю. Когда мы вместе, ты меня куда-нибудь берешь, нам так хорошо. Почему ты всегда ругаешься с мамой? Я тоже люблю маму. Когда ты трезвый, маме хорошо бывает. Ты почти не ругаешься. Даже иногда куда-нибудь ходим. И мне с тобой всегда хорошо. Ты меня берешь кататься на лыжах и вообще везде за собой таскаешь. Но когда ты приходишь домой пьяный, вы с мамой начинаете ругаться. Ты ничего не видишь, меня отталкиваешь, я плачу. А вы ругаетесь и не хотите даже смотреть на меня. Мне кажется, что я тебе не нужна».

— «Ты меня не поймешь, потому что твоя мать бывает такой невыносимой! Придешь домой, а она с такой рожей смотрит на меня и что-то

говорит. А я и так устал, выпил, мне тоже расслабиться надо… Ты здесь не при чём».

— Так о чём ему говорит рожа матери, на которую он смотрит и хочет ударить? Он же на себя смотрит, а она ему выражает его неудовлетворение внутреннее по поводу чего-то. По поводу чего?

— «Я в этой жизни хотел другого. А теперь должен жить с этим в том, что ты предлагаешь мне».

— А что именно он хотел? Он не состоялся, значит.

— Он не состоялся. Да.

— А кем он хотел состояться? Когда он видит ее так называемую «рожу», он понимает, что не состоялся. Именно эта рожа ему об этом напоминает.

— У него презрение к себе, наверное.

— В принципе, он получил высшее образование, мама ему помогла. Но чтобы получить квартиру, ему пришлось практически на стройку пойти, где он и начал пить. Хотя ему хотелось, я думаю, карьеру сделать и всё такое. У него были запросы, у него были очень хорошие возможности подняться по карьерной лестнице на заводе. Но так как есть жена и ребенок и жить толком негде, то, чтобы получить квартиру, надо было так сделать.

— То есть когда он на нее смотрит, он понимает: «Я бы сейчас мог быть главным инженером или еще кем-то. Но из-за тебя я стал рабочим. А рабочий будет пить и бить тебя за то, что ты не дала мне возможности стать тем, кем я хочу». И это вечный укор, так сказать, и видение перед собой того, что «я не то, чего я хотел».

— То есть он желает всё время ее бросить ради той мечты…

— Он желает бросить стройку ради того, чтобы стать главным инженером. Но он понимает, что главным инженером он уже не станет.

— Всё, он уже попался.

— И единственное, что он может — это свою ненависть, злобу и агрессию проявлять. И всё. И они сцепились в этой войне.

— А мать прекрасно понимает, что если она дала бы возможность ему дальше идти, то скорее всего, он бы ее и бросил.

— Вот.

— И она его очень хорошо чувствует.

— Да. Потому что она годится здесь только для этой роли. А в той роли, в том спектакле ее и нет, поэтому она и дала эту возможность почувствовать. Но она же ее и пресекла.

— *Сейчас он понимает, что если б он всё-таки реализовал себя как инженер или просто достиг какой-то карьеры, то у него была бы квартира, машина и положение.*

— Там были бы свои проблемы и так далее. Но до них еще дойти надо.

— *Только этой жены уж точно не было. А она-то его держит намертво.*

— *Да.*

— *Еще ребенка родила.*

— *Многие его друзья были в шоке, когда узнавали, что у него такая семейная жизнь. До встречи с мамой он был веселым, душой компании, все друзья были от него в восторге. Для многих это стало вообще шоком…*

— Вот. Но смотри, мать воплощает его сторону неудачника. И она в ней очень сильна. На самом деле именно эта сторона получила основное развитие. Вот есть удачник в потенциале. Да? Мог бы быть. Но его нет. А есть вот этот рабочий, который работает и пьет из-за того, что понимает, что он уже не станет тем, кем хочет. И мать-то воплощает эту его часть на самом деле.

— *Ты сейчас понимаешь их игру?*

— *Да.*

— *Можешь ли ты им позволить как ребенок играть в эту игру? Потому что сейчас тебе уже не пять лет.*

— *Да. Конечно.*

— Но тут всё осложняется тем, что эта программа заложена в нее. И эту программу она разыгрывает внутри самой себя.

— *И со своими парнями.*

— Да.

— Смотри, что ты делаешь. Ты как бы его возносишь, говоря: «Ты хороший такой! Я твоя вещь». А потом ты делаешь наоборот, так же как и мать твоя, которая дала возможность отцу окончить институт, а потом подрезала это всё. Точно так же делаешь и ты. Ты даешь ему почувствовать, что ты всё можешь для него сделать, а потом говоришь: «А пошел ты на хрен!» И всё, у него скамейка из-под ног летит.

— *Ну, не всегда я на хрен посылаю. Сначала-то…*

— Так понятно, там ведь несколько стадий, так сказать. Да?

— «На хрен» — это последняя стадия. Точка.

— Да, это убедительно. Пока есть кайф от борьбы, мы продолжаем борьбу. Когда эта борьба с ним уже надоела, мы подсекаем скамейку, и он улетает. И дальше мы ждем следующего.

— Ты как бы говоришь: «Я тебя увольняю». И выбиваешь скамейку.

— В принципе, это программа уничтожения отца в борьбе за власть. Поэтому я осталась с отцом и в гроб его заколотила.

— Упаковала.

— Понимаете, программа работает. Как ни говори: и так и сяк, смейся или плачь, но всё один хрен — она работает. Вот оно присутствие смерти. Вот говорят же: «Смерть не обманешь, смерть не проведешь». Или: «Сильна как смерть». Чем она сильна? Да тем что она действует, и ничего вы сделать не можете. Вот как она действует, так она и действует.

— И выбора тут никакого нет.

— Да. А это и есть программа. Она сильна как смерть. Хрен вы ее обойдете! Не обойдете. Поэтому единственный способ — это видеть ее. И когда ты увидишь ее полностью, вот только тогда…

— Появляется выбор.

— Да, только тогда появляется выбор. А до этого никакого выбора нет. Но есть иллюзии выбора. Посмотрите, вот слова звучат постоянно: «интерес», «любовь», «понимание». Это самое распространенное, что здесь говорится. Никто ни хрена не понимает, что это такое, зачем это и что это значит. Но во имя этого люди вершат такие вещи, называя это словами. Хотя эти слова вообще ничего не значат, это иллюзия, но человеку же надо как-то объяснить! Он говорит «я» и ему кажется, что он может что-то выбирать и делать, так сказать, понимая это. Но он ничего не понимает, а эти слова как будто бы дают понимание. И тогда: «Всё во имя любви, во имя интереса». Или: «Ты мне не дал внимания». Что это такое? А хрен его знает! Чтобы понимать это, надо начинать рассматривать программу, чего люди делать не хотят, а многие просто не могут. Вот как интересно.

— Спасибо.

— Тема алкоголизма продолжается. Я немножко предысторию расскажу. В общем я сознательно вошла в ту непрожитую часть своей жизни. Десять лет назад я с мужем разошлась по причине его алкоголизма. И пять месяцев тому назад мы с ним решили сойтись по обоюдному согласию. Он предложил начать всё с чистого листа. Я тоже со своей стороны решила, что где-то что-то не прожито и нужно прожить нечто недополученное. Плюс к этому мои высокие идеалы, что хорошо бы помочь человеку, который действительно, как мне казалось, хочет остановиться и не пить, а начать новую жизнь.

— Сменить водку на кока-колу.

— Но в результате совместного проживания оказывается, что мне всё это не очень нравится. То есть он срывается и опять пьет. Причем, теперь он пьет вместе с моим братом. И мы еще к тому же заключили сделку. Суть ее такова. Он не работает, но у него есть квартира, которую сдали квартирантам. Там живут люди, деньгами пользуемся мы. Теперь уже он сам просится назад вернуться и говорит: «Я уже не могу, я не выдерживаю здесь с вами. Я хочу вернуться назад. Меня моя жизнь устраивала, как жил раньше, так и буду жить». Но вернуться он не может по причине того, что квартира занята. Я со своей стороны тоже вынуждена терпеть его, его алкогольные состояния. Он агрессивный, злой такой, раздражительный, нервный. Со мной он это не проявляет, но это всё на дочь, на детей выливается. Со мной еще живут дети брата. Он говорит: «Я их ненавижу. Я вообще не знаю, как ты тут с ними живешь. Выгони их». Я говорю: «Куда я их выгоню? На улицу, что ли?» Вот такая петрушка. Вчера он вообще заявил: «Или я или они. Выбирай». И продолжает дальше пить. При этом орет: «Мне на всех вас наплевать. Куда хотите, туда и идите». Вот такая ситуация. И я в тупике. Я прекрасно понимаю, что это мой внутренний мужчина. Но пути в тумане я не вижу.

— Так. Хорошо. Почему он пьет? Почему он всех выгоняет?

— Мне говорить из мужчины или из женщины?

— Вот он пьет. Пускай он расскажет, что заставляет его пить, почему он выбрасывает детей на улицу.

— Он говорит, что они его раздражают.

— Раздражают. Чем они раздражают?

— Просто своим присутствием.

— Ну, как это просто?

— У него неприязнь к ним.

— Что именно не нравится?

— Мужчина говорит: «Вот они сидят, смотрят телевизор. Я не хочу, чтобы они смотрели эту программу, потому что я хочу смотреть другую. И я им говорю, чтобы они выключили или переключили на ту программу, которую я хочу смотреть». А они говорят, что, мол, ты тут не командуй, мы хотим смотреть эту программу. И тогда он подходит, демонстративно выключает телевизор и говорит: «Я вообще тут всё сломаю». Разломал, разбил всё и от этого кайфует. Пошел напился, и ему хорошо.

— Смотри, что получается. Дети проявляют нечто. А у него есть внутренний ребенок, который хочет делать то, что он хочет. Но есть и взрослый, который говорит: «Надо делать вот так». То есть он выполняет, так сказать, роль этого взрослого, он им указывает. А ребенок говорит: «Да пошел ты на хрен».

— Да. И тогда он им говорит: «Пошли на хрен. Убирайтесь из дома».

— Да.

— «Я буду сидеть и пить». Он демонстративно ставит бутылку на стол, приводит брата и они пьют вместе.

— Да. Он пьет, что называется «железно». Вот она программа, которая четко работает. Да? Он показывает: «Я буду делать это. Я буду смотреть эту программу. Я буду пить эту водку. И буду вас выбрасывать». То есть у него есть очень четкая, однозначная, так называемая «стопудовая» программа. А они вносят в нее коррективы, они не хотят, чтобы он пил, не хотят, чтобы их выбрасывали из дома. Это есть противоположность хаоса. Потом он напивается и погружается в полный хаос. Вообще уже ничего не соображает, просто всё крушит. И там уже никакой программы нет. Очевидно, здесь такой момент: «Я могу делать не то, что мне приказывают». Мне кажется, вот у него что.

— То есть я сам командир.

— Да. То есть: «Я сам ставлю вам это». При этом ребенок говорит: «Пошел на хрен! Я буду делать то, что хочу». А взрослый говорит: «Нет. Вот только так и больше никак». А дети говорят: «Нет. Вот так».

— Он им прямо и конкретно говорит: «Быстро выключили телевизор и легли спать или сейчас будет полный разгром». И действительно обогреватель разломали.

— Вот. Всё надо крушить.

— Он выдернул все провода и всё. Вот такая картина.

— Теперь, что ты ему говоришь? «Не надо пить». То есть ты ему ставишь какие-то правила, которые надо соблюдать.

— Я раньше ему ставила правила: «Если ты будешь пить, то я с тобой не буду жить». Сейчас, в данной ситуации я с ним стараюсь разговаривать по-другому, как-то более лояльно, что ли.

— Ты ему предлагаешь какие-то выборы?

— Да, я ему говорю…

— А какие выборы ты ему можешь предложить? Смотри, ведь ситуация осложнилась тем, что он настаивает на чем-то определенном. Это некое правило, которое он никак не обходит: «Я буду пить. Железно». Ты ему предлагаешь: «Может, ты дров наколешь или кашу сваришь?» То есть нечто разнообразное, да? А он говорит: «Нет, всё это фигня. Я пил и буду пить. Вот мой закон жизни». Таким образом он настаивает на чём-то, а ты ему предлагаешь разнообразие.

— Я ему предлагаю: «Ты же сам хотел, чтоб я тебе помогла бросить пить. Я хочу показать тебе другую жизнь». Образно говоря, хочу показать ему зеленую травку, цветочки, птичек… А он как сидел в своем болоте, так и сидит. И говорит: «Нет, я не хочу туда. Я сидел и буду сидеть в этом болоте. И пошли все на фиг».

— Вот смотрите, если рассматривать это с точки зрения птичек и болота, то это всё поэтично и красиво, но ничего непонятно, так ведь? Если мы рассмотрим с точки зрения закона и нарушения закона, то он сейчас есть закон. Какого рода закон, это другой вопрос. Но его закон «пил и буду пить» однозначен. Ему нужна однозначность какая-то. Вот у него в чём проблема. Ты ему предлагаешь многозначность, а он теряется в этом. Ему нужна однозначность: «Пил и буду пить». Потом всё это переходит в полную бессознательность многозначности: «Блевать буду, ломать буду всё». Основное — вот это. То есть его жизнь разбита на множество кусков. Ему нужно иметь что-то, за что он цепляется и говорит: «Это я». Потому что на всё остальное он не может сказать: «Это я». Оно разнообразно и разбросано. «А вот это я. Я пил и буду пить. Я — алкоголик!» Таким образом, предлагая ему птичек или еще чего-то, ты на самом деле забираешь его образ самого себя. А он алкоголик. Я сейчас говорю не в смысле того, плохо это или хорошо, а в смысле определенности: «Я — вот это». Потому что эго надо знать, кто оно. И неважно, какое оно, главное, кто оно. «Я убийца». Или: «Я насильник».

— Он сам говорит: «Я могу убить».

— Да. «Я — директор». — «А я — алкоголик». Это конкретно. Ему нужна конкретность, потому что всё остальное рассыпано на множество кусков и там не найти этого. А вот в этом найдешь, он и находит. Но исходя из этой конкретности,

он борется со всей другой альтернативной вариацией. А у детей как раз и нет ничего стабильного, им — то это, то вот то. Именно это его и раздражает сильно.

— Тогда дети — это лишь повод для того, чтобы напиться: «Они меня раздражают и я напился из-за вас». Да?

— Да. Тем самым он всё время поддерживает свой собственный стабильный образ.

— Просто так вроде и нет причины напиться. А тут: «Они мне мешают».

— Так всё это используется для подкрепления образа. Дело не в том, что он употребляет денатурат, коньяк или еще что-нибудь, а в том, что у него есть образ: «Я пил и буду пить». И смотри, у тебя мужик-то какой: «Сказано — сделано». А женщина-то совершенно другая. Она собраться-то не может. «И то и сё, и птичка спела, и там вот солнышко взошло, а здесь вот это». А мужик сказал и всё: только так и больше никак. То есть это очень сильно разведенные крайности.

— Как мне их соединить?

— Тебе надо увидеть в себе этот стержень. Как это ни странно выглядит, но алкоголик — это стержень, это очень мощнейший стержень. «Я пил и буду пить». Понимаете? Его же оттаскивают, а он всё равно пьет. Вот представьте, что вы с таким же усилием защищаете диссертацию. Так вы уж точно академиком станете. Так ведь? То есть он настаивает: «Это не отнимешь у меня ни хрена. Я — это». А вот тебя спроси: «Ты кто?» И тебе трудно сказать. А он-то уж точно скажет.

— Он мне говорит: «Ты куда-то всё вверх летишь, ввысь. Тебе чего на Земле-то не живется?» Я говорю: «Так полетели со мной». Он: «Нет. Я высоты боюсь. Я упасть боюсь». Я говорю: «Так ты упал уже, дальше некуда».

— Вот. Это разговор святого и злодея. Святой говорит: «О!» И вознесся. А этот «Бух!» в бутылку и стоит твердо. Потом упал и лежит на земле. Он к земле привязан, понимаешь? Его земля притягивает. Он сидит или стоит, потом бахнется и прямо на землю.

Как повторяются события детства во взрослой жизни

— Он меня таким образом заземляет, чтобы я не улетела.

— Да. Но это внутреннее, так сказать.

— Такое чувство, что она заебывает его своей святостью.

— Так ты держишься за то, что хорошо, а он держится за то, что плохо. А конкретизируется это в определенных вещах.

— Тогда есть вопросы. Откуда оно? Почему?

— Мне тоже интересно, почему. Я не вижу.

— Откуда у тебя такой образ, такой конкретный и жесткий? Откуда он взялся-то? Его что, ветром надуло?

— Нет, конечно.

— Кто это? Откуда это?

— Он по программе. По программе из детства.

— Мой внутренний мужчина.

— Внутренний. А внешний, то есть папенька-то, у тебя какой был? Давайте с папенькой поговорим. Ребенок поговорит с папенькой. Это же папенька, который так однозначен и при котором попробуй пискни. То есть тебе даже пискнуть нельзя было. Ты говорить-то с ним готова?

— Готова.

— Давай. Потому что это папенькина программа.

— «Папа, я тебя люблю, но я тебя боюсь. Ты бываешь очень нежный, мягкий и внимательный, но бываешь злой, агрессивный, нервный и вспыльчивый. Ты можешь ударить. Мне тяжело находиться в такой семье. Мне хочется завязать глаза и убежать. Я не вижу выхода, как мне дальше жить».

— Теперь он пускай говорит. Почему он такой? Это его способ здесь жить, и он обоснован.

— «Я не могу ничего с собой поделать. Я вот такой, какой я есть».

— Почему ты такой однозначный? Почему, если ты что-то сказал, то только так и больше никак? Разве ты не предполагаешь, что можно как-то иначе?

— «Не предполагаю. Мое слово — закон».

— А если ты предположишь, что могут быть варианты? Закон ведь не однозначен. Вот можно пойти и вправо, можно и влево и прямо. А почему ты считаешь, что только вот так и больше никак?

— «И мои родители так делали. У меня отец такой был. Его все слушались. И я должен поддерживать».

— То есть ты — отец. Вот вам родовая карма, пожалуйста.

— Да.

— Он боится, что у него не будет авторитета и все будут против него.

— «Да. Я должен держать их».

— *Допускается, что там только он и всё. И больше никого нет.*

— *А если против?*

— Тогда подвергается опасности его идентификация. Он же по отцу себя идентифицирует.

— *Он хозяин.*

— Да. Отец был хозяин. «Если я буду предлагать вот это или это, то я не хозяин, я вообще никто».

— *«Если я вас распущу, то вы будете делать, что хотите. Как это так? Должен быть строгий порядок в доме. Ты делаешь это, мать делает это. Женщина должна всё в доме делать. А мужчина… Вот с сыном поедем, мужскую работу сделаем какую-то. Ну, и выпьем. Нам можно, мы мужчины».*

— Вот смотрите, всё четко по полочкам разложено. И это дает спокойствие. Потому что если расшевелить это, то всё полетит вверх тормашками. Поэтому надо держаться за что-то, да? Вот что-то должно быть четким. И он говорит и действует, исходя из этого. При этом, как я понимаю, он даже этого не осознает. А что он будет чувствовать, если будут какие-то предложения? Например, он утверждает нечто. А мы ему говорим: «А можно еще и так, по-другому». Он что на это скажет?

— *«Да пошли вы все на хрен! Я вас даже и слушать не хочу».*

— Вот, вот.

— *Так и есть. Но при этом есть ребенок, который говорит: «Папа, мне возле тебя жить страшно, потому что ты орешь, пьешь, мать бьешь». Так? Вот ведь основной-то страх.*

— Вот ребенок ему сказал. А что он ребенку скажет?

— *«Ладно, доченька, не плачь. Я по голове тебя поглажу, я ж тебя пальцем не трогаю. А с матерью я разберусь сам. Ты не вмешивайся, это не твои дела. Это наши дела».*

— «Да, но когда ты бьешь мать, мне страшно. Мне очень страшно. Может лучше, чтобы ты меня ударил, потому что мне как-то легче будет. А так я смотрю, и мне вообще ужасно». Это она ему говорит. А он чего?

— *«Ну, уходи и не смотри».*

— Вот так.

— *«Иди в комнату, закрой дверь и сиди там».*

— Как только ему что-то или кто-то мешает делать то, что он делает и не мыслит не делать, он сразу на хрен пошлет. И всё.

— *«Да, не мешай».*

— А если еще будут мешать, так он изобьет тогда. Вот смотрите, какая жесткая позиция. Камень.

— *Почему он мать бьет?*

— *Ну, как он предполагает, из ревности.*

— А ревность с чем связана? Значит, есть кто-то лучше, чем он. Чем лучше?

— *Он ревнует к любому столбу. Как-то сидели просто в компании, он завелся с полуоборота: «На тебя вот тот мужик посмотрел. Ах ты сука, блядь такая! Ты ему подмигнула глазом. Я тебя сейчас вот…»*

— То есть ему всё равно, кто это. Важно, что она делает не то, что он считает важным и нужным.

— *Да. «Ты должна вообще глаз не подымать, сидеть и молчать…»*

— *Лучше бы в парандже.*

— *Да.*

— Ему совершенно всё равно, кто там. Он даже не разбирается с мужиком.

— *Да.*

— «Мужик — это фигня. Вот баба, она неправильная. Глаза подняла, подмигнула и всё. Понятно, что мужик и будет так действовать, он и не может иначе». То есть мужик даже не рассматривается. «Вот она неправильно делала. А за это ей и в глаз». Вот.

— *При этом мать-то пытается оправдываться: «Да я не смотрела даже».*

— *Мать потом вообще не стала никуда ходить.*

— *Она просто ходить перестала. Но сперва-то оправдывалась, хотя ее мнения он не слушает. Он говорит: «Ты смотрела. Однозначно. Я видел, ты смотрела». Даже если он не видел, он всё равно утверждает: «Смотрела». Ему надо войну свою проявить, когда он выпивши. То есть не важно, смотрела она или не смотрела. «Не оправдывайся! Еще, сука, оправдываешься?» Так?*

— *Да.*

— Слушайте, что-то у нас в Тюмени эти вещи прямо одна за другой. Да?

— *Точно.*

— *И в такой вот сильной концентрации.*

— То есть домострой вообще, так сказать. Да?

— Да. Домострой.

— Вот сказано и всё. И не пикай. При этом живем мы в 21-м веке. Да?

— Ты сейчас удивляешься, но смотри, какое отношение отца к сыну: «Мы выпьем. Нам можно». Сейчас что происходит? Твой муж — это фактически твой отец. А брат-то как был братом, так им и остался. Им, мужикам, можно, они так и живут. А всех девок — в жесткие рукавицы.

— Да.

— Всех строить.

— Всех выстроили, программа вернулась. На самом деле ты вернулась к тому, отчего ушла. Ты это всё уже проживала.

— Да.

— Но у тебя есть такая идея, что ты это можешь изменить. Да?

— Еще бы!

— Вопрос: «А надо ли?» Вообще он хочет что-то менять?

— Когда мы сходились, он сказал: «Мне уже надоело пить. Я хочу бросить, но не могу. Помоги мне».

— Это ему просто казалось, что ему надоело пить. Теперь ему уже кажется, что ему это нравится.

— Когда ты предложила, то он говорил, что выбирает трезвый образ жизни?

— Нет, он так не говорил. Он даже не говорит этого вслух.

— Он даже проговорить этого не смог.

— Ты чего? Ты ему яд предлагаешь. Сдурела что ли, баба?

— Ну, вот и смотрите…

— Это нарушение программы.

— Да. Можно, конечно, и с камнем долго беседовать о божественном.

— Но это бесполезно.

— Да. В принципе, мало что можно изменить. Практически ничего.

— Во-первых, тебе нужно увидеть собственную программу борьбы. Ты этакий спаситель, святая, которая будет помогать тем, которые на самом деле меняться не хотят.

— Тем не менее, раз мы все в этой концентрации притянулись друг к другу, значит, это тоже неспроста.

— Это неспроста. Твой «спаситель» здесь поднимает голову и говорит: «Мы будем спасать». А силы у тебя — будь здоров! Ты можешь терпеть, ты будешь это делать отныне и во веки веков. Да.

— Они будут, что называется, издеваться… А ты терпеть…

— Ты будешь терпеть и продолжать: «Всё равно я сделаю из него человека».

— Я уже готова к тому, чтобы…

— Вот это очень сложно. Тебе отойти очень сложно, между прочим.

— Нас держит то, что ему уйти некуда.

— Борьба тебя держит. Борьба. И это тебе нравится.

— Моя борьба, видимо. Да.

— Дело не в квартире и не в остальном. Это всё следствие. Тебе нужен этот человек, чтобы из него лепить нечто божественное.

— Ты на его фоне святая.

— Да.

— И тебе нужен тот, кто будет тебя пиздить. Был брат, теперь ты еще мужа притянула. Тебе надо вернуться в ту детскую схему. Брат ещё туда-сюда, а муж-то пришел и уже вообще вон как! Начинает детей тиранить.

— Тебя тиранить. Смотри, всё проигрывается как в детстве, один к одному.

— Да. Точно, всё как там.

— Ты сейчас собрала всю эту ситуацию, но ее нужно увидеть. Увидев, ты сможешь из этого выйти. Но тут будут свои сложности, потому что ты притянута к этим вещам, там магнит борьбы очень сильный. То есть он доказывает, что его не изменишь, а ты хочешь ему доказать, что его можно изменить. И на этом можно очень долго продолжать это всё.

— Ты кайф-то при этом чувствуешь?

— Тебе надо увидеть этот кайф, потому что от него отказаться непросто, очень непросто. Это программный кайф.

— Вот я и не вижу.

— Этот кайф дает ей силы учиться, идти и находить другую работу.

— Да.

— Ты оттуда, из этой борьбы, черпаешь энергию очень здорово. Кстати, деньги, как физически проявленную энергию, ты получаешь именно от него.

— Совершенно верно.

— То есть ты черпаешь там энергию для собственного роста: учишься в институте, работу нашла. Смотри, сколько всего!

— На семинары ходишь.

— У тебя сильный толчок-то — вот эта энергия. Ты с этой энергии и имеешь очень много.

— Да. И я сейчас не к тому, что с этим надо заканчивать. Пожалуйста, продолжайте и делайте. Опыт всё равно надо добирать, никуда от этого не денешься. Это не есть плохо. Я сейчас совершенно не говорю, что находиться в ситуации, в которой вы находитесь, это ужасно и надо быстро из нее выбираться. Ничего подобного. Ты используешь эту энергию, ты двигаешься. И это тебе надо. Так что, возможно, это тебе и надо.

— Если бы у тебя было всё в шоколаде, то вряд ли бы ты пришла на семинар…

— Ты, может, даже и с постели не вставала бы.

— Всё бы хорошо. Но зачем это надо-то?

— Тебе вообще ничего не надо.

— Я чувствую свою вину перед дочерью, потому что она мне говорит: «Мама, зачем вообще ты его привела? Без него было лучше, а сейчас…»

— «Чтобы ты, дочь, узнала, как мне жилось в родительском доме».

— Она уже настаивает: «Или я из дома уйду куда-нибудь или он пусть уходит». Вот он мне говорит: «Или дети или я». И дочь мне тоже говорит: «Или я или он». А мне и дочь дорога, и с ним я не знаю, что делать.

— Но ты терпишь и проводишь свою работу спасительную. Так что всё идет более или менее нормально. Понимаешь, опыт идет. То есть я не к тому, что надо сейчас всё менять. Ты пришла за опытом и вот такой опыт у тебя. Чего ты хочешь менять? Это другой вопрос. Но кардинальное изменение, типа: «Больше никаких алкоголиков в моей жизни!» — не получится.

— Более того, дочь-то родилась в вашей семье. И она была маленькая, когда ты завелась-то с ним. Да?

— Да.

— Это дочерью пройдено, но чтобы наука была, надо еще раз взглянуть. А то всё позабылось уже, только детские остались воспоминания. Сейчас это и дано, чтобы она хорошо усвоила программу.

— Да. То есть надо эту программу понимать. По мере понимания она как-то будет расслабляться, расслабляться и изменяться. Но это не значит, что сразу всё изменится. Ситуация меняется, конечно, но саму фабулу программы мгновенно не поменяешь. Всё это и будет, мы за этим опытом и пришли. Но оно ослабляется, оно как-то видоизменяется и так далее. Ты может быть сейчас увидишь какой-то следующий момент. Главное, ее видеть надо.

Вот именно в силу того, что я вижу, этого мне уже не надо. Поэтому я и не вижу всё. Я вижу что-то и это что-то начинает меняться. Вот сейчас ты тут что-то увидишь и оно как-то тоже будет меняться. Но не кардинально, понимаешь? То есть никогда не избавишься от того, что есть, потому что сам человек и его программа есть задача, которую здесь надо решать. На самом деле если вы ее решите, то возникнет вопрос: а что вы будете делать дальше? А вот тогда уже надо строить совершенно новый спектакль, спектакль по другим системам координат.

В чем суть работы консультанта?

— Можно вопрос?

— Ну, давай.

— Вот вы тогда говорили мне, да? У меня сейчас даже горло задрожало. Я прошу извинения за это у вас.

— Бог простит. Бог простит.

— Во мне проснулась злость на себя сильная.

— Есть такая Ольга в Москве, ужас нашего городка. Она сначала восхваляет, потом как понесет по кочкам! Я ей месяц назад сказал: «Всё, Оля, больше я тебя видеть не хочу. Либо ты разбираешься со своим собственным спектаклем, либо всё. Мне больше этого не надо. Если у тебя вина какая-то, то не передо мной. Нет у тебя передо мной никакой вины и агрессия твоя мне тут тоже не нужна».

Вот два стульчика, садись и начинай разговор, понимая, что это разговор внутри тебя.

— У меня какая-то вина…

— Садись на стульчики и озвучивай, вина у какой части тебя перед какой частью тебя же.

— *В чём ты обвиняешь нас всех или себя?*

— *Себя обвиняю.*

— Значит, есть часть, которая обвиняет. И есть часть, которую обвиняют. Вот садись и рассматривай тогда.

— *Тут ясно, что вина перед группой.*

— «Я ясные дни оставляю себе, а темные дни отдаю судьбе». Бодрый такой есть у нас певец.

— *Я хотел озвучить, у меня вопросы идут. А я думал, что хочу…*

— Как муха в шампанском… Я это выпью и будет мне счастье.

— *Консультант мне мешает слово сказать. Нарушение это.*

— Консультант на то и консультант, что никогда и никому не мешает ни в чём. А если чего-то и делает, то только для того, чтобы стимулировать.

— *Как катализатор.*

— Да. А если непонятно это, то тогда и нечего здесь делать. Договор с консультантом может быть прекращен в любой момент. Я об этом сообщал. Если вам не нравится консультант, то мы пожмем друг другу руки и расстанемся. Не надо этих всех разговоров, типа: «Консультант мешает». Ни одно мое слово никогда не случайно. И если я что-то говорю и проявляю какие-то эмоции и так далее, то это неслучайно, уж поверьте мне. И делать это крайне сложно, это очень тяжелая работа. Вы даже не представляете, насколько она тяжела. И за эту работу выслушивать ваше недовольство я не буду. Не нужен вам консультант, так идите по своей жизни, играйте там и обвиняйте кого хотите. Но консультанта больше не надо обвинять. Либо мы договор заканчиваем, либо вы это понимаете. И понимаете всю сложность работы консультанта.

— *Я понимаю.*

— Если так, то тогда с уважением, пожалуйста, к консультанту. А если нет уважения, то до свидания.

— *Я всегда с огромным уважением.*

— Да?

— *Да. Всегда понимаю.*

— Нет. Это уважение, а потом презрение. Поэтому хватит этого. Не надо возносить консультанта и не надо забивать консультанта. Консультант делает свою

работу и делает ее, поверьте, замечательно. Тогда используйте это как возможность и на этих стульях разбирайтесь. Консультант вам поможет в этом разобраться.

— *У меня вина перед частями моими. Эта обида как моя защита, получается. Я не даю этим частям…*

— «Я» — это кто? И «части» — это кто?

— *«Я» — это ребенок. «Части» — это взрослый.*

— Какой взрослый?

— *Мама.*

— Хорошо. Значит, разговор ребенка с мамой.

— *Да.*

— Итак, что хочет сказать ребенку мама?

— *Я не понимаю свою маму. То, что она говорит, я воспринимаю так, что она меня хочет обидеть. А защитный механизм в том, что я начинаю плакать.*

— Так. Пожалуйста, конкретно говори маме, что именно вызывает в тебе плач. Какие чувства у тебя возникают на те или иные действия, поступки, мысли, состояния.

— *«Мама, если я что-то говорю, то я это говорю не с той целью, чтобы меня начали учить, осуждать или обвинять».*

— Что «это» я говорю? Надо конкретно говорить: «Когда, мама, ты мне говоришь то-то, я чувствую это».

— *«Мама, когда ты меня ругаешь, я не чувствую, что ты меня любишь. В принципе, я не против, чтобы ты меня ругала. Но можно это сделать другим способом? Объяснить мне, за что ты меня ругаешь. Я не понимаю, за что ты меня ругаешь».*

— Так. Хорошо.

— *«От того, что я делаю, я получаю удовольствие. Для меня это очень хорошо, я не вижу в этом плохого. А что плохого ты в этом видишь? Для меня это непонятно. И мне сразу начинает казаться, что я плохо что-то делаю, что-то делаю не так, что в мире ничего хорошего нет, что я плохая».*

— Знаете что? Я сейчас предлагаю разбиться на пары и начать работать так же, как работаю я. Вы ставите два стула и человек начинает работать с этими частями, а вы становитесь тем третьим, роль которого выполнял я. Вам нужно это делать, тогда вы сможете прочувствовать то, что делаю я. Вы сможете прочувствовать состояние «вне дуальности». Давайте попробуем…

Вот, пожалуйста, поделитесь вашим восприятием нынешнего семинара. Что вы уяснили для самого себя?

— Я уяснила, что работа консультанта — это сложная работа. В позиции консультанта должно присутствовать внимание к такому треугольнику. Человек ведет диалог, а ты должен находиться в какой-то отстраненной части. Но в этой отстраненной части тоже есть треугольник, где есть понимание противоборства двух программ и некая третья отвлеченная точка. То есть сама позиция консультанта какая-то тоже тройная, ты как бы находишься в объемном внимании. Если этого объемного внимания нет, то возникает беспокойство, что я перейду на позицию кого-то из говорящих, отождествляясь с одной или с другой стороной, потому что какая-то позиция мне симпатична, а какая-то нет. Но тогда я теряю это внимание и фактически…

— Я уже не консультант.

— Да, я уже не консультант. Я часть той игры, которую раскрывают передо мной.

— То есть всё это время я стою на грани, я на канате стою. Если я бухнусь в какую-то из сторон, то всё, я уже не консультант.

— Нужно держать это равновесие.

— Да. Вот такая работа и позволяет вам чувствовать то, что я называю «не от мира сего». Поэтому эту работу и надо вам проводить, именно в ней вы будете чувствовать это. Но если вы заезжаете в тупик, значит, вы попали в одну из сторон. Эта ловушка будет вас ловить. Сама конфигурация — это треугольник, где вершина связана с тем, что не от мира сего и две стороны, две стороны полярности, которые в миру сём. Вот оттуда и приходит гармонизация сюда. Это и есть работа по гармонизации. Находясь в дисгармонии, то есть на позиции одной стороны, ничего вообще не разберешь. А оттуда, наблюдая, ты можешь говорить. Но я вам скажу, это очень не просто. Это очень тяжелая работа.

— Эти скатывания в плоскость сразу приводят к роли не консультанта, а советчика.

— Я заметила, что когда мы закруглялись, я уже Олегу какой-то совет дала.

— Классно. Ты уже чего-то посоветовала.

— Не успел глазом моргнуть, как уже получил совет в глаз.

— Вот смотри. Ты говорила про треугольники — внутри и во вне. На самом деле этот треугольник находится внутри самого себя, поскольку ты можешь воспринимать чужие ситуации только через самого себя. Таким образом ты

активизируешь эти стороны самого себя и через них рассматриваешь то, что там предлагается. Но ты внутри должен всё время иметь этот треугольник. Вот они два и получаются.

— Это полезно. Сейчас было очень полезное состояние.

— Такое приятное.

— Не просто полезное, оно и есть то самое важное состояние, которое нам надо получить. Потому что мы хотим внести гармонию в то, что дисгармонично, не отрицая дисгармонии при этом, обратите внимание.

— Да.

— Мы не боремся с этим, здесь нет никакой борьбы. Есть заявка человека, который хочет внести гармонию в свою дисгармонию. И вы помогаете ему это делать ровно настолько, насколько это нужно ему. Вот смотрите, это очень важный момент. Ровно столько, сколько он готов сейчас вместить. Более того, мы и говорим, что это не будет решено сразу, человек не станет завтра просветленным. Что такое просветление? Это вообще непонятное слово, за которым стоит иллюзия: «Я — просветленный и у меня всё будет замечательно». Что такое «замечательно»? Что будет? Ничего непонятно. Так это внесение гармонии в дисгармонию. На самом деле никто не отрицает того опыта. Наоборот говорится: «Да, получай его. Продолжай, но разбирайся. И постепенно ты начнешь выходить из программы. Постепенно, по мере того, насколько тебе нужно продолжать этот опыт». Потому что забрать у человека тот опыт — фактически, умертвить его. То есть если ты даешь ему гармонию, то это ноль. Но тогда возникает вопрос: «А что ты тут делаешь?» Так что уважаема и та сторона себя и эта сторона.

— В разговоре Олег как бы тоже почувствовал, когда я завершила свой диалог матери и дочери. И это, я чувствую по состоянию Олега, как бы завершено. Но там есть перспектива. И у Олега тоже, да? Мы остановились, но там есть продолжение диалога сына и матери уже в новом контексте.

— Да.

— То есть это никогда не завершается как точка. Там, оказывается, есть еще нечто.

— Да. Вот вы проговорили, что-то увидели и интегрировали это. И ничего больше делать не надо. Всё свершилось уже. Само видение здесь — это очень непривычная вещь. Потому что кажется, что надо что-то делать, куда-то идти… Я говорю: «Не надо ничего, видение и есть это». Ты увидел, причем ты даже не сразу можешь понять, что ты увидел, но ты увидел. И сама эта работа уже это делает. Потом ты увидишь еще больше.

— Ощущение незаконченности почему-то.

— Именно это ощущение незаконченности и есть то, что здесь называется смыслом жизни.

— И ощущение бесконечности. То есть незаконченность — это есть и бесконечность.

— Да. Вы начинаете получать интерес от этого. Не то что: «А-а-а! Я хочу быть просветленным!» — «Что такое просветленный?» — «Я не знаю, но хочу им быть». Если вы знаете, что ваша жизнь здесь, то вы это и разбираете всё время. И в этом интерес. Именно в этом. Если интереса нет, то тогда зачем вам это надо? А если интерес есть, то вы постепенно это и делаете.

— Это интересно.

— Тогда это интересно, да. Хорошо, спасибо.

К чему ведет смена точки зрения?

— Есть вопрос вообще в целом по семинару. Я увидела и прочувствовала именно двойственность в себе, и не одну. И я хотела сказать «спасибо» за помощь в решении. Оказывается, я имею право не брать крест, который на меня возлагается. Сама я не видела этой возможности. Консультанту я благодарна за помощь в том, что это было увидено. Дальше у меня всё как раз и пошло именно в просматривании. А мне это интересно, я уже начала различать: что я делаю из долга, а что не из долга.

— Так. Пожалуйста.

— В двойственностях, в которых я застряла, вообще ничего непонятно. Всё просто «зашкаливает», что называется. И вдруг — раз, и какой-то выход. Выход есть, и ты можешь прочувствовать ветер этого выхода. Да, там открывается какое-то новое видение и пространство. Это как глоток свежего воздуха. Потому что то, что уже есть, оно достало.

— Совершенно верно. Вот смотрите, когда проблема уже истоптана, ты то об одну стенку бьешься, то об другую. Но никак не можешь сменить точку зрения. Ты ничего не можешь сделать вообще.

— Да. Ничего непонятно.

— Просто ничего непонятно. Значит, надо сменить точку зрения, консультант и дает эту возможность. Ты ее меняешь и всё. Проблема может не исчезнуть, но интересной становится. Ты начинаешь видеть.

— Она обозначается как-то по-другому, объем какой-то приобретает.

— Да, совершенно верно.

— И там что-то можно уже делать.

— Идет как бы смена направления взгляда. И через новое направление уже другие результаты.

— Да.

— То есть смотрите: то, что я предлагаю и называю видением, это сфера. По сути это — Бог. А то, что мы называем проблемой — это то, что находится в этой сфере. Так вот на эту проблему можно смотреть с миллионов точек зрения. Но человек так устроен, что у него забито это восприятие. Он смотрит только с одной точки зрения и говорит: «Проблема, проблема. Что делать? Проблема, проблема. Что делать?» Одно и то же. Понимаете? И если он поддается на то, чтобы сменить точку зрения, он вдруг это видит по-другому. И жизнь опять интересна! Никто же не говорит, что это всё не нужно. Ты с этим пришел и это важно. Но ты начинаешь это видеть иначе и тебе интересно.

— Оно же ведь раньше где-то сидело, просто не обозначалось. Оно сидело и сидело, и вдруг тебя к этому новому взгляду кто-то просто-напросто подвел.

— На самом деле не кто-то, а я сам через него это увидел. Но чтобы мне вообще сменить взгляд на эту проблему, мне надо очень сильно насытиться одним и тем же взглядом.

— Его надо изучить со всех сторон.

— Не со всех сторон, а с одной стороны. С той стороны, которую я называю «проблема». Я уже устал на этом взгляде сидеть, а перейти не могу. Да? А вот тут я уже готов и перехожу. Но я ловлю всё, что меня к этому подведет.

— А готовность — это когда ты знаешь уже и ту сторону, и эту.

— Да.

— А то бегаешь туда-сюда постоянно…

— А соединить их не можешь.

— Да, соединить не можешь.

— То есть это смена восприятия. Вот чем мы занимаемся.

— Из горизонтали ты выходишь в объем хотя бы этого треугольника. Там всё уже по-другому.

— Совершенно верно. Каждое решение проблемы выводит твое восприятие на объем и ты становишься объемным. Это и есть самое основное. Просветление — это способность видеть с многих точек зрения. Вот что это такое.

— Да. Спасибо.

— А мне очень нравится интенсивность этого семинара. Нравится, что мы заперты в этих стенах морозами и что отсутствуют люди. С утра до вечера и по ночам, когда переворачиваешься на другой бок, слышишь, как кто-то решает проблемы друг друга постоянно. Умываешься и опять об этом думаешь. Эта поддержка, которую мы оказываем друг другу, она очень много дает.

— Создает атмосферу.

— И не только атмосферу. Мы же не просто, как слепые котята. Мы всё равно чего-то видим, мы друг другу помогаем. У нас нет опыта консультанта, но мы же берем с вас пример и подсказываем и цепляем друг друга.

— Вы уже сами друг другу консультанты.

— Да.

— Вот это и есть очень важный момент.

— Да. И процесс очень мощно идет. Я — первый раз, но я очень много для себя увидел. Не знаю, как там будет дальше. Мне и страшно, и интересно.

— Страшно интересно.

— Страшно интересно, да. Но намерения возникают какие-то большие. Я их не очень еще просекаю.

— Вот смотрите, сама фраза «страшно интересно» показывает, что то, что страшно — это именно то, чего хочется. Если мы начнем сейчас рассматривать языковые конструкции, то увидим очень много интересных вещей, которые при их использовании, так сказать «во сне» непонятны. Мы увидим, что язык отражает очень интересные вещи и там скрыты очень важные вещи.

— То есть то, чего я боюсь, мне интересно на самом деле? Всегда?

— Конечно! Именно тем, что я этого боюсь и создается концентрация моего внимания. Что такое страх? Это когда я не могу не думать о том, чего я боюсь. Да? На самом деле это проявление интереса к этому, но скрытое пеленой непонимания. Именно войти в эту пелену, пройти по туману и подойти к этому и есть кайф. В этой реальности так жизнь и происходит. Мы всё время творим то, чего боимся, понимая это или не понимая.

Человек изначально творец, понимаете? Он так создан. Только творит он сейчас, не понимая, что творит, поскольку называет свое желание «страхом» и пытается от него убежать. Но убежать не может, наоборот, он его творит. А потом поражается и кричит: «О, Господи, за что ты меня наказал?» Господь никого не наказывает, он дает возможность каждому исследовать то, что ему нужно. Исследуй всё, что хочешь. Вот он, великий Бог, который позволяет всем получать всё. Но люди, находясь в сумеречном сознании, его клянут: «Зачем же ты мне это послал, да то послал…» Он потом скажет: «Так ты сам хотел этого». И ты ему скажешь: «Да, Господи, теперь-то вижу, но тогда я не понимал». И возблагодаришь его, ибо он и есть ты. Понимаешь? Вот в чём загадка. Но это здесь непонятно. Это и есть тайна за семью печатями. И ты, собственно, её и открываешь.

Как познать другую часть себя

— Александр Александрович, у меня всегда то, что вы говорите и всё, что вы делаете, вызывает дикий интерес. Интерес не просто всё это слушать, но еще и делать. А сейчас у меня состояние окаменелости. И я не знаю, мне очень больно.

— Так. Расскажи, что именно больно.

— Я просто окаменелая. Я не могу объяснить, я не понимаю. И к тому восторгу, который здесь высказали, не могу присоединиться. Где-то пятнадцать минут назад я могла к этому присоединиться, а сейчас у меня такое жуткое состояние.

— Отлично. Смотри, о чём я всегда говорил: если ты восхваляешь кого-то, то придет обязательно и оборотная сторона, где ты будешь ужасаться: «Как так?! Ведь это же тот самый, который всё это говорит. Это так интересно, это так важно, это так правильно!» Но дело не в Пинте, дело в твоих внутренних частях. Значит, часть восхваляющая сейчас меняется с частью противоположной. А ты никак этого уразуметь не можешь. Но уразуметь это можно не по отношению к Пинту, а по отношению к самому себе. Поэтому ты можешь сейчас сесть и начать разговаривать с двумя этими частями. Одна возбуждающаяся, а вторая тормозящая.

— Я окаменела и как бы из этой части у меня ничего не идет. Я просто окаменела, мне больно очень. Такое ощущение, что меня плитой придавили.

— А где больно-то где?

— В груди очень больно, горло пережато. Мне даже сложно говорить.

— Замечательно. У тебя идет очень сильное отождествление с этой частью. Пересядь на другой стул и там будет совершенно иное состояние. Тебе трудно разотождествиться. Вот смотрите, сами эти два стула являются уникальной возможностью разотождествления с той частью, с которой ты пересаживаешься. Посмотри сейчас на эту часть, описывай ее уже с другой точки зрения. Описывай: «Вот она сидит. У нее всё окаменело». Прямо рассказывай, описывая ту часть. Либо твое отождествление настолько велико, что ты пока не можешь с ним разотождествиться. Значит, оно тебе нужно. Тогда я скажу: «Проживай его дальше».

— По-видимому, я смогу это описать со стороны, потому что состояние это чувствую. Такое ощущение, что есть часть «огонь», которую во мне многие видели и я ее чувствовала и есть часть «лед», то есть та, которая застыла. Ощущение льда. Как будто что-то окаменело, застыло. И оно очень статично, оно не понимает. Всё то, что приходит, отталкивается. Это состояние сильной окаменелости внутри, бесчувствия, холодности. Состояние «снежной королевы». Получается, есть огонь и лед. И сейчас очень сильна часть «лед». Хотя мой «огонь» я знаю, знаю свою страстность к тому, что мне интересно и кто мне интересен. Но сейчас настолько сильна эта обледенелость…

— Вот и познавай сейчас другую часть себя, это очень важно. Не надо гнать, не надо топить это. Наоборот, чувствуй это. Веди себя как льдина, отталкивай. Льдина не позволяет в себя внедряться так, как это делает вода. Вот в воду что-то бросили, она поглотила. А льдина — нет. Она отражает всё это и тем самым сохраняет себя. Прочувствуй эту сторону. Обе стороны одинаково важны.

— Из «льдины» я говорить пока не могу.

— Хорошо, не говори.

— Я опять к своему. Вот смотри, кто эта льдина? Чей это образ? Опиши его. И вернемся опять же к нашим родителям. Что же это за состояние? Где ты его получила? Где ты с ним познакомилась? Чей образ у тебя вырисовывается как каменный: ничего знать не хочу, замру в боли своей, окаменею в этой боли, но никому не дам в нее проникнуть?

— Это, скорее всего, мама.

— Ты это чувствуешь так? Похоже это состояние сейчас на маму?

— Ну, ее состояние окаменелости я как ребенок хорошо знаю.

— Вот оно сейчас похоже? Или это что-то другое?

— Да, похоже. Вот ситуация такая: есть страсть, интерес ребенка. А мать в своей окаменелости, ей на все наплевать. Главное — это ее старость.

— Вот и разговаривай с ней, сейчас уже есть с чего плясать. А так даже и не знаешь, как говорить с этой окаменелостью. Это претензия ребенка. Ребенок очень интересующийся, очень активный. У него страсти, энергии много. И мама вот такая. Вот и попробуй с ней рядом побыть.

— Я всегда боялась отсутствия внимания матери.

— Вот, вот.

— А она мне его не проявляла. То есть она вообще никак не проявлялась. Она просто каменела в своей боли. Все эпизоды, которые были — это часть игры. Она каменела и ей было по фигу. Я как шут гороховый перед ней выступала, начинала ее веселить прибаутками. Вот это «хохмачество» и нужно было, чтобы ее из этого состояния выводить… Отец-то мог ее из этого состояния вывести, потому что он большой остряк. Он как чего-нибудь скажет конкретно, причем не в бровь, а в глаз и всё. А я как ребенок не знала, как это сделать. Мне очень хотелось внимания и чтобы у матери не было этой окаменелости, потому что я чувствовала эту боль. Мне самой как ребенку была болезненна ее окаменелость. Я не знала, как ее вывести из этого. Говоря с ней, я нарывалась на совершенно пустые глаза, усталость какую-то хроническую.

— Вот именно.

— Вот образ жизни русской женщины.

— Усталость хроническая от жизни. Она смотрела на это всё пустыми глазами, как смерть холодная и страшная. И я понимала, что это моя мать, но у меня было ощущение, что как бы другого-то и нет.

— Вот скажи ей сейчас то, что ты хочешь сказать, потому что эту боль ребенок испытывает. И вся страсть…

— Всё уходит в землю.

— Она всё забыла, все интересы. Ребенок беспокоится о том, как же можно спасти маму из этого состояния. Основное в том, что с ней случилось. Тут уже не до страстей и не до игр.

— Так она душит страсть, понимаешь? Вот в чём дело. Ее взгляд фактически тушит этот огонь. Вот этот взгляд и всё.

— Совершенно верно. Вот ты говоришь: «Поговори». А у меня идет, что надо высказать ей эту претензию так, как она есть.

— Смотри, фактически, это две противоположные стихии. И их слияние приводит к тушению огня.

— Я-то огненный знак, я — стрелец, а она-то — рак. Она водный знак.

— Так вот попробуй понять, что эти две стихии существуют одновременно, но не соприкасаются. Тебе совершенно не надо сейчас к ней подходить и не надо, чтобы она тебя заливала водой. Ты стоишь на определенном расстоянии и тебе это не угрожает, твой огонь не тухнет от наличия ее влаги.

— *То есть состояние ребенка безопасно. Безопасность.*

— Да. Тебе ничего не угрожает. Ничего не угрожает.

— *Вот это то, что очень важно ребенку. Состояние безопасности.*

— Да. Она сейчас не будет тушить, если ты сама не полезешь под это.

— *Но понимаешь, ребенку же важно ее состояние.*

— Вот ты и изучи это. Тебе очень интересно что такое вода, понимаешь? Когда они соприкасались, то огонь тух. И ребенок понимал, что это опасно. Но сейчас он понимает, что это не опасно.

Какие образы живут внутри человека?

— *Теперь у меня вопрос. Я на кого похож?*

— *На богатыря такого крупного, большого.*

— Русский богатырь.

— *Илья Муромец.*

— *Нет, не Илья Муромец, а просто богатырь. И характер у него…*

— Нордический.

— *Спокойный. То есть он большой и спокойный. И что? Подымет тяжести и не заметит.*

— *Добрый слон для тяжести.*

— *С одной руки на другую тебя перебрасывает.*

— Не надо радоваться чужому счастью.

— *Светловолосый такой. Так. А женщина…*

— *Работящая.*

— *Очень работящая.*

— Маленькая такая, щупленькая и всё время бегает, бегает чего-то.

— *Нет, она даже не бегает. Она просто такая маленькая.*

— Сидит на стуле и всем указывает.

— Нет. Она в платочке, повязанном на голове.

— Бабка что ли старая?

— Как бы она не бабка. Но уже бабка.

— Картошку продает, короче говоря.

— Нет. Она дома такой мышкой сидит.

— А ее хозяин кто? Кто у них руководит-то? Как они вообще?

— А вот непонятно.

— Подождите. Вы мешаете, сбиваете. Расскажет сейчас.

— Пока непонятно. Такое впечатление, что в темной избе мышка чего-то там копошится, суетится.

— Она больше ему в матери годится.

— Как интересно!

— Дальше что?

— А он в хозяйстве сам всё знает. То есть он делает всё, что положено. Он знает, что делать надо. А ее вообще незаметно. Она что-то свое делает, но он ее не видит и не знает. У него хозяйство, а она такая маленькая, серенькая. Ему с высоты ее вообще незаметно.

— Вот.

— И причем ему совершенно хорошо.

— Фактически, он ведь один живет, да?

— По факту, да. Она где-то там.

— Мышка-норушка.

— Он не знает, что, оказывается, он женат на ней. Да?

— Да. Она где-то там есть, где положено ей быть.

— В паспорте только штамп стоит.

— Ну, да.

— То есть они порой даже и не встречаются.

— Она где-то там свое что-то делает, шебуршится.

— В общем, живая.

— Да. Живая.

— А откуда она знает, что надо делать по хозяйству? Хозяйство-то ведь его.

— Раз он хозяин, то он всё делает и всё знает. Откуда она знает? Они как-то ведь общаются.

— Так. Как они общаются?

— Он ей что, письма пишет?

— Через дупло они общаются.

— Нет, он ей как бы указывает, что и где.

— То есть она — работница?

— Она привыкла, она понимает.

— А она кто?

— Он работник, а она вроде бы как тут шебуршится. Он ей покажет, что вот это нужно и она сразу понимает, что туда надо бежать быстренько.

— Так, подожди. Кто работник-то? Он работник? А почему он тогда указывает?

— Он хозяин. У него хозяйство большое, а она в избе в некоторых углах.

— То есть как приживалка. Ей показывают: «Делай это». Она и делает за миску супа. Да?

— Это приживалка, да?

— Я спрашиваю, поскольку ты так рассказываешь.

— А мне непонятно. Приживалка, если она так поступает, значит, она за миску супа работает?

— У них такие отношения. Чего вы? Здесь миры разные.

— Она живет здесь за миску супа?

— Ну, да. То есть ее кормят.

— И крыша над головой есть. Миска супа есть.

— У нее и платочек есть даже. Есть, что на себя надеть.

— У нее всё есть, чего ей надо.

— А у него хозяйство есть и вообще это всё его. Вот всё его пространство.

— А к нему кто-то приходит? Они вдвоем только или кто-то еще там есть?

— Нет никого.

— Вообще никого?

— Никого.

— Он единоличный хозяин?

— Да.

— А она-то для чего там вообще нужна?

— Ну, положено так.

— То есть просто так должно быть.

— Должно быть и всё.

— Да. У него в его мире есть всё, что положено.

— Даже жена.

— И если у него кто-то спросит, то он покажет, что она там где-то. Да?

— Есть у него жена. Конечно. А как же?

— Перед Богом если отчет держать надо, то всё нормально. Всё есть.

— Да, всё есть.

— Хорошо.

— А ты-то себя с кем ассоциируешь?

— Ну, с ним естественно.

— То есть ты — мужик?

— Да. Я тот, кто всё может, у которого всё есть.

— А в чём проблема?

— Просто нужно, чтобы она была и всё?

— Да.

— Чтобы особых хлопот она ему не доставляла.

— Она удобная очень и молчаливая.

— Да. Ест не много.

— И не лезет никуда вообще.

— Вопросы не задает: «Где ты был, с кем спал?»

— С кем он спал? Он один.

— Ну, он же знает, что там кто-то есть.

— У него всё есть. Всё. Абсолютно всё.

— Это не мачо. Это хозяин.

— Да. Хозяин.

— И причем всё, что ему надо, у него есть. Даже жена.

— А вот сейчас и посмотри. Ты захотела мужчину, у которого есть всё. И тогда тебе уготована роль такой бабули в платке за миску супа. Готова к такой роли?

— Так потому у меня и нет никого по факту.

— И не будет.

— И не может быть.

— Потому что тебе надо всё. Тебе не мужик нужен, ты сама мужик. Тебе просто надо всё. Мужику всё надо.

— Так у тебя всё и есть.

— У меня и есть всё.

— Ну так и чего? Господи, хоть один счастливый есть!

— А сейчас можно сделать операцию?

— Да на кой хрен? Ты чего?

— Да, конечно. Так удобнее.

— Чужому счастью завидуете. Своего-то нет. Вот у человека всё в порядке.

— Оля, тебе бы чего-нибудь пришить. Понимаешь?

— Отрезать и пришить.

— Понятно. То есть у вас на самом деле своя корысть.

— Профессиональная.

— А у нас всё есть. Нам даже вашего пришивания не надо. Даже если нужно пришить, так у нас есть кому пришить.

— Вот именно. Не нуждаемся.

— Уже давно пришито всё.

— Да. Нигде нет прорех. Ничего нет.

— Слушай, вот это счастье по-русски.

— Да.

— Любить по-русски.

— Вот у тебя какой мужик, ты его сейчас описала. Любого мужчину возьми из мира сего, конкуренции с тобой нет.

— Да ты чего? Там даже на три метра близко нет.

— Они же чувствуют, что рядом с тобой они как эти тетки в платочке. А какой мужик захочет исполнять чего-то?

— Ой, да.

— Счастлива ты безмерно!

— Богатырь ты наш…

— Добрыня Никитич.

— Да. Добрыня. Он же добрый.

— Он с войны пришел.

— Если чего, то меч в углу.

— Даже близко никто не подойдет, потому что меч просто стоит.

— Да.

— И никто не покушается на…

— Отдельное царство-государство.

— Даже и не приходит никто.

*— Так к такому приди! Там же меч сто**и**т.*

— Вот все и обходят. Наслышаны уже, как ты мечом машешь.

— Да. Вот и не знаю, чего дальше-то.

— Дальше — всё. Живи.

— Да? Ну, ладно, пойду-ка я к хозяйству своему.

— У меня есть что сказать Светлане. «Учти, Света, у меня квартира своя есть. Там ванна с гидромассажем. И тысячи духовно ищущих женщин будут приходить ко мне трахаться и счастливыми выходить!»

— Просветленными.

— Да. И выходить просветленными.

— А когда я буду выезжать куда-нибудь в командировку, то толпы особо страждущих будут преследовать меня. Вот, собственно, и всё.

— А образ-то какой?

— Вот такой образ.

— Ты его назови хоть как-то. Вот есть «мачо», «святой», там вон «хозяин Добрыня». И ты как-нибудь назовись.

— Ну, если это духовно ищущие, то кто тогда?

— Духовный мачо.

— Ёбарь духовный.

— *Так ты мозги выебешь или еще чего-нибудь?*

— *А всё, что потребуется.*

— *Для духовного роста всё необходимо.*

— Да. Вот так вот.

— *А кому потребуется?*

— Кому потребуется, тот и придет. Вам не требуется и сидите спокойно.

— *Есть ли вопросы у благодарной публики?*

— *Нет. Больше сказать нечего.*

— *Сказал как отрезал.*

Сложность принятия противоположности в самом себе или то, что мы видим в другом, есть в нас

— *Я как бы в смешной форме проговариваю свой страх. То есть мне страшно говорить об этом. Когда я говорю, тогда я глубоко понимаю, что мне не надо этого всего. Но говорить страшно.*

— Да.

— *Поэтому я вышел с целью просто проговорить свой страх.*

— *Классно сказал.*

— Это реприза была.

— *Где аплодисменты?*

— *Там Иоанн Креститель, а здесь член-креститель… разных уровней ощущений.*

— А ты-то кто такая? Ты кто такая?

— *Определитель.*

— *Я не определитель. У меня очень сильный страх сидит. Страх сесть на стул.*

— Сесть и начать?

— *Начать вообще страшно. И кончить тоже.*

— А ты садись и с середины начинай прямо.

— Главное начни, а там разберемся.

— С середины сразу — раз! Как Ходжа со средин.

— Чем маетесь?

— Какой-то страх подошел, я не могу понять.

— Страх подошел. А ты его бери прямо за горло и…

— Страшно мне. Страшно...

— Называй его.

— Может, страшно посмотреть на свою женщину и на своего мужчину? Хотя я их столько раз видела… Может мне просто надо посмотреть, какие они сейчас?

— Ну, какие они?

— Есть страх, что я буду умствовать. Что не изнутри будет идти, а я буду выпендриваться.

— У тебя выпендривается кто: мужчина или женщина?

— У меня мужчина выпендривается. Женщина у меня такая…

— Застенчивая.

— Она у тебя забитая.

— За стенку держится.

— За стенку держится, точно.

— Ползет по стенке.

— Так про кого рассказать-то?

— Про мужика.

— Какой у меня мужик? У меня какой-то страх, я даже не могу говорить.

— Опиши страх-то.

— Если ты мужика описываешь, то сядь на его стул и говори.

— Да не надо пересаживаться, ты страх описывай. Какой он, этот страх?

— Во-первых, это то, что ты сегодня сказала: «Я в тебе вижу часть, которая может над собой посмеяться». Как раз я могу над собой зло посмеяться. А по-доброму не могу. Сарказм такой злой.

— Да ты юморист!

— Да не юморист я.

— Все у нас юмористы. Ты прямо Задорнов.

— Да какой Задорнов?

— Задорнов американский.

— У меня, по-видимому, страх, что надо мной смеяться будут.

— Да, мы видим.

— Поэтому я начинаю смеяться как бы вперед.

— Опережая всех, типа: «Хрен вы надо мной посмеетесь!»

— У меня очень быстро идет реакция защитная, я начинаю ржать.

— Над кем-то?

— Да. Я начинаю над кем-то ржать, поскольку боюсь, что будут смеяться надо мной.

— А ты давай посмейся над собой. Что именно ты хочешь сейчас обсмеять?

— То, что я умничаю.

— Давай смейся. Рассказывай про эту умницу саркастически, как ты умеешь. Она вот тут сидит, а ты смейся над ней.

— «Ну, чего ты выпендриваешься, скажи мне? Пытаешься спрятаться и думаешь, что никто не узнает, какая ты на самом деле? И поэтому ты пытаешься умничать, пытаешься цеплять, опускать или наоборот поднимать. Но поднимать тебе сложнее, тебе лучше опускать. Это тебе привычнее, тебе от этого очень хорошо. Ты чувствуешь состояние превосходства, что ты лучше других. А когда ты чувствуешь, что ты хуже, то тебе очень плохо. И чтобы не допускать того, что ты хуже, ты будешь стараться защищаться».

— Быть лучше.

— Да. Ты защищаешь это состояние «хуже», поэтому пытаешься казаться лучше.

— Так, а быть хуже чего ты боишься?

— Хуже всех.

— А что это значит «хуже»? По какому параметру?

— Ну, каждый же что-то отражает. Да? Вот хуже там… Ну, я не знаю.

— Всего. Да?

— У меня это состояние «хуже» очень сильно. То есть я хуже всех.

— Выбери здесь кого-нибудь. Вот Инна, например. Чем ты хуже ее или лучше?

— Чем она хуже Олега? Чем хуже Инны? Вот у нее есть аргументы. Раз она себя ассоциирует по критерию «хуже», то она найдет то, в чём хуже Олег.

— Мне чего-то так плакать хочется.

— Плачь. Плакать хочется, а не плачет. Выпендривается.

— Сегодня еще никто не плакал.

— Хуже Олега я в том, что у него есть какая-то очень естественная, непринужденная веселость ребенка. То есть мне нравится, как он смеется, как он веселится. У него в этом смысле очень классно получается. Инна лучше меня тем, что она проявляет эту маленькую девочку, которая чувствует маму и может к ней прижаться. И я вижу, как у нее это получается. Мне это очень сложно…

Так, чем Надя меня лучше? Она очень ответственна перед своими детьми, в этой реальности она достаточно хорошо утвердилась, будем так говорить. Она хорошо стоит на этой земле, достаточно прочно. Вот в этом смысле она меня лучше. Юра, он как бы тоньше меня. Когда мне достаточно тяжело бывает с людьми объясниться, он всегда пытается показать мою вторую сторону и в этом смысле очень хорошо меня гармонизирует. У Антона есть какая-то искренняя уверенность в себе, идущая из того, что мама его принимала таким, какой он есть. Эта уверенность не напускная, а очень естественная и она мне очень нравится. Варя очень красивая женщина, мне очень нравится. Красивая и всё. Салия… Я очень боюсь показаться дурой, а она очень уверена в своей чувствующей части. Это то, чего у меня нет. Она вот так чувствует и это ее мир. И ей всё равно, как мы на это реагируем. Она молодец в этом смысле. Лиля меня восхищает тем, что она может выслушать любого с интересом. Потому что если у меня нет интереса к человеку, то чего бы он не вываливал в любой форме, мне по фигу. То есть я не буду слушать, если он мне не интересен. А у нее есть интерес к любому человеку.

Так. Таня чем мне интересна? Наверное, своей какой-то настойчивостью. Я не знаю, насколько она меня здесь лучше. Мы с ней очень похожи в настойчивости, наверное, мы здесь на равных. Я не знаю, в чём она меня лучше. То, что мы похожи с ней, я вижу по настойчивости в сильной жалости к себе. Даша меня восхищает тем, что она лучше меня умеет душу других национальностей принять в себе и это развить. Я увидела, что это грани ее души и настолько она красива в этом, что просто удивительно! Мне она очень симпатична с первого семинара. Она умеет говорить так, что это очень трогает. Даже язык ее как сочный фрукт. Настолько это замечательно, что просто удивительно! Света мне нравится и восхищает меня тем, что она очень чувствующий человек. Она настолько трепетно относится к любому твоему состоянию, что принимает тебя как бы

разной. И в этом я хуже ее. А Леша лучше меня выносит мозги. Я ему уступаю это место, пусть выносит дальше.

Так, Ольга. Здесь мне очень сложно почему-то. Я всю жизнь мечтала закончить медицинский институт, быть профессиональным медиком и преподавать, как бы знания передавать. То есть ты можешь быть там, где я всю жизнь хотела быть. Так, Людмила. В чём она меня лучше? Мы очень похожи во многих моментах. Но она лучше меня тем, что наладила отношения между женщиной и мужчиной. Она не одна. При том, что у нее очень сильный и ментальный уровень и всё остальное, тем не менее она не одна. Наташа. Наташа намного меня лучше. У нее как бы есть это «лучше» и оно меня стимулирует к тому, чтобы его изучить. Она меня лучше в том, что она очень много умеет.

— Ну, а ты лучше тем, что осознаешь лучше меня. Вот.

— Да.

— Всё. У меня как-то состояние изменилось.

— Конечно! Так всё, что ты говорила, ты говорила о себе, между прочим. Это всё ты. Так ты лучше, чем кто?

— На самом деле эта часть защищалась.

— Да.

— И она этими нападками…

— Смехом, подъебками она не говорила. Ты ее не показывала. Ей слова не давала, да?

— Да. Мне сегодня вообще как-то жутко.

— Сейчас ты проговорила восхищение. Не подъебки, а восхищение. И эта часть признана. Да, она такая.

— Самое интересное, что ты проговорила всё это про саму себя. Ты не можешь видеть и никто не может видеть ничего, кроме самой себя. Поэтому всё, что ты сейчас перечислила, совершенно точно о самой себе.

— Александр Александрович, я поняла. Я когда начала говорить, то подумала: «Надо мне это в себе принимать, я как бы это и есть». Но как только я начала что-то с собой делать, то оказалось, что оно не на раз происходит.

— Тебе нравится, ты заняла эту позицию. Ты сейчас рассматривала, кто лучше тебя. То есть ты считаешь, что все лучше тебя, а ты плохая совсем.

— Да.

— У тебя видишь, какой образ-то? Совсем плохой.

— Да. Очень плохой.

— Но при этом всё, что ты проговорила о других людях, касается тебя. Так тебе надо увидеть всю эту многогранность себя. Многогранность во всех этих качествах, которые ты сейчас очень точно определила. Это всё ты. Вот плохая ты и плохая и никак не можешь объять в себе это хорошее.

— Ты сейчас обо всех сказала. Но ты боишься, смотри.

— Я боюсь.

— Ты очень боишься именного того, что тебе скажут.

— Хочешь продлить возбуждение.

— Да.

— Тебе нравится, что ты плохая. Ты от этого всё время отталкиваешься. Тебе очень сложно принять то, что ты хорошая. Хорошему очень сложно принять то, что он плохой, а плохому крайне сложно принять то, что он хороший.

— Я этого и боялась, что сейчас начнется опрос.

— Так дело не в опросе, а в готовности принять от своих частей. Мы твои части. И каждый тебе нечто так же покажет.

— Я тебя буду уравновешивать, не переживай.

— Я знаю. Спасибо.

— Когда Ирина говорила, у меня сразу вспомнилась ситуация, когда мы на лестничной площадке встретились. Ирина поздоровалась первой. Я сначала шокирован был. И в ней увидел открытость какую-то, легкость, улыбку.

— Веселость.

— Да, веселость.

— Вы ее еще не знаете, это она скрывает.

— У меня сразу эта ассоциация вышла.

— Мне нравится в ней уверенность жизненной позиции.

— Она уверена, что она сволочь. Правильно. И это еще самое легкое, что можно сказать.

— Уравновесило. Спасибо.

— Я хочу сказать, что Ирина, как я ее воспринимаю, тонко чувствует чужую боль. Она готова помочь человеку даже в ущерб своему времени, силам своим. Я ее вижу так.

— Жертвенность.

— Ты слушай и не оправдывайся.

— Я тебя буду оправдывать.

— Ты просто сиди и слушай.

— Она готова сдохнуть на трупе, помогая тому, кому она помогает.

— Я пытаюсь его возбудить.

— Так. Ты это учитывай.

— А я ее ревную. Ее Александр Александрович больше любит, чем меня.

— Я ее люблю?

— Да.

— Я вообще никого не люблю. Я люблю всех безусловно.

— А что такое любовь?

— С точки зрения Славика — вообще ничто.

— Пинт ей больше внимания оказывает.

— То есть она умеет привлечь больше внимания. Этим она лучше каждого из нас сейчас.

— Каждый хочет больше любви.

— Да. Она говорила, чем мы лучше ее, а теперь чем она лучше всех нас.

— А она во мне — самая мерзкая и гадкая. И этим привлекает внимание.

— Честно говоря, я не услышал, какая задача была поставлена. Я что должен говорить?

— Чем она лучше тебя.

— Вот что ты в ней видишь? Чем она лучше тебя?

— Чем она лучше меня и что в ней хорошего?

— Да. Что есть в ней такое, что тебе очень нравится и оно у нее ярко выражено. У тебя это слабо выражено, а у нее ярко выражено.

— И ты ничего не можешь сделать с этим. Понимаешь? Тебе нравится и всё.

— Ну, в ней есть то, что нравится. Когда я увидел ее и познакомился, у меня сразу возникла ассоциация с моей тетей, любимой тетей моей. Она, она…

— Умерла второго мая.

— Нет. Я почувствовал в ней некую трагичность и в то же время отношение к жизни с юмором, что я очень ценю. Потом, когда так и оказалось, то есть противоречий не возникло с тем образом, который я нарисовал, я увидел,

что моя тетя и Ира слишком драматизируют и не любят себя. Тетя — удивительный человек просто, когда она раскрывается после небольшой дозы спиртного. Она настолько захватывает внимание всех, что все замолкают.

— Своей радостью захватывает внимание.

— Она умная, остроумная, легкая, веселая и вообще разная. Но в основном большую часть времени она молчит и в тени. Ну и всё.

— Больше наливай.

— Удивительно! «В тени» — это классно звучит. Это уже что-то новое для меня. Новое то, что я в тени.

— В тени баобаба.

— Да. В тени баобаба. Это вообще супер!

— Это очень относительно, тень не совсем же мрак.

— Да, я понимаю.

— Это относительно того места, которое ты можешь занимать, скажем так.

— Она считает, что она на вершине всё время и в центре.

— Одна сидит.

— Она всё время в тени президента Российской Федерации.

— Спасибо.

— Путин отбрасывает тень на всю страну. А она находится в эпицентре этого.

— А я восхищена Ирой, ее смелостью, умением говорить и умением выделять главное. Такой цепкий ум, в точку всегда фразы. И это очень нравится.

— Такой цепкий, как бульдог.

— На самом деле абсолютная правда, потому что мне принять «хорошо» очень сложно. И ты это уравновешиваешь, поскольку меня просто зашкаливает. Понимаешь?

— Справляешься. Молодец.

— Наверное, Ира, ты умная. И я поверила тебе, когда ты говорила, что ты умная. И согласна со всем тем, что говорят. Но на данный момент я не могу врать — ты мне не нравишься.

— Слава богу.

— Тебе задание было дано лучшее сказать.

— А я говорю то, что чувствую…

— Нет в ней ничего хорошего.

— Я не говорю, что буду всегда так чувствовать. Понимаешь?

— Ты мне даешь надежду. Ну, спасибо.

— Вот когда Салия признает тебя хорошей…

— Ты будешь святой. Всё тогда.

— Свершится нечто: Господь примет тебя в лоно свое. Можешь время от времени ей позванивать и спрашивать: «Салия, как ты ко мне относишься?»

— Один раз практически открылось у нее божественное. И она сразу испугалась. Испугалась?

— То есть ты лучше нее умеешь бояться, что ли? Тебе по задаче сказано говорить, чем она лучше. Так ты справляйся с задачей. Чем она лучше? Внешне она лучше? Одевается лучше?

— Отстань ты, Лена.

— Вот именно. Пошли на фиг! Она — бог. Ты что, богу указываешь? Бог недоволен и всё. Будут тут еще указывать!

— Ира, ты молодец в том, что не боишься. Ты идешь с какими-то генеральными директорами говорить про осознание. Их вообще вышибает, но ты входишь туда и вносишь это не боясь.

— Она так боится, что не может этого не делать.

— Да, я не могу этого не делать. Я открываю дверь «Комсомольской правды»…

— От страха.

— Если он не понимает, я его херачить начинаю и он сразу понимает. То есть всё нормально. Всё правильно.

— У нее есть смелость говорить везде и всем.

— Да, потому что это очень важно.

— Смелость города берет. Она будет открывать новые города. Ее постоянно засылать надо везде. Сначала в Гамбург. Это раз.

— Да.

— И через неделю мы все туда приезжаем и там проводим семинар.

— Ты мне уже об этом говорил.

— То есть ты не смотришь надо или не надо, ты считаешь, что это надо всем. Ты так считаешь и делаешь. Вот эта смелость меня восхищает. Спасибо.

— Меня восхищает в Ирине упорство в достижении своих целей. В частности на этом семинаре умение стремиться к цели и достигать.

— Спасибо.

— Путь к цели выстлан трупами попавшихся на пути.

— Затоптала, что ли?

— Всё вышеперечисленное меня тоже восхищает. Непосредственность эта, экспрессивность.

— Меня восхищает твое незнание китайского языка.

— Но все эти вещи как бы вторичны. Когда я в первый раз увидела ее, меня поразило, что несмотря на эту мужественность, на проявление мужика мощного, всё равно присутствует какая-то женственность и хрупкость. Меня поразила ее манера держать себя по-женски. Вот это восхищает. Яркость женщины.

— Спасибо. Очень приятно. Так легло хорошо.

— Красивая эффектная женщина.

— Спасибо. Большое спасибо.

— Прямо Мерлин Монро.

— Нет, это не тот типаж. Не попал.

— Я больше никого не знаю.

— Хочу проговорить о том, что меня восхищает в Ирине. Это та страсть, с которой она идет по пути вспоминания себя. И ее готовность всегда поделиться тем, что она осознала, поняла. И готовность передать это.

— Спасибо.

— И тебе спасибо.

— Что же о тебе хорошего-то сказать? Чем тебя поддеть-то? Вот слово ключевое, между прочим. Я просто на собственном опыте убедился, как хорошо иногда получить в лоб от Ирины и ощутить кайф. По приезду в Челябинск она очень здорово мне сказала, что я сразу пришел в чувства. Вот эта способность мне нравится. Ну, и многое открылось в связи с ней, открылось из того, что в наших разговорах происходило. Я не знаю, как это качество назвать, но для меня это ценно было и есть и надеюсь, будет. И то, что ты это из жуткой боли, из жуткого страха делаешь, это самое ценное на мой взгляд.

— Спасибо. Спасибо.

— Смелость, какая-то внутренняя красота и непосредственность. Видимо, непосредственность ребенка, который считает, что он есть и об этом можно заявить и сказать.

— Это вообще что-то новое. Мне пока это сложно принять. Про ребенка сложно принять, наверное.

— Александр Александрович, чего сидишь?

— Да…

— Спасибо.

— А мне понравилось то, что она сейчас делала, когда про всех нас говорила. Она легко справилась с этой задачей и всем нам от нее…

— Досталось!

— Досталось, да. Она очень легко выделила главное. Это очень изящный инструмент — интеллект. И тебе очень шло, когда ты при завершении задания успокоилась, сгармонизировалась. Исчезла суета, которая несколько раздражает, потому что мы похожи. Ты стала действительно прекрасной. И когда ты замолчишь и к тебе подбегут и спросят: «Ира, что? Что? Что?» — то ты скажешь и это будет в десяточку. За твою меткость я желаю тебе…

— Уноси готовенького!

— А то все окружающие пользуются твоим острым умом. Надо паузу делать. Просто веско говорить то, что ты говоришь.

— Спасибо.

— Тебе спасибо.

— Я очень много говорила о том, что ты дала конкретно мне на семинаре, о том, что я получила. Но сейчас я хочу сказать, что мне сегодня было удивительно видеть, как ты танцевала на снегу. Удивительно было видеть вот эту восточную грациозную женщину. Я смотрела и мне хотелось смотреть еще и еще. Это было как прекрасное мгновение.

— Короче, в лес сходим для танца «на бис».

— Завтра это будет платно. Сто пятьдесят долларов заплатишь, и она станцует.

— И меня возьмите с собой.

— Тогда ты тоже платишь.

— Хорошо.

— Ну, я подытожу. Скажу я тебе так: не фигня ты, а Ира Петрова. Ну, вот и время скоротали.

— *Спектакля не будет.*

— Вот это что? Конферансье, да?

— *Я и хотела сказать: «Начало конца». Она — начало конца. Всё.*

Кайф спящего

— *Почему спектакля не будет? Как это? Мы деньги заплатили, пришли на спектакль. Давай! Мы смеяться пришли.*

— Выбирай затюканную мусульманскую женщину. Давай.

— *Я сейчас поняла, что родилась наседка. У меня проблема большая.*

— Да ты чего?

— *Да. Я думаю: «Почему я не могу ничего сказать толком?» И увидела с помощью Лены, что я, оказывается, не слышу. А чтобы работать дальше, мне надо слышать.*

— А к лору обращаться не пробовали? Пробки вытаскивает из ушей или аппарат выдает для усиления слуха.

— *Слуховой.*

— *Лучше цифровой. Он, говорят, лучше работает.*

— Да?

— *Да. Цифровой лучше. В аптеках продается. Помогает.*

— *Тут дело не в теле, а в настройке. Она не настроена слушать.*

— *Да. Мне и говорят, что в настройке. Но непонятно мне.*

— Настройка микрофона, который при магнитофоне, который не работает.

— *Блин. Ну и сказал.*

— Проследи причинно-следственную связь.

— *Я думаю: «Почему я не слышу-то?» А не слышу потому, что в этот момент сильно начинаю бояться. Я всегда думала, что боюсь Александра Александровича.*

— Угу.

— Сильно страшно, потому что в этот момент я чувствую страх смерти. Уже говорили про это, что я как будто бы на льду и вдруг подо мной лед проваливается и я сразу оказываюсь в воде, начинаю барахтаться. И мне надо как-то выбраться, жить хочется очень сильно. Есть человек, который мне может подсказать как выбраться, но я не слышу его из-за своей паники.

— А зачем жить-то?

— Кстати, вот хороший вопрос. Жить-то зачем?

— Жить хорошо.

— Да чего хорошего-то? В холодной воде всё время болтыхаешься.

— Живешь и ожидаешь, что у тебя под ногами провалится лед. Ты же в этом состоянии живешь. Тебе нравится жить в этом состоянии хронической опасности перед жизнью, в страхе перед жизнью, когда обязательно произойдет так, что я наступлю и провалюсь. И всё.

— Мне это не нравится.

— «Я в эту ледяную воду попаду и буду барахтаться». Вот ужас!

— И ветер будет уносить слова спасителя.

— Да.

— Южный и северный ветер.

— Так. А почему ты живешь всё время в страхе, что провалишься под лед?

— Ну, просто мне казалось, что подо мной лед. Оказывается, на самом деле не так. Но у меня была полная иллюзия, что подо мной лед и что я проваливаюсь. И это настолько реально!

— Значит, лед есть. Раз лед реален, значит, это и есть твоя реальность, где опасно делать шаг.

— А по воде ты не умеешь ходить.

— На воде я научилась, честно говоря, жить.

— Научилась? Так чего же ты боишься, что лед сломается!

— Ты в спасательном круге ходишь.

— Но в доме у нее, наверное, все галошах. Да?

— На работу в спасательном круге. Везде в нём на всякий случай.

— Да, да. Это точно.

— Она в презервативе ходит. Если что, то сразу надувается так: «пуф-ф-ф».

— Да. Когда речь шла о мужчине и женщине, то я сразу сказку вспомнила «Царевна-лягушка». У меня был опыт, что я…

— Сказку знаю, а лягушку не видели.

— У меня был опыт, что я вылезла из своей лягушачьей шкуры. Так сказать, доверилась мужчине. Но мою лягушачью шкуру-то сожгли, а саму заставили пахать. Вот так вот. Я обратно залезла в эту шкуру.

— Как? Ее же сожгли. Как ты обратно залезла?

— У меня, наверное, еще одна шкура была. Запасная.

— Сколько у тебя шкур! Продай, пожалуйста. Так в чём же проблема? А то уважаемая душа в потемках, как ежик в тумане.

— Хочется сказать, что проблемы нет. Это сразу приходит в голову.

— У нас всё в порядке. Здоровье у нас хорошее, кормят нас хорошо.

— Тем не менее, если бы проблемы не было, то я бы здесь не сидела. Но проблемы не вижу.

— Так шкуру отбирают, что ли? Поэтому так плохо?

— Получается, что шкуру отбирают.

— Вот ты сейчас села на стульчик. С чем села-то? Ведущий еще не начал, еще ничего не произнесено, а ты уже села и сидишь.

— И орет: «Шкуры нет! Шкуру содрали!» Проблему выдумала.

— Вот с чем ты села-то? Ведущий ничего не сказал, а ты уже со своим села. Так?

— Да.

— Получается, что ты ведущего не слышала, а у него может быть какие-то планы были свои. А ты уже начала.

— У нас в планы надо входить.

— А ты как бы уже всё сама.

— В пятилетку ворвалась.

— Да.

— То есть ты свое опять проводишь.

— Да.

— Ты не слышишь ведущего, ты опять проводишь свое. Собственно говоря, ты с этим и села. Говоришь: «Я не слышу». Так ты и не слушала еще.

— Она села и теперь думает, какая же у нее проблема. Сесть-то она села, а чего говорить — не знает. Ну, станцуйте тогда нам, уважьте публику.

— Я села. Получается, что вы видите это всё.

— Так с чем ты села? Что заставило тебя сесть и привлечь внимание уважаемых душ?

— Чтобы она увидела, что ее надо услышать вначале.

— Проблема моя в том, что я не слышу. Я всё время бегу впереди саней, вернее, сани у меня впереди.

— А лошадь сзади.

— Да, лошадь сзади.

— А на фига?

— Ты впереди паровоза бежишь, а потом удивляешься: «Почему со мной происходят те или иные вещи?»

— А паровоз тебя давит?

— Паровоз сзади меня догоняет.

— И под жопу — хрясь! И она еще быстрее бежит.

— А что? Ты не слышишь и не слышишь. И живешь себе замечательно.

— Так это кайф спящего. Понимаете, это кайф. Вот у Юры проблем нет, он их даже определить не может. И уж какое счастье-то великое!

— Слышать-то зачем?

— Зачем тебе слышать? И что ты услышишь, когда ты начнешь слышать? Вот я слышу. И что? Курю от этого.

— Мне же плохо.

— Мне тоже плохо. Я вот слушаю и слушаю это всё.

— У меня сейчас чувство вины огромное. Я зачем заплатила-то?

— Вот именно. Зачем заплатила? Надо что-то получить. И ты пытаешься получить как-то, отработать деньги. Да?

— Да. Я пытаюсь, потому что когда я домой вчера пришла, то муж суп сварил, налил мне и так ласково со мной разговаривал.

— «И я поняла, что зря понесла деньги в холистическую психологию».

— Нет. Я не так не думаю.

— Ну, а зачем? У тебя муж и он суп сварил. И счастье есть и всё есть. Зачем?

— У меня сразу чувство вины.

— Перед кем?

— В том плане, что мне непривычно так.

— Привычно, чтобы он ругался, суп разливал, а ты…

— Вот это результат твоего занятия на семинаре: тебе муж суп сварил да еще и подал. Ты об этом даже и не мечтала.

— Так у тебя, понимаешь, не на семинаре счастье-то произошло. На семинаре вообще какая-то фигня происходит. Надо какую-то проблему решать, а ее еще выдумать надо. И это всё тяжело. А там муж сварил суп и всё. Счастье. Вот я об этом и говорю: вы думайте, зачем идете-то сюда.

— Честно говоря я села, а мне не хочется говорить.

— Вот именно потому, что всё хорошо. Муж сварил суп. Что еще?

— Я увидела, что жизнь моя была бы классная, если бы этих мужчин не было.

— Правильно.

— Да.

— А суп кто будет варить?

— Проблема в том, что все беды из-за мужчин.

— Вот именно.

— Нет, самое главное, что ты это осознала. Тебе вчера муж сварил суп, подал его, а ты осознала…

— Что все проблемы именно от мужчин, которые приносят суп и вообще появляются. Да?

— Если бы это по-другому было, как раньше, когда он тебя обвинял, осуждал, то я еще понимаю.

— Костылем в глаз — это было бы самое то.

— У меня всегда были проблемы, я восстановить никакие отношения не могла.

— Когда мужчины устранятся, ты поймешь, что все проблемы от женщин. Потом ты устранишь всех женщин. И только тогда будет закрадываться мысль, что проблема-то в тебе. Но тебе надо еще проделать длинный путь устранения всего вообще. Надо всё устранить вокруг. Ведь если ты чего-то видишь, ты будешь говорить: «Эта проблема от них».

— Чтобы не сталкиваться с мужчинами, я вышла замуж. Замуж вышла, а всё равно они меня беспокоят.

— Все проблемы от холистической психологии. И ты с ней сталкиваешься. Вот такой мир. Можно только воздать хвалу Богу.

— *Салия, а почему тебя тревожат мужчины? Почему возникает проблема?*

— *Они мне нравятся.*

— Нравятся?

— *А почему тогда проблемы, если они тебе нравятся?*

— Так вот в этом-то и проблемы. Не нравились, так и было бы всё хорошо.

— *Вот у меня же есть муж. Зачем мне остальные-то?*

— Вот именно.

— *Я не понимаю, в чём смысл тогда иметь мне какие-то отношения?*

— Ну, мужики в принципе нужны. Они на заводах чего-то делают. Ты же ездишь на автобусах, а там мужик за рулем. Понимаешь? Вот если бы мужиков вообще не было, то и автобусы не ездили бы. Правда? Каждый что-то вносит.

— *А как они тебе нравятся?*

— *В принципе, я по-разному отношусь к ним. С некоторыми я спокойно разговариваю.*

— *А с кем не спокойно?*

— *Неспокойно мне с интеллектуальными мужчинами.*

— *С умными.*

— *Да.*

— *А ты не подумала, почему?*

— *Как назло мне умные попадались. И вокруг меня мужчины.*

— *Так ты и пришла в институт, где одни умные мужики.*

— *На кафедре одни мужчины.*

— *Да. Они умные.*

— *Да.*

— *Они тебя возбуждают, что ли?*

— *А?*

— *Она просто не знает, что с ними делать. При этом они ее возбуждают.*

— А ты их пересчитывай: «Раз, два, три». Потом они будут меняться всё время. Вот вчера было два, а сегодня пять. Уже веселее.

— *Нет. Мне с ними общаться хочется.*

— А ты и общайся, но сообщай, что он сегодня второй. По списочку. И веди списочек, галочки ставь.

— *Они под номерами.*

— Да. На каждого мудреца довольно простоты. Они уже будут спрашивать: «А ты каким по списку вчера был?» Будут сверяться. Кто-то захочет попытаться первым стать, тогда они начнут толкаться, влезать в двери, драку затеют. Уже будет интересно. А ты будешь считать. Просто сиди и считай. Тебе вообще больше ничего не надо делать. Они будут тебе взятки давать, дескать, вот я второй, но на самом деле ты мне скажи, что я первый.

— *Что характерно.*

— Да. А ты: «Триста долларов». И только деньги собираешь.

— *Александр Александрович, какой молодец! Ты вообще новую игру даешь.*

— Да. У меня столько игр всяких! Но только кто в них играет?

— *Будешь больше Пинта зарабатывать. Ноу-хау для каждого мира.*

— Да.

— *Супер. Молодец.*

— Я-то молодец. А что толку-то? Всё равно вы в свое будете играть. В одно ухо влетело, в другое вылетело. Даже и не влетело, она же не слышит меня. А все души — они бессмертные в этой бесконечности.

— *Ты переживаешь, что деньги напрасно заплатила. А все сидят и из этого еще извлекают прибыль свою.*

— *Да.*

— Они уже отработали, у них уже прибыль пошла. Ира, ты как свои деньги отработала? У нее уже прибыль пошла, она вчера уже всё отработала.

— *Так я же говорила.*

— *Так никто и не спорит.*

Какой интерес живет в дуальной части?

— *У меня был резонанс на Александра Александровича, когда Даша выступала. И я понять не могла, что со мной происходит. Потому что когда*

Даша говорила, я слушала, мне нравилось, я была в восторге. Но потом почему-то у меня пошел резонанс на Александра Александровича. Я понять не могла в связи с чем это. Я его отношение ко всем чувствую и к себе. Это бережное и заботливое отношение. Но где-то в конце, минут за десять до окончания семинара, у меня начали капать слезы внутрь. Потому что при всех я не могу плакать. И я никак не могу понять, что это такое вообще. Я пыталась разобраться: что это, кто это во мне был? Вначале я думала, что это мужчина. Что авторитет Александра Александровича как бы его подавляет. Но потом я поняла, что у меня мужчина не такой крутой и он вполне принимает авторитет другого мужчины.

— Какой у меня авторитет? Я самый несчастный. Выкидыш реальности.

— Ну, это относительно всё. Потом я увидела, что это ребенок, у которого есть чувство ревности. Получается, что Даша молодец, а я хуже. И захотелось, чтобы родитель в какой-то момент сказал: «Ты тоже молодец». Это тоже было, но это не так важно. Важно было то, что это — моя слабая женщина и ей сложно принять сильного мужчину. У нее запрос на это идет, но в то же время ей сложно его принять. Она не знает, что с ним делать. В моей жизни ситуация такая: был опыт семейной жизни десять лет и он закончился. У меня отошли обиды, обвинения, всё это пережито. Сейчас у меня другой опыт. Я с мужчиной общаюсь семь лет, он любовник, друг семьи. С ним у меня тоже разные этапы были. Когда возникало состояние «я всё готова отдать», то я отдавала и от этого получала. Но потом поняла, что это я уже проходила и мне неинтересно и где-то больно, хотя я прохожу это по чувствам. И показать слабую женщину мне было сложно, потому что страх был, что моя женщина не донесет до мужчины того, что у нее внутри. И сейчас у меня в отношениях с мужчинами такая ситуация: я его приняла, хотя он слабее меня. И у нас много того, чего он мне дает.

— А какой вес поднимает такой слабенький в жиме лежа? И не трогайте Александра Александровича. Александр Александрович — консультант. Общайтесь, пожалуйста, со своей противоположной частью, про которую вы и говорите.

— Вот что я хочу сказать. Сейчас в какой-то момент моя женская часть как бы обвиняла мужчину и говорила: «Да, он слабый. Вот мне с ним здесь хорошо, а вот здесь плохо». То есть на уровне чувственной сексуальной части, на уровне чувственных отношений мне с ним хорошо, а в основном плохо. И я его обвиняла, что он такой. Потом я поняла, что я сама такая. И как бы я приняла и себя такой и его таким.

— Вот два стула. Давай, ведь это всё внутри тебя. Ты сейчас претензии предъявляй другой части.

— То есть это мужчина и женщина. Да?

— Да. И это всё ты. Ты проецируешь на меня сильного мужчину. Меня вообще нет, это твоя проекция.

— Я понимаю, что это моя проекция.

— Вот тогда и говори сама с собой.

— То есть идет страх перед сильным мужчиной?

— Нет. Я как бы обращаюсь к Пинту, я на него проецирую. Но не к Пинту конкретно, а к образу Пинта.

— Понятно. А то Пинт думает, что к нему. Он уже устал от этого, поэтому ставит два стула и говорит: «Разговаривайте сами с собой».

— Сейчас у меня такая ситуация, что моя слабая женщина боится сильного мужчину.

— Вот и хорошо. Вот и разговаривай.

— Она говорит, что тот мужчина, который у меня есть, он не постоянный. Он уйдет тогда, когда я буду готова принять сильного мужчину.

— У тебя есть много всяких мужчин, вот ты и разговаривай с ними сейчас. Твоя слабая женщина хочет поговорить с сильным мужчиной. Пожалуйста, есть возможность. Давай. Какие у нее вопросы?

— Она вообще не готова, в смысле, она не знает, как разговаривать.

— Она не знает. Хорошо. Может, тогда сильный мужчина хочет у нее что-то спросить?

— Может быть вместо пары «сильный мужчина и слабая женщина» взять пару «умный мужчина и глупая женщина»? Проще будет.

— Нет, я не могу сказать, что она глупая.

— То есть она не может выразить то, что чувствует.

— Она умная, но больная.

— Она не понимает своих чувств и их выразить сложно. Вот что у тебя? В чём сила, в чём слабость? В чём он силен?

— Он шарик надуть за один раз может?

— Или он именно жим штанги делает?

— У нее идет такое чувство, что она как будто бы не соответствует сильному мужчине.

— И хорошо. Начни уже разговор друг с другом, а то всё какие-то монологи.

— *У меня есть образ конкретно сильного мужчины.*

— Хорошо, сядь вот на тот стульчик, там сидит сильный мужчина. И может у него какие-то вопросы есть. А то они никак не могут начать разговаривать. Эта бредит сама по себе, а этот вообще неизвестно где. Давай, садись, может он чего-нибудь и выдаст.

— *Ты их опиши хотя бы.*

— Нет, не надо описывать. Надо сесть. Сесть на стульчик сильного мужчины. И он нам расскажет о том, какой он сильный, в чём он сильный и так далее. А то вообще непонятно. И эта женщина, если она слабая», то в чём слабая? Народ-то интересуется. А то непонятно.

— *Я — слабая женщина.*

— Да, ты слабая женщина.

— *Я слабая женщина.*

— Ты слабая женщина.

— *Я ощущаю страх перед мужчиной, перед его интеллектом. Но получается, что это мой мужчина ощущает страх.*

— Да не надо этого!

— *Не делай выводов. Просто разговаривай.*

— Вот ты слабая и рассказывай о своей слабости.

— *То есть ты говори: «Я боюсь разговаривать с тобой».*

— *Да. У меня, у женщины, интеллект слабый…*

— *Да не определяй. Ты говори, просто говори.*

— *Нет. Мне всё равно нужно определить образ свой.*

— Кому нужно? Ты войди в образ этой женщины.

— *Выпусти ее.*

— Кому «тебе» надо войти?

— *Вот смотри, тебе сложно почувствовать слабость. Тебе предлагают: «Сядь на стульчик сильного мужчины».*

— Нет, самое сложное в том, что она всё время абстрагируется. Она говорит о слабой женщине, но непонятно, кто это говорит. Так вот ты и есть эта слабая женщина. Она никак не может допустить, что это она и есть. Вот в чём ее сложность-то.

— *Так поэтому она и чувствует эту силу. Так ты сядь.*

— Нет. Я не хочу туда. Я это знаю.

— И тогда ты будешь разговаривать с этой слабой женщиной. Какое у него отношение к этой слабой женщине?

— Да она не может войти ни в того, ни в другого.

— Я слабая женщина, я боюсь интеллекта мужчины. Я не хозяйственная. Я боюсь, что сделаю дома что-то не так, допустим, приготовлю не то, что ему нравится.

— «Я — плохая хозяйка».

— Да, я плохая хозяйка.

— Вот. Это уже хорошо.

— Я вообще обвиняю мужчину постоянно. Я не удовлетворена собой, но обвиняю мужчину и при этом лью слезы постоянно.

— Вот. А в чём ты обвиняешь мужчину?

— Я обвиняю мужчину в том, что он мало заботится обо мне.

— Убогой.

— Материально меня не обеспечивает и даже не предлагает свою помощь.

— Так.

— Вот я так и живу.

— А он вообще знает об этом?

— Он не знает об этом.

— Поэтому и не заботится. Он вообще о тебе не знает, поэтому и не может заботиться.

— «Потому что я женщина настолько слабая, что мне сложно попросить у мужчины».

— Она голоса даже не подает. Они вообще незнакомы.

— Я ему сказать об этом не могу. Я от этого очень мучаюсь, потому что не могу проговорить. А потом его в этом обвиняю.

— Ты ему скажи: «Дядя, дай сто долларов». Вот прямо так: «Дядь, дай сто долларов!» Он хоть заметит, что кто-то тут ходит.

— Разговаривай с мужчиной.

— Выскажи.

— Наберись храбрости и говори ему обо всём.

— Выскажи ему свою боль, обиду, всё-всё.

— Теперь сильный мужчина. Он-то что делает? Интересно. Давай, садись.

— *Он-то хоть слышит?*

— Он не слышит, у него свои сильные дела. Давай: «Я сильный мужчина…»

— *Я сильный мужчина. Я занят с утра до вечера. Я не замечаю, что тебе надо, в чём у тебя необходимость. Всё нормально. Ты довольна.*

— А чем сильные мужчины занимаются-то?

— *Мужчина занят работой.*

— Какая у него работа?

— *Он зарабатывает.*

— Миллион зарабатывает. Кассиром?

— *Он бухгалтер.*

— Кассиром?

— *Нет. Он уже этот этап прошел.*

— А кто он?

— *Он зарабатывает, он растет профессионально. У него другая забота.*

— В чём его сила-то?

— *Сила его в чём?*

— *Он умеет хорошо чужие деньги считать.*

— *Так. Сила его в том, что он чувствует уверенность в себе. Его-то силу и чувствуют окружающие, поэтому женщины его считают сильным. Он материально обеспечен, самодостаточен. У него нет каких-то колебаний, у него есть свои интересы, которые он реализует.*

— То есть у него всё в порядке. Да?

— *У него всё в порядке.*

— Тогда зачем ему эта женщина?

— *Он нуждается в женщине как в той, которая просто должна быть. Он с ней удовлетворяет свои сексуальные потребности.*

— Как он удовлетворяет, если они не знакомы? Она ему ничего сказать не может. А он, оказывается, через нее удовлетворяет свои сексуальные потребности.

— *Она ему сказала уже. Она есть. Когда надо, она его удовлетворяет. Она даже там и не пикнет, положено и положено.*

— *Она молча его удовлетворяет.*

— Да. Тихо.

— За миску супа.

— Нет, не за миску супа. То есть это не так, как у Наташи. Я не хочу, чтобы тот сценарий я проигрывала.

— Ну, давай, говори свой.

— А какой у тебя? Мы-то думаем, что у тебя такой же.

— То есть он уделяет женщине внимание, но в той степени, в какой сам считает нужным. Он может ей сделать подарок небольшой…

— Носовой платочек, чтобы она его постирала.

— Да. Или носки грязные.

— Лена, а какой подарок? Рассказывай, что за подарок.

— Ну, он ей дарит коробку конфет или…

— Коробку просто дарит без конфет.

— Дарит цветы. Он дарит ей подарок на восьмое марта, на день рождения и на Новый год.

— Как положено.

— Да. Как положено.

— Три раза в год.

— Да, три раза в год он ей делает подарки. А по выходным он ей покупает шоколадку.

— Шоколадку маленькую.

— Ну, не маленькую.

— Которую сосет весь год потом.

— Шоколадку большую покупает и чувствует, что всё как бы нормально.

— Он сделал всё просто.

— «Я — сильный мужчина».

— Да, он сильный мужчина.

— Он женщине внимание оказал.

— Галочку поставил, внимание оказал.

— То есть он оказал внимание и чувствует, что как бы ничего не должен. А так как он вообще не действует из состояния долга, то и вопросов не возникает о том, что ей надо что-то еще.

— Слушай, вот это интересно. Это локальное Царство Божие в отдельно взятом организме. Ей одной плохо, а ему хорошо. Один целостный, а другая совсем недостаточная.

— *А она-то такая его устраивает? Она вообще в его глазах какая?*

— Это потрясающе! Мне нравится, да. Это полное забвение моей великой теории дуальности. Оказывается, одна сторона может существовать, совершенно игнорируя другую. И будучи при этом, так сказать, в замечательном состоянии.

— *Нет. Тут запоры есть.*

— Так у них нет никакого взаимообмена, понимаете? Это уже какое-то другое мироустройство.

— *Обмен веществ-то есть у них.*

— Да какое там! Этому всё в кайф, а та вечно им недовольна. Но ему ничего не говорит.

— *И она свое получает.*

— Так они вот так взаимодействуют. Понимаешь, одному в кайф всё, а другая даже не подходит, но ей всё плохо.

— *Это и есть взаимодействие.*

— *Он пришел и ее трахнул. Всё.*

— Это выясняется путем долгих длительных годовых рассуждений. Я даже не предполагал, что он ее трахает.

— *Они не разговаривают особенно.*

— Я предполагал, что они вообще не видятся. Она ведь даже подойти не может. Она же не сказала, что он приходит и ее трахает. Оказывается, он приходит и ее трахает.

— *Вот видишь, надо уточнять, потому что не очень понятно.*

— Вообще ничего не понятно.

— *Я сразу сказала. Я сказала, что у меня был страх, потому что я не могу донести до Пинта. Мне это сложно.*

— *А этому сильному мужчине и не надо ничего доносить.*

— *Не надо. Да.*

— *Он может общаться с ней, но то, что у него внутри, он просто не чувствует. И логически, словами, она до него не доносит, что ей надо.*

— Так смотри. По моему видению должно быть что-то у него не так. И она его к этому толкает всё время. У тебя же вообще получается, что между ними

пропасть и всё нормально в этом смысле. Этого не бывает. Я-то знаю, что этого не бывает. Одна всё время будет стимулировать другого к чему-то. А у вас получается так, что один живет сам по себе и ему совершенно замечательно. И тогда начинаются галлюцинации: «А зачем нам мужики вообще?» Потом мужиков не будет и выяснится, что бабы тут ходят и воняют. И тогда: «Зачем эти бабы вообще?» Потом окажется, что муравьи ползают и тоже нам мешают. «А зачем нам муравьи? Нам вообще ничего не надо». Всё это надо устранить и тогда вдруг станет понятно, что это я сам себя съедаю. Но это же какой эволюционный путь надо пройти, чтобы до этого дойти!

Вы сейчас живете в галлюцинации. Ну, живете и живите тогда. Тогда вам вообще не нужно то, что я говорю. У вас это не так, как вам кажется. Вам хочется идти и всё устранять, устранять, устранять. И только потом в результате этого вдруг понять, что это раздражение на самом деле связано не с мужиками, не с женщинами, не с муравьями, а оно внутри самого себя.

— Тот период, когда я обвиняла всех мужчин вокруг и своего мужа, у меня прошел.

— Мы даже проблему никак не можем установить. У нас нет даже взаимодействия в смысле претензий. Понимаете? С чего-то ведь надо начать. То есть одна часть предъявляет претензии к другой. Ну, с этого хоть как-то можно начать.

— У мужчины раздражение идет на что? Вот он дает женщине то, что должен и может ей дать, как он считает. Его не устраивает, что она постоянно недовольна. Она не проявляет это словами, допустим. Но когда он приходит домой, она проявляет это своим выражением лица.

— Так вот! Есть претензии. А то «он самодостаточный и его совсем ничего не касается». Что за иллюзия такая?

— Это недовольство женщины его очень тяготит, и он раздражается.

— Вот. Оказывается, оно его очень тяготит.

— И угнетает.

— Вот мы и подошли. Так предъявляй претензии к женщине: «Почему ты ходишь нудная всё время? Ты меня достала уже». Вот с этого можно уже начинать.

— Мужчина говорит: «Когда бы я ни пришел, ты всегда недовольна. У тебя на лице недовольство написано. Оно меня раздражает. Оно мне мешает жить».

— Вот.

— «То есть оно меня угнетает. Можно сказать, даже парализует».

— Вот. Оказывается, ему не хорошо.

— *«Потому что я не могу понять, что тебе вообще надо. Ты словами это не проявляешь, а уловить я не могу, что там у тебя».*

— Вот теперь садись на место женщины и пусть она расскажет, что у нее.

— *Раскачали.*

— *«Ты занят полностью своим миром. Я понимаю, что у тебя интересная работа, у тебя положение определенное на работе. Ты рад, ты доволен этим. А я сижу дома, мне не хватает этого».*

— Чего этого?

— *Нет интереса своего?*

— Ей не хватает чего? Так как она не знает, чего ей не хватает, то у нее и физиономия всё время расстроенная. Чего-то не хватает. А чего, сформулировать не можем. Потому как если сформулируем, то здравый человек скажет: «Ну, так иди и получи это там, где это можно получить».

— *«Вот я сижу дома целый день одна. Я жду тебя. И когда ты приходишь, мне не хватает твоего внимания. Мне хочется, чтобы ты сел, поговорил со мной, рассказал что у тебя на работе происходит. Мне хочется, чтобы ты общался со мной. Мне этого не хватает».*

— Так. А как с ней можно общаться, если она и двух слов связать не может? Поэтому единственное желание этого человека вообще не трогать. Да?

— *Ну, она может связать два слова, у нее интеллект есть. Нельзя сказать, что она вообще без интеллекта. Но она считает, что его интеллект выше и поэтому…*

— Да зачем ему с ней разбираться? У нее такой интеллект, что надо еще веки вечные прождать, чтобы она чего-то сформулировала. Поэтому он трахает и уходит. А что еще делать-то? Она же ничего другого не предлагает. У нее нет ничего. Если бы она хоть спросила: «А как муравьи живут?» Может, он бы ей и начал рассказывать. А она ничего не говорит и не спрашивает. «Ты мне внимание не уделяешь». Какое тебе внимание? Почесать тебе что-нибудь? Чего тебе сделать-то? Вообще непонятно.

— *«Ты мне высказываешь претензии, но я тебя не понимаю. Чего ты хочешь от меня? Какого внимания конкретно? Ты скажи, чего ты хочешь. Ты хочешь выйти из дома, сходить в театр, в кино или в гости? Или ты хочешь, чтобы я с тобой телевизор посмотрел?»*

— «С тобой телевизор посмотрел… Ты сядь и смотри свой телевизор, если тебе нравится. До кинотеатра ты дойти сама не можешь? Мне тебя надо довести до этого кино или посадить?»

— *«Да. Мне непонятно, зачем я тебе нужен, когда ты сидишь дома. У тебя есть возможность пойти куда хочешь. У тебя должен быть свой интерес, вокруг тебя подруги есть, ты можешь общаться не только со мной. Почему я тебе нужен?»*

— Смотрите, вот это «подруги есть, общаться с подругами». Чего с подругами общаться? Что им чесать, попу что ли? Что это за общение такое? Если есть интерес к чему-то, тогда с подругами и в кино и так далее. То есть ищется то, что интересно. А не просто сидим: подруга и я. Вот это типичная жизнь людей, которые вообще не знают, чего они хотят. Тогда надо выпить водки, нажраться, чтобы что-то проявилось. Разбить чего-нибудь, например, стакан. Вот мой интерес. Или блевать, например.

— *«Мне хотелось бы разговаривать с тобой тогда, когда мне интересно».*

— А что именно тебе интересно? Понимаешь, это какой-то непонятный бред. Интересно да интересно. Что именно интересно? Что? Если тебе интересен русский язык, возьми букварь и начни изучать его. Если тебе интересны цифры, возьми арифметику и начни изучать. «Просто, чтобы было интересно. Сделай мне интересно…» Что интересно? Совершенно непонятно.

— *Область интересов мужчины.*

— Что конкретно? Это же надо напрячься и сказать хоть что-нибудь и иметь этот интерес. А его нет, он не наблюдается.

— *То есть интерес у мужчины явно выражен к работе, он там специалист. Да. Вот у него интерес.*

— Он толчки ремонтирует. Ему интересно устройство этих толчков, наконец.

— *А она-то чем занимается? У нее какой круг интересов?*

— *Получается, что у нее нет интересов.*

— У нее вообще их нет. Нет никаких интересов.

— *И у него никаких интересов.*

— *У него к работе хотя бы.*

— *Ну, а область деятельности какая?*

— *Так она сказала — бухгалтер.*

— Что толку в том, что профессия обозначена. Интерес должен быть к чему-то. Если я бухгалтер, так мне интересно, например, какие законы сейчас существуют, как они меняются и так далее. То есть интерес конкретизируется в чём-то и дальше он подкрепляется. «Я читаю газеты, чтобы найти законы, а законы применить в работе». И так далее. Понимаете, это же не просто так человек читает газеты, не просто так смотрит телевизор, не просто так ходит в кино. Если это просто так, то мне это вообще непонятно.

— Ему вообще интересна работа, и законы интересны. Работа, которую он выполняет, ему интересна. Вот.

— Так почему же не говорить об интересе? Почему не говорить о законе тогда? «Вот вчера был принят закон, поправка к тридцать восьмому, так сказать, правилу и так далее. Она меняет всё. И теперь нам надо будет пересмотреть все наши отчеты и так далее». Вот это разговор тогда.

— Ну, да. «Изменилась двадцать пятая глава налогового кодекса».

— Вот.

— То, что касается налога на прибыль, всё поменялось. Всё встало с ног на голову. В смысле, всё изменилось».

— Вот! «И теперь нам надо столько работы провести!»

— «Мне сейчас нужно смотреть и разбираться, пересматривать отчеты две тысячи второго года. Всё это читать, изучать».

— Вот это интерес. Это конкретный интерес, который заставляет человека что-то искать, делать и так далее. Целенаправленно делать, а не просто ворошить газеты.

— А ее этот интерес как-то касается?

— Ее полное отсутствие интереса заключается в том, что ей надо, чтобы кто-то сидел рядом и говорил: «Ты есть, ты есть». А ее нет просто, потому что она не проявляется. Ее просто нет.

— Ее интерес — полностью в нём. Ей важно получить от него, у нее своего интереса нет.

— То есть она — полный ноль.

— Ее интерес в ожидании.

— Дескать, у нее период ожидания. Она ждет его, целый день готовится.

— Вот это и есть реализация ее интереса. А потом склоки, недовольство и раздражение.

— А потом неудовлетворение.

— Ее интерес — раздражаться им. То есть: «Он придет, а я раздражаться буду». Вот в этом и есть ее интерес, между прочим, а не в чём-то другом.

— Он еще не пришел, а она уже придумывает, как будет раздражаться.

— Да. Вот это и есть ее творчество.

— Она не придумывает, как она будет раздражаться, она просто раздражается. Потому что он может прийти в одно в время, а может в другое. И в этот период агрессия на него начинает уже нарастать.

— Я про это и говорю. Она уже придумывает, как будет раздражаться: «Он не пришел в пять минут шестого. Ах, сука такая! Я его ждала. А он пришел в пять минут седьмого».

— Вот. Это и есть интерес, между прочим. Именно это есть интерес. Не надо искать ничего другого. Надо увидеть то, что есть сейчас на данный момент. Всегда что-то есть на данный момент. Даже в мыслях об отсутствии интереса есть интерес к мыслям об отсутствии интереса.

Как происходит усвоение программой интересов матери

— Получается, что у нее основное занятие — это интерес к переживанию недовольства тем, что есть, в ожидании чего-то нового.

— Так смотрите, это просто зачатки, зачатки интеллекта. Зачатки сознания. Они будут развиваться, потом будет что-то еще, еще и еще. И только потом можно прийти к осознанию того, что развилось в результате этих длительных процессов. Сначала идет раздражение. Вот если мы возьмем какую-нибудь амебу и начнем тыкать в нее чем-то, она начнет реагировать. То есть она начнет раздражаться. Если у нее есть ножки какие-то, то она начнет отталкивать, дескать: «Чего вы в меня тыкаете?»

— Она будет сжиматься.

— Да. При этом она не понимает ничего, но как-то реагирует. И ей надо пройти большой путь, чтобы потом сказать неким органом, который сможет сказать, а что она делала, когда ее тыкали. Иначе она ничего говорить не будет, а просто будет отталкивать.

— Я сейчас хочу предложить Наде поговорить с матерью. Ты — маленькая девочка, у которой все интересы направлены на интерес к матери. Надо поговорить с матерью, потому что на самом деле ты образ сильной матери

проецируешь. У тебя мать была и за мужика и за женщину. И сейчас вырастает образ якобы сильного и занятого мужчины. Попробуй поговорить как ребенок с матерью, поговорить из той девочки, которая полностью живет только интересом матери.

— Так вот и смотрите, что такое интерес девочки по отношению к матери.

— *Это уже другой разговор.*

— Фактически, это усвоение ее программы интересов. Вот что это такое.

— *Да.*

— Это интерес по поводу того, а как люди живут, что они проявляют, что ими движет вообще. Дальше происходит усвоение этой программы. И тогда мы имеем на самом деле мать с ее интересами. А интерес матери был в том, чтобы брюзжать и раздражаться поведением отца. Вот самый примитивный, заметьте, интерес. Самый примитивный, но нормальный, так сказать.

— *Очень эффективный.*

— Да. И он дает тоже самое, что и амебе: возможность реагировать на какие-то внешние раздражители тем или иным способом. Он простой. Он не интеллектуальный, там нет никаких понятий или еще чего-то. Просто надо в три часа прийти. А если он пришел позже, то мы будем раздражаться. А чем позже он пришел, тем больше будем раздражаться. Тут уже есть некая интенсивность.

— *Если раньше пришел, тоже будем раздражаться: «Почему не предупредил?»*

— Да.

— *«Я не успела приготовить. Сейчас будешь жрать».*

— «Не успела приготовить». То есть это — игра. Простая такая игра, но она имеет место быть. И уже всё время занято, структурировано.

— *Получается, что программа матери очень ярко передается дочери. И дочь уже попала в путы этого.*

— *И теперь ты просто на мужчину проецируешь. А поговори с матерью…*

— *Нет, я сейчас не готова.*

— *Это как будто бы не взаимосвязано. То есть с мужчиной говорить вроде бы готова, а с матерью не готова. Но на самом деле суть-то одна.*

— Да. Но смотри, для такого рода разговоров требуется иной уровень мышления, когда ты выходишь за пределы этих двух говорящих частей и их рассматриваешь. А мы сейчас наблюдаем что? Что ты даже не можешь выразить

каждую из этих частей в отдельности. То есть нужно еще подойти к такому рассмотрению, сразу не получится.

— И даже предстоящее, что тебе придется жить рядом с мамой, тебя пугает. Как бы дочь боится матери, которая со своей программой опять ее в свои сети заманит.

— Вот сейчас и есть возможность.

— Нет. Во-первых, с матерью общаться по какой причине сложно? Потому что это тот, кто задал программу. Но эта программа предусматривает некое наличие человека, то есть раздражителя, на которого будет такое реагирование. А иначе получается, что две программы с отсутствием раздражителя. Тогда они должны друг для друга быть раздражителями. Понимаете, вот тут специфика. Сама программа предусматривает наличие какого-то отвлеченного раздражителя, например, мужчины. Поэтому и разговор о мужчине. «Он приходит, раздражает и я раздражаюсь». Всё. Игра происходит. Но когда рядом две одинаковые программы, то хочешь или не хочешь, а они будут раздражаться друг другом. То есть нужен мужчина и для той и для другой. Вот они и будут раздражаться. А здесь непонятно. Значит, тогда они начинают раздражаться друг другом. Так получается?

— Да.

— Видя, так сказать, друг в друге одно и то же. То есть там же надо вызвать реакцию и ответ, и тогда придется перестраивать программу. Вот в чём хитрость этого взаимодействия. Но оно же и полезно, потому что приезжая к матери, ты начнешь проявлять другую сторону программы. Например: «Чего ты пришла поздно?» Это по программе, переданной матерью, ты должна говорить сама. А теперь тебе надо говорить совершенно иное — то, что должен говорить тот, который является раздражителем для тебя. Таким образом, ты будешь познавать программу с другой стороны. Вот в этом есть важный момент. То есть ты начнешь улавливать то, что чувствует мужчина, которому ты привыкла задавать эти самые вопросы.

— На самом деле у нее уже и тот и другой опыт есть.

— Да.

— И я сейчас предлагаю тебе говорить, потому что у тебя и то и другое уже есть.

— Если уже есть и то и другое, то почему не говорится об этом?

— Нет готовности вообще начать разговаривать…

— Да. Могу сказать, что я настраивалась вообще на…

— Видишь, у тебя есть ожидания какие-то. Но опять — раз, и недовольство. Так вот это и есть та самая программа. И с мужчинами так же.

— Да, ожидания. Потому что я настроилась, допустим, на одно…

— На холодно и страшно.

— Да. Вот чего я всегда боялась — это темноты, холода и выключенного света в комнате. Это у меня страх ребенка.

— Говори о том, что ты знаешь, что она тебя не видит сейчас, не слышит. Ты говоришь с мертвецом. Говори. Ты не ждешь от нее никаких ответов. Правда? Камень.

— Ты знаешь, мне очень важно тебе это сказать. Во-первых, сказать, что ты мне мать и мне очень важно, что с тобой происходит. И даже если ты мне не отвечаешь, то я понимаю важность этого, важность того, что я говорю тебе об этом.